

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

LE LANGAGE ET LA MENTALITÉ

VI—VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1936 • ЛЕНИНГРАД

Май 1936 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор издания акад. *И. И. Мещанинов*

Технический редактор *К. А. Гранстрем*. — Ученый корректор *Д. С. Лихачев*

Сдано в набор 16 ноября 1935 г. — Подписано к печати 17 мая 1936 г.

346 стр. (1 портрет + 7 фиг.).

Формат бум. 72 × 110 см. — 21³/₄ печ. л. — 23,96 уч.-авт. л. — 44320 тип. зн. в 1 л. — Тираж 3200
Ленгорлит № 7717. — АНИ № 1037. — Заказ № 2990

Типография Академии Наук СССР. Ленинград. В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
В. И. Абаев. Еще о языке как идеологии и как технике	5
С. Быховская. Объективный строй <i>verba sentiendi</i>	19
Виктор Петров. К палеонтологии слова «ляда», «лядина» (<i>land</i>)	43
С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками	79
В. Чернышев. Говор Пушкинского района	105
В. М. Жирмунский. Восточно-средненемецкие говоры и проблема смешения диалектов	133
Л. В. Успенский. Материалы по языку русских летчиков	161
Р. Шаумян. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке	219
Г. Ф. Турчанинов. О категории грамматических классов в кабардинском	227
И. В. Мегрелидзе. Звуковой состав цезского (дидойского) языка	231
С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами	251
В. И. Борковский. К вопросу о применении аналитического яфетического письма для научной записи русских текстов	281

Критика и библиография

Проблемы истории немецкого языка в освещении немецкой диалектографии. <i>М. М. Гужман</i>	287
<i>Karjalan kielen päytteltä</i> . <i>Д. Бубриг</i>	301
Библиографический обзор румынских журналов по филологии и языкознанию с 1921 по 1930 г. — <i>М. В. Сергиевский</i>	305

Хроника

Первая Всесоюзная курдоведческая конференция и проблемы литературного языка курдов СССР. <i>О. Вильчевский</i>	333
Ю. Н. Марр (некролог)	339
40-летие научной и общественно-педагогической деятельности проф. Н. М. Каринского	341
Доклады и сообщения, заслушанные на заседаниях кабинетов ИЯМ с 1 сентября 1934 г. по 1 июля 1935 г.	343

SOMMAIRE

	Pages
V. I. Abajev. Encore une fois sur le langage comme idéologie et comme technique . . .	5
S. Bychovskaja. Structure objective des «verba sentiendi»	19
V. P. Petrov. Sur la paléontologie du mot «ляда», «лядина» (Land)	43
S. P. Obnorsky. La langue des traités des Russes avec les Grecs	79
V. Černyšov. Le parler du canton natal de Pouchkine	105
V. M. Jirmunsky. Les dialectes orientaux de l'Allemand et le problème du mélange des dialectes	133
L. V. Uspensky. Sur le langage professionnel des aviateurs russes	161
R. Šaumian. Les traces des classes grammaticales en agoule	219
G. F. Turčaninov. Sur la catégorie des classes grammaticales en kabarde	227
I. V. Megrelidze. Le système phonétique du tsésien (du dido)	231
S. J. Malov. Des nouveaux documents avec des runes turques	251
V. I. Borkovskiy. Sur la question de l'adaptation de l'alphabet analytique de N. J. Marr à la notation scientifique des textes russes	281

Comptes rendus et bibliographie

Les problèmes de l'histoire de l'allemand éclairés par la dialectographie allemande. Par <i>M. M. Guchman</i>	287
Karjalan kielen näytteltä. Par <i>D. Bubrich</i>	301
Aperçu bibliographique des journaux roumains de philologie et de linguistique parus entre 1921 et 1930. Par <i>M. V. Serguievsky</i>	305

Chronique

Première conférence kurdologique et les problèmes d'une langue littéraire kurde en URSS. Par <i>O. Wilczewski</i>	333
J. N. Marr. Nécrologie (avec un portrait)	339
Célébration de l'anniversaire de N. M. Karinsky	341
Rapports et communiqués faits à l'Institut du langage et de la mentalité du 1-er septem- bre 1934 au 1-er juillet 1935	343

В. И. АБАЕВ

Еще о языке как идеологии и как технике

Статья моя «Язык как идеология и язык как техника», помещенная во II сборнике «Язык и мышление», стр. 33—54, привлекла к себе значительный интерес. В ряде писем и в личных беседах читатели нашего сборника, лингвисты и не лингвисты, поделились своими впечатлениями и высказали свои замечания и сомнения по отдельным вопросам. Эти замечания, в большинстве весьма для меня ценные, убедили меня в том, что ряд положений нуждается в более развернутом изложении, но что основная идея статьи, учение о технизации речи, целиком правильна, выдвинута своевременно и как нельзя лучше отвечает задачам нынешнего этапа развития нового учения о языке.

Что учение о технизации попало «в точку», видно, между прочим, из того, что, несмотря на крайнюю сжатость изложения, переходящую местами в схематизм, несмотря на незначительное количество иллюстративного материала, читатели-лингвисты с полслова поняли о чем идет речь, и если и оспаривают, то не самый процесс технизации, который по общему отзыву подмечен и обрисован в основном правильно, а лишь объем, значение и формы этого процесса в отдельных случаях.

На недостаток иллюстраций жалуются зато читатели — не лингвисты. И я не могу не согласиться, что этот упрек имеет под собой известные основания. Прошло то время, когда вопросами языка интересовался только узкий круг лингвистов-специалистов. Сейчас языковедение стало у нас в Советском Союзе одной из популярных наук. Такое положение оно заняло благодаря революционной теории Н. Я. Марра, поставившего языковедение в центр наук о культуре, и благодаря революционной практике небывалого в истории языкового строительства, развернувшегося на всем пространстве нашего многоплеменного Союза.

Отклики на мою статью лишней раз убедили меня, что в стране у нас, среди самых широких кругов культурных работников, чувствуется огромный голод на теоретические исследования по языку, но что голод этот

и в количественном и в качественном отношении удовлетворяется далеко не достаточно. При таких условиях каждый, кто пишет по вопросам общего языкознания, не имеет, если угодно, морального права ориентироваться только на тесный круг специалистов. Он должен приложить все усилия, чтобы его работа «доходила», была понятна более широким слоям интересующихся языком, всем тем, кто так или иначе, прямо или косвенно приобщился к тому ренессансу языкознания, который связан с именем нашего учителя Н. Я. Марра и который вдохнул новую жизнь в эту хиреющую на Западе с каждым днем науку.

Упрек в недостатке языковых иллюстраций справедлив. Но мне хотелось бы все же сказать несколько слов в свою защиту.

Я сознательно избегал дробить внимание читателя на отдельные иллюстрации и вот почему. Процесс технизации в языке — универсальный процесс, определяющий генеральную линию языкового развития. Иллюстрирование такого процесса отдельными, в конечном счете всегда случайными, взятыми из небольшого круга известных автору языков фактами — было бы, если можно так выразиться, педагогической ошибкой. Оно могло бы дать совершенно превратное представление о действительных масштабах и значении этого процесса. Оно могло бы способствовать тому, чтобы перевести спор в плоскость выискивания казуистических случаев pro и contra.¹

Такой всеобъемлющий процесс, как процесс технизации, надо иллюстрировать не отдельными лексическими и семантическими казусами, а целыми речевыми категориями. И таких иллюстраций внимательный читатель найдет в моей статье достаточно.

Разве не является иллюстрацией технизации языка процесс образования грамматических категорий (стр. 40)?

Разве не является такой иллюстрацией превращение когда-то самостоятельных слов в функциональные частицы — морфемы (там же)?

Разве не являются такой иллюстрацией процессы фонетической, в частности акцентуальной унификации в наиболее десемантизо-

¹ Некоторые мои оппоненты действительно и пошли по этому пути. Если, напр., я говорю, что «чем шире и разнороднее среда обращения, тем уже и технизованнее семантика» (стр. 38), то мне указывают: «а вот вам случай, когда расширение среды обращения не повлекло семантического сужения или даже сопровождалось семантическим расширением». Должен сказать, что когда речь идет об общем направлении языкового развития, подобная апелляция к отдельным казуистическим случаям так же убедительна, как если бы кто-либо стал оспаривать тезис «Волга впадает в Каспийское море» на том основании, что дескать часть Волги выпивается прибрежными жителями и следовательно не вся Волга впадает в Каспийское море... Верно. Есть такие случаи, о которых говорят мои оппоненты. Даже очень много. Я сам на это указываю на стр. 40. И тем не менее... Волга впадает в Каспийское море.

ванных участках лексики: в собственных именах в осетинском, в аббревиатурах в русском (стр. 48)?

Наконец, судьба грамматических именных классификаций (классов, родов и пр.), о которой я говорю на стр. 50, разве не является она ярчайшей, бесподобной иллюстрацией перехода от языка-идеологии к языку-технике?

Среди некоторых лингвистов старой школы статья моя вызвала, насколько я могу судить, известное смущение. Они никак не ожидали, что новое учение о языке получит развитие в этом направлении. Они думали, что мы, ученики Н. Я. Марра, пойдем, главным образом, по линии палеонтологических «крайностей» и благополучно погибнем в этих «дебрях». На этот путь они охотно нас благословили бы: занимайтесь, мол, вы палеонтологией, а мы будем заниматься «обыкновенной лингвистикой». Они не прочь были бы выдать себя за столбовую дорогу лингвистики, а яфетидологов — за экзотическую секту, которая не надолго переживет своего основателя. Все революционное учение Марра, встретившее такой горячий отклик в широчайших массах культурных работников нашей страны, они склонны были рассматривать как какую-то проходящую стихийную напасть, какое-то затмение, омрачившее на время «славную» традицию русской лингвистики — плестись в области теории в хвосте европейской науки.

Мы искренно опасаемся, что этих старомодных лингвистов ждет большое разочарование. Те, кто думают, что со смертью Н. Я. Марра его дело развалится, жестоко ошибутся. Не может погибнуть учение, несущее в себе такую могучую революционную зарядку. Не может погибнуть учение, порожденное величайшим в истории социальным переворотом. Не может погибнуть учение, всеми своими корнями связанное с тем строем, которому принадлежит будущее, — строем социализма.

Нет, учение Марра, новое учение о языке, будет развиваться, обогащаться и шествовать вперед уверенной поступью заложенной в нем диалектики, раскрывая постепенно все богатство скрытых в нем потенциалов и подымаясь на новые высоты теоретического охвата и обобщения.

Мы не собираемся отнюдь обращаться в замкнутую секту, облюбовавшую себе особую область палеонтологии, а все остальные области лингвистики предоставить в ведение запоздалых эпигонов малограмматизма. Напротив, мы претендуем на всю область лингвистики без исключения. И учение о технизации является одним из выражений этой нашей претензии.

Нет такого угла и закоулка лингвистической науки, где не обеспечивала бы нам решительного превосходства наша двусторонняя концепция языка: как идеологии и как техники. Она, эта концепция, вводит нас, как «своих» людей, во все виды и разновидности языкового материала, во все разделы грамматики, не лишая нас инструмента формального анализа и в то же время сохраняя за нами превосходство людей, проникших в тайну становления.

Если спросить, в чем гвоздь нового учения о языке и главнейшая заслуга Марра, то в двух словах ответ заключается в следующем: Марром впервые правильно поставлена и в основном разрешена на конкретном языковом материале проблема становления языка. Что бы ни говорили начетчики и эрудиты лингвистики, каких бы ни извлекали из нафталина «предшественников» Марра, остается неизбылемым, что в старой лингвистике учения о становлении речи не существовало. А создать заново науку о становлении какого-либо круга явлений значит создать заново всю науку об этих явлениях. Это — аксиома для каждого, кто мыслит исторически.¹

Технизация же речи есть изначально один из существенных моментов ее становления.

Язык возникает как первичная форма объективации общественного сознания, общественной идеологии. Но будучи идеологической надстройкой, язык с первых же дней обременен вместе с тем чисто технической функцией, функцией коммуникации. С первых же дней становления языка мы должны поэтому не терять ни на минуту из поля зрения оба аспекта языка: идеологический и технический. Их взаимодействием определяется в основном весь процесс развития языка.

И если палеонтологический анализ позволяет нам вскрыть когда-то актуальные, но впоследствии затемненные и забытые идеологические функции языковых элементов, то учение о технизации призвано как раз осветить процесс затемнения и отмирания этих идеологических функций, процесс раскрытия языка в систему коммуникативной техники.

Ни палеонтология речи, ни учение о технизации, взятые отдельно, оторванно друг от друга, не решают проблемы становления речи. Про-

¹ Н. Я. Марр вложил перст в зияющую язву старого языкознания, когда он писал: «... в индоевропейстике нет конкретного представления о становлении языков, а лишь об установившихся и вполне сложившихся языках, да еще языках исторических эпох» (Предисловие к «Классифицированному перечню печатных работ...» Собр. соч., т. I, стр. 229).

блема становления речи может быть разрешена только палеонтологией и учением о технизации, вместе взятыми.

Но из сказанного вытекает с необходимостью, что для того, чтобы понять и принять учение о технизации нужно предварительно понять и принять язык как идеологию. Первое без последнего не имеет никакого смысла. И вполне естественно, что те, для которых всегда оставалось органически чуждым учение Марра о языке как идеологии, никогда в полном объеме не могут оценить значения учения о технизации речи. Для них язык всегда был только техникой, т. е. системой формальных средств выражения. Для них формальные категории грамматики являются только формальными. Для нас формальное — это результат технизации того, что когда-то было не формальным, т. е. было идеологическим.

Единственный путь преодоления формализма в языкознании — это путь исторического анализа. А в историческом анализе процесс технизации имеет решающее значение. Именно этот процесс формализует языковую систему. Именно он обращает познавательные категории в формально-грамматические.¹

Задача палеонтологического анализа заключается в том, чтобы повернуть «кинофильм» истории языка в обратном направлении, т. е. показать шаг за шагом, как нынешние технизованные, а потому формальные категории грамматики раскрываются постепенно в познавательные категории, отражающие прошлые стадии развития общественного сознания. Но для этого далеко не достаточно иметь общую схему чередования стадий: тотемической, космической, технологической и т. п. Если бы развитие всех языков определялось только этой общей схемой, то классификация языков казалась бы по своей простоте детской забавой. На деле же удовлетворительная с точки зрения гносеологической классификация языков оказывается делом исключительно трудным, почти невозможным. Почему? Именно потому, что в жизни языка действуют закономерности не одного, а двух родов: закономерности языковой идеологии и закономерности языковой техники. И конкретные формы взаимодействия этих двух видов закономерностей допускают такое беспредельное многообразие языковых типов,

¹ Мне было особенно приятно услышать от некоторых молодых работников, занятых разработкой вопросов грамматики, что статья моя помогла им лучше уяснить взаимоотношения формального и логического в грамматике исследуемых ими языков и уберегла от перегибов в сторону чрезмерного логизирования языка, в которое они невольно впадали, отталкиваясь от формализма.

что уложить их в какую-либо упрощенную «стадиальную» схему — задача совершенно неосуществимая и просто ненаучная.¹

Мы говорим: язык есть идеология, и в то же время утверждаем, что языки не могут быть классифицированы как идеологии. Мы говорим, что глоттогонический процесс един, и в то же время решительно отказываемся от того, чтобы нанизать все языки мира на одну нитку с закреплением за каждым из них определенного порядкового номера стадиальности. Получается как будто противоречие. Но это противоречие несколько нас не пугает, потому что мы отлично знаем, откуда оно происходит: оно обязано своим существованием технизации речи. Учение о технизации не снимает, а дополняет и развивает учение о языке как идеологии, и, повторяю, не может быть вообще понято иначе, как в связи с последним.²

Мне указывалось, что говоря об языковой идеологии, в противоположность языковой технике, я близко подхожу к старому учению о так наз. «внутренней форме» языка и что эту близость мне следовало отметить. Я согласен, что мне следовало коснуться «внутренней формы». Но только для того, чтобы поставить вопрос, не следует ли нам изгнать этот термин из нашего обихода.

Когда W. Humboldt вводил понятие «внутренней формы» языка, им руководила несомненно смутно почувствованная истина, что за речевыми категориями скрывается какая-то идеология. Это была яркая и блестящая интуиция, которая могла дать плодотворнейшие результаты. Но Humboldt'a она завела только в темный лабиринт Volksggeist'a, из которого он так и не смог выбраться. Здесь именно сказалась порочность его классово-ограниченного мировоззрения.³

¹ Мы не говорим уже об осложняющих картину междуязыковых влияниях, о роли законов социализации и преемственности, которые также в конечном счете характеризуют язык как технику (см. Язык и мышление, II, 41—44). Совершенно очевидно, что в этих условиях отнесение языка, как целого, к одной какой-либо стадии может иметь лишь весьма относительную познавательную ценность. В строгом смысле можно говорить лишь о стадиальной характеристике отдельных элементов языковой структуры. Поэтому, когда говорят, что языки надо классифицировать по стадиям, то это следует приветствовать, как несомненный признак *bonae voluntatis*, но не приходится закрывать глаза на уязвимые стороны такого предприятия.

² Я склоняюсь к мысли, что общее учение о языке, построенное как историческая наука, должно заключать три основных раздела или точнее три основных линии изложения: 1) язык как идеология, 2) процесс технизации, 3) язык как техника.

Преимущества такого построения я надеюсь наглядно показать в подготавливаемом мною очерке нового лингвистического мировоззрения.

³ Можно сказать вообще, что старая лингвистика произвела на свет две яркие идеи, которыми она смыкается с языкознанием будущего: учение о «внутренней форме» и

Можем ли мы взять безоговорочно понятие «внутренней формы», возникшее на почве совершенно чуждой и враждебной нам лингвистической концепции, и перенести его механически в нашу систему? Безусловно, нет. «Внутренняя форма» неприемлема для нас по ряду причин. Прежде всего, термин «внутренняя форма» имеет свою внутреннюю форму, которая нас совершенно не устраивает. «Форму» мы привыкли противопоставлять «содержанию» и понимать как нечто внешнее. Поэтому «форма внутренняя» — для нас логический абсурд. Эта логическая нелепость была очень кстати для идеалистического языкознания, окружая данное понятие завесой иррациональности, мистики, непостижимости. Мы же как раз призваны сорвать с языка покровы тайны и разъяснить его как историческое, а следовательно постижимое явление.

Не случайно язык Humboldt'a, не отличающийся вообще легкостью, становится особенно темным, когда речь заходит о «внутренней форме». Не случайно работы другого лингвиста-философа А. Marty, писавшего много о внутренней форме, так тяжелы по языку (и добавим — скучны), что другой лингвист (O. Funke) сделал их комментирование своей специальностью.

В мистическом полумраке «внутренней формы» могут чувствовать себя хорошо те, кто меньше всего заинтересован в том, чтобы вскрыть реальные, земные корни человеческой речи, кто ищет прибежища в нездоровом тумане Volksgeist'a. Но в этом полумраке нечего делать нам, знающим теперь великолепно, что «внутренняя форма» есть не эманация мистического «народного духа», а реальная, исторически детерминированная в каждую эпоху форма общественной идеологии. Возвращаться к «внутренней форме», имея учение о языке как идеологии, это все равно что зажигать сосновую лучину, имея электрическое освещение.¹

учение о ф о н е м е. В первом мы имеем смутное осознание языка как идеологии, во втором — признание примата семантики в жизни языка. Свое настоящее место и развитие обе эти идеи могут получить только в подлинно историческом языкознании, т. е. в новом учении о языке.

¹ Я сам еще недавно пользовался термином «внутренняя форма», не отдавая себе ясного отчета в том, насколько он стал чужд нашему новому мировоззрению (в статье «К характеристике современного осетинского языка», Яфетический сборник, VII (1932), стр. 76).

С обычной прозорливостью Н. Я. Марр предостерегал от попыток влить новое вино в ветхие меха. «Получить арбу с паровым двигателем, писал он, дело безнадежное и, главное, никчемное, когда жизнь самой науки требует перемещения груза с воза, негодного уже для нашего нового и по темпу и по его путям общественного и материального бытования, на более современное средство передвижения, да еще из старого груза беря товар с осмотрительным выбором, как бы не прихватить никому теперь не нужную ветошь». (Ossetica-

Для нас речь может идти не о противопоставлении одной «формы» какой-то другой «форме» (ибо очевидно, что не в форме, а в содержании здесь дело), а лишь о противопоставлении идеосемантики и техносемантики, т. е. о противопоставлении тех уже известных нам двух сторон содержания нашей речи, взаимоотношениями которых определяется в основном семантическая жизнь, а в дальнейшем и материальная структура языка. Если мы вместо «внутренняя форма» говорим «идеосемантика», то это не простое терминологическое новшество, а необходимый вывод из нашего нового понимания языка как идеологии.

Я считаю, что в наши отношения со старой лингвистикой учение о технизации вносит существенную ясность. В своей первой статье на данную тему я характеризовал учение о технизации, как диалектический синтез грамматизма старой школы с одной стороны и палеонтологии речи — с другой. Речь идет именно о диалектическом синтезе, т. е. таком, когда и тезис и антитезис в снятом виде продолжают пребывать в синтезе. Грамматизм, рассматривая язык как голую формальную технику, оказывается совершенно бессилем разрешить генетический вопрос и поэтому с особенной охотой объявляет его ненаучным (наивный защитный рефлекс). Палеонтологический анализ разрушает, раскалывает, расщепляет грамматику на ее исходные, дограмматические элементы, как физик раскалывает атом бомбардировкой альфа-частиц и показывает, что эти исходные элементы одни и те же для всех языков, что глоттонический процесс един. Учение же о технизации призвано показать, как из этих исходных элементов формируется грамматика, вернее различные системы грамматик. Само собой разумеется, что все, что сделано старой лингвистикой в области описания грамматических систем, не пропадает для нас втуне, а целиком входит в нашу всеобъемлющую концепцию, освещенное по-новому прожектором нашей теории становления речи. Язык во всем многообразии его выявлений разъясняется как историческая категория. И если полное и всестороннее освоение лингвистического наследия прошлого является необходимой предпосылкой успешной работы на новых путях, то учение о технизации по самому своему характеру должно, мне представляется, способствовать тому, чтобы это освоение было и более легким и более продуманным.

Jarphetica, II, Изв. АН, 1927, стр. 435). А ведь есть же у нас еще люди, которые эту самую никому не нужную ветوشь, только потому, что она европейского происхождения, считают предельной премудростью, ее же не преидеши! Есть же у нас люди, которые, нагрузившись этой ветوشью, искренне думают, что они стоят на большой, столбовой дороге лингвистики, в то время как эта «столбовая» дорога на наших глазах превращается в глухое захолустье и медленно, но верно зарастает густым и непроходимым бурьяном!..

Я позволяю себе думать, что для тех из лингвистов старой школы, которые хотели бы искренне войти в круг идей нового языкознания, учение о технизации может быть тем мостом, через который им будет легче подойти и понять сущность нового учения о языке. Молодым же «яфетидологам» учение о технизации поможет лучше оценить сущность и достижения старой лингвистики. Или, иными словами: первых оно проведет от языка-техники к языку-идеологии, а вторых — от языка-идеологии к языку-технике.

Н. Я. Марра и его школу упрекают часто в игнорировании заслуг старой лингвистики. Это неверно. Нам в высокой степени импонирует гигантский труд основоположников и творцов так наз. индоевропейского языкознания. Но гораздо меньше почтения, в этом мы должны сознаться, мы чувствуем к эпигонам этого языкознания, которые, по нашему убеждению, не способны уже обогатить науку ни одной свежей и яркой мыслью.

Мы не против старой, а против старческой науки. Мы против культивирования мелких, крохоборческих идей, против создания никому не нужных школок и «направлений» вокруг этих идей, против утомительной и вудной жвачки давно разжеванных истин.

Мы за идеи широкого размаха и крупного плана, отвечающие духу нашей эпохи. Горизонты, которые перед нами открылись, слишком грандиозны и увлекательны, и естественно, что у нас не лежит душа к крохоборству и затхлому формализму.

По поводу моей статьи в сборнике «Язык и мышление», II, некоторые читатели указывали, что она слишком «сгущена», что нельзя такую уйму кардинальных вопросов трактовать на протяжении двух десятков страниц. Может быть это и так. Во всяком случае я далек от того, чтобы умалять заслуги тех, кто пишет толстые книги о незначительных предметах. Но я имею смелость думать, что дело здесь не в индивидуальном стиле того или иного автора, а в стиле всей нашей науки. Наука наша, новое учение о языке, именно сейчас, вместе со всей страной, переживает пору молодости, когда, по выражению Н. Steinhil'я, никакая высота не кажется слишком высокой, чтобы ее достигнуть, и никакая глубина слишком глубокой, чтобы в нее проникнуть. Если эта юношеская смелость и размах нашей науки хоть сколько-нибудь отразились в моей работе, то это ей — лучшая похвала, как бы велики ни были допущенные в ней промахи.

Если лингвистам старой школы трудно освоиться как следует с представлением о языке как идеологии, то для некоторых из сторонников нового учения о языке оказывается наоборот неожиданностью, что язык есть техника. В этом утверждении они видят какую-то опасность для

облюбованного и уже ставшего привычным тезиса, что язык есть идеологическая надстройка. А между тем самая большая и серьезная опасность таится для нас как раз в отрицании языка как техники. Такое отрицание приводит с необходимостью к идеалистической трактовке проблемы национального языка. В самом деле. Идеалистическое языкознание провозгласило: национальные языки существуют, потому что существует *Volksggeist*. Мы говорим: национальные языки существуют, потому что существует процесс технизации (Язык и мышление, II, стр. 42). Если вы видите в языке идеологию и только идеологию и если вы с другой стороны признаете существование национальных языков, пусть не монолитных, пусть многослойных, классово-дифференцированных, но все же единых национальных языков, противостоящих другим национальным же языкам, то вы неминуемо попадаете в объятия *Volksggeist'a*, т. е. мистики, ибо вы признаете существование единых, цельных национальных идеологий, противостоящих друг другу, как национальные.

Националистический угар, охвативший некоторые круги современной Германии, привел там к возрождению, в самой грубой и вульгарной форме, старых теорий о языке, как выражении «народного духа», о языке, как национальном мировоззрении и т. п.¹ С этим связано в дальнейшем деление языков на высшие и низшие. Учение о технизации речи подрывает подбонные концепции в самой их основе. Согласно этому учению существующее распределение языков на земном шаре не имеет и не может иметь ничего общего с распределением идеологий, так как оно представляет «результат многотысячелетнего комбинированного действия законов социализации и преемственности, в которых язык раскрывает себя как техника, а не как идеология» (ЯМ II 44).

Далее, односторонняя трактовка языка как идеологии приводит логически к отрицанию возможности скачка для языков ряда национальностей СССР от родо-племенной стадии, на которой их застала революция, к обслуживанию новой социалистической культуры. Теоретическое обоснование такого скачка возможно лишь на базе учения о технизации (см ниже).

Вот почему мы и берем на себя смелость утверждать, что именно для нового учения о языке и именно тогда, когда оно имеет дело с языками позднейших эпох (национальными языками), а также с языком будущего, учение о технизации является одним из краеугольных камней, без которого неминуемо рухнет вся концепция.

¹ См. напр. L. Weisgerber. Muttersprache und Geistesbildung, 1929; его же. Deutsches Volk und deutsche Sprache, 1935. G. Schmidt-Rohr. Muttersprache, 1933, и др.

Если у Н. Я. Марра мы не находим развернутого изложения учения о технизации, то объясняется это не тем, что он игнорировал этот процесс, а только тем, что на том этапе, отталкиваясь от формального метода, он естественно должен был сосредоточить все усилия на обосновании положения о языке как идеологии и, соответственно, на палеонтологии речи.

Тем не менее идея технизации, хотя и не высказанная *en toutes lettres*, присутствует у Н. Я. Марра, как нечто само собой разумеющееся. Без нее не понять учение Н. Я. Марра о происхождении грамматических категорий. Не понять, напр., как слово «рука» стало в одном случае числительным, в другом — союзом, в третьем — падежным окончанием. Не понять без нее и так наз. функциональной семантики. Мы знаем, напр., что название собаки переносится впоследствии на оленя, на лошадь по общей для них функции средства передвижения. Но мы знаем также, что каждое из этих животных было в первобытных представлениях тотемом, т. е. было окружено целым клубком идеологических («религиозных») представлений. Эти представления, пока они в полной силе, совершенно исключают возможность переноса названия одного животного на другое, ибо такой перенос подрывает самые основы тотемизма. Очевидно, следовательно, что для того, чтобы такой перенос мог иметь место, должно было произойти основательное ослабление и разрушение тотемистических оболочек, должно было произойти перемещение семантического центра к производственной, технической функции данного животного, к его функции средства передвижения. Иначе говоря, должно было произойти то, что мы называем процессом технизации.¹

Ни один сколько-нибудь значительный сдвиг в развитии языка, ни один шаг на пути глоттогонического процесса не может быть разъяснен без учета технизации. Языковое развитие совершается под знаком ведущей роли семантики, под знаком диктатуры содержания над формой. Технизация же есть не что иное, как характернейший и универсальнейший семантический процесс, какой можно вообще наблюдать в языке на протяжении всей истории человеческой речи, начиная от ее зарождения и до наших дней. Мало того, этот процесс будет иметь решающее значение и на путях будущего, на путях созидания единого общечеловеческого языка. И поэтому наша языковая политика должна в учении о технизации

¹ Из сказанного вытекает, между прочим, что функциональную семантику отнюдь нельзя считать чем-то, характерным только для самых ранних стадий развития языка. Будучи одним из выражений процесса технизации лексики, функциональная семантика полностью сохраняет свое значение и для настоящего времени.

найти серьезную помощь в деле правильной ориентировки в конкретных вопросах языкового строительства.

Всякая теория проверяется и испытывается на практике.

Если бы учение о технизации речи было отвлеченной теорией, не имеющей никакого практического приложения, оно не заслуживало бы того, чтобы ломать копыя в его защиту. Но это, разумеется, не так. Занимаясь сам вопросами языковой практики в наших национальных областях и беседуя с другими работниками, я имел случай не раз убеждаться, какое огромное значение имеет при разрешении самых, казалось бы, мелких и мельчайших практических вопросов правильная общая ориентация. Процесс непрерывной технизации, определяя генеральную линию языкового развития, позволяет правильно подойти к таким «большим» вопросам нашей работы по поднятию многочисленных языков страны на подлинно социалистический уровень, как вопросы терминологии, вопросы словообразования и др. В вопросах новой терминологии приходится, напр., сталкиваться с тенденцией создавать термины, максимально отягощенные «внутренней формой», т. е. вызывающие максимальное количество идеологических ассоциаций с другими «родственными» понятиями. Путь явно ошибочный и вредный. Забывают, что сама эта «родственность» между понятиями есть категория историческая и что «родственность», устраивавшая наших предков, может для нас оказаться совершенно чуждой, враждебной, а «родственность», понятная нам, может в свою очередь стать камнем преткновения для будущих поколений, которые будут в данный термин вкладывать уже новое содержание. В свете учения о технизации реакционный характер подобных тенденций выступает совершенно ясно. Учение о технизации вскрывает с полной ясностью, что общая линия языкового развития идет не в этом направлении, не в направлении оживления и гальванизации «внутренней формы», т. е. либо уже изжитых, либо осужденных рано или поздно на изживание идеосемантических оболочек, а, напротив, в направлении разрушения этих оболочек, в направлении концентрации всего семантического упора в ядре, т. е. в технической, специализованной, строго дифференцированной значимости термина.¹

¹ Совершенно не случайно, что там, где реакционные лингвисты оказывались на время руководителями языкового строительства, как это было в одно время на Украине, одной из характерных особенностей их терминологической работы была особая нежность к «внутренней форме». Это они советовали говорить «світич» вместо «лампа», «громовина» вместо «электричество», «неділка» вместо «атом», «копалка» вм. «экскаватор», «далекогляд» вм. «телескоп», «говорило» вм. «рупор», «притичка» вм. «штепсель», «пухирець» вм. «лампа», «витровказ» вм. «флюгер», «прямка» вм. «катет», «протипрямка» вм. «гипотенуза» и т. п. (см. А. Х в и л я. Знищити коріння українського націоналізму на мовному фронті, Харків, 1933).

Процесс технизации является исторической необходимостью и никакие усилия реакционеров языкознания или промахи отдельных недостаточно осведомленных работников не могут повернуть назад колесо истории. Но *fata volentem ducunt, nolentem trahunt*, и само собой разумеется лучше быть в положении *volens'a*, чем *nolens'a*. Лучше, уяснив себе куда идет языковое развитие, помогать и содействовать ему сознательным вмешательством, чем заниматься донкихотскими упражнениями по оживлению «внутренней формы».

Наряду со стремлением к максимальной семантической дифференцированности и точности, к изживанию всяческого полисемантизма, неясности и разнозначности в лексике, морфологии и синтаксисе, нам, советским лингвистам, нельзя упускать из виду ни на минуту интернациональную ориентацию нашей языковой политики. Язык будущего мы мыслим, как единый общечеловеческий язык, и какой бы отдаленной ни рисовалась нам перспектива его осуществления, идея этого будущего интернационального языка уже сейчас должна довлеть над нашими мероприятиями в области языковой политики и определять в значительной мере наше решение того или иного вопроса языковой практики. И здесь опять-таки учение о технизации является той теоретической базой, на основе которой мы можем всего успешнее отстаивать идею интернационализации языка, основываясь на всем процессе языкового развития в его движении от первоначальной множественности языков к их грядущему объединению.

Рассматривая схождения и расхождения между языками с точки зрения идеи интернационализма, мы можем сказать безошибочно: все, что идет в языке по линии технизации, идет вместе с тем по линии интернационализации. Да иначе оно и не может быть. Процесс технизации есть, как мы знаем, процесс разрушения надстроечных, идеологических оболочек, обволакивающих объективно реальные «ядра» понятий и образовавшихся на почве первоначально замкнутых и самобытных языковых сред с их исторически ограниченными формами общественного сознания и идеологии. Всякий выход языка из этой изначальной замкнутости на широкий путь общения и взаимодействия с другими языками сопровождается неизбежно разрушением и исчезновением этих оболочек, т. е. технизацией. Чем интенсивнее междуязыковое общение, тем интенсивнее технизация. И обратно: чем интенсивнее процесс технизации в отдельных языках, тем благоприятнее предпосылки для интернационализации.

В свете учения о технизации падают и разбиваются «теории» о неспособности отсталых, некультурных языков подняться на высший уро-

вень и обслуживать нашу новую, социалистическую практику. Учение о технизации как раз и есть учение о том, каким образом старые формы, отражающие бесконечно отдаленные нормы мышления, технизуясь, приспособляются к требованиям новой общественности и становятся носителями и выразителями нового содержания. Этой замечательной способности языка не положено никаких пределов, а потому нет пределов и способности к росту и расцвету для самых «отсталых», «некультурных» языков.

Новое учение о языке, давая единственно правильное разрешение вопроса о становлении речи, именно поэтому неизбежно становится также, как уже и указывал Н. Я. Марр,¹ «единственной строительной языковедной теорией в путях марксизма-ленинизма». Наша палеонтология не удаляет нас от современности, как некоторые хотели бы изобразить, а, напротив, делает нас ее полноправными хозяевами.

Мы, работники нового учения, напоминаем небольшой отряд, который при всей своей малочисленности и, пожалуй, также недостаточной снаряженности, сумел, однако, благодаря гению своего командира, овладеть главной, господствующей над всей местностью, высотой. Этой командующей высотой является наше учение о становлении речи. Имея в руках эту высоту, мы можем сказать: сражение выиграно. Теперь нам остается подтягивать понемногу резервы и занимать шаг за шагом всю территорию лингвистики, все ее ответственные участки. В лагере старой лингвистики царят разброд и развал. В поисках выхода из тупика мечутся в разные стороны и ударяются во всякие крайности. Там лингвистика не имеет будущего.

Значит ли это, что нам можно почтить на лаврах? Ни в коем случае. Мы являемся пионерами новой науки. А быть пионером в какой бы то ни было области — это значит быть человеком фанатического, неутомимого, героического труда.

Таким именно фанатиком труда был наш учитель Н. Я. Марр. Его пример должен служить нам образцом подлинной научной работы, бескорыстной, самоотверженной, полной энтузиазма и внутренней радости.

Наша наука сделала только первые шаги, правда — шаги гиганта, но все-таки только первые. Впереди стоят еще огромные задачи, которые потребуют от нас напряжения всех сил. Успешное разрешение этих задач даст такие богатые результаты в лингвистике и смежных общественных науках, что сейчас трудно даже оценить их в полном объеме.

¹ ЯФ. Сб., VII, 8.

С. ВЫХОВСКАЯ

Объективный строй *verba sentiendi*

(Предварительный очерк)

Язык есть надстройка, язык отражает мировоззрение говорящих. Но связи и взаимоотношения между мировоззрением и языком весьма сложны: с одной стороны, не все элементы языка в одинаковой форме отражают происходящие в бытии перемены — наиболее непосредственно отражает их лексика, наиболее устойчивы фонетика и морфология; но и не все элементы морфологии изменяются одинаковыми темпами. С другой стороны, старая форма не вытесняется тотчас же появившейся взамен ее новой, а продолжает известное время сосуществовать с нею, и лишь постепенно вытесняется ею. Сосуществование старого и нового выражается наличием дублетов в языке, наличием факультативности форм, т. е. выполнением одной и той же функции двумя формами, которые часто используются для выражения оттенков значения. Пережиточность формы выражается ее «неправильным» употреблением, конечно, не столько в литературном языке, сколько в живой речи людей, не прошедших школу. Все это легко проиллюстрировать на примерах из склонения, грамматического рода и т. д.

Часто старая категория переосмысливается — вкладывается новое содержание, — так случилось с грамматическим родом, который даже рядом ученых-лингвистов рассматривается как классификация по физическому полу, в то время как на самом деле грамматический род был первоначально выражением классификации по категории социальной активности и пассивности. Иногда старая форма сохраняется только в виде окаменелости (местные пад.: «дома», «домой», лат. *domi*, *Roman* и т. д.).

В языке старые формы уживаются с новыми как разные уклады в экономике — одни восходящие, за которыми будущее, другие — как остаток прошлого, обреченные на вымирание; исключения — это не что иное, как или старый отживающий или возникающий новый уклад.

Громадная заслуга Н. Я. Марра, что он впервые четко поставил вопрос об укладах в языке, хотя и не называл их этим именем, что он указал, что в языке сохраняются пережитки мировоззрения таких эпох, от которых никаких других памятников до нас не дошло, и что по этим пережиткам можно восстанавливать это отдаленное прошлое.

Но Н. Я. Марр сумел оценить и использовать эту особенность языка как исторический памятник, как драгоценнейший материал для истории человеческой речи; это дало ему возможность построить учение о единстве языкотворческого процесса, отражающего единство процесса исторического, и это же дало ему возможность построить учение о стадильности языков: речь идет о палеонтологии речи, благодаря которой ему удалось показать взаимосвязанность языков всего мира, их взаимоотношения как отдельных стадий, ступеней единого процесса развития человеческого языка.

Настоящая статья имеет целью показать на одной из особенностей строя глагола связь индоевропейских языков с яфетическими. Речь идет об особой конструкции глаголов чувствования (*verba sentiendi*), называемой Н. Я. Марром объективной конструкцией, т. е. конструкцией с лицом в дательном падеже. Такая конструкция встречается в индоевропейских языках в виде исключения, но господствует, как правило, в глаголах чувственного восприятия в яфетических языках. В настоящей статье мы ставим вопрос, нельзя ли рассматривать эту конструкцию в индоевропейских языках как пережиток в них одного из яфетидизмов. Вопрос требует детального и всестороннего рассмотрения, но даже предварительная разведка показывает определенные контуры связей по этой линии между индоевропейскими и яфетическими языками. Указать эти основные контуры и является задачей настоящей статьи.

В громадном большинстве языков господствует в действительном залоге однотипная конструкция глагола с субъектом в именительном падеже и личным окончанием глагола, согласующимся с ним. По этой конструкции идут такие глаголы, как «сидеть» и «садиться», «слышать» и «слушать», «умирать» и «убивать» и т. п. Несмотря на полное совпадение в их грамматической структуре, приведенные для примера глаголы различны по своему содержанию и отношению имени или местоимения, стоящего в именительном падеже, к процессу, выражаемому глаголом. Так, в предложении «человек сидит» выражается состояние человека, в предложении «человек садится» — действие человека; в предложениях «человек слышит» и «чело-

век слушает» в первом выражается пассивное восприятие доносящихся до человека звуков, во втором — его активное стремление уловить звуки. Точно также пассивность умирающего и активность убивающего выражаются совершенно одинаковой конструкцией предложения: подлежащее стоит в обоих случаях в именительном падеже. В приведенных трех парах предложений в одних случаях грамматический субъект совпадает с логическим или реальным субъектом — так в предложениях: «человек садится», «человек слушает», «человек убивает», так как грамматическим субъектом выражен здесь и реальный действитель. В остальных предложениях имеется расхождение между грамматическим и реальным субъектом, так как слово «человек» вовсе не выражает источника процесса, активно его вызывающего, а или пассивное восприятие или простое констатирование пребывания в известном состоянии.

Таким образом, с точки зрения соотношения между лицом или предметом, с одной стороны, и процессом, выражаемым глаголом — с другой, глаголы, по их семантике, можно разделить на 3 типа: 1) когда указывается, что процесс вызывается субъектом, как «человек убивает», 2) когда констатируется лишь пребывание в известном состоянии — это глаголы состояния и, наконец, 3) когда указывается, что состояние лица является результатом чего-либо или какого-либо воздействия.

Во всех кавказских языках все эти три типа глаголов имеют разные конструкции: 1) с лицом в активном падеже — все глаголы переходные; 2) с лицом в именительном падеже — все глаголы непереходные (как действия, так и состояния) и 3) с лицом в дательном падеже.

Предметом нашей статьи является последний тип глаголов.

Акад. Н. Я. Марр в своей книге «*La langue géorgienne*», 1931, стр. 142, называет разбираемую нами конструкцию объективной и устанавливает типы глаголов, строящихся по ней: «*Les verbes qui suivent la conjugaison selon la structure objective expriment surtout des besoins, des sensations et des affections*», т. е. глаголы, выражающие процессы, не являются результатом волевого акта переживающего их лица; наоборот, само лицо оказывается объектом воздействия этих процессов и потому, понятно, само по себе оно не может стоять в падеже субъекта, т. е. в именительном падеже.

Приводим некоторые из этих глаголов в южно-кавказских яфетических языках. На особом оформлении местоименных элементов, аффиксируемых в глагол, мы не будем здесь особо останавливаться, так как это не имеет непосредственного отношения к нашей задаче. В грузинском имеем:

1 спряжение¹

m-e-sm-i-s мне (m-e) слышится (-sm-i-) то (-s)² = 'я слышу'

m-sur-s мне (m-) желается (-sur-) то (-s) = 'я желаю того'

m-tad-s id.

m-dul-s мне (m-) ненавистно (-dul-) то (-s) = 'я ненавижу то'

m-riam-s мне (m-) верится (-riam-) то (-s) = 'я верю в то'

m-dag-s 'я (m-) ненавижу (-dag-) то (-s)'

m-tir-s мне (m-) надо (-tir-) то (-s) = 'я нуждаюсь в том'

m-din-av-s мне (m-) спится (-din-av-s) = 'я сплю'

m-neb-av-s мне (m-) желается (-neb-av-) то (-s) = 'я желаю то'

m-qon-da мне (m-) имелось (-qon-da), у меня было = 'я имел'

m-kav-s мне (m-) имеется (-kav-) то (-s) (об одуш. предмете) = 'я имею то'

m-gon-i-a мне (m-) думается (-gon-i-a) = 'я думаю'

2 спряжение³

m-i-kvar-s мне (m-i-) люблю (-kvar-) то (-s) = 'я люблю то'

m-i-n-a мне (m-i-) хотение (-n-) есть (-a) = 'я хочу'

m-i-š (← m-i-d-s) у меня (m-i-) имеется то (-š ← d-s) = 'я имею то'

m-i-qm-s мне (m-i-) нужда (-qm-) в нем (-s) = 'он мне нужен'

m-i-kwr-s мне (меня) (m-i-) удивляет (-kwr-) то (-s) = 'я удивляюсь тому'

3 спряжение⁴

m-a-qu-s (← m-a-qun-s) у меня (m-a-) имеется (-qu- ← -qun-) то (-s) (о неодуш. предмете) = 'я имею то'

m-a-qs-ov-s мне (m-a-) помнится (-qs-ov-) то (-s) = 'я помню то'

m-a-kl-s у меня (m-a-) не достает (-kl-) то (-s) = 'мне не хватает то'

Местоименный элемент -s в приведенных примерах является реальным субъектом 3-го лица. Это ясно из того, что в качестве показателя множественности 1-го и 2-го лица появляется -š, показатель множественности

¹ N. Marr. La langue géorgienne, § 145.

² Перевод -sm-i- через 'слышится', конечно, не буквальный, так как в -sm-i- налична только основа. Другой перевод, однако, было бы затруднительно дать. Настоящее примечание относится ко всем переводам основ и в дальнейшем.

³ N. Marr. Op. cit. § 146.

⁴ Ibid., § 147.

реального субъекта, а не -п, показатель множественности реального объекта:¹
 древне-литературный грузинский u-kvar 'ему (u-) любим (-kvar) я' (нулевой аффикс) = 'он меня любит'
 u-kvar-ḡ ему (u-) любимы (-kvar-) мы (-ḡ) = 'он любит нас'.²

Для 3-го лица показателем множественности служит -п, но это зависит от особой трактовки 3-го лица по сравнению с двумя первыми.³

В мегрельском языке по объективному спряжению идут такие глаголы, как ⁴

tan-ua, rtum-eba 'веровать', 'верить'

ḡun-a, ḡv-eba 'иметь'

min-aḡa 'помнить'

ḡog-oḡa 'любить'

ḡḡḡḡin-a 'знать', 'думать', 'полагать'

ḡḡḡḡil-a 'слышать'

koḡ-in-eba 'хотеть', 'желать'

ḡir-eba 'иметь нужду'

mo-ḡḡir-en-aḡa 'проголодаться'

m-1-ḡog-q 'мне (m-1-) любишься (-ḡog-) ты (-q)'

m-1-ḡog-ḡ 'мне (m-1) любитесь (-ḡog-) вы (ḡ)'

kos (← koḡ-s) u-ḡog-s 'человеку (kos, дат. п.) ему (u-) любитесь (-ḡog-) то (-s)' = 'человек любит его'

Та же конструкция этого рода глаголов и в северо-кавказских яфетических языках, среди которых имеются, однако, и исключения: в даргинском языке, напр., по имеющимся у меня данным, по этой конструкции идут только глаголы со значением 'любить', 'нравиться', 'полагать', 'думать' и очень немногие другие. Так в акушинском и урахинском диалектах. В цудахарском с дат. п. идут и глаголы со значением 'видеть', 'найти', 'слышать'.

Ввиду того, что настоящая работа является не более как предварительной разведкой, мы не углубляемся в положение дела в каждом из северо-кавказских языков особо.

¹ См. мою статью «Показатели множественности в глаголе как классовые показатели» в Сборнике АН СССР в честь 45-летия научн. деят. Н. Я. Марра.

² Пример из N. Magg, ук. соч., § 154, также Paradigme XXV.

³ См. мою ук. статью.

⁴ I. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914, § 95 (Материалы по яфетическому языкознанию, VII).

Особая конструкция *verba sentiendi* в яфетических языках была отмечена Н. Schuchardt'ом в его статье «Über den passiven Charakter...»,¹ в которой он указывает, что этот строй является выражением особого содержания глагола, при котором лицо оказывается не активно вызывающим действие, а пассивно его воспринимающим, что и выражается постановкой его в дательном падеже.

После него в литературе ничего существенно нового по этому вопросу не появлялось. Дальнейшие исследователи, исходя из положения Г. Шухардта, пытались только объяснить тот факт, почему разница содержания глагола находит отражение в одних группах языков, не находя ее в других. Из такого рода работ следует особо отметить работы F. N. Finck'a, работавшего, между прочим, специально по кавказским (яфетическим) языкам, и французского кельтолога J. Vendryes, специально ни над яфетическими языками, ни, в частности, по этой их особенности, не работавшего, но которому пришлось в одной статье затронуть интересующий нас вопрос.

Финк в своих двух работах: «Die Haupttypen des Sprachbaus», Leipzig, 1910 и «Der angeblich passivische Charakter des transitiven Verbs»,² как и Г. Шухардт, отмечает различие содержания в этого типа глаголах и, сопоставляя его соответственно с двумя типами нервных путей — центробежным и центростремительным, — все явления (*Vorgänge*) делит на два типа — действия (*Handlungen oder Tat*) и восприятия (*Wahrnehmungen*),³ и соответственно этому делит все глаголы на глаголы действия и восприятия (*Tat- und Empfindungsverben*).⁴

От психологических особенностей народа зависит выявление этих типов в особой форме глагольного строя, — полагает он.⁵ Соответственно делению всех языков на нанизывающие (*anreihende*) и агглютинирующие (*agglutinierende*),⁶ что является отражением соответственно народных характеров — первые — сангвиников и холериков, к которым он относит народы Африки и Океании, и вторые — флегматиков и меланхоликов, к которым он относит народы Азии и Америки,⁷ Финк устанавливает, что вторым свойственно адекватное выражение в языке, в виде особой глагольной конструкции, обоих типов явлений,⁸ т. е. агглютинирующим языкам свойственно точное

¹ Sitzungsberichte der Preuss. Akademie der Wiss., Phil.-Hist. Kl., 1896, Bd. 193.

² Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1907, Bd. 41.

³ Der angeblich passivische Charakter..., стр. 225—226.

⁴ Ibid., стр. 227.

⁵ Die Haupttypen..., стр. 133 и сл.

⁶ Der angeblich passivische Charakter..., стр. 244—255.

⁷ Ibid., стр. 245.

⁸ Ibid., стр. 255, 256.

отражение в глагольной форме глагольного содержания; нанизывающим же языкам — индифферентная форма, из которой, однако, легче всего и мог развиться субъективный, активный глагол.¹ К этому типу, в основном, он относит индоевропейские языки,² хотя и с той оговоркой, что нельзя говорить о правиле без исключений, и что «muss... das Idg. durch ein Zusammentreffen verschiedenartiger Eigentümlichkeiten entstanden sein», предлагая читателю ему поверить, «dass eben dieses nicht Einseitige, diese Harmonie den idg. Typen kennzeichne».³

Навряд ли представляется нам необходимым заняться серьезным опровержением антиисторических, построенных на расовой теории, воззрений Финка. Кроме того, нельзя согласиться с ним и в его отождествлении личной формы *vikvareb* с «безличной» *mkvavs*:⁴ в то время как первая форма вносит оттенок *incohativa*, вторая имеет, как увидим дальше, значение результата завершенного процесса. Нельзя согласиться с Финком и в его толковании морфологического показателя *-s*, которое он считает вспомогательным глаголом «быть», переводя, напр., *mduls* 'mir Hasse ist': *-s* является показателем грамматического субъекта 3-го лица ед. ч., как это ясно видно из спряжения вспомогательного глагола «быть», *v-ag* 'я есмь', *q-ag* 'ты еси', *ag-s* 'он есть', где основой глагола служит *ag-*, а *v* — есть местоименный показатель 1-го лица субъекта, *q* — 2-го лица, и *-s* соответственно является показателем 3-го лица; то же и в другом глаголе, сохранившем показатель 2-го лица, в глаголе «итти»: *val* (← **v-val*), *q-val*, *val-s* 'я иду', 'ты идешь', 'он идет'. Это же *s* неизменно появляется и в других глаголах в настоящем времени 3-го л. ед. ч.: *v-ter*, *ter*, *ter-s* 'я пишу', 'ты пишешь', 'он пишет', только в этих глаголах противопоставление не столь четкое, как в двух вышеприведенных, так как в них отпал показатель 2-го лица *q-*. Все это давно разъяснено акад. Н. Я. Марром в его грузинских грамматиках на русском и французском языках.⁵

Значение *-s* как местоимения 3-го лица подтверждается и тем, что 3-е лицо выражается посредством *m-đul-s* 'он ненавистен мне', *g-đul-s* 'он ненавистен тебе', *s-đul-s* 'он ненавистен ему'. Большую трудность представляет объяснение конечного *-a* в таких глаголах, как *m-šl-a* 'я голоден'. Н. Я. Марр считает его формой глагола «быть», сокращенной из *ars* —

¹ Der angeblich passivische Charakter, стр. 255, 256.

² Ibid., стр. 281.

³ Ibid.

⁴ Ibid., стр. 212.

⁵ Грамматика грузинского древне-литературного языка. Л., 1925. Его же «La langue géorgienne». P. 1931.

‘есть’,¹ что и подтверждается такими выражениями, как *saq̄ni-a* ‘он в доме есть.’

Таким же антиисторизмом, таким же статическим подходом отличается и точка зрения Vendryes’a, высказанная им в статье: «Sur les verbes qui expriment l’idée de «voir».² И он отмечает особое содержание глаголов, выражающих акт чувствования или мышления, делая из этого совершенно неправильные выводы: «Quand il s’agit d’exprimer par un verbe une opération des sens ou de l’esprit, deux points de vue sont également légitimes. On peut considérer le procès comme un acte volontaire, partant du sujet et accompli par lui; ou bien comme un événement extérieur au sujet, qui l’atteint et s’impose à lui».³ Здесь необходимо отметить, что дело не в точках зрения, а в самой объективной действительности: вызвано ли действие данным лицом, или же лицо является объектом не зависящего от него явления. Дальше он приводит обоснование обеих точек зрения — в зависимости от того, говорят ли «j’aime» или «l’amour est à moi», «je crois» или «la croyance est à moi»: «on se prononce entre deux doctrines, qui mettent aux pris deux camps de moralistes ou théologiens. L’amour est-il un acte volontaire dont notre raison doit rester maîtresse ou bien une passion dont nous sommes une victime aveugle et impuissante. La foi est-elle un produit de notre raison éclairée ou bien un effet de la grâce qui souffle sur nous quand il veut? Il faudrait avoir résolu ces grands problèmes pour choisir entre la conjugaison directe et indirecte», т. е. Вандриес, признавая одинаково правомерными две конструкции *verba sentiendi*, объясняет их, в конечном счете, очень сходно с Финком, с тою только разницей, что у него психологические типы заменены типами мировоззренческими, и Вандриес не связывает с такой определенностью, как Финк, тип мировоззрения с «народным духом». При объяснении сосуществования двух разных типов восприятия одного и того же явления и разного оформления этого восприятия в языке нельзя ограничиться, как это делает Вандриес, одним только призыванием закономерности того и другого восприятия, того и другого оформления — в языке нет ничего случайного, как нет и излишней «роскоши». Два типа мировоззрения здесь также ничего не объясняют — это в лучшем случае констатация факта, и притом констатация совершенно неправильная, так как не существует постоянных мировоззренческих типов — миро-

¹ La langue géorgienne.

² Comptes rendus de l’Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres, 1932, стр. 192—206.

³ Ibid., стр. 193.

воззрение обуславливается социальным бытием и в зависимости от него изменяется. Тенденция к переходу «безличной» конструкции в личную в индоевропейских языках, констатируемая самим же Вандриесом,¹ служит доказательством этого; опровержением возможности существования миро-воззренческих типов вне истории служит и наличие дублетных форм в языке, на которые ссылается Вандриес,² и о которых речь будет ниже. Кроме того, перенесение вопроса в область философских учений о свободе воли не дает возможности понять объективный строй таких глаголов, как «видеть», «слышать» и т. п.: если можно думать, что человек может владеть своими страстями и своей волей, то навряд ли можно утверждать, что человек с нормальным слухом и зрением и в нормальном состоянии не услышит доносящихся до него звуков или не увидит появившегося перед ним предмета.

Вопрос о том, может ли религия быть «продуктом просвещенного разума» или «внушенной нам благодати», мы дискутировать не будем.

В заключение нельзя не указать, что навряд ли можно согласиться с Вандриесом в его утверждении «что и в самом грузинском языке глаголы, идущие в настоящем времени по „косвенному“ (indirecte) спряжению, составляют только меньшинство и производят впечатление пережитка».³ Что считать пережитком? Точно так же навряд ли можно согласиться с Dumézil'ем, на которого ссылается Вандриес,⁴ что в сев.-западных кавказских языках, т. е. в языках черкесских, нет «объективной» конструкции — в этих языках ее невозможно проследить, так как в абхазском совсем нет падежей в том смысле, в каком мы привыкли их рассматривать, а в языках убыхском, черкесском и кабардинском всего-на-всего два падежа, прямой и косвенный или, иначе, активный и пассивный, и при *verba sentiendi* лицо стоит всегда в косвенном или активном падеже. Так как этот падеж выполняет функции активного (падеж субъекта при переходном глаголе) и дательного, то невозможно решить вопрос, имеем ли мы дело с объективной конструкцией или с так называемой «пассивной», при которой *verba sentiendi* трактуются как переходные глаголы. Помимо этого, нельзя согласиться с Вандриесом в его переводах «l'amour est à moi», «la croyance est à moi» — более соответствовал бы перевод типа русского «мне нравится», «мне хочется», в переводах же Вандриеса подчеркивается момент обладания.

¹ Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres, 1932, стр. 194.

² Ibid., стр. 194.

³ Ibid., стр. 195.

⁴ Ibid., стр. 195.

Из работ, касающихся «безличного» глагола в индоевропейских языках, без какого-нибудь отношения их к кавказским, мы остановимся на одной из наиболее интересных, как нам кажется, работ, на статье Н. Corrodi «Das Subjekt der sog. unpersönlichen Verben».¹ Хотя объектом исследования автора является немецкий язык, и трудно сказать, обобщает ли автор свои выводы, но, во всяком случае, постановка вопроса такова, что относится к истории безличного глагола вообще. Автор старается подойти к «безличному» глаголу исторически с учетом взаимоотношения формы и выражаемого ею значения.²

Критикуя постановку вопроса об Impersonalia, Корроди указывает, что до сих пор искали для всех них одного общего объяснения, и отмечает, что вопрос о «кажущемся субъекте» (Scheinsubjekt), как *es* в немецком, *il* во французском и т. д., может быть решен «только в конкретном случае, при представлении (Vergegenwärtigung) ситуации можно понять его значение».³ Другую ошибку он видит в том, что до сих пор пользовались исключительно литературными языками, в то время как в живых диалектах безличный глагол находится в движении.⁴ Он указывает, как уже говорилось, на шаблонный (formelhaftes) характер современного языка, на использование уже готовых «формул предложений» без их анализа,⁵ что необходимо учитывать при исследовании безличного глагола.

Корроди приходит к выводу о необходимости различать между психологическими и грамматическими отношениями, стремясь показать, как при устойчивости формы перемещаются понятия логического, психологического и грамматического субъектов, и каким образом предложения, бывшие некогда личными, начинают восприниматься как безличные, а затем, благодаря чисто синтаксическим отношениям, становятся снова личными. Далее, он отрицает возможность существования безличных предложений в логическом и психологическом смысле и признает существование только грамматически безличных предложений, в основе которых всегда лежат «органические образования с субъектом, особенно образования с отношением к точно неопределенному нечто (auf ein nicht näher bezeichnetes Etwas) или к данной ситуации».⁶ По образцу безличных глаголов могут быть и «нелогичные» обра-

¹ Zeitschrift für vergl. Sprachforschung (Kuhn's Zeitschrift), 1925, Bd. 53, стр. 1—36.

² Ibid., стр. 34. «Die Sprache hat formelhaften Charakter; die einmal geprägten Formeln erstarren und erhalten sich, während die zu grunde liegenden psychologischen Verhältnisse beweglich sind und leicht wechseln».

³ Ibid., стр. 7.

⁴ Ibid., стр. 8.

⁵ Ibid., стр. 9—10.

⁶ Ibid., стр. 35.

зования, т. е. образовываться по аналогии новые безличные глаголы от таких глаголов, от которых это образование логически невозможно, как «es arbeitet sich».

Все безличные глаголы Корроди делит на несколько типов; мы остановимся здесь только на интересующем нас, не касаясь всех глаголов в целом, именно, на глаголах¹ чувственного восприятия (Sinnenwahrnehmung: «жжет», «стучат», «пахнет» и т. п.); если источник ощущения неизвестен, говорит Корроди, то ощущение воспринимается не как деятельность (Tätigkeit), а как явление (Erscheinung), глагол становится непереходным и относится не к действующему субъекту, а к данной ситуации: в «es läutet» *es* относится не к источнику действия, а к ситуации; когда такие глаголы перестраиваются на личную конструкцию, то субъектом выражается здесь не источник действия, а носитель явления: «горы синеют вдали» (die Berge blauen in der Ferne). По аналогии с такими глаголами имеются и новообразования: *es menschelet* 'пахнет человеком'² (стр. 14—17). Также глаголы чувственного восприятия с вспомогательными глаголами быть, становиться в соединении с существительным или прилагательным: светло, темно, холодно и т. д. (*es ist hell, kalt, warm*) — здесь *es* относится к данной временной ситуации.³

Особо выделяются глаголы с дательным или винительным падежом лица.⁴ Все эти глаголы он считает субъектными, но субъект можно проследить только в тех глаголах, которые стали безличными на протяжении письменной традиции, и различает в этих глаголах 4 ступени: 1) личное употребление (стр. 18—19), когда глагол выражает воздействующее на нас внешнее действие: «меня жжет (огонь, яд)», «мне грезится (жизнь, добродетель)»; 2) индивидуальный действительный субъект исчезает или не принимается во внимание: «меня жжет», «кусает», «мне грезится» — в таком случае глагол обозначает только явление нашего физического или духовного мира ощущений (Empfindungswelt) — данная ситуация является субъектом;⁵ 3) близка к этой ступени та ступень, на которой явление воспринимается как явление нашего мира ощущений: «мне жжет руку» (*mich brennt es an der Hand* (= *ich habe einen Brand an der Hand*) — само явление становится психологическим субъектом, но еще не грамматическим;⁶ 4) наконец,

¹ Zeitschrift für vergl. Sprachforschung, 1925, Bd. 53, стр. 15.

² К стр. 14—17.

³ Ibid., стр. 17.

⁴ Ibid., стр. 18. и сл.

⁵ Ibid., стр. 17.

⁶ Ibid., стр. 19.

четвертая ступень, когда психологический субъект становится и грамматическим субъектом — «моя рука горит», «я грежу».¹

Часть этих глаголов осталась на первой ступени: такие глаголы, как «меня щекочет», «тяготит», «мучит», «причиняет мне боль» и т. д. — здесь личное происхождение ясно.²

На третьей ступени находятся такие глаголы, как «голодать», «жаждать», «бояться»; «я голодаю» = «мне голодно»; «мне» является психологическим субъектом, так как глагол выражает внутреннее ощущение — в этих глаголах наличие бывшего некогда логического личного субъекта уже нельзя доказать. При слове «холодно» легче понять, что ощущение есть результат внешнего воздействия.³ Третья группа выражает душевные ощущения: «мне досадно», «меня удивляет», «мне хорошо», «плохо» и т. д., или интеллектуальное сознание: «я полагаю», «мне кажется», «мне подобает», «стыдно», «досадно». Внешнее воздействие автор понимает как физическое воздействие; так, давая этимологию *verdriessen*, он присоединяется к Kluge в его толковании общего происхождения этого глагола с глаголом *drängen*; *mir erregt Unwille > ich bin beunruhigt*.⁴

Точка зрения Корроди также отличается тем, что он не учитывает качественных сдвигов в истории мышления и переносит современное мышление на все этапы человеческой истории. Кроме того, он, так же как и другие исследователи-индоевропейцы, не может выйти за рамки индоевропейской семьи языков и сопоставить факты в них с аналогичными фактами в языках других «семейств».

С другой стороны, этого не могут сделать также и исследователи языков яфетических, ограничиваясь рамками языков одной системы. В результате получается статическое исследование, не дающее никакой возможности решить вопрос о безличных глаголах. К этому присоединяется еще особенно резко проявляющаяся в последнее время тенденция к индоевропеизации, если можно так выразиться, яфетических языков, которая ведет к явному игнорированию специфических для них явлений. Так, Deeters в своей работе «*Das kharthwelische Verbum*», Leipzig, 1930, не уделяет этого типа глаголам внимания, хотя они очень характерны для «картвельских» (как, впрочем, и для всех «кавказских») языков. Точно так же и Н. Vogt в своей рецензии на работу Н. Я. Марра «*La langue géorgienne*»⁵ ставит

¹ Zeitschrift für vergl. Sprachforschung, 1925, Bd. 53, стр. 19.

² Ibid., стр. 19—20.

³ Ibid., стр. 20—21.

⁴ Ibid., стр. 20—21.

⁵ Journal Asiatique, 1933, t. CCXXIII. Fascicule annexe. Juillet—Décembre, стр. 143—144.

ему в вину особое выделение объективного строя глагола на том основании, что этим самым глаголы классифицируются по «психологическому принципу» (*notion psychologique*): «Il est en réalité impossible d'opérer, d'après ces notions psychologiques fuyantes, une classification du verbe géorgien, fondée sur des critères grammaticaux objectifs» и одобряет Деетерса и др., элиминирующих в своих работах вопрос об объективной конструкции, одной из характернейших особенностей кавказских яфетических языков.

Приходится только сожалеть, что новейшее кавказоведение сделало большой шаг назад по сравнению со старыми работами Г. Шухардта, совершенно отказываясь от изучения языковой формы в связи с ее значением.

В индоевропейских языках глаголы всех перечисленных типов, как уже говорилось, имеют совершенно одинаковую конструкцию — с подлежащим в именительном падеже. Но в этих же индоевропейских языках встречаются, в виде исключений, некоторые из *verba sentiendi* в особой конструкции, именно, с именем или местоимением в дательном падеже (или винительном): так, в русском языке — «мне кажется», «мне нравится»; в немецком — «es scheint mir», «es gefällt mir»; во французском — «il me semble», «il me plaît», «il me souvient» и т. д. Этими фактами мы отнюдь не думаем исчерпать все случаи этой конструкции во всех индоевропейских языках, а приводим их только в качестве иллюстраций.

Одновременно с конструкцией этих глаголов, непереводаемой на конструкцию с именительным падежом, встречаются и глаголы с факультативными конструкциями: так, в русском языке — «мне хочется» и «я хочу», по значению весьма близкие, почти не отличающиеся друг от друга. Иногда факультативные конструкции используются для разных значений или разных оттенков значений, так, «мне спится» и «я сплю»: первое выражение имеет скорее значение «меня клонит ко сну», но все же сохраняет и значение, общее с выражением «я сплю», напр., в выражении «мне хорошо спится», которое означает то же, что и «я хорошо сплю». В греческом *δοκέει μοι* — «мне кажется» и *δοκέω* с тем же значением, совершенно непереводаемым на русский язык буквально; это же явление и в английском в параллельном употреблении *it seems* и *I seem*. Такого же характера и дублиеты во французском *je me souviens* и *il me souvient* и т. д.

Возникает вопрос: всегда ли так было или перед нами только остатки господствовавшей некогда объективной конструкции этих глаголов, бывшей в прошлом единственно возможной для них. Индоевропейцами эта проблема даже не ставилась, а если бы и ставилась, то была бы для них с их методом изолированного изучения каждой отдельной «семьи» языков, при

полном отсутствии учета типологического состояния разных систем языков, неразрешима.

Если остановиться на предположении, что в индоевропейских языках объективная конструкция *verba sentiendi* всегда проявлялась только в отдельных единичных случаях и была исключением, то тотчас же возникает вопрос: по каким причинам она в них возникала и почему именно в этих глаголах? Предположению, что объективная конструкция этих глаголов есть явление более позднее, будет противоречить неоспоримый факт, что в развитии языка наблюдается «уравнительная тенденция», стремление свести большое разнообразие форм, разнообразные парадигмы все к меньшему их числу. Не останавливаясь сейчас на всех причинах этого явления, укажем только, что многообразие парадигм в значительной мере обусловлено мышлением, вызвавшим различное восприятие тех или иных явлений, мыслящихся разнородными, что и вызывало различное их оформление. С исчезновением этого исчезает и потребность в дифференциации оформления и начинается процесс унификации разных парадигм. Этот процесс унификации в склонении ли, в спряжении ли четко выявляется в развитии языка. Введение новой структуры для некоторых глаголов определенного типа в индоевропейских языках противоречило бы этой бесспорной тенденции, было бы совершенно необъяснимым. Следовательно, это предположение необходимо отбросить. С этой точки зрения необъяснимым было бы и заимствование объективной конструкции, потому что заимствоваться может лишь то, что соответствует данной системе мышления. Кроме того, ссылка на заимствование была бы голой отпиской, пока не установлено, от кого заимствовано и почему. Да вопрос о заимствовании, о влиянии никем никогда и не ставился здесь.

Таким образом, остается только одно решение — признать объективную конструкцию некоторых глаголов в индоевропейских языках «исконной». Но возникает в связи с этим новый вопрос: почему по этой конструкции идут лишь некоторые из *verba sentiendi*, в то время как другие глаголы такого же типа идут по обычной субъективной конструкции. Так как нет никаких данных для выделения по какому-нибудь признаку глаголов, идущих только по объективной конструкции из всей массы этого же типа глаголов, то остается сделать лишь одно предположение: именно, не является ли наличная в индоевропейских языках и обязательная для немногих глаголов объективная конструкция пережитком некогда всецело господствовавшей в этих языках, как и ныне в большинстве яфетических кавказских языков.

В пользу этого говорит как раз и тенденция к исчезновению объективной конструкции, наблюдаемая в индоевропейских языках, одним из признаков которой является факультативность объективной и субъективной конструкций.

Некоторые признаки процесса исчезновения объективной конструкции замечаются и в яфетических языках. Но здесь положение другое: в них, за немногим исключением, как в даргинском, кайтакском и, может быть, некоторых других,¹ господствует объективная конструкция *verba sentiendi* с исключениями из нее, в то время как в индоевропейских языках наблюдается уже другая стадия развития, на которой исключением является именно объективная конструкция. Из этого можно сделать вывод, что в индоевропейских языках мы видим продолжение, близкое уже к завершению того процесса, который в яфетических языках находится только на одной из начальных ступеней. Мы приведем примеры изживания объективной конструкции из наиболее изученного из яфетических языков, грузинского, тем более, что в нем и другие яфетические элементы наиболее сильно исчезают. С одной стороны, в грузинском языке, как в новом, так и в древнем, имеется ряд *verba sentiendi*, идущих по субъективной конструкции: *vq̄edav*, *vnaq̄av* 'я вижу', *v-gr̄dnob* 'я чувствую'; с другой стороны, в современном грузинском языке имеются параллельные образования некоторых *verba sentiendi* по субъективной конструкции, но не факультативные, как в индоевропейских языках, а придающие глаголу несколько иные оттенки. В древне-литературном грузинском языке *verba sentiendi* имеют только времена 1-й группы, или презентные, в современном же грузинском есть уже от некоторых глаголов аористные формы, но образованные по субъективной конструкции: так, *ševikvare* 'я полюбил', аорист при настоящем времени *mkvareš*; аорист, при настоящем времени объективного строя *mešmis* 'я слышу' образуется в форме *višmine* — по субъективному; от глагола «бояться» — настоящее время по объективной конструкции — *mešma* (ново-груз.), аорист — по субъективной — *ševšindī*. Точно так же по субъективной конструкции образуется нечто в роде начинательных глаголов (*verba inchoativa*): *vikvareb* (несколько искусственная форма) 'я начинаю любить', *višmen* «я слушаю, выслушиваю». На это обратил свое внимание и Финк:² «Die Anpassung an die Wirklichkeit

¹ При слабой изученности сев.-кавказских языков трудно говорить более определенно. Также работы К. Услара «Этнография Кавказа» и А. Durr «Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen».

² Die Haupttypen..., стр. 133.

(имеется в виду содержание глаголов) *ist dabei freilich keine vollkommene*; отметив эти «несоответствия», он не заметил, однако, оттенков в их значении. В северо-кавказских языках имеются также отступления от объективной конструкции.¹ Эта «разноголосица» в структуре глагола в яфетических языках, относящихся не к одной только объективной конструкции, приводит в отчаяние исследователей. Так, А. Дирр заявляет, что здесь царит такая пестрота, что трудно говорить о том, какова конструкция глагола в кавказских языках. Между тем, причина этой «несообразности» самая законная: язык находится в вечном движении; с исчезновением осмысления данной формы она меняется, но так как не все части языка изменяются одинаковыми темпами, то часто бывает, что одна часть конструкции обновляется, другая же остается старой. Таких примеров много. Один из них разобран в моей статье «К вопросу о трансформации языка».²

Весь вопрос в том, какой из этих форм принадлежит будущее: победит ли безличная конструкция с дат. пад. лица, или конструкция личная. Ответ на это дает отмечаемый почти всеми исследователями безличных глаголов в индоевропейских языках факт замены их личными конструкциями.³

Таким образом, при сопоставлении с конструкцией *verba sentiendi* в яфетических языках конструкции этих глаголов в языках индоевропейских становится ясно, что имеющаяся в них в виде исключений обязательная конструкция некоторых из этих глаголов по объективному строю есть не что иное, как бывшее некогда на другой стадии развития этих языков «правило», как, впрочем, и множество других «исключений». Эти «исключения» представляют ценнейший материал для установления пройденного языком пути и для провидения будущего пути его развития. Но для этого необходим метод нового учения о языке, рассматривающий каждый язык в аспекте единого глоттогонического процесса, как одну из ступеней развития языка вообще. Заметим, что необходимость привлечения к изучению отдельного языка языков других систем и плодотворность этого привлече-

¹ См. работы К. Услара «Этнография Кавказа».

² ДАН, 1932.

³ W. Haver's, *Handbuch der erklärenden Syntax*, Heidelberg, 1931, стр. 104. «Wir beobachten hier (в Empfindungsimpersonalia, С. В.) in weitem Umfange das Eintreten einer jüngeren persönlich-subjektivischen Ausdrucksweise; so tritt neben *pudet me cin pudeo* im Frz. sagte man früher *il m'ennuie* und *il me fâche*, heute *je m'ennuie* und *je, me fâche*». Точно так же В. Trnka, *On the syntax of the english verb from Caxton to Dryden* (*Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 3), стр. 55—56, указывает на процесс исчезновения объективной конструкции в *verba sentiendi* в английском языке, исчезновение, которому предшествует ее факультативность. См. также О. Jespersen, *The Philosophy of Grammar*. London — New-York, 1924, стр. 161.

ния признаны, так сказать, официально на I Международном лингвистическом конгрессе в Лейдене в 1927 г., но это до сих пор все еще остается только *pium desiderium*.

В пользу нашего предположения о пережиточном характере объективной конструкции в индоевропейских языках говорит и смысл этой конструкции.

Яфетические языки дают нам ключ к освещению спорного вопроса относительно *verba sentiendi*, вопроса о том — безличны ли они изначала, или при них имелся некогда субъект. Глаголы эти в яфетических языках субъектные, с аффиксацией субъекта в глагол; так, *mikvar* 'я люблю' в буквальном переводе значит: мне (*m-i-*) любим (*-kvar-*) тот (*-s*): *-s* есть местоименный показатель субъекта, вызвавшего чувство, и является как грамматическим, так и реальным субъектом. Функция *-s* выявляется из того, что при замене 3-го лица 2-м *-s* исчезает: *mikvar* 'я тебя люблю'.¹ Я уже указывала, что самый показатель множественности *-š* (для 1-го и 2-го л.) выражает активность вызвавшего чувство предмета, так что то, что в наших языках рассматривается как прямой объект, в яфетических языках является субъектом: «я люблю его» в русском языке и «он внушает любовь мне» — в грузинском. Таким образом, в яфетических языках ясно, что в данном случае не может быть речи о безличном глаголе. Но можно ли утверждать, что так же обстоит дело и в индоевропейских языках? Если принять, что объективная конструкция некоторых *verba sentiendi* в индоевропейских языках, являющаяся в настоящее время исключением, есть пережиток эпохи, когда по ней шли все глаголы этого типа, то следует принять и положение, применимое к этим глаголам в яфетических языках, т. е. что их конструкция в индоевропейских языках была первоначально личной; в настоящее же время, с исчезновением той системы мировоззрения, исчезло и осознание особого содержания глагола, и конструкция эта стала восприниматься как безличная.

Уже в настоящей, разведочного характера, заметке можно наметить ответ на вопрос, почему конструкция *verba sentiendi* отличается от конструкции глаголов, выражающих состояние, в яфетических языках — от конструкции глаголов непереходных, хотя и в том и другом случае лицо не вызывает процесса, и речь идет о переживаемом состоянии. Прежде необходимо обратить внимание, что разбираемые глаголы являются переходными глаголами, в отличие от глаголов состояния. Далее, ключ

¹ См. подробнее стр. 25.

к решению вопроса дает, как нам кажется, 3-я группа времен, группа времен перфективных, в южно-кавказских яфетических языках. В этих временах всякий глагол, независимо от его содержания, конструируется по объективному строю и выражает следствие в настоящем законченного в прошлом действия. Н. Я. Марр пишет: «Dans les verbes, qui suivent la conjugaison active, le parfait... exprime une action complètement achevée, dont les conséquences subsistent encore au moment où on parle».¹ Относительно Plusquamperfectum читаем там же:² «Dans les verbes, qui suivent la conjugaison à la voix active, le plusque-parfait exprime également une action, qui est complètement achevée lorsqu'une autre action se produit».

Таким образом, Perfectum midvies 'я положил' имеет значение 'у меня положено'. То же в мегрельском и чанском языках.³ Совпадение конструкции *verba sentiendi* с конструкцией перфективных времен заставляет сделать вывод, что объективный строй глаголов можно рассматривать, как выражающий результативность: в отличие от непереходных глаголов состояния, только констатирующих состояние и не выражающих никакого воздействия на объект, в строе *verba sentiendi* выражается результат произведенного ранее действия, следствием которого является данное состояние объекта.⁴ Отсутствие времен первой и второй группы объясняется этим же, так как в тех и других выражается действие или состояние в настоящем, прошедшем или будущем временах, а не результат действия прошлого в настоящем.

Дательный падеж лица, представляется нам, может тогда найти свое объяснение в том, что этот падеж выполняет в этих же языках функцию местного — направительного падежа, именно, он показывает направленность действия и в то же время наличие его результата в объекте.⁵

¹ La langue géorgienne, § 383, 1.

² Ibid, § 383, 2.

³ См. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914. Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка. СПб., 1910.

⁴ Любопытно, что пишет О. Jespersen, Ук. соч., стр. 269. «It is highly probable that the old Aryan perfect was at first an intensive present or «permansive»; this view is advocated very cogently by Saraw (Festschrift V. Thomsen, 1912, p. 60): «The perfect originally denoted the state: o di I hate, me mi ni I remember, he ste ka I stand, ke kte ma I possess... o ida I have before my eyes. The meaning of perfect was gained by an inference: he who possess has acquired, he who wears a garment has put it on». На стр. 272: «In classical Latin where we had real present passive in: scribitur, the composite form scriptum est is a perfect it is written, i. e. has been written, exists now after having been written».

⁵ Здесь нас поддерживает аварский язык, в котором в целом ряде *verba sentiendi* предмет или лицо стоит в дательном. См. Услар. Этнография Кавказа. Аварский язык.

Но как же мыслился тот, кто внушает то или иное чувство, кто является причиной того или иного чувственного восприятия? Об этом достаточно писал Н. Я. Марр. Но прежде чем обратиться к нему, мы остановимся на уже упомянутом Havers'e,¹ который, опираясь на ряд своих предшественников, говорит:

«Ein weites Gebiet der Personifizierung oder, allgemeiner gesagt, der Konkretisierung ergibt sich für den Primitiven beim sprachlichen Ausdruck leiblicher und seelischer Affektionen oder Zustände. Da der Primitive einerseits eine grosse Unkenntnis der im Naturgeschehen wirksamen zahllosen Bedingungen besitzt, andererseits aber einen lebhaften Drang nach Ursachenforschung, muss sein Denken in weitem Umfange ein mystisches werden, d. h. er muss das Überweltliche ausgiebig als Ursache der ihm unerklärlichen Erscheinungen heranziehen. So auch infolge Unkenntnis der psycho-physischen Organisation bei sich und den Lebewesen seiner Umgebung, wenn es sich um leibliche und seelische Affektionen oder Zustände handelt. Bekannt ist das grosse Heer der Krankheitsdämonen, die sich in der «Volksmedizin» bei allen Völkern der Erde finden. Für die primitive Mentalität gibt es auch einen Dämon des Hungers und des Durstes... Dass auch seelische, insbesondere die Erscheinungen des Gemüts- und Affektslebens einst mit übernatürlichen und dämonischen Wesen in kausale Verbindung gebracht werden, davon haben sich auch in den Kultursprachen noch manche sprachliche 'Versteinerungen' erhalten». Далее следует ссылка на Р. Кретшмер'a (Glotta, 1924, стр. 105): «Es ist eine sprachpsychologisch bemerkenswerte Erkenntnis, dass der abstrakte Begriff bei den Indogermanen aus der plastischen Vorstellung von Dämonen erwachsen ist, die Liebe aus dem Gott der Liebe, die Freiheit, die Gesundheit aus den Göttinnen der Freien, der Gesunden».

Мы привели эту длинную выдержку, чтобы показать, насколько близко можно подойти к решению вопроса о verba sentiendi при отказе от чисто формального метода лингвистического исследования и использовании этнологического материала. Но все же Havers не дошел до конца — его «демоны», так же как и боги Кретшмер'a, — явление весьма поздней стадии развития человеческого мировоззрения, качественно, пожалуй, мало чем отличающейся от современной нам. Акад. Н. Я. Марр доходит до подлинного окончательного решения вопроса, вскрывая мышление, когда не могло быть еще речи об индивидуальных богах, точно также

¹ Havers. Handbuch der erklärenden Syntax. Leipzig, 1931, стр. 103—104.

когда и не было глагольной формы, когда существовало чисто конкретное мышление. В своей статье «Verba impersonalia, defectiva, substantiva et auxiliaria» он пишет:¹ «Die gemeinsame später anders differenzierten Personen angepasste Bezeichnung der Persönlichkeit bezog sich nämlich auf einen konkreten Gegenstand, auf ein handelndes und erzeugendes Wesen, nämlich auf den Totem oder Geist (Genius), wie ihn sich die eigentlich Primitiven vorstellten. Dieser ideologische Überbau der materiellen Basis, der Produktion und der sozialen Verfassung, in dem für uns die Organisation ihres Gemeinwesens personifiziert erscheint, war für das Denken der Primitiven eine durchaus wirkliche kollektive Person. Erst mit dem Fortschritt des Denkens, als die Idee des Totems und darauf die des Geistes ausgelebt hatten, verschwand auch die Vorstellung der kollektiven Person, und sie überliess uns als Erbe, das sich in Form von Relikten erhalten hat, die ursprüngliche Konstruktion der sogenannten ursprünglichen Zeitwörter des Leidens und Unwohlseins, z. B. (volkstümlich): m-a-šiv-eb-s 'ich friere', buchstäblich 'er («-s») mich («m-a-») lässt kalt sein', 'er lässt mich frieren'.

Das ist das ursprüngliche Verbum der historischen Zeit (der begrifflichen Weltanschauung), welche aber in der sogenannten vorhistorischen Zeit (der bildlichen Weltanschauung), keineswegs der Person entbehrte; es war die allgemeine oder kollektive, noch nicht differenzierte Person des Totems, dann später die des Geistes (Genius), deren Umwandlung zum Pronomen damit begonnen hatte, dass sie zuförderst zur Bezeichnung der 3. Person wurde. Dass aber beim Nichtvorhandensein der beiden jüngeren Personen, das heisst der ersten und zweiten, die 3. Person keiner besonderen formalen Kennzeichen bedurfte, ist eine Frage für sich, und lässt sich dieser Tatbestand als Relikt noch in den Eigentümlichkeiten, die die Bildung der 3. Person auszeichnen, verfolgen.

Nun lässt sich begreifen, warum in der ältesten Formbildung des Zeitwortes, in der objektiven Konstruktion, die 3. Person die vorherrschende ist, und diese als das Fundament erscheint, auf dem die Konjugation aufgebaut ist.

Überdies ist es natürlich, dass die Basen der Zeitwörter, die nach der objektiven Konstruktion konjugiert werden, eigentlich Nomina sind, dass sie ursprünglich in Abhängigkeit von der Weltanschauung jener Zeiten Toteme sind oder Geister und Kultobjekte verschiedener Art, kosmische Ernährungsgeister usw., oder ihre Derivate, die als einfache Nomina auf-

¹ Известия Академии Наук СССР, 1932, отд. общ. наук, стр. 723—724.

treten, z. B. «m-tam-s» 'ich glaube', buchstäblich 'der Glaube ist bei mir' (paläont. 'der Totem besitzt mich', 'ich bin vom Totem besessen'). Basis «tam» (paläont. kosmischer Totem — Himmel usw.).

m-tir-s 'es tut mir weh' (paläont. 'der Totem, der böse Geist besitzt mich')

Basis «tir» 'das Böse' 'Pest', 'Unglück', 'Betrübnis', 'Gefahr' (paläont. 'Himmel', 'Totem', böser Geist usw.)

«m-tkur-i-a» 'ich habe Durst', buchstäblich 'Durst ist bei mir' (Übers. paläont. 'ich entbehre Wasser', 'ich habe Anteil am Himmel (Totem)', 'am Wassergeist' (aber auch 'ich schwimme', 'ich trinke', 'ich habe Durst' usw.)

Basis «tkur» (paläont. mater.: Wasser', ideol. 'Himmel' (Totem), 'Wassergeist'.

Es folgt hieraus, dass in diesen Zeitwörtern der Ausdruck der Handlung oder vielmehr, von unserem Standpunkt aus, der des Zustandes mit der Basis zusammenfallen musste, die in ihnen die Gleiche ist... wie auch in den Nennwörtern, ehemals Toteme oder Geister. Auch treffen wir mitunter dergleichen Relikte.'

В объяснении причины возникновения объективной структуры verba sentiendi лежит ответ и на вопрос о причине ее исчезновения — оно является результатом исчезновения вызвавшего ее мировоззрения. Большинство представителей индоевропейского языкознания относится, однако, к исчезновению этого строя глаголов не так: если относительно безличного строя глаголов, выражающих явления природы, как 'гремит', «es donnert», «il pleut» 'идет дождь' и т. п., еще ставится вопрос, что с исчезновением представления о божестве, вызвавшем данное явление, конструкция становится безличной, то относительно «безличной» структуры verba sentiendi элиминируется этот вопрос. Исчезновение данной структуры объясняется все той же ultima ratio, все той же панацеей против разных «непонятных» явлений в языке. Мы имеем в виду аналогию. Для образца приведем одно объяснение из упомянутого выше В. Trnka, данное исчезновению объективной конструкции в английском языке:¹

«The transition of impersonal verbs is accounted for by van der Gaaf (The Transition from the Impersonal to the Personal construction in Middle

¹ On the syntax of the english verb from Caxton to Dryden. (Travaux du Cercle linguistique de Prague, 3), стр. 56.

English. Heidelberg, 1904) as due to the coalescence of the dative with the nominative, which allowed the object. Thus the construction the king pleases to command did not differ from the usual type of the personal predicate and led to the analogical change of me pleases to command into I... please to command. Other facts which may be held to be partly responsible for the transition of the impersonal into personal verbs are of a stylistic nature. Thus the coordination of both verbs under the same subject may have contributed to the change... The analogy of the synonymous verbs which had personal constructions (as love, be ashamed, wish etc.) may have contributed to the transition of impersonal constructions into personal of the synonymous verbs. The change was further facilitated by the fact that a number of verbs were used in both constructions, so that the transition really represents the generalisation of one construction.

The real cause of the change, however, is to be sought in the general tendency of the language, which becomes stronger in the latter part of the 15th and the beginning of the 16th century, to start the enunciation with the concrete theme as the subject of the predicates so as to make the verb connect the subject with another nominal part of the sentence».

Мы привели эту длинную цитату для показа узко формальной трактовки важнейших лингвистических вопросов — самое любопытное здесь то, что автор не задается вопросом, почему же в целом ряде случаев при одинаковых условиях аналогия раньше не играла роли, а потом стала вдруг иметь решающее значение для исчезновения конструкции.¹ Мы не отрицаем, что выдвинутые автором факторы сыграли свою роль, но это могло быть только в результате того, что вкладывавшееся некогда содержание в *verba sentiendi* исчезло, а вместе с тем исчезла и причина, вызвавшая особую конструкцию этих глаголов, и потому только и появилась возможность уподобления их формы форме других глаголов.

Иначе подходит к вопросу О. Наверс, который пишет:²

«Ich zweifle aber nicht daran, dass für den Konstruktionswechsel der Empfindungsimpersonalia auch Kulturstufe und Weltanschauung als Bedingung herangezogen werden können... Wir haben mit einem Wechsel der Weltanschauung zu rechnen, der zu einem Konstruktionswechsel in dem von Corrodi (Kuhns Zeitschrift, 53, 1925, S. 18 f.) angedeuteten Sinne führte. Die den Menschen der Vorzeit eigene Visionskraft, die den

¹ См. также О. Jespersen. The Philosophy of Grammar, стр. 161.

² Указ. соч., стр. 105.

Geister- und Dämonenglauben zur Folge hatte, die zur Konkretisierung von Begriffen wie Liebe, Hass, Furcht, Erwartung, Reue, Wunsch usw. führte, konnte mit fortschreitender Kultur einer rationalistischen Auffassung weichen, womit den passiv gefärbten Impersonalia der Boden von einer erfolgreichen Weiterexistenz entzogen war».

С этим объяснением нельзя согласиться целиком: содержание этих глаголов, выражаемый в них процесс, происходящий помимо воли лица, остается тем же; лицо, независимо от смены мировоззрения, попрежнему остается пассивным объектом и само не вызывает выраженного в глаголе процесса. Не отмечена и вторая ступень в развитии объективного строя, когда «Liebe, Hass, Furcht, Erwartung, Wunsch u. s. w.» уже не ощущаются как *causae efficientes*, благодаря чему строй этот из личного воспринимается в настоящее время как безличный. Что «рационалистическое понимание» не препятствует «*passiv gefärbte Impersonalia*», это видно из того, что хотя бы в русском языке наряду с исчезновением обязательности объективной конструкции для *verba sentiendi* как исключительного способа их оформления сама безличная конструкция продолжает жить как живая форма: ею может оформляться любой глагол, даже непереходный, если надо выразить какое-либо состояние, не зависящее от лица: так, «мне не работается», «мне не пишется», можно даже сказать «мне сегодня ходится» и т. п. Но здесь необходимо отметить новое качество формы: это действительно бессубъектная форма, в которой указывается только на определенное состояние, без какого-либо указания на вызвавшую его причину, в то время как объективный строй *verba sentiendi* был субъектным, и субъектом действия был сначала тотем, как на это указывает Н. Я. Марр, потом особые божества.¹ Это один из примеров перестройки языка, одним из видов которой является и переосмысление существующих в языке форм, использование их для нового содержания.

Смена мировоззрения, однако, играет решающую роль в исчезновении *verba sentiendi* и в переходе их на субъективную конструкцию с субъектом в именительном падеже — эта смена есть смена конкретного мышления мышлением, способным к абстрагированию, одним из проявлений которого в языке является «уравнительная» тенденция, тенденция к сведению разных парадигм к все меньшему их числу, тенденция к все большему их единообразию. Эта тенденция и выражается в полном единообразии (за очень немногими исключениями) спряжения глаголов как переходных и непереходных.

¹ См. выше.

ходных, так и *verba sentiendi*, вследствие чего получается разрыв между грамматическим и логическим субъектом.

Существование разных парадигм для глаголов разного содержания на предшествующих этапах развития языка и последующее постепенное уничтожение различия в их спряжении объясняется конкретизирующим мышлением в первом случае и усилением абстрагирующей способности — во втором. Именно, конкретное мышление не в состоянии подняться до обобщения процесса вообще без отношения его к субъекту и потому строго дифференцирует в языке отдельные виды процесса, которые и выражаются разными конструкциями в зависимости от взаимоотношения между лицом или предметом, с одной стороны, и процессом, с другой. Индоевропейские языки своим объединением глаголов разного содержания в один тип спряжения (за немногими лишь исключениями) выявляют мышление, способное к абстрагированию от частных видов процесса к понятию процесса вообще.

Здесь необходимо, однако, сделать существенную оговорку, что это вовсе не значит, что носители языков, в которых выражается более конкретное мышление, не способны к мышлению абстрагирующему — на самом же деле структура языка перестраивается сильнее при наличии более благоприятных внешних условий, которых не было для яфетических языков; говорящие же на них ничуть не отличаются по логической структуре мышления от говорящих на языках, в которых проявляется большая отвлеченность. Укажем на то, что благодаря тем неблагоприятным условиям, в которых находились народы Кавказа до Октября, в большинстве из них не существовало письменности, а там, где она существовала, она носила миссионерский характер, христианский ли или исламский. Все научное творчество националов происходило на русском языке. Вследствие этого не было стимулов к развитию самих национальных языков. В настоящее же время мы наблюдаем коренную их перестройку.

Виктор ПЕТРОВ

К палеонтологии слова «ляда», «лядина» (land)

I

Слово land в значении «земля», «страна», «край» в буржуазном языкознании считается исконно-данным и неизменным. Такой взгляд стоит в непосредственной связи с взглядом немецких буржуазных историков на природу Германии, которая точно также признается «исконной» и «неизменной». Отрицание того, что Германия в свое время была страной болот и лесов, соединяется с утверждением, что Германия всегда была страной лесостепной, напоминающей лесостепь нынешней Украины. Так, напр., И. Гоопс пишет: «Центральную Европу древней послеледниковой эпохи следует представлять себе как лесостепную зону, возможно, аналогичную южнорусской лесостепи».¹

Точку зрения И. Гоопса принимает в работе «Общественный строй древних германцев» (1929) и А. Неусыхин. По мнению А. Неусыхина «представление о населенных областях древней Германии как о лесостепи» всего более «соответствует геологическим и археологическим данным»,² с тою поправкою против взглядов И. Гоопса, что, как пишет А. Неусыхин, «в современной Украине степь преобладает над лесом, а в древней Германии лес (по количеству занимаемой им площади) все же преобладал над степью».³

Однако, если полагаться на описания Германии у Тацита, то речь должна идти не о лесостепи, хотя и с количественным преобладанием леса над степью, а о болотисто-лесной стране с суровым и первобытным ландшафтом. Тацит, напр., в таких выражениях изображает Германию: «Тerra

¹ J. Hoops. Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum. Strassburg, 1905, S. 97.

² А. Неусыхин. Общественный строй древних германцев, 1929, стр. 53.

³ Op. cit., стр. 21.

etsi aliquanto specie differt, in universum tamen aut silvis horrida aut paludibus foeda», «страна, хотя и различающаяся кое в чем, но в целом или пугающая лесами, или ужасная болотами».¹

Текст, как видим, дает характеристику, значительно отличающуюся от той, которую хотят создать комментаторы, говоря о лесостепи там, где в источниках идет речь не о лесах и степи, а о лесах и болотах.

Германия эпохи Тацита была лесной страной. Страбон о свевах (*Geographica*, VII, 1, 3) свидетельствует, что они жили в лесах. Веллей Патеркул о переселении свевов и маркоманов (6 год н. э.) рассказывает: «Nihil erat jam in Germania, quod vinci posset, praeter gentium Marcomannorum, quae Maroboduo duce, excita sedibus suis, atque in inferiora refugiens, incinctos Hercyniae silvae campos incolebat» (Caius Velleius Paterculus, *Historia Romana*, II, 108). «В Германии уже не было кого покорять, кроме племени маркоманнов, которые, под предводительством Маробода, кинув свои поселения, уйдя в глубину страны, поселились на полях, окруженных Герцинским лесом».

Почти везде, где Тацит описывает свободные от лесов речные долины, он упоминает об их сыром и топком характере. Если у Тацита кое-где и случаются упоминания с противопоставлением болоту открытого поля, то все это тонет в одной общей массе постоянно повторенных жалоб и страхов перед болотистыми лесными пущами.² Чтобы продвигаться вперед по этой болотистой, поросшей лесом стране, римляне должны были насыпать среди болот дамбы и копать каналы, — стратегия, свидетельствующая о природе страны и дающая прямое указание на специфические особенности местности.

Итак, не лесостепь, но болотисто-лесная страна, приближающаяся, следует думать, по особенностям природы, конечно, не к современной украинской лесостепи, но если уже нужны сравнения и если сравнения могут что-либо сказать, то к нашему Полесью или к евразийской тайге. Мы называли тайгу. В этом упоминании для определенной эпохи в истории природы и климата Европы есть известная оправданность.

Врастая в евразийскую тайгу, будучи естественным ее продолжением, Европа, которая по существу является только полуостровом огромного евразийского материка, в свое время на определенной стадии так наз. «послед-

¹ *Germania*, V.

² А. Неусыхин. Общественный строй древних германцев, 1929, стр. 23.

ледникового периода» покрыта была сплошными малодоступными девственными лесами. Впрочем, к началу нашей эры леса эти были с помощью огня, топора и коллективного труда уже достаточно освоены родовыми общинами. Мы должны совершенно ясно представить себе, что природа и климат не только исторической Европы в ее противопоставлении доисторической, но и климат и природа доисторической Европы на отдельных этапах развития доклассового общества были весьма различны. К тому же, если до известного этапа развития доклассового общества изменение природы и климата Европы было процессом чисто естественного развития, то на известном пределе роста и развития производительных сил родового общества изменение природы и климата стало подчиняться труду и воле человеческого коллектива. Во всяком случае про ту стадию, когда Европа из страны девственных пралесов превратилась в «полесье», а из «полесья» в «лесостепь» и затем в степь, про эту стадию мы можем сказать с полной уверенностью, что эта стадия была пройдена под непосредственным воздействием человеческого общества на природу.

Центральная Европа времен Цезаря и Тацита — Европа на этапе, когда освоение девственных пралесов сделалось процессом весьма интенсивным. Впрочем, на этом этапе речь идет пока что не о полном уничтожении пралесов и не об окончательном превращении болотно-лесной Германии в лесостепь, но, именно, об освоении родовыми коллективами лесов.

О германцах эпохи Цезаря и Тацита, которых Фр. Энгельс относит к «высшей ступени варварства», мы имеем писанные сведения из римских источников. Что же касается Германии на предшествующей стадии, на «средней ступени варварства» и особенно на начальных ее этапах, на первых этапах введения скотоводства и земледелия, которое было коллективным подсечным («лядинным») земледелием родовых общин,¹ то для этой эпохи, кроме археологических данных, мы можем располагать еще только лингвистическими данными. Палеонтологический анализ слова ляда, land и должен ответить нам на вопрос, что представляла собой «земля», «край», «страна» на «средней ступени варварства».

Одну из первых попыток разобраться в первоначальном значении слова land (ląd) представляет работа Каз. Мошинского «Uwagi o słowianskiej terminologii» (1921). То, что Каз. Мошинский для слова land (польск. ląd,

¹ О подсечном земледелии у древних германцев см. R. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 1879, S. 164; J. Peisker. Die älteren Beziehungen d. Slawen z. Turko-Tataren u. Germanen, 1906; R. Hildebrandt. Recht und Sitte, 1907.

ledo, с падением носовых lada, lado) приводит материалы преимущественно из белорусского Полесья, это не только не ослабляет значения его выводов и наблюдений, но даже усиливает их, поскольку белорусское Полесье с его болотами и лесами, в некоторых местах почти совершенно недоступными, сохраняло до последнего времени свой более чем «архаический» ландшафт.

«Опираясь на материалы из Полесья, где не только сохранилось до нашего времени наиболее следов первобытной славянской культуры и первобытной терминологии, но где и ландшафт в продолжение последних тысячелетий претерпел менее всего изменений», Каз. Мошинский высказывает предположение, что словом lađ «славяне обозначали сухое пространство среди болот», «suchy lađ sród bagien, moczarów i wilgotnych gajów liściasłych», «берег», «остров», как «возвышенное сухое место в болотистом лесу». «Тем более сильную поддержку для этого предположения дает то обстоятельство, что западные соседи славян имеют выражение «land», которое, в значении «lađ, grunt», не только этимологически, но и семасиологически отвечает нашему lađ. Даже а ргіоті можно было ожидать, что в странах, похожих на теперешнее Полесье, более сухие пространства среди широких вод, болот и сырых лесов должны были иметь свое название. В первобытном хозяйстве это были единственные места, которые можно было использовать и которые издавна должны были обратить на себя внимание».¹

Речь идет о «сухих ландах среди болот», о своеобразном термине, обозначающем «сушу», «берег», «остров», «возвышенное место в лесу», как это; напр., мы имеем также и в украинском языке, где на волынском Полесье слово «ляда» обозначает «возвышенное место в лесу, заросшее строевой сосной» (Новоград-волынский у.), слово «лядина» — «сосну, растущую на ляде».²

Польский исследователь Я. Пачоский, на которого не раз ссылается Каз. Мошинский, употребляет специальное выражение «бор-лядо». Различая «бор-лядо» и «бор-багно», он пишет: «Borów sosnowych na Polesiu odróżniają dwa główne typy: bór-lado i bór-bagno». Бор-лядо, по Я. Пачоскому, «jest to prawdziwy bór sosnowy na suchej piaszczystej glebie».³ Что же ка-

¹ Kaz. Moszynski. Uwagi o słow. terminologii. Arch. nauk antr., I, V, 1921.

² Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, 1907, I, стр. 391. Позволим себе обратить внимание на то, что в приведенном примере одно и то же слово обозначает и определенное урочище, и определенную местность, и, вместе с тем, деревья, растущие в данном урочище. J. Paczoski. Pam. fizioogr. W. 1900, t. XVI, d. 3, s. 56.

сается бора на болоте, то «sosna rośnie tu nie na piasku, lecz na głębie torfiastej».¹

На крайнем севере России слово «лядо», «лядина» обозначает, как и на вольнском Полесье на Украине, «участок леса, лежащий возвышенно над уровнем ближайших вод и заросший густым, но тонкомерным лесом».² Ср. также «лядина» — «сухое место, на котором растет крупный лес»;³ «лядина» — «лес» (новгор., тихвин., олон.);⁴ «лядина» — «лядо, покрытое молодым лесом».⁵

Девственный лес, пралес, не друг, а враг человека.⁶ Глубин лесовых пущ избегают и животные и птицы. Опушка леса, прогалина между лесами, склон горы, берег реки, — тут сосредоточивается жизнь. Птицы в пралесах совершают свой перелеты и располагаются стойбищами по течению рек.⁷ Границей проникновения родовых общин в пралес, областью распространения их поселений на территории, занятой лесами, был берег.

Слово land, обозначая «страну», «край», «область», обозначало «берег» (Ufer).⁸ На известном этапе развития доклассового общества, на известном

¹ Там же, стр. 56. Ср. J. Rostafiński. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie słowian, s. 16.

² В. И. Гомилевский. С крайнего севера европейской России, 1878; П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие восточной Европы, 1932, стр. 7. В. Петров; Вогнезрубна система хлеборобства й хліборобський культ вогню. К., 1932.

³ Дополнение к опыту областного великорусского словаря. 1858, стр. 107; В. Даль, 1914, т. II, стр. 42.

⁴ Опыт областного великорусского словаря, 1852, стр. 108.

⁵ В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, 1914, стр. 392.

⁶ «Der Urwald ist Grab», — пишет Л. Фробениус, — «Schwermäßig, dunkel, düster, sightlos und einsam ist der Urwald Afrikas». Leo Frobenius. Das sterbende Afrika. Frankf. am Main, 1928, S. 56. Ср. С. Doucas. Drei Jahre im Urwald und Savanne. Stuttgart, 1929, S. 179.

⁷ «Леса и тундры в большей своей части отличаются удивительной мертвенностью» (Ср. вышеприведенное свидетельство о пралесах Африки). «Даже во время весеннего перелета» стаи птиц «соединяются в более или менее связную нить только в долинах рек». «Жизнь скопляется главным образом над реками и озерами, на луговинах, болотах и окраинах лесов, осенью на тех же закраинах леса, где вообще растительность богаче, да на откосах гор, густо поросших спелыми ягодами». В. Серошевский, Якуты, I, 1896, стр. 103. «Африканские негры населяют лишь пограничную зону, простирающуюся между лесами центральной Африки и степями, переходящими в пустыни, а в чащу сибирской тайги не заходят даже охотники, которые довольствуются лишь наиболее доступной полосой леса, достигающей примерно ста километров ширины. Но не только человек не решается проникнуть в чащу первобытного леса, ее избегают даже и животные. Это явление может показаться странным лишь на первый взгляд, ибо нетрудно понять его причины. Травоядные животные нуждаются в степной и луговой растительности, и только потребность в защите заставляет их держаться лесной опушки; но в чаще леса им делать нечего, и они попадают в нее лишь в качестве беглецов, скрывающихся от преследований человека». А. Неусыхин. Общественный строй древних германцев, М. 1929, стр. 49.

⁸ «Между реками нет жизни — там леса и болота». Жаков. Этнологический очерк зырян. Ж. Ст., 1901, I, стр. 3.

этапе освоения пралесов родовыми общинами, «берег» и «область» были тождественными понятиями. «Берег || область» обозначались одним словом, потому что это было одно, потому что не было «области» вне берега, не было «земли», а была сосна, ель, ольха; были леса и болота; были берега реки или болота, «возвышенные сухие места над водами», «холмы» («берег» и есть «гора» — берег || *berg*).¹ Но «земли» не было. Слово «land» на данном этапе не имело и не могло иметь значения «земли», «области», приобретенного на более поздних стадиях. Земля покрыта была огромными и недоступными лесами. Доступна была земля для родовых общин только как «берег». «Land», «ляда» была «берегом». Такое отождествление «земли || берега» мы находим в украинском, польском, немецком, финском и т. д. языках. Польск. «ład» — «kraj», «ziemia» («pruski ład», «suchi ład») и «ład» — «brzeg» (wody);² финск. «lannas», gen. lantaan, f. (основа lant — «берег»);³ Для определенной стадии — это не два слова с двумя значениями и даже не одно слово с двумя значениями, но одно слово с одним значением «земли || берега».

Как пример дальнейшего изменения значения слова «берег», приобретающего значение «земли», может быть приведен украинский материал. А. С. Афанасьев (Чужбинский) в своем словаре украинского языка относительно значения слова «берег» замечает: «Берег не всегда означает землю, идущую не только по краю реки, но и удаляющуюся от последнего иногда на значительное расстояние».⁴ Любопытное указание вскрывает и для немецкого «land» этап перехода от значения «берег» к значению «земля».

В. Серошевский, описывая сибирскую тайгу, говорит, что местное население избегает углубляться в леса. Свои жилища и селения оно располагает на опушке леса, на открытых полянах между лесами, на прогалинах, поросших травой, кустарником и молодым лесом (а л а с, а л а н, а л а у якутов). В этом смысле слова «land», «ляда», означая «место, наиболее легко освоенное для родовых общин», имело не только значение «берега», но и «прогалины», «поляны между лесами». В русском: «лядина» — поляна, травую поросшая,⁵

¹ «Берег» в смысле — «холм» (Ufer — Hügel), «возвышенное место», «гора», «место над водою». «Берег — гора — лес»: «над болотом», «над рекою», — таково именно в славянских языках значение слова «берег». Если слав. «берег» это «берег — гора», то нем. «berg» это «гора — берег».

² Jan Karłowicz. Słow. gwar pol., 1903, III, с. 16; E. Bernèker, S. 705.

³ W. Thomsen. Über d. Einfluss d. germ. Spr. auf d. fin.-lap., 1870, S. 148.

⁴ А. С. Афанасьев (Чужбинский). Собр. соч., 1892, т. IX, стр. 298.

⁵ П. С. Общ. ц.-сл. рос. словарь, 1834, стр. 1352.

«ляда» «поляна, поросшая молодым лесом».¹ В украинском: «ляда» — «галява», «згарище, що заросло молодняком».² Ср. готское «land» — «поляна» (Flur); др.-прусское «lindan» поляна; баскское «land»; ирское «land», употреблявшиеся в том же значении «поляны», «ровного открытого места»;³ албан. «l'endine» — «луг»; румын. «lindina».⁴ Чешское «lada», «lado» переводится немецким «Heide», словом, обозначающим «степь, пустошь, дубраву, лес», иначе говоря, перед нами «лесная поляна», точнее, «поляна между лесами».

Значение слова land, определяемое на основании приведенных выше данных, уточняет наше понимание такого, скажем, выражения из «Описания новой земли, сиречь Сибирского царства» (XVII в.), где о сибирских народах, не вышедших за грани родового строя, говорится: «А живут они в лесах темных над водами», — равно как и сообщения Ибн-Даста о древних славянах («живут они в лесах») или такого же утверждения о древних германцах Страбона и Веллея Патеркула. Можно думать, что, когда Веллей Патеркул сообщает о «полях, окруженных лесом» как о месте поселения племени маркоманнов (... campos incinctos silvæ), он имеет в виду именно подобные «поляны между лесами», которые именно и были используемы родами для своих родовых селищ.

Береговые дюны, места стоянок первобытных родовых общин, всегда привлекали внимание археологов. Характерно, что во Франции для дюнных местностей сохранилось слово «lande», истолкование которого причинило не мало забот французским и немецким лингвистам. Словом lande, lann, landa во Франции называются обширные песчаные пространства, покрытые вереском, дроком, папоротником, поросшие мелким кустарником, «где глаз не замечает вдали ничего, кроме темнозеленых сосновых лесков, стоячих вод и черных скал». «Этим словом чаще всего обозначают всю бесплодную и болотистую местность, простирающуюся между Байонной и Бордо», и в этом смысле говорят «landes de Bordeaux», «landes de Gascogne».⁵

Относительно слова lande, lann в немецкой и французской науке о языке, как мы заметили, шли ожесточенные и длительные споры, — в каком именно

¹ Словарь слав. и русск. яз., 1867, I, стр. 581. Ф. Миклошич, Краткий словарь шести слав. яз., 1885, стр. 334—335.

² М. Уманець і Спілка. Слов. русско-укр., 1893, I, стр. 87.

³ Grimm, VI, S. 93; Fr. Diez. Etymol. Wörterb. d. rom. Spr., 1878⁴, S. 187; W. Stokes. Urkelt. Sprache, 1894, S. 239; H. Falk-Torp. Wsch. d. germ. Sprache, 1909, S. 362; S. Feist. Etymol. Wörterb. d. got. Spr., 1909, S. 174; Er. Berneker. Die preuss. Sprache, 1896, S. 304.

⁴ G. Meyer. Etymol. Wörterb. d. alban. Sprache, 1891, S. 243.

⁵ E. Littré. Dictionnaire de la langue française, 1889, III, p. 246; V. Becherelles, 1853, p. 332.

из двух языков (франц. или нем.) следует признать это слово «исконным» и в каком «заимствованным», или же следует, признав это слово равно исконным для области как романских, так и германских языков, утверждать, что семасиологически это два совершенно отличные слова, принадлежащие двум совершенно изолированным языковым рядам?

Последнее мнение о двух языковых изолированных областях, германской и романской, преобладает в буржуазной лингвистике. «Классическим» примером может служить изложение вопроса в словаре Гриммов. «Land n. terra, regio—слово есть во всех германских языках и с древнейших времен в той же самой форме, исконное, не имеет с родственными языками никаких внутренних точек соприкосновения. Итальянское, испанское *landa*, французское *lande*— степь восходит к кельтскому *lann*, древнему *land*, колючий кустарники, таким образом, ведет к совершенно иному смысловому ряду. Это утверждение основывается на том, что первоначальное значение слова *land* восходит к специальному германскому воззрению».¹

Ссылка на то, что бретонское «*lann*» обозначает не только «местность», но и «кустарник», а немецкое «*land*» только «землю», «страну», а поэтому, мол, перед нами два различных смысловых ряда, эти ссылки игнорируют одну из наиболее характерных особенностей первобытных языков, именно их полисемантизм. В языке эпохи родового общества, как замечает акад. Н. Я. Марр, «одним и тем же словом называлось небо и земля, животное и дерево».² Связь этих двух значений «местность» и «кустарник», «земля» и «дерево» не есть специфическая особенность бретонского *lann*, потому что каждый язык в своем развитии прошел через стадию семантического отождествления «земли» || «дерева».

Слово *lann*, (e)lan(d) в условиях первичного полисемантизма имело комплексное значение, оно охватывало и «местность, где рос кустарник», и «кустарник, росший в данной местности». Язык не расчленил местности от покрывавшей ее растительности, что для определенной стадии вполне понятно: земли не было, был дерн, вереск, кустарник, ель, ольха. Язык, отражая реальное бытие, не знал отдельно земли от дерева; «землю» и «дерево» язык обозначал одним и тем же словом.³ Ср. в русском языке «ель», «еленец», «елань».

¹ Grimm, Bd. VI, S. 90.

² Н. Марр. Этапы, стр. 101.

³ Некоторые языки отразили эту стадию: они не имеют специального слова для обозначения земли. Примером, как указывает Г. Вамбери, могут служить турецкие языки. «Zur Bezeichnung der Erde als einen allgemeinen Begriff oder einen grossen Körper ist die Sprache der Turko-Tataren unfähig». H. Vambery. Die primit. Cultur des Turko-Tatarisch. Volkes, 1879, S. 169.

Мы подошли к форме «(e)lanp». Русский язык дает: «Елань» — «пашня и всякая местность, находящаяся на некоторой возвышенности» (верхотур.); «чистое место внутри леса»; «лужок, ровное место в лесу, в роще» (южно-сиб.); «чистая поляна между рощами» (камч.); «лесной покос чистый, без деревьев»; «место, покрытое преимущественно елью»; «лес из больших елей» (верхнесуд.); «лес на ровном месте» (Иркутск).

«Елань» «обширная прогалина», «луговая или полевая равнина» (моск., ряз., тамб.); «тоже возвышенная, голая и открытая равнина» («лысына», «плешина» (сибир.); «еланщик» — «крестьянин, у которого пашня в лесу, на елани, куда и он иногда самовольно (!?) выселяется».¹

«Елань» (башк. «јалан», алт. «јаланг» «равнина») (Ф. Корш), «чистое открытое место»; «плоское открытое место»; «гладкое луговое место», «необозримая долина» (ряз., тамб.); «долина» (енис.), «луг», «луговая долина» (ряз.); «поляна в лесу» (оренб., сиб., руз., стариц., том., нерч., челяб.); «отлогие предгория, не поросшие лесом» (вост.-сиб.); «безлесная отлогость горы, удобная для хлебопашества» (иркут., нерч.); «площадь, годная для выгона скота» (иркут.); «безлесное ровное место, занимающее от двух до десяти верст в окружности, окруженное со всех сторон бором» (шадр., тоб.).²

«Елань» 1) «площадь, годная для скот. выгону» (иркут.); 2) «поляна в лесу» (моск., ряз., оренб., челяб., твер., стариц., том.); 3) «пашня и всякая местность, находящаяся на некоторой возвышенности и со всех сторон открытая» (перм., верхот.).³

Рядом с формой «елань» сосуществует форма «алань». «Алань», «елань», «луг», «пастбище», «пажить», «пожня», «ровное, но не поемное, травное место» (твер., ряз., тамб.); «еланный ржавец» «ручей по елани, со ржавчиною». «Алань» — «низменное место, выгодное для покоса и пастбищ» (ряз., тамб., твер.).⁵

«Елань» стоит в ближайшей связи с «елень», «еленец», «ель». Слово «l'endine» в албанском обозначает «поляну» (Wiese) и «дерн» (Rasen), «поляну, покрытую дерном». В древне-русском «лядина» это не только

¹ В. Даль. Толковый словарь великорусск. яз., 1903, стр. 1290.

² Слов. русск. яз., II, 1907, стр. 81.

³ Опыт общ. великорусск. словаря, 1852, стр. 64.

⁴ В. Даль, I, 1903, стр. 25.

⁵ Опыт общ. великорусск. словаря, 1852, стр. 2.

⁶ «Еленец» — «можжевелик». В. Добровольский. Смоленск. общ. словарь, 1914, с. 209.

⁷ G. Meyer. Etymol. Wörterb. d. alban. Sprache, 1891, S. 243.

«поляна в лесу», но и «низкий и тернистый кустарник», «трава» («села лядиною поросли»). Отсюда, если слово «ляда» обозначало «поле, поросшее молодым лесом», то «о-лядѣть» и «о-ляденѣть» — «порастить молодым лесом».¹ «Лядина» — роща из мелкого березнику» (псков., твер., оставк.); «лядинник» и «лядиняг» — «молодой березник».² «Лядинник», «лединник», «лядиняг» (пск., твер.) — «мелкий березовый лес»; «лядник» — раст. «*Hierochloa borealis*», «горчак», «плоскуха», «чаподоть», «лядуница» (твер.) — «красная смородина».³

В украинском языке, как мы уже приводили выше, слово «лядо» обозначает «место в лесу, поросшее сосною» и слово «лядина» — «сосну, растущую на ляде». Ср. также «лядвениц» — «лядвенець звичайний», «горицивіт», «горобиний горошок», «тройчатє зілля», «черевички»;⁴ чешск., «lat'» — «стебель»; польск. «łada» — «дикий горошек».⁵

Из того, что язык отождествлял на известной ступени развития «землю» и «покрывающую землю растительность», со всей очевидностью следует, что на известном этапе «земли» вне «леса», вне лесных и травяных зарослей не было. «Земля» не была «дана», «подарена» человеку. «Землю» человек «сделал».

Природа не преподнесла человеку «землю» как «свободный подарок». Весь произведенный выше палеонтологический анализ за это говорит. Слово «land» первоначально значения «земли» не имело. Только с помощью упорного и тяжелого труда, пользуясь топором и огнем, вырубая и выжигая дерн, кустарник, лес, первобытные родовые общины расчищали «землю», вгрызались в лес, осваивали его, оседали на возвышенных местах «ландах», там, где среди сплошных болот и лесов только отдельные возвышенности создавали возможность поселения.

Об огромном труде освоения маленькими народцами девственных пралесов говорит Лео Фробениус. Родовые группы рубили и выжигали лес там, «где влажная местность предлагала небольшие возвышенности». «Остров» (insel) — вот слово, которое подыскивает Лео Фробениус, чтобы описать путь освоения и способ селиться в пралесах области Кассаи-Куилу на Конго:

¹ E. Berneker. Slawisch. Etymol. Wörterb., 1924, I, S. 705.

² Дополнение к опыту великорусск. словаря, 1858, стр. 107.

³ В. Даль, 1914, т. II, стр. 742; ср. в нем. alant-beere, ahl-beere, aal-beere — черная смородина.

⁴ Россійск. украинск. словник, 1932, т. II, З—Н, стр. 470; Ф. М. Пискунов. Малор.-червонон. словарь. К., 1882, стр. 129.

⁵ J. Karłowicz, op. cit., III, стр. 3.

«Einst hatten unbegrenzte Urwälder das weite Land verhüllt. Aber kleine Völkchen hatten hie und da, wo welliges Land kleine Erhebungen bot, mit Feuer und Axt Lücken gebrochen und sich mit Feld und Dorf in den dichten Waldplatz hineingefressen. Wie auf Inseln lebten sie nun in der Waldwüste. Nur ganz schmalzackige und kurvige Jagdpfade verbanden Niederlassungen».¹

Процесс освоения первобытного леса родовыми общинами с помощью огня и топора был процессом производственного его освоения. Скотоводческие и земледельческие первобытные родовые общины осваивали прогалины между лесами («дикие поля») как пастбища для скота и как места для посевов. В соответствии с этим слово «land» («берег || поляна») приобретает, с одной стороны, значение «пастбища», «луга», а с другой — «посева», «нови».² Ср. у словенцев «dedič» — «горное пастбище»; у чехов — «dada» в том же значении (горное не случайно: «land» — «сухое возвышенное место в лесу», «land» — «поляна || берег || гора»).

Что слово «land» является характерно «земледельческим речением» и притом «речением», указывающим именно на подсечную огневую систему «лесного» земледелия, за это говорят многочисленные языковые данные. «Ляда», «ляды», «лядина» — «поле с корнями срубленных кустов и деревьев» (смол., росл.); «часть земли, на которой вырублен лес для засева ее хлебом» (исков., тороп.).³ «Чистить ляды», «прятать ляды» значит, «вырубая молодой лес и снося в кучи, сжигать его для расчищения и приготовления земли под пашню».⁴ «Ляды» — «кулиги», «чищобные поля», «засевы»; «чистить» или «прятать ляды» — «жечь кулиги»; «лядо» («ляшина») — «чищоба», «починок», «посека», «кулиги»; «валки», «пожог», «лесной перелог».⁵ «Лядной» — «относящийся к ляду». «Репка лядная». «Лядный или подсечный способ обработки земли». «В лесных уездах существует лядный или подсечный способ обработки земли, т. е. вырубается лес и сжигается тут же на месте, затем земля пашется»; «лядо», «ляда» — «лядо — место, расчищенное под пашню». «Ляды» (Ельн. у.) — «местечко». «Где живешь?» «у Лядах» (Красн. у., Зверовичи).⁶ «Лядо» — «поле, очищенное от заросли леса для посева»; «Лядзина» — «поляна, очищенная от леса

¹ L. Frobenius. Das sterbende Afrika, 1928, S. 79.

² Ср. также в польском «dada» — «pasieka» J. Karłowicz, III, стр. 3. Вспомним «у-лаз», «у-лазный», см. ниже.

³ Опыт областн. великорусск. словаря, 1852, стр. 108.

⁴ Словарь церковно-славянского и русского языка 1867, I, стр. 581.

⁵ В. Даль, 1914, т. II, стр. 742. Форма «ляшина» должна быть отмечена особо.

⁶ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, 1914, стр. 392.

и заросшая травой». «На лядзине репу хорошо посеяць».¹ Польск.: «lada» — «trzebisko», «lade palić — wypalac grunt na pole».² «Ляда» в литовск.: «lydimas»; в латышск. «lihdums» — «лядинное хозяйство» — «lihdumu saimneeziba».³

Акад. М. Н. Покровский, который со всей ясностью установил то беспспорное положение, что «патриархальный строй древнеславянской семьи связан с определенным типом земледельческого хозяйства, с хозяйством подсечным, лесным земледелием»,⁴ приводит в своем «Очерке» описание подсечного земледелия у коми (зырян), сделанное акад. Лепехиным в 1760 г. Вот что говорит Лепехин о коми (зырянах): «Озими их стояли среди огромных лесов, в которых они пространные вырубают места и, сжегши лес, на пепле сеют хлеб. Сих мест они не пахут, но, выжегши лес, прямо сеют и, заборонив, совершают посев. . . Такая новина служит им только на один год или, как крестьяне говорят, со всякой новины снимают они только один хлеб, а на другой год надобно сделать новую новину».

Только в условиях коллективного труда и коллективного ведения хозяйства могли первобытно-коммунистические общины копать ловчие ямы, прорубать просеки для перевесищ, выжигать лес для посевов, связывать тропинками расставленные в лесу силки. Только коллективный труд позволил первобытному человеку, совершенно подавленному трудностью существования, трудностью борьбы с природой, вполне овладеть и освоить пралес с промышленно-охотничьей и земледельческой целью. «Земля» не была дана, она была «задана»; «землю», которой не было, нужно было «осуществить» человеческим трудом, и она была «осуществлена».

Чтобы расчищать лес для устройства «лазов» (охотничьих ям), «перевесищ» (просек с протянутыми сетями для ловли птиц), «ляд» (преимущественно для посева проса и репы) нужно было массовое приложение физической силы, совокупность усилий значительного числа лиц, коллектива, которым в эпоху доклассового общества была община, основанная на кровном родстве ее членов (К. Маркс) и на стадии введения земледелия и скотоводства, именно, патриархальная большая семья (Фр. Энгельс).

«Land», — «земля» была «лядом», «выжигом», произведенным родовой общиной для посева. Рубка и выжигание леса были процессом земледель-

¹ И. И. Носович. Словарь белорусск. нар. СПб., 1870, стр. 275.

² J. Karłowicz. Op. cit., III, стр. 3.

³ Я. Дравниак. Русско-латышский словарь. Р., 1913, стр. 368.

⁴ М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры. К., 1924, стр. 39.

ческим и топор основным земледельческим орудием.¹ Использование «гари» и «полома» в качестве «ляды» облегчало процесс рубки и выжигания.²

В финском языке «lanta» — «навоз», «lanvita» — «удобрять». Зная все особенности подсечной системы как системы коллективного земледелия больших семейных общин, помня, что лядное земледелие, — а лядное земледелие предшествовало возникновению пашенного, — земледелие без рабочего скота³ и орудий для распашки почвы, что в условиях лядной системы посев производится не в «землю», а в «пепел», «золу», мы легко поймем, каким образом слово «lanta», обозначая «берег» (финск. «lannas», gen. lantaan, осн. lant — «grund», «strand», «litus vadosum», «vadum») на стадии введения земледелия приобрело значение «удобрения».

Вильгельм Томсен для слова «lanta» устанавливает такую связь «lanta f., stercus, fimus = altnord. hland n., urina».⁴

Однако палеонтологический анализ, установление семантической связи «ляда-берег» || «ляда-пашня», та отмеченная выше особенность лядинного земледелия, что посев производится в пепел, а не в почву, как при пашенном земледелии, — все это говорит за то, что lanta *стадиально* связано не с старосеверным hland-urina, но с финским же lannas, gen. lantaan — grund, strand, litus vadosum, vadum,⁵ *стадиально*, или, лучше сказать, функционально изменившим свое значение.

Эта связь «берег» — «удобрение» может быть утверждена не в результате случайного искания подобных форм и значений, но только в результате исторического изучения смены форм производства. Lant — лесной берег, на котором выжжен лес и который использован для посева; функциональное изменение использования берега влечет за собой отслоение в слове lant — нового изменившегося значения: «lanta» — «удобрение», и «lannas», gen. lantaan — «берег», — два (-одно) слова с одной тождественной основой.

¹ Леса еще оставались общественной собственностью. В своей книге «Вотяки» (К., 1891) И. Н. Смирнов сообщает: «Право устраивать заимки до сих пор остается неограниченным. Всякий желающий может расчистить кулигу среди общественного леса и поселиться на ней или запахать ее. Стоит только выбрать, руководствуясь характером лесного покрова, подходящий участок леса». И. Н. Смирнов. Вотяки. 1890, стр. 104.

² «Труд расчистки сокращается иногда тем, что для культуры выбирается гарь или полом [место где лес сломан бурей]». И. Н. Смирнов. Вотяки. 1890, стр. 104. Ср. в украинском языке: «Ляда» — «гальява», «з г а р и щ е» або «пахоть в лісі, що заросла молодняком»; «чагарник, чагар». М. Уманець і А. Спілка. Словарь російськ.-українськ., 1893, т. I, стр. 87.

³ Это свидетельствует об отсутствии навоза как удобрения.

⁴ W. Thomsen. Op. cit., SS. 90 u. 148.

⁵ Ibid.

«Лучшими под сельскохозяйственную эксплуатацию считаются на севере участки с суглинистыми и супесчаными почвами, заросшие густым мешаным лесом с преобладанием белой ольхи (*Alnus incana*) и примесью березы и ели».¹ Пепел ольхи, ели и березняка, сожженных на «берегу» (*lanta*), сделался «удобрением», «почвою» «к посеву хлеба».

«Выжегши леса и сжегши лес, на пепле сеют хлеб», причем, как это подчеркнул Лепехин, «со всякой новины снимают они только один хлеб». «Ляда», «чистить ляды», «спрятать ляды» — «вырубая молодой лес и снося в кучи, сжигают для удобрения к посеву хлеба, что называется новиною».²

По самому существу дела, поскольку ляда — расчищенное из-под лесу поле, постольку «ляда» есть «новь». К тому же характерная особенность лядинного земледелия, — быстрое истощение ляды, ограничивая срок пользования ею, обуславливало то, что «ляда» была «новью» не только по преимуществу, но и исключительно. Каждый год родовая община должна была расчищать новые ляда, каждый год делать «нови».

Язык со всей точностью отразил эту особенность первобытного земледелия: «лядина» в древнерусском — «новь»;³ сербо-хорв. «*lèdina*» (*ledina*) — «новь»; словенск. «*ledina*» — «новь»;⁴ литовск. «*lydimas*» — «новь»;⁵ польск. «*lada*» — «новь»;⁶ болг. «*леди́на*» — «новь», «целизна», «еще не вспаханная земля».⁷

Однако, как показывают те же языковые данные, «ляда» не только «новь», но и «пустошь», «заброшенное», «необработанное поле», *öde, terra inculta*. «О-лядѣти» «остаться без обработки» «одичать». Слово «ляда» имеет одновременно два, взаимно исключаящие, значения: «новь» и «пустошь», Ср. кельтск. «*landa* — *öde*; ст.-слав. «лядина» — «*unbebautes Land*» [«выдет на нем, яко на лядине, тернии»], чешск., «*lada*», «*lado*» — «*unbebautes Land*»; сербо-хорв. «*lèdina*» «неоранное поле», слов. «*ledino pustiti*» — «оставить лежать под паром»; в русском «лядина» — «пашня, травую поросшая», «лядо» [ср. ворон., курск., влд. *ляшина*] — «пустошь», «заросль», «покинутая и заросшая лесом земля», «запущенные заросли»; «низкая, мокрая и плохая почва»; вост. яросл., вологод.: «мочижина с мелким леском»,

¹ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие Восточной Европы, 1932, стр. 8. Ср. «лядо» — «березняк с хвойным посадом, т. е. мешаный». В. Даль, 1914, т. II, стр. 742.

² П. С. Общий церковно-славяно-русский словарь. СПб., 1834, стр. 1351.

³ А. Дювернуа. Материалы для словаря древне-русск. языка, М., 1894, стр. 94.

⁴ Е. Berneker. Slavisch. Etymol. Wörterbuch, 1924, I, S. 705.

⁵ А. Fick. Vgl. Wörterb. indg. Sprache, 1891⁴, I, S. 533.

⁶ J. Karłowicz, т. III, стр. 3.

⁷ Дювернуа. Словарь болгарского языка, стр. 1107.

«ляга», «болото с яминами», «лыва», «постоянная лужа», «полой».¹ «Ляда» — «запущенная пашня, поросшая молодым лесом».²

И. Носович в словаре белорусского наречия для слова «лядзіна» дает противоречащее значение: «лядзіна» — «поляна, очищенная от заросли» и «заросшая травой»; укр. «ляда» — «пахоть в лісі, що заросла молодняком».³

Откуда же это двойное и противоположное значение, останавливавшее исследователей и создававшее затруднения в толковании значения слова?⁴

Противоречивость двойного значения разъясняется противоречивостью двоякою, противоположною направленностью земледельческого производственного процесса в условиях лядинного хозяйства. Дело в том, что участок, расчищенный для посева, как мы это уже отметили, очень быстро истощается, и поэтому его приходится забрасывать, «закладывать» на известный срок, давать ему зарости лесом, чтобы через 20—40, иногда даже 50—60 лет опять его расчистить.

Иначе говоря, лядное земледелие предполагает двойной обратимый процесс, одновременно — расчистку участка от леса и зарастание участка. Поэтому «лядо» — «новь», «земля, очищенная от леса», но вместе с тем «о-лядѣть» — зарости лесом и «лядо» — «земля заросшая лесом». «Ляденеть», «лядеть» — «порастать молодняком, дернеть и покрываться порослью».⁵

Обратить с трудом расчищенную «новь» через год в «пустошь» этого требовали особенности производственного процесса при подсечном земледелии. Слово «ляда» должно было обозначать и «новь» и «пустошь». Жатва снята, ляда забрасывается, начинает зарастать; поэтому «ляда» — «поле после снятого посева», «поле одного посева», «новь» и «стерня». Как в польском, так и в словинском языках: словинск. «lízänä» — «поле после жатвы»,⁶ польск. «ladzina» — «sciera», «sciernie», «konce żdźziel wraz z korzonkami po skoszeniu zboża w ziemi pozostała»,⁷ «lada» — «chwast w zbożu».⁸

¹ В. Даль, 1914, стр. 742.

² Словарь церковно-славянского и русского языка, 1867, I, стр. 581.

³ М. Уманец і А. Спілка. Словарь российско-украинский, 1893, I, стр. 87.

⁴ Пример такого путанного и неверного определения слова «ляда» находим у Я. Роставинского, по мнению которого «лядою (lędem) называли и пространство леса, обращенное в пустошь через сжигание деревьев». Такая же неувязка благодаря неразграниченности значений у И. Носовича: «лядзіна — поляна, очищенная от леса и заросшая травой. На лядзіне рэпу хорошо посеяць» (стр. 275).

⁵ В. Даль, 1914, т. II, стр. 742.

⁶ E. Berneker. Op. cit., I, S. 705.

⁷ J. Karłowicz. Op. cit., III, стр. 5.

⁸ Там же, стр. 3.

Готский язык дает два значения для слова «land»: 1) «место посева», 2) «унаследованное имущество по отцовской линии».¹ Язык свидетельствует как о том, что слово «land» у готов было «земледельческим речением», так и о том, что эти land'ы уже являлись, подобно скоту, «имуществом» и «богатством» и к тому же наследственным.² Земля у готов сделалась объектом наследования. Частная собственность создавала еще одну огромную брешь в родовом строе. Из «Gemeinland» выделялось «sundro».³

С разложением родового строя, с переходом от коллективного лядинного земледелия больших семейных общин к парцеллярному мелкокрестьянскому пашенному земледелию, с заменой подсечной системы переложной, двухпольной и позже трехпольной, слово приобретает новое значение: земли, остающейся под паром. Ср. шведск. (диал.) linda «пар»; также чешск. lada, lado «пар», ležeti ladem «лежать под паром».⁴

«Ланда», «ляда», «сухое возвышенное место в лесу, прогалина между лесами», использованные как место посева или пастбища, были вместе с тем и местом поселения: «село» и «жило» данной родовой группы.⁵ На данной стадии «место посева» или «пастбища» совпадало с «местом поселения». Только на дальнейших стадиях развития происходит отделение «села» и «поля».

Социальное совпадение «жила» и «ляда», «дома» и «земли» находим в кельтских языках, именно в ирском, где «land», «lann» это «земля», «дом», «церковь»,⁶ «поляна», «открытое место», «двор».⁷

¹ S. Feist. Etymol. Wörterbuch der gotischen Sprache, 1909, S. 174. Grimm, VI, S. 93. Fr. Diez, S. 187.

² Ср. «збожье», укр. «збїжжя» в значении «богатство».

³ См. К. Маркс. Соч., т. XXIV, стр. 35.

⁴ E. Berneker. Op. cit., I, S. 705.

⁵ За самую древнюю форму якутских жилищ нужно признать урасу. «В старину ставили урасу в местностях, где пасли скот. Такие места назывались сурт. Был кобылий сурт; был коровий сурт. Якуты перебирались из урасы в урасу, из сурта в сурт». В. Серошевский. Якуты, 1896, I, 347. Ср. «Среди лесных пространств проглядывали в былое время поляны большего или меньшего размера (кужа) и дикие поля, на которые всего ранее сажались земледельцы. Немало мордовских деревень до настоящего времени носят названия, оканчивающиеся на кужа (кжа, кша) — поляна». И. Н. Смирнов. Мордва, 1895, стр. 119. Совпадение «места посева» и «места поселения» «жилица» нашло себе выражение в языке: «ляды» — «кулига», «чищобные поля», «засевы», «лядина» «сухое место, на котором растет крупный лес» и «ледина» — «неглубокая яма в поле или в лесу» (волог.). В. Даль, 1914, II, стр. 742.

⁶ Webster. New int. dict. of the english language, 1933, p. 1209: lann — land, house, church.

⁷ W. Stokes. Op. cit., 1894, S. 239: «landà — Fläche, freier Platz, Hof; ir. land, lann, F. freier Platz; acymr. lann «арса», «ecclesia» in guin-lann «vinea», it. lann (р)itu — landà — Tenne), cor. lan, bret. lann «dande», lanna Pauli (jetzt Lampaul).

Что такое совпадение значений не связано только с словом «ланд» или с какой-либо определенной этно-языковой группой, не есть случайность, но стадильная особенность каждого языка, соответствующая данным материальной культуры на определенной стадии развития; это можно иллюстрировать на примере слова «гор». «Гор», вотяцк. «гур» обозначает «огнище»; у коми (зырян) «горт» значит — «землянка», «дом», «деревня».¹

«Землянка» становится «домом», «дом» — «деревней». Можно предполагать, что на известной стадии «село» действительно было «жилом», т. е. на ляде устраивалось, копалось и рубилось только одно общее жилище для всей родовой общины, освоившей данное лядо. Что на известной стадии развития доклассового общества такие «села-жила» были распространенным явлением, за это говорят материалы археологических раскопок, наличие больших общих домов, когда на месте поселения родовой общины имеется только один дом больших размеров (Плайдт, Ахенхейм, Штютцхейм).² Место поселения было местом устройства одного жилища.

Языковые данные не только подтверждают факт этого тождества «места-посева» и «села-жила», но и дают определенные указания, что «жило» на данной стадии было ямой-землянкой, землянкой, так наз. камчадальского типа, где отверстие в крыше-потолке служило одновременно входом в землянку, выходом для дыма и отверстием для освещения («дверью-окном-дымоходом»). В Вологодской губ. «ледина» — «неглубокая яма в поле или в лесу».³ В украинском языке «ляда» — «доска, которой закры-

¹ И. Н. Смирнов. Пермь, 1891, стр. 126. «В виду того, что горт значит и дом и деревня, мы имеем основание утверждать, что пермяцкое селение составлялось из жилищ разрастающегося рода» (стр. 131).

² Е. Ю. Кричевский. «Индогерманский вопрос»... Из ист. докап. формаций, Л., 1933, стр. 172. Гр. Новицкий в своем «Кратком описании народа остяцкого» 1715 г. писал про остяков: «Для зимовьев выбирают остяки обыкновенно в близости рек сухие и высокие берега, и складывают из молодых нетолстых деревьев настоящие четверугольные избы, русским подобные, но ниже, и почти половина в земле и без кровли, вместо которой наверх накладывают земли, а посереде оставляют посредственной величины четверугольную дыру». Это — родовое общее жилище. «В таковых юртах или зимовьях живут многие семьи вместе, и потому внутренность оных разделена по стене на столько конурок, сколько семей находится; каковая б узка ни была сия конурка за множеством народу, однако в ней должны уместиться мать с детьми и со всем домовым припасом и при своем собственном огне работать» (стр. 56). «Обыкновенно три, четыре и шесть семей живут в одном доме; но ниже Березова есть юрты, где до тридцати таких хозяев живут вместе. Матери сами сидят в таковой норе, а перед норой висит люлька с ребенком». (стр. 56—57). Т. Старцев. Остяки. 1928, стр. 27—28.

³ В. Даль. 1914, II, стр. 742. Аксель Гайкель описывает землянку, виденную им в Финляндии: «причем единственным входом в нее являлось отверстие в крыше, отверстие, которое служило также для выхода дыма» (Н. Харузин. Очерк ист. разв. жил. у финнов. Э. О., 1895, I, стр. 48). У камчадалов мы находим подземные юрты, в которые «предоставлялось

вают ход на чердак».¹ «Ляда» — «опускная дверь» в потолке (на чердак), в погребе и пр. Подобное же у колесников в парне (Вас. 146); 2) «опускная ставня в прилавке». «Різники у нас продають м'ясиво на штандарах, а в кого крамниця є, то на ляді» (Лебед. у.); «крышка над корытом, находящимся у саж, поднимающаяся и опускающаяся, устроенная с тою целью, чтобы находящиеся на воле животные не могли пользоваться из корыта кормом, положенным для заключенного в саж животного» (Чуб., VII, 396); 4) «помост», «настилка деревянная» (?) «Мені, мій пане, на ляді стояти» (говорит конь) (Чуб., V, 871); «часть ткацкого станка».² В русск: «Ляда» (с нем. Lade) — «ставень», «дверка», «лаз в потолке», «западня», «люк»; «поперечные затворы в лавочках» («откинь ляду», «Положи на ляду товар», кур.).³ «Ляда» — в мелких торговых лавках «поперечная дверь». «Откинь ляду». «Положи на ляду товар» (кур., обоян.).⁴

Материал русского языка дает исключительно полный подбор функционально изменяющихся и стадияльно сменяющихся значений для слова «ляда». Исходное значение это «ляда» — «яма-жилье» и «ляда» — «ловчья яма». То, что «ляда» — «яма», «лаз в подполье» и «ляда» — «дверь», это ясно говорит о двери в «потолке-крыше», где отверстие одновременно «дверь-окно-дымоход». Отсюда «ляда» не только «лаз в яму», но и «дверь», но и «ставень».

входить и выходить через дымовое отверстие по приставленному к нему вкось бревну с глубокими зарубинами». (Л. Шренк. Об инор. Амур. края, II, 1899, стр. 24). «Вход в нее (юрту коряков), как и в старинной камчадальской землянке, через дымовое отверстие». «... Вход в юрту и выход из нее совершается через дымовое отверстие». (Там же, стр. 25). «У всех эскимосских племен северо-западной Америки... существуют маленькие холмообразные подземные юрты с очагом посередине и дымовым отверстием над ним, с нарами вдоль стен и с выходом или через дымовое отверстие или через узкий, тоже наполовину подземный, ход» (там же, стр. 32). В соответствии с этим у гиляков, как указывает Л. Штернберг, «Самые понятия «входить» и «выходить» из юрты выражаются по-гиляцки словами, буквально означающими «нырнуть» и «вынырнуть» (кузинд и игунд), что вполне соответствует способу входа и выхода через дымовое отверстие». Э. О., 1904, I, стр. 6.

¹ Ф. Пискунов. Словн. укр. мови, 1873, стр. 61. «Ляда» — «дверь», но в землянке ямного типа она же и «окно», ср. совпадение названия «окна» и «дымохода» в Хевсурии: «В Хевсурии окон также нет: есть лишь дыра в стене — «сакуами» («куами» означает «дым») для выхода дыма, она же является источником света. Окон прежде не делали и у черкес». (Л. Панек. Жилище мтиулов. Сб. МАЭ, IX, 1930, стр. 244.

² Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, 1907, стр. 391. По поводу того, что «ляда» также есть название части ткацкого станка см. указание Фр. Энгельса, что ткацкий станок был достижением «средней ступени варварства». «Из достижений в области промышленной деятельности на этой ступени развития особенно важное значение имеет... ткацкий станок»... Происхождение семьи..., 1934, стр. 140.

³ В. Даль. Толковый словарь, 1914, т. II, стр. 72. «Ляда» в укр. (гал.) также гроб.

⁴ Допол. к Опыту областного великорусского словаря, 1858, стр. 107; ср. литов. lekta — доска.

В «Описании новой земли, сиречь Сибирского Царства» читаем: «А живут в лесах темных над водами; зимние юрты деревянные в землях, аки в погребях».¹ «Описание» дает много: 1) «живут в лесах», 2) «над водами», 3) «жилища в земле», «аки погреба». Мы узнаем в этом «Описании» то, что восстанавливали до сих пор на основании языковых данных: перед нами поселение в лесу на «берегу» около воды, жилище-землянка ямного типа, в которой «дверь» служит одновременно «окном» и «дымовым проходом».

С значением «ставни», «прилавка» слово «ляда» укрепилось в условиях возникновения и развития товарного хозяйства. Слово, обозначавшее «ловчью яму», «яму-жилье», «посев на гари» — слово, принадлежащее натуральному хозяйству, усваивается обществом товаропроизводителей. Мелкая рыночная торговля сохраняет то, что уже отжило в области сельского хозяйства. Польский язык дает характерный семантический ряд для слова «lada». Свое архаическое значение слово «lada» сохранило и в польском, обозначая «drag», «belka do podpięcia», но это же слово переносится и на прилавок: «lada» — «kantor», — «za bankierską ladą». Вхождение в рыночный обиход сделало в польском «ляду» не только «ставней-прилавком» в банкирской конторе (значение, говорящее о том периоде, когда «банкирская контора» была еще «лавочкой базарного менялы», расположенной на рынке в ряду других мелких «ляд»), но и товаром: «lada» — «kram». Слово натурального хозяйства в условиях товарного хозяйства товаризируется. Вотчинник от натуральной ренты переходит к денежной ренте: «lada» — «skrzynia na obrok».²

Член родовой общины, выжигавшей «ляду» в «общем» лесу, в феодальном обществе обратился в крепостного, платящего оброка. «Lada» обратилась в «сундук для оброка».

Немецкий язык также сохранил стадильную последовательность смены значений в слове ляда: «laden» — «доска», «ставень», «лавка», «магазин»: «lade» — «ларь», «ящик» (ср. мадьярск. «lada», «ladafok» — в том же значении). Ни о каких «заимствованиях» и «влияниях» не может быть и речи, поскольку нем. «laden», «lade», как и польск. «lada» не имеет

¹ Сибирь в XVII в., М., 1890, стр. 73. И. Н. Смирнов. Пермь, 1891, стр. 127 «Кроме чумы для себя у древних финнов была постройка для склада имущества — lato». И. Н. Смирнов. Мордва, 1895, стр. 45. Фин. «lato»-«амбар», «житница», «овин», эстон. «ladu», дерпт. «lado»; мокша-морд. lata. М. П. Векер. Слав.-фин. отн., 1890, стр. 82—83. Н. Харузин. Очерк ист. разв. жил. у финнов, Э. О., 1895, II, стр. 77, 99. Ср. литов. «lata»; латыш. «lata», «lates»; русск. «латина», белор. «лацина».

² J. Karłowicz. Op. cit., III, стр. 4.

значения, принадлежащего одной стадии, но оно имеет ряд значений, принадлежащих разным стадиям.

Еще одно замечание. «Лядина» в укр. — «сосна»; в франц. «laine» — «кустарник»; польск. «lada» — «жердь»; в чешск. «lat» — «бревно», «брус»; нем. die Latte — бревно. В нижненемецком lehde, leede, lede «Lagebalken am Gebäude, worauf die Ständer gesetzt werden».¹ Одно и то же слово обозначает «жилище», «шалаш из жердей» или «землянку ямного типа со срубом, опущенным в землю», и «материал, из которого сделан этот сруб»: «дерево» — «жилище». В этом отношении можно привести пример с словами «кота», «хата», «керку», где точно так же одно слово обозначает «постройку» и «материал постройки». «Сочетание слова кота — жилище с словом, обозначающим материал, из которого сделана постройка, имеет место в архитектурной терминологии западных финнов (Heikel). По этому же типу построены и пермяцкие названия. «Кер» означает бревно, «вич» — жердь; керку представляет собою бревенчатую постройку, вич-ку — постройку из жердей».²

Впрочем, не каждая ляда, не каждый берег и не каждая поляна выбирались данной родовой группой для поселения. Не каждый берег носил общественную функцию «лядь». Ландою был, лядою называли берег, который мысом вклинялся в болото или реку, который образовывал род острова; лядою была лесная поляна, окруженная рекою и болотом, берег при стыке двух рек, где маленькая речка впадала в большую, или там, где река делала крутой поворот, где болото, топь, река и берег создавали для данного урочища, в силу природных условий, изолированное, защищенное положение.

В условиях первобытно-коммунистических отношений производства ланда — поляна-берег была нерасчлененным единством «села-пастбища-посева». «Берег-поляна», «село» родовой коммунистической общины было вместе с тем и общим пастбищем и общим посевом, где стадо составляло общую собственность рода, и обработка земли производилась совокупными усилиями всего родового коллектива. С распадом первобытно-коммунистических отношений, с разложением родового строя, с разделением труда, развитием частной собственности, противопоставлением семьи роду, возникновением и развитием классовых противоречий первоначальное

¹ Grimm. 1865, VI, S. 537.

² И. Н. Смирнов. Пермяки, 1891, стр. 127. «Эльбелен якутов Вилюйского округа» — «сооружение для временной защиты от дождя и ветра» (так. наз. «ветровая заслона». В. П.). «Столбами нередко служат пни деревьев». В. Серошевский. Якуты, 1896, I, стр. 357.

единство села-пастбища-посева начинает расщепляться. «Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают древнюю коммунистическую общину везде, где она еще сохранилась; вместе с тем исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины», пишет Фр. Энгельс, характеризуя последние этапы, когда окончательно уже начинал рушиться родовой строй.

Территория поселения, расположенного на мысу реки, перестает быть местом пастбища и посева. Пастбище и посев выносятся за пределы «села». «Село», которое было поселением рода, теперь становится поселением отдельной большой семьи, глава которой, в силу имущественного положения, занимает главенствующее положение в роде. Land, ляда приобретает специфический характер укрепленного места, предназначенного быть опорным пунктом как для защиты имущества, собственности данной главенствующей в роде семьи, так и значительно расширившейся территории всего рода. Слово приобретает новое значение «городища», что и имеем в слове «ленда» — «родиче эстонского linna — городище».¹

Что на известном этапе развития доклассового общества, на известном этапе разложения родового строя и возникновения классовых противоречий «берег-поляна» перестает быть «селом-пастбищем-посевом» и становится городищем, за это говорят совершенно тождественные изменения значений, связанные с словами «кулас», «кулига», «горт», «кор».

«К у л а с» — «промежуток между какими-либо урочищами». «К у л и г а» 1) «сенокос, окруженный пашнями», «сенокосная пожня» (арханг., шенк., владим., волог.); 2) «часть покоса, находящаяся между деревьями». «Косить на кулиге» (перм., верхот.); 3) «часть луга при берегу реки или озера, где растет мягкая трава» (моск., руз.); 4) «полоса с хлебом» (костр., нерех.); 5) «перехват» или «перешеек» (перм.); 6) «часть леса», «я купил небольшую кулигу леса» (твер., коляз.); 7) «земля, вновь расчищенная под сенокос или пахоть» (вят., новгор., тихв.); 8) «изгиб», «более или менее крутой поворот реки». «В этом месте река дала кулигу» (арханг., шенк.);² «река дала кулигу» — «колена», «образовав по одну сторону сухую кулигу, по другую морскую», «заводь», «поемный лужок»; «дать кулигу» — «дать крюк» (новгор., костр.); «кулижное поле» — «на росчисти» «на пожог» (арх.); «на мысу излучистой реки», «кулиговатое место» — «витая речка, обильная кулигами».³ «К у л и г а» — «вид кулика, бекаса» (*Scolopax foedoa*),

¹ И. Н. Смирнов. Пермь, 1891, стр. 52.

² Опыт областн. великорусск. словаря, 1852, стр. 96.

³ В. Даль, 1914, II, стр. 554.

«стая птиц», «кучка»; «клин земли», «полоса», «загон», «участок, не вошедший в тягловой надел»; «ровное место, чистое и безлесное», «небольшой покос», «пожня особняком среди пашен или лесу»; «прогалинка», «полянка, отличная растительностью, травую, ягодами, урожаем хлеба»; «лужок на заводи, заливе» и самая заводь (перм., арханг.); «часть луга при берегу реки или озера, где растет мягкая трава» (моск.); «перехват» или «перешеек» (перм., оп.); «клин лесу», «остров» (твер., ряз.)¹ «Кулига — вост. лес расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пожню или пашню», «росчисть», «чищоба», «чища», «подсека», «починок», «огнище», «пожог», «валки» и пр.² «Кулижное», «починковое хозяйство» особ. известно в сев.-вост. губ.; «кулижничать» — «рубить и выжигать лес под пашню».³

Итак, слово «кулига» объединяет такой же пучок семантических значений, как и «land» («ляда»): лесная прогалина, мыс, образованный крутым поворотом реки, колено, изгиб реки, пастбище, посев на выжигу, птица, поселение. У Даля читаем: „В Вятской губ. «кулига» иногда значит «починок», «выселок» или «деревня в лесу»“.⁴ Не только в Вятской! М. П. Веске специально подобрал случаи, где слово «кулига» является названием деревни. Для Архангельской губ. он приводит 3 случая, для Вологодской 33, для Пермской 6, для Вятской 4, Костромской 5, Ярославской 11 и т. д.⁵

Слово «кулига» тождественно с эст. «колк», фин. «колкка» (р. колкон) — «угол», «сторона», «край», «глубина», «яма»; «колкко» (р. колкон) — «углубление», «яма», «дикий», «пустынный», «необитаемый»; эстон. колк (р. колга) — «угол», «сторона», «уезд», «выгон», «луг», также «губа», «залив».⁶ Зная, что родовые общины для поселения выбирали «кулижные поля» на «мысу излучистой реки», мы поймем, почему в приведенных примерах одним и тем же словом обозначается «угол» и «сторона», «край».

Из отдельных примеров, собранных М. П. Веске, особенно характерны два. «Колгуев — мыс на юго-вост. оконечности острова Анзерского, при-

¹ В. Даль, II, 1914, стр. 559.

² В. Даль, II, 1914, стр. 554.

³ В. Даль, II, 1914, стр. 554.

⁴ В. Даль, II, 1914, стр. 554.

⁵ М. П. Веске. Славяно-финские культ. отношения по данным языка, К., 1890, стр. 40—45.

⁶ М. П. Веске, стр. 46. М. П. Веске приводит весьма любопытные случаи употребления слова «колк», «колга» в Прибалтике. «Колга (нем. колк) — название бухты, общины и имения на эстляндском берегу Финского залива, на восток от г. Ревеля». «Колга — название церкви и прихода в северной части Лифляндии. Этот приход лежит отдельно от других, в широком болотистом лесу. Сама церковь и принадлежащая к ней деревня, как я имел случай видеть сам, расположены на острове болота».

надлежащего к группе Соловецких островов в Онежском заливе Белого моря). «Колгуев или Калгуев — остров Архангельской губ., в Северном океане, против Шешеходского полуострова, образуемого Чешскою губою. Остров имеет очертание неправильного эллипсиса. Только юго-западный берег прорезан далеко выдающейся во внутренность острова, но мелководной губой — Промой». «Эта мелководная губа и послужила, по моему мнению, — замечает М. П. Веске, — отличительным признаком при названии самого острова. Чтобы иметь более точное понятие относительно двух последних названий (Колгуев-мыс и Колгуев-остров), нужно обратить внимание на то место в объяснении слова «кулига» у Даля, где он пишет: «Река дала кулигу», т. е. „колено“, образовав по одну сторону сухую кулигу, (т. е.) мыс, по другую мокрую (т. е.) заводь, поемный лужок».¹

М. П. Веске подчеркнул тут одну весьма важную семантическую черту языка на стадии родового общества, когда, как мы видим, слово «кулига» («land», «прама»), означая «угол», «поворот», «изгиб реки», охватывало одновременно «мыс» и «заводь», «высокий берег» и «поемный луг», «гору над болотом» и «болотную низину». Теперь нам становится ясным, почему слова с основою *lann*, — *lant* — в финском означали не только «берег», но и «лагуну», «брод». И берег и болотная низина одинаково принадлежали изгибу реки, использованному для поселения родовой общиной. Высокий мыс речного изгиба предполагает мелководную заводь. Язык родового общества оперирует комплексными значениями, не выделяя и не разрывая пуповины функционально данных связей, — тут корни «первичного полисемантизма». Слова с двухсторонним охватом, как в данном случае «вода» и «суша», «низина» и «высокое место», «гора» и «болото около горы», «пустырь» и «поселение», — одна из черт языка родового общества.

Исследуя семантический ряд, восстанавливаемый для слова *land*, мы, взявши за исходный пункт значение «*lan(d)* — берег», «высокое сухое место», подошли к значению «*land* — городище». Указание на появление значения «городище» в подобном семантическом ряду — вполне оправдано, поскольку оно подтверждается не только в примерах с *land*, но и примером

¹ М. П. Веске, *op. cit.*, стр. 47. «Возвышенно ровное место, покрытое елью, называется *прама*. Этим именем называется невысокое место, сухое, покрытое елью и окруженное возвышенностями (от этого слова «прама» Лыткин производит слово Пермь). Жаков. Этнологический очерк зырян. Ж. Ст., 1901, I, стр. 4. Ср. Н. Овчуков. По Чердынскому уезду. Ж. Ст., 1901, I, стр. 50. «Сухое место, покрытое березой», «рас». (Там же). «Рас» «лас», см. ниже.

«гор», «кор»).¹ Выше мы приводили примеры, где у коми «гор», вот «гур» — «огнище»; «горна» — «очаг»; «горт» — «яма» «землянка», «дом», «деревня»; угро-вогуль. «кўўр», остяцк. «кор» («кур») — «огнище»; коми «кыр» — «гора»; коми «кор» («кар») — «городище». Итак, значение «кор» («кар») — «городище» замкнуло ряд: «гора» — «огнище» — «яма» — «землянка» — «поселение».

Топографию древних городищ на севере России, известных под именем «кор» или «кар» и представлявших собою родовые поселения господствующих больших патриархальных семей на ступени, когда общественное разделение труда обусловило разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых, И. Н. Смирнов описывает так: «Стоя у устьев рек, впадающих в какую-нибудь крупную реку, эти „кары“ служили укреплениями, которые были постоянным жильством для князька, прикрытием для реки, по которой промышлял род, и убежищем в минуту опасности»...² «Городки были поселениями чрезвычайно мелких общественных союзов, вероятнее всего родов». Еще «в XVI—XVII веках слово «кар» служило для обозначения городища, в настоящее время во многих местностях Пермского края пермяки уже перестали понимать его, взятое отдельно. С былым своим значением оно до сих пор сохранилось у вотяков и зырян».³

«Излюбленным местом для устройства городища считалась стрелка, образованная слиянием речной долины с долиной какого-либо ручья, обыкновенно сохранившего до настоящего времени свое название „кара-шор’а“, т. е. „ручья с городом“. Место слияния двух долин и представляет городище».⁴

Если на первых этапах «средней ступени варварства» «земли» еще не было, а был «берег», была «поляна», был «выжиг», «гарище»; если

¹ Ср. весьма любопытный материал в статье R. Bleichsteiner. Die werschikisch-burischkische Sprache im Pamirgebiet. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, 1930, I, S. 320; см. также: A. Kannengiesser. Aegäische, besonders kretische Namen bei den Etruskern. Klio, 1911, XI, 7, S. 26—47.

² И. Н. Смирнов. Пермьяки, К. 1891, стр. 132. «В названиях древних каров по большей части заключаются личные имена... Можно предположить, что древнепермские кары были поселениями родов... С таким предположением согласны вполне размеры каров... «Древние кары были защищены рвами и валами». И. Н. Смирнов. Пермьяки, 1891, стр. 131.

³ И. Н. Смирнов. Пермьяки, 1891, стр. 131.

⁴ А. Сидоров. Памятники древности в пределах Коми-края. Коми-му, 1924, 7—10, стр. 55. «Комыгское городище находится в довольно изолированном месте, оно «лежит в излучине речки с топкой долиной, а со стороны материка замыкается болотом». Коми-му, 1925, II, стр. 242. П. Н. Третьяков в статье о городищах ЧАССР упоминает «городище у д. Коршлых, занимающее гору Сардон, мыс высокого берега реки Сундырки», «городище у д. Калугиной, занимающее мыс, образованный двумя сходящимися вместе оврагами». Сообщения ГАИМК, 1932, вып. V—VI, стр. 63.

«село» было «жилом» и «жило» ямой-землянкой с огнищем посередине ямы и с дверью в потолке; если место посева и пастбища было вместе с тем местом поселения рода,¹ то уже на первых этапах «высшей ступени варварства» с ростом производительных сил и с изменением производственных отношений «ляда» становится местом поселения господствующей большой семейной общины, становится «городищем», главенствующим над течением реки.

Главенствующая в силу своего имущественного положения в роде семья, сосредоточившая в своих руках «товар» и «деньги», которыми был скот, вытесняет семьи, не имеющие «товара» и занимающиеся по преимуществу земледелием, за пределы городища, в глубину расчищаемых лесов. «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой же необходимостью становится уже их слияние, тем самым слияние отдельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа».² В соответствии с этими процессами,— процессом расширения территории поселения рода вглубь леса на счет усиленной расчистки лесов,³ процессом объединения родовых территорий в племенные и племенных в одну общую территорию народа, процессом преобразования родовой «ляды» — «села—посева— пастбища» в укрепленный пункт, место поселения главенствующей в роде семьи, — слово land приобретает значение, с одной стороны, «городища», а с другой — «земли», «страны», «края».

Ляда, потерявшая свое узко-родовое значение и приобретшая новое значение названия племенной территории, переставшая быть в производстве тем, чем она была раньше, «пастбищем и посевом», и приобретшая новое значение «укрепленного пункта», «ляда» настолько теряет при смене двух формаций, при переходе от доклассового общества к классовому, свое прежнее значение, что только с помощью палеонтологического анализа удается вскрыть, чем было, что означало это слово на стадии первобытно-коммунистического общества.

Однако, если у О. Шрадера, напр., мы найдем указание, вопреки гриммовскому словарю, признавшему для «land» значение «страна» «исконным» (heimisch), что «древнейшее и собственное значение нашего немецкого

¹ Отсюда и здесь уже совпадение «очага» и «стада», очага, который был общим, как и стадо, представлявшее общую собственность рода.

² Фр. Энгельс. Происхождение семьи..., 1932, стр. 165.

³ С помощью железного топора. «Железо сделало возможным превращение в пашню широких лесных пространств». Фр. Энгельс. Происхождение семьи..., 1932, стр. 164. Про лесорубные топоры см. Ф. А. Теплоухов. Земледельческие орудия пермск. чуди. Пермь, 1892, стр. 6; С. А. Уваров, Меряне, 1872, стр. 126; П. Н. Третьяков. Op. cit.

слова *land* есть *der zu reutende oder gereutete Boden*»,¹ то, напр., акад. А. А. Шахматов в своей работе «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» (1911) исходным пунктом всех своих рассуждений делает признание исконности значения «земля» и «страна».

«Финны называли Повислинье *lansi, länsi* (осн. *lante-, länte-*) под влиянием того, что германцы называли свою страну *landa*. Ср. с этим лапландское название *ladde* для Швеции и северной Финляндии, объясняемое Виклундом из финского *lanta*, восходящего к прагерм. *landa*, древнесеверному *land* страна». К этому акад. А. А. Шахматов делает примечание: «Думаю, что слово лад — откуда древнерусское лядськ «польский», восходит к тому же древнему названию Повислинья».²

Однако финское слово (осн. *lante-, länte-*), прежде чем начать обозначать «страну», «край», обозначало сначала «брод» и «берег», затем начало обозначать «навоз» и «страну». Оно имело в финском свое историческое развитие. И то, что в финском оно имеет раннестадияльное значение «брод» и «берег», говорит против предположения, что оно же в позднестадияльном значении «страна» было заимствовано из немецкого. Значение «страна» оно приобрело не в результате «заимствования», но в результате исторического процесса, обусловившего то, что «берег-поляна» рода сделалась племенной и затем общенародной территорией.

Что слово «лядский» точно так же не восходит к тому же древнему (германскому) названию Повислинья», как это предполагает акад. А. А. Шахматов, а к слову «land» (*lad, lada*), за это говорит уже приводившаяся, скажем, справка из украинского языка, в котором слово «ляда» обозначает: «Ля до — возвышенное место в лесу, заросшее строевой сосной («нов.-вол. у.)». «Ля д и н а — сосна, растущая на ляде». «Лядський — польский»,³ т. е. имеем совпадение названия местности и дерева с племенным названием, — черта, характерная для языка доклассового общества. Ср. в французском «lande», «dann» — «дюны, поросшие кустарником», «кустарник», «область», «край», «страна», лежащая по обоим берегам Адур в Гаскони.^{4,5} Акад. Н. Я. Марр подчеркнул этот факт, указывая на то, что «каждый такой термин (означающий „деревню“ или „село“) одновременно значит „на-

¹ O. Schrader. *Reallexicon*, 1925, Bd. II, S. 264.

² А. А. Шахматов. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. Изв. Акад. Наук. СПб., 1911, I—II, стр. 720.

³ Б. Д. Гринченко. *Словарь украинского языка*. К., 1907, I, стр. 391.

⁴ Ср. грузинское *sopeli* — «вселенная», «земля»; «страна», «селение», «обитатели».

⁵ M. Becherelles. *Op. cit.*, 1853, p. 332.

селение“, „мир“, первично тот или другой социальный, впоследствии племенной мир». ¹

Но семантический ряд: местность-дерево-село-население, — сложился и оформился на том этапе доклассового общества, для надстроечных явлений которого характерно развитие «тотемистических» представлений, как об этом пишет акад. Н. Я. Марр. «Слово „бог“, раскрываемое ныне легко для исторических эпох, как „небо“, на более ранних ступенях развития хозяйства не могло не означать и действительно означало для нас совершенно иной предмет, именно при охотничьем быте... со зверями — „лес — дерево“... С водворения земледелия земля не просто вещество, а „мать-земля“, „богиня-земля“». ² Выше мы приводили слова «очаг», «стадо», «город», «бог», для которых акад. Марр вскрыл их сопринадлежность одному пучку семантических значений. Слово «ляда» в этом отношении не является исключением: обозначая «местность» || «лес» || «село» || «население», оно вместе с тем обозначает и некое «демонологическое существо», что вполне отвечало характеру языка и мышления той эпохи, которая не противопоставляла в языке «местности» «животным, обитающим в этой местности» («елень», ἐλός — «болото» и «птица»), «поселение» «населению», не отделяла «существо» от «вещи». Отсюда «болото — птица», «болото — горло», отсюда «ляда — лес», «ляда — посев» и «ляда — бес».

«Ляда» (не скл. — ляда) — «Гільки о тім, дівки дбайте, ляда — кому не довіряйте» (Гол. 1.367); «Ой щось то ся розлучили через ляда — кого (Гол. 1.26); «Ляда — пліткам не ймай віри» (Ном., № 6980); «Ляда — біс чоловіка удре» (Ном., № 13 236); «Нехай мене ляда — дурень в личко не цілу» (Чуб., V, 174). ³

II

От слова «land» («ляда») перейдем к слову «laz» (лаз), которое принадлежит к разряду слов того же семантического ряда, что и слово «land», обозначая яму || огнище || жилище || посев || родовую группу.

В слове «laz» значительно ярче, чем в слове «land» («ляда»), выступают черты, обнаруживающие связь с эпохой присвоения готовых продуктов природы (охотничьим промыслом) и с типами жилищ наиболее архаическими (овин, баня).

¹ Н. Я. Марр. К вопросу об историческом процессе..., стр. 18.

² Н. Я. Марр. О числительных..., стр. 45.

³ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, 1907, I, 391. Ср. выражение «у чорта на кулижках».

Фр. Энгельс, характеризуя третью, высшую ступень эпохи присвоения готовых продуктов природы, подчеркивает, что именно на этой ступени дичь стала постоянным средством питания, а охота — одной из нормальных отраслей труда.¹

Поскольку, как указал акад. Н. Я. Марр, «нет языка вне производства», вполне естественно предположить, что именно на этой ступени словесный запас, связанный с охотой как с одной из важнейших отраслей труда, должен был особенно обогатиться, развиваться и укрепиться. «Дичь», «место охоты», «орудия охоты», — вот круг, в котором должно было обращаться словотворчество охотничьих родовых общин.

В украинском языке слово «лаз» обозначает лесную тропу, проложенную зверями. «Лаз» — «лесной проход зверей».² «Лаз» — «пересмик», «просмик» («кудою звірі проходять»)³ В польском «laz» — «chód niedzwiedzia». В сербо-хорватском «laz» — «тропа».⁴ В русском языке слово «лаз» имеет то же значение «звериной тропы», «лесной тропы, проложенной зверями к водопою».

Академический словарь (1930) для слова «лаз» дает такие значения: «лаз» — «место, по которому обыкновенно пробегают звери»; «место, откуда ожидают появления зверя»; «тропа, пролагаемая дикими животными, когда они ходят на водопой, к реке или озеру, также водяными животными, когда они выходят на сушу». (Арханг. г.) (Подв.)⁵

Итак, «лаз» — это «тропа, пролагаемая дикими животными, когда они ходят на водопой к реке или озеру», — что весьма существенно, характеризуя «лаз»; как нечто целое: лес, водопой, река-озеро, лесная звериная тропа.⁶ Водопой на речке или озере, тропа, которой ходят к водопою звери, наиболее «ценное» место с точки зрения охотничьего промысла.

Лес при реке или озере, речной звериный водопой, звериная тропа к водопою fons, nemus, campus (Тацит, Germania, XVI), — слово «лаз» является охотничьим термином, охватывающим как место, где производится охота (ср. выражение «стоять на лазу», подстерегая зверя), так и средства и способы охоты. Один из распространеннейших способов охоты

¹ Фр. Энгельс. Происхождение семьи..., 1932, стр. 32.

² Словарь русского языка, 1930, т. V, стр. 107.

³ М. Уманец і А. Спілка. Словарь російсько-український, 1893, т. I.

⁴ Jan Karłowicz. Słownik gwar pol., 1903, III, стр. 69; E. Berneker. Slav. etym. Wörterbuch, 1924, I, S. 697.

⁵ Словарь русского языка, 1930, V, стр. 107.

⁶ «Алєсистый» (в Бобруйском и Новогрудском уу.) — «болотистый», «алєсистое поле», «алєс» — «топь», «зыбкое место» (Бобр. и Новогр. у.).

на зверей на их пути к водопою это перекапывание тропы ямою, устройство на пути западни, «лазника». «Лазник» в русском языке — «люк», «западня».¹

Акад. Н. Я. Марр подчеркивает, что «слова обозначали тот или иной предмет не по его виду или материальному составу, а по функции, т. е. по назначению и „отправлению“ известной работы.»² Будучи термином, прежде всего, охотничьего промысла, обозначая «тропу, ведущую к водопою» и «ловчью яму», «лаз», как и «land» (ляда), — поскольку «лаз» это не просто «тропа» и «яма», но «лес, водопой, река-озеро, тропа», — обозначает «прогалину между лесами», ту поляну, которая осваивается охотничьей родовой общиной в условиях девственных, нетронутых, недоступных для человека пралесов. Эти прогалины, как мы указывали выше, в сибирской тайге носят название «аласа», «алана» («елани»).

В русском: «лазина» — «поляна между лесом», «прогалина».³

«Laz» у словенцев — «бездеревное место в лесу».⁴ Чешское «laz» «горная поляна» (Bergfläche).⁵

Значение слова в языке доклассового общества определялось его функцией: «яма, использованная для охоты на зверей», «ловчья яма», «западня», это — «лаз», но «лаз» это вместе с тем и «яма, использованная для жилья». Одним и тем же словом («лаз») назывались «ловчья яма» и «яма — жилище», «место, где охотник стоял на лазу», и «поляна, как место поселения». «Laz» в чешском языке одновременно: горная, как мы указали выше, поляна, но это же слово ház-ěň, ház-enka, laz-na — жилище, сохраняющее наиболее архаический тип, «баня».⁶ В польском «łaznia» — «budynek za wsią do suszenia lnu i konopli».⁷

Устройство первобытного овина достаточно известно из этнографической литературы: это, по большей части, в наиболее примитивном его устройстве — яма, где разводится огонь и где на положенных жердях сушат

¹ Словарь русск. языка, 1930, V, стр. 118. «Больших зверей», пишет в 1743 г. Миллер, «ловят чувашы ямами», «малых сетями». «Ямы — наиболее простые приемы ловли зверей и птиц у древних и современных чуваш. Ямы роятся с осени и служат для ловли зимой. Ямы круглые, в диаметре 1—2 сажени и столько же глубиной. Посредине такой ямы вколачивается шест. Сверху она закрывается хворостом, засыпается снегом или соломой и снегом» Н. В. Никольский. Кр. курс этногр. чуваш, 1929, стр. 4.

² Н. Я. Марр. Этапы... 1933, стр. 239.

³ И. Ф. Наумов. Доп. зам. к «Толковому словарю Даля. Прил. к XXIV т. Зап. АН, № 1, СПб., 1874, стр. 18. J. Charpentier. Kritische Bemerkungen, Archiv f. slavische Philologie, Bd. XXIV, S. 5.

⁴ E. Berneker. Slavisch. etymol. Wörterbuch, 1924, I, S. 696.

⁵ J. Rank. Sl. jaz. česk., 1875; E. Berneker., S. 696; J. Charpentier, S. 5.

⁶ J. Rank. Sl. jaz. česk., 1875; J. Vaňa. Sl. čes.-rus., 1895.

⁷ J. Karłowicz. Sł. gwar pol., 1903, III, стр. 70.

снопы.¹ От овина баня отличается тем, что она отопляется не огнищем, а очагом в виде кучи наваленных камней, «каменкой», где устройство очага и способ кипятить воду взаимообусловлены: очаг из кучи наваленных камней это, собственно говоря, то же огнище, на котором раскалывают камни, чтобы с помощью раскаленных камней, бросаемых в деревянные корыта, кипятить воду. Архаическое строение с архаическим способом кипячения воды ясно указывает на эпоху, когда еще не было изобретено гончарство.²

Тождество значений «баня» и «овин» в польском убеждает нас, что с словом «лаз» мы восходим к эпохе, когда «баня» и «овин» были еще недифференцированы, когда и то и то строение одинаково было «лазною», т. е. и то и то строение одинаково представляло собой яму с огнищем. Что «лаз» прежде всего «яма», а затем только «яма с огнищем» видно не только на примерах русского и польского языков, но также и украинского. На Украине «лазом» называют «яму, приспособленную для хранения зерна».³

¹ «Алажь», «алашь», «алажка» (арх.) — «очаг для варки», «шесток на лодках, рапшинах и кочмарах»; «это место на носу, убитое песком и глиною». В. Даль, 1903, стр. 25. «Алажь» «алажна» — «место на судне наверху, где кладутся особые доски, покрытые толсто землею или песком; тут разводят огонь для варения пищи» (арханг.). Дополн. к опыту обл. влкр. слов. СПб., 1858, стр. 2.

² В бане олонецких карелов «направо от входа в баню, в одном из углов устраивается печь, сложенная из мелкого камня, причем для укрепления верхней и боковых сторон печи кладутся три плиты: две ребром, третья кладется плашмя. На них уже сыплот мелкий камень без всякого скрепляющего вещества; сложенная таким образом печь часто разваливается; при топке сквозь камни местами виден огонь. Подле печи устраивают полок из досок (на аршин от пола). Вода нагревается в ушатах посредством раскаленных камней. Окно прорублено с правой или левой стороны от входной двери (против полка и сбоку его); по прекращении топки оно закладывается доской, равно как и отверстие в потолке, в которое выходит дым. Труба устраивается редко, но где она есть, ее делают или дощатой, или из выдолбленного ствола осины. Потолок сверху засыпают землей и стелют крышу на один скат, которая образуется тем, что одну из стен сруба, образующую баню, строят несколькими бревнами выше, чем остальные». Н. Харузин. Оч. ист. разв. жил. у финнов. Э. О., 1895, I, стр. 63—64. Ср. Р. М. Габеев. Мат. по нар. зодч. зап. финнов Ленингр. о. Западнофинский сборник. Акад. Наук СССР, Л., 1930, стр. 107—163.

Такова же и белорусская баня — лазня. «Окна обыкновенно отсутствуют или, если и имеются, то весьма незначительной величины: иногда их заменяют просветцы. Главный интерес бани заключается в ее печке: в лучшем случае это черная печь, отапливаемая без трубы, обыкновенно же это каменка, т. е. печь, сложенная из булыжных камней (кымянок, кымянок). На верху такой печи лежит гряда мелких булыжников; когда они от топки накаляются докрасна, то часть их бросают в корыто с водой, для нагревания последней, а другая часть обливается водой, вследствие чего получается пар. Для паренья устроен пол или полок». Ал. Харузин. Слав. жил. Сев.-Зап. края, 1907, стр. 138.

³ У древних германцев точно так же «яма для хранения зерна» и «яма — жилище» устраивались, как отмечает Тацит, одинаково. «Solent et subterraneos specus aperire, eosque multo insuper fimo onerant, suffugium hiemi et receptaculum frugibus, quia rigorem frigorum eiusmodi locis molliunt» (Germ., XVI).

В украинском языке слово «лазня» имеет такие значения: 1) «баня»; 2) «низенькая хижина с маленьким входом, куда можно только пролезть». «Хата—так неначе лазня.—Що ж це лазня?—кажуть, що є такі дикі люде що у їх у землянках, чи в курінцях нема дверей, а дірка і туди лазять рачки. Оце тобі й буде лазня» (Киев, у.); 3) «яма для сохранения хлеба в зерне».¹

Ср. также: «алачюга» — «шалаш», «балаган», «лачуга», «воградь вси алачюги погорели» (Ник. лет.),² «лась» («лачуга») — наиболее распространенная жилия постройка у чувашей.

«Что такое чувашский лась? Обычный тип лачуги такой. Это — четырехугольный сруб с двускатной, удлиненной над входной стороной, крышей. Лачуга имеет всего одну комнату; пол земляной; внутри помещается первобытный очаг, составленный из камней; он обыкновенно открыт, по край-

¹ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, 1907, I, стр. 341. Впрочем, нужно признать, что Б. Д. Гринченко не совсем удачно расшифровал значение слова лазня. Как видно из приведенного примера, речь идет не о «низенькой хижине с маленьким входом», а об «землянке, где нет дверей, и куда через дірку лазять рачки». Э. Бернекер вслед за О. Шрадером высказывает предположение, что слово «лазня» первоначально обозначало лестницу, ведущую в воду («ins Wasser führende Stiege»), и добавляет «деревянные подмостки русской парной бани нередко имеют сходство с лестницей» О. Schrader. Reallexicon, 1923, I, S. 75, E. Berneker. Slavisch. etymol. Wörterbuch, S. 697. Что слово «лазня» восходит в истории материального производства вовсе не к «деревянными полкам русской бани», как это предполагает Э. Бернекер и О. Шрадер, — деревянные полки в бане явление стадияльно позднее, — а к простой яме с огнищем и затем с каменкой, за это говорит весь приведенный выше семантический материал.

Описание овина и литературу вопроса см. А. Р. Данилин. Приспособление для сноповой сушки хлеба у вост. славян и их соседей. Этнография, 1928, № 2, кн. VI.

² Словарь церковно-славянского и русского языка. 1867, стр. 11... «Алачуги кочевых азербайджанских татар устраиваются из тростника или из нескольких жердей или тычинок гибких деревьев, согнутых в дугу и воткнутых обоими концами в землю. Эти жерди переплетаются другими в горизонтальном направлении, так что внутренность такого помещения представляет вид купола». Н. Харузин. Ист. жил. у тюрк. и монг. народ. Э. О., 1896, II—III, стр. 66. Итак, «жердь» одновременно: «жилище» и «строительный материал». «Ала» («алачук», «алачык», «аланчык») в турецких языках имеет четыре значения: 1) тонкая жердь, 2) юрта из коры, 3) шалаш, 4) войлочная кибитка. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I, стр. 359. «Обычай покрывать летние конусообразные жилища берестой еще господствует (у алтайских тюрков)... Жерди прикрываются берестой и толстой корой лиственницы или сосны». «Так как жерди, употребляемые алтайцами для постройки... юрт, отличаются сравнительно большими размерами, то они при переменах мест кочевков обыкновенно не переносятся. Покрытая войлоком юрта называется «соольты», покрытая берестой — «салатчик». Н. Харузин. Ист. жил. у тюрк. и монг. народ... Э. О., 1896, I, стр. 7. В изданном Миллером «Описании народов» (1776, II, 128) об якутских летних жилищах сказано, что «они состоят из жердей, подобны кегелю и покрываются берестой». По Миддендорфу они носят название «урос», по Б. Вамбери «urasa», по В. Л. Приклонскому «урасу». Н. Харузин. Ист. жил. у тюрк. и монг. народ., 1896, I, стр. 13—14. Ср. у чукчей «яранга». Учитывая меню г||1 — имеем «уло», «уласа», «яланга» для всей Евразии. «Европа обладает этническим субстратом, увязанным с самого начала как с Азией, так и с Африкой». Н. Марр. Этапы, стр. 151.

ней мере, с одной стороны. Над очагом на перекладине привешивается котел. Дым выходит через скважины в потолке. Иногда этот тип варьируется, напр., дверь устраивается с боковой стороны. У лачуги нет окон, пола, потолка, печи (вместо нее очаг). Крыша у лачуги делается со скатами, но в первобытном виде она имела плоскую или односкатную крышу».¹ Чувашский «лась» по типу постройки вполне соответствует типу «лазни» («бани») с очагом-каменкой, — полунадземному сооружению, которое стадийно приходит на смену «лазу» как «яме», — «логовищу» и в этом смысле обозначает некоторую «курную яму». Слово «лась» восходит к тур. слову «алас», обозначающему «долину», «урочище», «котловину с высокими берегами», где совпадение значения «жилье» с значением «местности» отвечает такому же совпадению значений для «лаз» в русском, польском и т. д.

Учитывая «коренное изменение значений, свидетельствующее о столь же коренном изменении хозяйственной жизни человечества»,² мы в слове «лаз» находим, с одной стороны, значения, относящиеся к эпохе присвоения, к эпохе, предшествующей стадии изобретения гончарства,³ а с другой стороны, совершенно иные значения, относящиеся к средней и высшей ступени варварства.

С введением земледелия и с перемещением центра тяжести хозяйственной жизни доклассового общества с охоты на земледелие, слово «лаз», обозначавшее «тропу, ведущую к водою», начинает обозначать — «гарь», «выжиг», «подсеку», «ляду». Так напр., в польском: «łaz», «łazu» — «pastwiska na zarębkach», «polowanie po łazach»; «łaz» (u Podhalan) — «miejsce, wypalone z zarośli na pole»; «łaz» — «telepanie», «chód niedźwiedzia»; «łazu» — «kołęda»; «łazek» — «kupka drobnego drzewa do palenia», «łazki» — «das, wypalony pod siew».⁴

У словенцев, у чехов слово «łaz» так же точно имеет значение «нови», «выкорчеванного места в лесу», «поля», «почвы».⁵

Если на стадии введения земледелия «лаз — лесная поляна», приобрела теперь, использованная для земледельческих целей, новое значение «места посева», то на следующей стадии, с развитием классовой дифференциации в обществе, частной собственности и т. д., та же «лесная поляна», расположенная на высоком берегу и превращенная в укрепленный пункт, при-

¹ Н. В. Никольский. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1929, стр. 34—35.

² Н. Марр. Этапы..., 1933, стр. 239.

³ Фр. Энгельс изобретение гончарства относит к низшей стадии варварства.

⁴ Jan Karłowicz. Słownik gwag pol., 1903, III, стр. 69.

⁵ Ср. также «у-лаз» — «вырезывание сот», «у-лазный» «мед». E. Bernecker, op. cit., 1924, стр. 697.

обретает новое значение «городища», как на это указывает древнеисландский, в котором «lās» обозначает «замок» (= «городище»)¹.

Как мы указали в примечании, А. Вальде устанавливает связь между ирл. «las» и лат. «lamma», «lamna». Такую же попытку сопоставить «las» и «lann», «land» на почве славянских языков сделал Н. Йокль.

Нор. Йокль «laz» — (польск. «łazu» — «возделанное поле», «болотная низина», чешск. «laz» — «пустошь», «горная поляна», слов. «laz» — «новья», «ляда», сербо-хорв. «láz», русск. «лазина» — «светлое место в лесу», укр. «лаз» — «небольшая лесная поляна», восстанавливая праформу «led-z», — ставит в связь с ц.-сл. «ledina» — «необработанная земля», русск. «ляда» — «поле, поросшее молодым лесом», «новья», «посев на гари», «болотная низина», чешск. «ladem ležeti», слов. «ledina», сербо-хорв. «ledina», нем. «land». Для предположенного «led-z» Йокль указывает на џ в др.-сев. «lundr» — «роща», др.-пруск. «lindan»².

И. Шарпантье, выступая в следующем томе «Archiv'a» с возражениями Н. Йоклю, относит слав. «laz» — к «logh». Что касается «ledina», то, по мнению Шарпантье, это слово принадлежит к гот. «land» и родственным с ним.³ Н. Йокль не согласился с возражениями Шарпантье. Он ссылаясь в своих возражениях главным образом, на тождество значений, на то, что чешск. «laz» это по смыслу то же «lado» («ledo»), что словацк. «laz» — «неоранное место» тождественно по значению с ц.-сл. «ledina», равно как и слов. «laz» — «новья» и русск. «ляда» — «новья»⁴.

Спор Н. Йокля с И. Шарпантье обнаруживает всю ограниченную узость буржуазного языкознания, когда тот и другой исследователи, совершенно правильно указывая на какую-либо частность, не охватывали «вещь во всех ее связях и противоречиях» и возражали один другому, споря о частностях вне охвата целого. Безусловно «laz» и «log» связаны между собой, и эта связь, не исключая, включает как третий вариант связь «laz»

¹ А. Вальде сопоставляет др.-исл. «lās» — «замок», «let» — крючок на крышке ларчика» с лат. «lamma», «lam(m)na» — «плита», «лист», «доска». Ср. А. Fick. Vgl. Wb. d. indg. Spr., 1894, II, S. 240: ирл. «lann» «чешуя», «листья». — лат. «lamina», «lamma».

² Norbert Jokl. Ein urslavisches Entnasalierungsgesetz. Archiv für slavische Philologie, 1906, Bd. XXVIII, S. 2. Конечно, предложенная (праславянская) форма «led-z» — фантастична. Она никогда в природе не существовала. Однако попытка Н. Йокля поставить в связь «laz» и «land», конечно совершенно правильна, хотя она и может быть обоснована только на фактах вне сферы так наз. «индо-европейских языков». Сюда же следует включить и указанный И. Шарпантье «log».

³ J. Charpentier. Kritische Bemerkungen zum urslavischen Entnasalierungsgesetz. Arch. f. slav. Phil., 1907, Bd. XXIX, S. 5.

⁴ N. Jokl. Arch. f. slav. Phil., Bd. XXIX, S. 15.

и «lann» («land», и «lant»). Указанное Н. Йоклем семасиологическое тождество «laz» и «land» бесспорно, но суть дела заключается не в тождестве отдельных слов в отдельных языках, а в тождестве двух семантических рядов, которые могут быть восстановлены только с помощью палеонтологического анализа.

Мы приходим к выводу, что ни «land» в немецком, ни «lann» в бретонском не являются ни первое «исконно-немецким», ни второе перешедшим в бретонский из кельтского. Ошибался Э. Литтре, считая французское «lande» заимствованием из немецкого.¹ Но ошибался и Фр. Дец, отрицая такое заимствование.² Впрочем и мнение, высказанное в словаре Гриммов, о принадлежности франц. lande и нем. land к двум совершенно независимым языковым группам, так же неосновательно, как и противоположное мнение, говорившее о заимствовании.³

Попытки А. Брюкнера, Е. Бернекера, А. А. Шахматова определить этническую принадлежность польского łąd и славянского ладина, бесплодны, как и приведенные попытки относительно бретонского lann. Ал. Брюкнер в своем «Этимологическом словаре польского языка» утверждает, что слово łąd — немецкое. Он пишет: «Слово это-западноевропейское, немецкое и кельтское (оттуда французское lande «степь»)».⁴

Е. Бернекер, противопоставляя значение слова łąd в польском «земля, берег» значению этого слова в иных славянских языках («новь», «луг», «земля, освобожденная от леса») считает его, подобно А. Брюкнеру, заимствованием («pol. łąd, 'Land, Ufer' ist der Bedeutung wegen als das Lehnwort anzusehen»).⁵

Акад. А. А. Шахматов в статье «Zu den ältesten slav.-kelt. Beziehungen» (1912) в главе «Кельтские слова, перешедшие в общеславянский праязык» пишет: «Слова, неизвестные в других языках, однако в звуковом отношении идентичные в общеславянском праязыке и в пракельтском,

¹ «С исторической точки зрения кажется явным, что первоначально lande вполне соответствовало немецкому land». E. Littré. Dict. de la langue franç., 1889, III, p. 246.

² Fr. Diez. Etym. Wb. d. rom. Spr., I, S. 242.

³ В словаре Гриммов высказывается мнение о двух совершенно обособленных языковых группах: «исконно» романской и «исконно» германской. «Итал., испанск. landa, франц. lande «степь» происходит из кельтского lann, более древн. land, «колючий кустарник», ведя, таким образом, к совершенно иному смысловому ряду». Что же касается немецкого land, то «это отечественное слово существует во всех германских языках, и с древнейших времен в той же форме; как отечественное, оно не имеет никаких внутренних точек соприкосновения с родственными языками. Такое допущение основывается на том, что первоначальное значение land является восходящим к специально германским воззрениям». Grimm, VI, S. 90.

Al. Brückner. Slow. etym. jez. pol., Kr. 1927, стр. 292.

⁵ E. Berneker, Slavisch. etymol. Wörterbuch, 1924, I, S. 705.

могут быть объяснены с большим или меньшим правдоподобием, как заимствования из кельтского в славянском». Акад. Шахматов указывает при этом, что исследователь при «анализе отдельных славянско-кельтских слов открывает в славянских словах такие звуковые особенности, которые могли возникнуть только на кельтской почве и которые чужды славянской речи. Такие слова может он с полной уверенностью считать за заимствованные». Кроме того, А. А. Шахматов указывает на одну особую категорию слов, обозначающих те или другие понятия культуры: «Словарный анализ общеславянского праязыка доказывает более сильное культурное влияние германцев на славян; тем естественнее могли на них влиять кельты, стоявшие в культурном отношении выше германцев и оказывавшие на них значительное культурное влияние».¹

В ряду слов, признаваемых акад. Шахматовым за заимствованные из кельтского, приводит акад. Шахматов «lāda»: «Altslav. ладина; unbebautes Land, č. lada, lado: unbebautes Land, Öde, russ. l'ado, l'adina, cf. kelt. landa: Fläche, freier Platz, Hof, auch Öde (ir. land, lann, bret. lann: «lande» etc.) с упоминанием о Ростафинском, называющем это слово «кельто-славянским». «Got. land, по мнению А. А. Шахматова, germ. landa neutr. gen. steht nach Genus und Bedeutung vom slavischen Worte ferner als das keltische»².

Слово «ладина» с таким же успехом может считаться заимствованным из кельтского, как и обратно. Если акад. А. А. Шахматов находит возможным считать «ладина» заимствованным, то так же точно Е. Бернекер находил возможным отрицать связь между кельтским land, lann и славянским ладина. Ясно одно, на почве буржуазного языкознания, исходившего из признания расовых языков и стремящегося в соответствии с этим фиксировать этническую суверенность того или другого слова во имя утверждения, что «подчиненные» языки «низших» рас «заимствуют» слова господствующих языков «высших» рас, ни одного вопроса не разрешить. Буржуазное языкознание исчерпало себя. Оно пребывает в тупике бесплодных взаимообратимых колебаний. Для нас совершенно ясна методическая недопустимость отождествлять «этноты» классовых обществ с теми этническими группировками, которые существовали на ранних этапах развития доклассового общества.

¹ A. Schachmatov. Zu den ältesten slavisch-keltisch. Beziehungen. Arch. f. slav. Philolog., 1912, XXXIII, S. 85.

² A. Schachmatov. Op. cit., S. 90—91. Что касается Е. Бернекера, то он, напротив, отнесся отрицательно к мнению акад. Шахматова и считал предположение о заимствовании слав. lādo из кельтского недоказанным, E. Berneker. Op. cit., S. 705.

Удерживаясь от преждевременных обобщений, мы тем острее, с тем большим напряжением ощущаем огромные и решающие выводы, которые раскрывают пред нами неожиданно широкие, казалось бы, навсегда закрытые и затерянные пути в «неолитическую» Евразию.¹ Во всяком случае, мы уже и теперь можем сказать, что «alb», «(a)lan(d)», засвидетельствованные как современными турецкими языками Азии, так и рядом языков современной Европы, в Евразии эпохи родового общества обозначали: «прогалину между лесами», «высокий берег на излучине реки», «лесную котловину с крутыми берегами». Такое значение вполне соответствовало тому, что дают нам археологические данные, относящиеся к концу палеолита, напр., в Прибайкалье. «Хозяйственная сторона жизни населения Прибайкалья в конце неолита, по данным археологии, представляется в таком виде. Это были... рыбаки, занимавшиеся охотой и отчасти скотоводством. Для своих поселений они выбирали места по берегам рек или крупных озерных водоемов, обычно при впадении небольших речек, там, где имеется отлогий берег, удобный для вытаскивания сетей, и луговые участки (на займищах) для пастьбы скота».

Март—май 1934 г.

С. П. ОБНОРСКИЙ

Язык договоров русских с греками

Договоры русских с греками составляют замечательные, но вместе с тем и загадочные в разных отношениях памятники старой письменности. Значительность их содержания вызвала большой интерес со стороны различных исследователей. Но среди последних по большей части мы встречаем имена наших историков и историков права, также историков русской литературы, и меньше всего видим здесь лингвистов, историков языка. В последнем отношении собственно выдается одна крупная работа — Н. А. Лавровского «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853 г.), исследование, выводы которого о неоригинальности, о переводном характере договоров составляют общепризнанное положение нашего времени.

В последние годы замечательная по сжатости, четкости и оригинальности выводов статья, посвященная договорам, написана акад. В. М. Истриным (Изв. ОРЯС, т. XXIX, 1924 г.). В этой статье, между прочим, подведены итоги всей предшествующей разработке вопроса о договорах. Итоги получились невелики. Кроме положения о греческой основе договоров, добытого, как замечено, еще в результате исследования Н. А. Лавровского, во всех прочих отношениях мы имеем пока еще неразрешенные проблемы. Такова проблема о реальности договоров, об их современности, о языке в собственном смысле договоров.

Как известно, договоры дошли до нас в составе Повести временных лет. Здесь они, в числе четырех, помещены под 907, 912, 945 и 972 гг., будучи отнесены к деятельности русских князей Олега (договор 907 и 912 гг.), Игоря (договор 945 г.) и Святослава (договор 972 г.). Однако текстуально из всех этих четырех договоров мы имеем лишь договоры 912, 945 и 972 гг. Что касается первого договора князя Олега, то летописец лишь от своего имени под 907 г. (после повествования, в преувеличенных красках, об удачном походе Олега на Константинополь) говорит

об обстоятельствах заключения договора, попутно при этом сообщая эксерпты самого договора в числе его семи пунктов. Далее в летописи под 908, 909, 910 гг. нет никаких сообщений; все содержание событий 911 г. исчерпывается сообщением о появлении на западе большой в виде копья звезды, и начинается повествование о событиях 912 г. приведением текста самого договора (912 г.) после короткой вводящей фразы об отправке Олегом послов своих, чтобы «построить мира и положить рядь межю Русию и грекы». Что же перед нами — два самостоятельных договора, заключенные в 907 г. и вторично, в какой-то сложившейся новой обстановке, в 912 г.? Сама летопись в своем повествовании не дает фактических оснований для предположения двукратности заключения договора на протяжении этого короткого промежутка времени. Текстуально договор 912 г. не содержит никаких указаний на то, чтобы до него было заключено какое-нибудь договорное условие между Русью и Византией. С другой стороны, показательное полное отсутствие в тексте договора 912 г. тех статей, которые приведены в летописи под 907 г., между тем по своему содержанию они таковы, что не могли не быть обязательными элементами договора (это статьи о взимании послами «слебного», или гостями «месячины», также брашна и судного оборудования на обратный путь и т. д.), и действительно, все они вошли в позднейший договор 945 г. Необходимо, очевидно, согласиться с заключением акад. А. А. Шахматова о том, что в действительности договора между Русью и Византией в 907 г. не было, и сообщение в летописи под этим годом о заключении договора с приведением отдельных его статей обязано целиком домыслу летописца, по своему разумению связавшего в своем повествовании факты удачного похода русских в Византию 907 г. и заключения между ними договора. Самый акт заключения договора и выработка соответственного текста договора, очевидно, имели место позднее, т. е., считаясь с свидетельством летописи, принадлежали 912 г. Но был ли этот договор, договор 912 г., реален? Дело в том, что текст этого договора по содержанию входящих в него статей во многих пунктах одинаков с договором 945 г., содержащим в себе, как отмечено выше, и статьи, помещенные в летописи под 907 г. Но эта близость содержания не может служить основанием к тому, чтобы заподозрить истинность договора 912 г. Вполне возможно, и это само по себе было бы понятно, что содержание позднейшего договора должно было считаться с соответственным актом договорного соглашения предшествующего времени и в известной мере исходить из него, повторно используя из него те пункты, которые не утратили со временем своей актуальной силы. Этим должно объяснять

близость постатейного содержания договоров 912 и 945 гг. Оба договора вместе с тем содержат в себе ряд признаков внешних и внутренних различий, заставляющих видеть в них два отдельные юридические акта. Договор 945 г. имеет ряд статей, отсутствующих в договоре 912 г. (напр., о военной помощи русских, о мерах против черных болгар, об обеспечении условий рыбной ловли для корсунян у Днепровского устья, о возбранении военных действий в Корсунской области и др.), или иную формулировку отдельных статей и под.; с другой стороны, не все статьи договора 912 г. вошли в состав договора 945 г. Все эти различия обоих договоров, как, с другой стороны, и их связь естественны и понятны сами по себе. Обращает на себя внимание троекратная ссылка договора 945 г. на предшествующий договор по формуле «якоже уставлено есть (преже)». Первая соответственная ссылка относится к статье, предоставляющей русским право посылать в Византию корабли с послами и гостями, вторая ссылка относится к пункту об обеспечении возвращающихся обратно в Русь русских пищей и ладейным снаряжением, в третьем месте говорится об обязанности греков, «как положено прежде», уплачивать две паволоки за бежавшего русского челядина в том случае, если бы он не был разыскан в Греции. Что же это за прежнее установление? Это, конечно, соответствующие статьи предшествовавшего (договору 945 г.) договора, т. е. договора 912 г. Но в тексте этого договора, 912 г., как раз нет этих статей. Однако из трех приведенных пунктов для двух первых находятся подходящие места в изложении летописца под 907 г. Только для третьего места ссылки договора 945 г. на прежнее установление не находится подходящего контекста в договорах и 907 и 912 гг. Мы должны на основании всего этого сделать вывод, к которому в свое время пришел еще Сергеевич (Ж. М. Н. Пр., 1882, январь, стр. 92), о том, что в контексте договора 912 г. перед нами фактически договор неполный. Первоначальный текст этого договора был сокращен летописцем и за счет отдельных его статей, перенесенных им в повествование под 907 г., и в ряде иных мест. Ср. по изданию «Повести временных лет» акад. А. А. Шахматова содержащееся в тексте договора одно лишь заглавие статьи «о взимающихъ куплю Руси», без самого содержания статьи, и другие испорченные места в тексте договора.

Что касается договора 945 г., то и в его контексте с давней поры наблюдается несогласованность в изложении статей — в начале и в конце договора от имени Руси, в срединной части, т. е. собственно в договорных статьях, от лица Византии. В объяснение этого факта еще Геденовым высказано предположение о наличии у переводчиков договора двух раз-

ных его оригиналов — одного, содержавшего текст договора, шедшего от русских к грекам, и другого, напротив, исходившего от греков к русским, причем под рукою переводчиков произошла указанного вида компоновка обоих оригиналов. Ср. в связи с этим именно в тексте договора 945 г. избыточные случаи смешения слов «наш», «ваш», «нам», «вам» и под., легко объясняющиеся из соединения в тексте двух противоположных по отправной линии изложения оригиналов договора.

Договор 972 г., заключенный Святославом после его неудачного выступления против Византии, сам по себе сжатый, скупо в своем содержании оформленный именно по причине свежих впечатлений от неудачи похода Святослава, вообще не вызывает сомнений ни в отношении своей реальности, ни в отношении своего содержания и формы.

В указанной статье акад. В. М. Истрин впервые заострил внимание на вопросе об отношении дошедших текстов договоров, точнее сказать — их перевода, ко времени собственно заключения отдельных договорных актов, также на вопросе о том, что же был за язык, на который переведены были эти договоры. Оба эти вопроса в предшествующих исследованиях не были поставлены в прямой своей форме. С одной стороны, вообще лингвистическое изучение договоров, как отмечено выше, было незначительным. С другой стороны, этих вопросов не возникало ввиду общей недостаточности разработки самого русского языка и истории русского языка, при которой, напр., отсутствовало в научном обороте четкое представление как различных понятий — понятия русского и славянского языка в отношении к старшей поре и под. В таком положении вещей естественно, что отдельные исследователи, попутно затрагивая вопрос о времени написания договоров и о языке, на который они были переведены, обычно высказывались, не приводя особых доказательств, в пользу предположения современности перевода договоров реальным актам договоров и в пользу болгарского языка, как языка их переводов. По предположению акад. А. А. Шахматова, в летопись договоры впервые были включены Нестором, нашедшим их в княжеском книгохранилище и использовавшим в своем труде по составлению Повести временных лет, следовательно, в начале XII в. Неясным при этом остается вопрос, в каком виде, по представлению акад. А. А. Шахматова, содержались договоры в княжеском книгохранилище, были ли это греческие оригиналы, или уже сделанные ранее с них переводы. Акад. В. М. Истрин, не находя в тексте дошедших договоров таких данных, которые убедительно свидетельствовали бы о одновременности сделанных их переводов, или черт, которые позволили бы отнести перевод ко времени заключения

самых договоров, напротив, усматривая в отдельных местах порчи текста договоров указание на то, что перевод их производился поздно, когда само содержание договоров уже было чем-то забытым и непонятным, что и сделало возможным появление в переводе искажений, — заключил об общем одновременном и вместе с тем позднем переводе договоров — во второй половине XI в. Это была пора, по мысли акад. В. М. Истрина, первоначального составления у нас хронографа. В нем византийская история, составленная по хронике Георгия Амартола, была продолжена событиями русской истории, начиная с 852 г. Сюда, наряду с прочими источниками, были включены и договоры, на сей предмет переведенные в том же литературно-переводческом кружке, организованном деятельностью Ярослава Мудрого, в котором производилось составление хронографа, которому принадлежал и ряд иных переводов византийских памятников. Так разрешая вопрос о времени перевода договоров, акад. В. М. Истрин соответственно считал язык, на который были переведены договоры, нормальным русским литературным языком того времени, тем же, которым писалась и вся летопись, т. е. это был церковно-славянский язык, но воспринявший в себя известные, иногда в большей, иногда в меньшей мере, в зависимости от характера памятника, черты русского языка. Таким образом, в разрешении акад. В. М. Истриным вопроса о времени и языке перевода договоров перед нами тот же основной его взгляд, что и в его оценке происхождения ряда иных переводных произведений старой нашей письменности в роде хроники Георгия Амартола и др.

Изучение языка договоров представляет большие трудности. Перед нами произведения по происхождению X—XI вв., но представленные списком для двух договоров 945 и 972 гг. лишь последней четверти XIV в., так наз. Лаврентьевским списком летописи 1377 г., этим старейшим из летописных списков, содержащих Повесть временных лет; для двух же остальных договоров приходится пользоваться списками еще более поздними — XV в. Таким образом, от периода первоначального появления договоров до времени старшего, свидетельствующего о них, списка оказывается промежуток в 300—400—500 лет. Понятно, что в дошедших списках XIV—XV вв. не могли сохраниться фонетические черты его первооригинала; должны были за этот промежуток времени стереться и многие морфологические особенности основного оригинала договоров. Но теоретически можно ожидать наличия известных черт из области лексики и синтаксиса, по которой из данных списков XIV—XV вв. представима была бы первоначальная соответствующая картина словарных и синтаксических особен-

ностей языка договоров. В этих направлениях — главным образом лексики и синтаксиса, и в малой степени — морфологии — сосредоточено мною изучение языка договоров. Результаты сделанных соответствующих наблюдений представляются в следующем виде.

В области склонения можно отметить несколько форм дат. ед. числа одушевленных имен существительных на — *ови* (— *еви*): ко *црѣви* вашему (рядом — ко *цр̄ю* вашему) — договор 912 г., къ великому князю русскому *Игореви* — договор 945 г., к вамъ *Лвови* и *Александрови* и *Костянтину* — договор 912 г. Здесь можно усматривать след прямого или косвенного воздействия живой южнорусской, по терминологии акад. А. А. Шахматова, стихии на первоначальный текст договоров.

В области глагольных образований следует отметить наличность в договоре 945 г. формы имперфекта. Форма встречается здесь два раза: яко мы *свъщахомъ* напсахомъ... 185; *ношаху* сли печати злати 56. Этот факт употребления имперфективных форм может служить общим показателем принадлежности договоров старой стадии жизни книжного русского языка.

Аорист в тексте договоров встречается относительно очень часто: *договор 912* — и таковое написание *дахомъ*... 146; мы же *кляхомся* ко *цр̄ю* вашему 142; и гостие (аще) *погубиша* челядинъ и жалуютъ... (Шахматов исправляет: погубивъше) 120; (и) отдасть тое еже *смь* створити 72; мир *сотворихомъ* Ивановым написаниемъ 137; многожды право *судихомъ* 21; *договор 945* — мы же... *кляхомъ* ся *цр̄квью* ст̄го Ильѣ 187; мы же свѣщанье (Лавр.: -ньемъ) се (Лавр.: есе) *написахомъ* на двою харатью 177; яко мы свѣщахомъ *напсахомъ* (на) харатью сию 187; и гостье да приносять. (Лавр. -ить) грамоту пишюче сиче яко *послахъ* корабль селько 61; и великий князь нашъ Игорь... и людье вси рустии *послаша* ны 37; и да будетъ клять от *ба* и от Перуна яко преступи свою клятву 206; *договор 972* — се же имѣите во истину яко же *створихъ* нынѣ къ вамъ (и) *написахомъ* на харатьи сеи и своими печатями *запечахомъ* 29; якоже *кляхъ* ся ко *цр̄мъ* гречьскимъ 21.

Это частое употребление аористических форм особенно обращает на себя внимание ввиду того, что здесь соответственно оказываются редкими по употреблению формы перфекта: в договорах 907 и 972 гг. их совсем нет, в договоре 912 г. имеется лишь одна форма — суть якоже не (Ш.: яко понеже) мы *ся имали* о б̄ж̄би в̄ре и о любви главы таковыя 25, в договоре 945 г. их 4 случая — ныне же *уведѣль* естъ князь нашъ... 57, мы же елико нась *хр̄тли* ся *есмы* кляхомъ ся 187, и елико ихъ *кр̄щные* *прияли* *суть* да примуть месть... 44, и аще створить (то же) гр̄чинъ русину да

приметъ ту же казнь якоже *приялъ естъ* и онъ 112. Можно вспомнить в связи с этим, что в Русской Правде, памятнике по сложению начала XI в., картина оказывается диаметрально противоположная: здесь совершенное отсутствие имперфективных форм, ничтожное количество аористических форм, которыми позволительно пренебречь, но соответственно почти сплошное пользование формами перфекта. Такое расхождение между памятниками, однородными по типу представляемого ими делового стиля языка, можно объяснить либо общим болгарским происхождением договоров, либо, признавая перевод договоров русским, предположением старейшинства по происхождению договоров сравнительно с Русскою Правдой, либо различиями социальных пластов, в недрах которых слагались, с одной стороны, тексты договоров, с другой стороны, Русская Правда (в первом случае — переводные памятники с отражением языка верхнего слоя старых книжников, во втором случае — оригинальный русский памятник, выросший в среде служилого среднего класса). Но правильнее считаться с возможностью совместного действия всех указанных факторов, именно в своем соединении давших столь разную характеристику по указанной черте договоров, с одной стороны, Русской Правды — с другой.

Любопытно различие договоров и Русской Правды в пользовании формами будущего простого. В договорах обычно образование этих форм сложением с глаголом *буду*. Употребление иных форм будущего времени, соединением с иными видами вспомогательного глагола, здесь совершенно спорадично. Таковы две формы в договоре 912 г. — а емуже *начнутъ* не *ати* вѣры... 42, аще украденъ будетъ челядинъ рускыи... и жаловати *начнутъ* Русь 117, и один случай в договоре 945 г. — аще ли *хотѣти* *начнетъ* наше цѣтво от васъ вои... 172. В Русской Правде, напротив, именно формы будущего простого с глаголом *буду* являются спорадическими, уступая место, как норме, образованиям с иными вспомогательными глаголами, обычно с глаголом *начати*. Перед нами воздействие тех же факторов и, в частности, то же свидетельство разных социальных слоев, из которых произошли эти оба вида памятников.

Из области морфологии можно еще отметить единично представленную текстом договора 912 г., книжную, можно сказать, болгарскую форму *своршии* (да повинни будутъ то *своршии* 96); в прочих случаях обычны в договоре соответствующие образования на — *ив(зи)* (*погубившаго* 66, *створивши* 48, 33, 58, *уря (ди) въ* 124).

Возвратные глаголы в договорах обычны в форме, при которой *ся* непосредственно следует за соответствующей невозвратной формой глагола.

В двух только случаях в договоре 912 г. попадаются примеры с раздельным, притом препозитивным, употреблением *ся* — суть якоже мы *ся* *имали* о бѣи въре и о любви главы таковыя 25, а о главахъ иже *ся* *ключити* проказа урядим (*ся*) сице 39. В Русской Правде наблюдается относительно широкое употребление возвратной частицы *ся* при глаголах в свободном виде и препозитивно и постпозитивно.

В числе синтаксических черт следует отметить общую правильность выражения категории двойственного числа в показаниях договоров (912 и 945 гг.), как она и теоретически ожидается для старшей стадии языка.

Прямой объект в случаях выражения категориями слов муж. рода с значением одушевленности может означаться в договорах формой винительного падежа: договор 912 — и гостие (аще) погубиша *челядинъ* 120; или мнѣться над *нѣ* челядинаа цѣна 103; да поимуть (*и*) в Русь 119; договор 945 — в паволоцѣ за *челядинъ* 102; аще ли кто ускочить *челядинъ* *наши* къ вамъ 104; аще ускочить челядинъ от Руси по *не* же (=по *нѣ* же) придуть в страну цѣтвѣя вашего и от сѣго Мамы аще будетъ да поимуть *и* 96, 122, 124, да убьютъ *и* 96, 105, 157. Но есть и пользование в соответствующих случаях формой родительного падежа: договор 912 — хотя почти(ти) *чрѣя* *вашего* 107; договор 945 — *ненавидѣщаго* добра *враждолобѣца* *дѣвола* разорити от многъ лѣтъ 34; да ищють *его* дондеже обрящутся 161. Это пользование не винительным, а родительным падежом обязательно в тех случаях, когда во фразе и субъект и объект, выраженные именем или местоимением муж. рода, притом в значении одушевленном, находятся или рядом или по близости один от другого. Напр., в договоре 912 — аще кто убьеть или *хрестянина* русинъ или хрестянинъ *русина* 46, в договоре 945 — аще ударить мечемъ... русинъ *чрѣчина* или грѣчинъ *русина* 165, аще убьеть хѣянинъ *русина* или русинъ *хѣянина* 154; ср. еще в том же договоре — аще ли от нея взыщеть кто что ли *чѣка* поработитъ 139. Отмечу один случай во фразе договора 912 г. — мы Русь допроводимъ *ихъ* (т. е. лодки) поздорову 116; здесь внешняя связь контекста требует под *ихъ* разуметь «лодки», но, очевидно, писавшие или переписывавшие договор имели в виду под «*ихъ*» живых владельцев лодки, почему и оказалась здесь в употреблении форма родительного падежа. Общая картина употребления родительного-винительного падежа прямого объекта от одушевленных существительных или местоимений в тексте договоров, как видно, неровна. Но материал не дает возможности определить, что в этой неровности принадлежит позднейшим писцам договоров и что первоначальному их тексту. Мог бы и вообще встать вопрос, не была ли в основном тексте договоров

всюду налицо (исключая тип — еще убьеть хрестьянин *русина*) лишь форма винительного падежа. Ср. подобное свидетельство в показаниях текста Русской Правды.

Употребление членных и нечленных форм в категории склоняемых слов по данным договоров носит вообще признаки древности. В функции чисто определяющей прилагательные, как норма, употребляются в членной форме. Отступления здесь вообще редки. В нечленной форме прилагательные употребляются: а) притяжательные или местоименного происхождения — о *бѣжи* вѣре 912, на землю *чужю* 912, *чрѣву* мужю 945, сынъ *Игоревъ* 945, *скотья* ба 972, и под.; б) в функции второго члена сказуемого — да еще есть *домовитъ* 912, еще есть *неумовитъ* 912, да *повинни* будутъ 945, да будетъ *повиненъ* 945, будетъ *достойнъ* 945, *достойно* есть 945, еще будетъ *имовитъ*, еще ли есть *неумовитъ* 945, еще ли будетъ *старъ* 945, и азъ буду *противенъ* ему 972; в) прилагательные в положении после местоимения — да проводимъ ю (т. е. лодку) сквозѣ всяко *страшно* мѣсто 912, аще кто... явѣ возметь что любо *дружне* 912, а еже что принеслъ будетъ все *чло* 945; г) могут в нечленной форме употребляться прилагательные, стоящие в постпозитивном положении в прямых падежах — любовь *непревратну* и непостыжиму, любовь *непреложну* 912, аще будетъ уноша или дѣвица *добра* 945, ношаху сли печати *злати* и госте *сребрени* 945, а некрѣпении Русь полагають щиты своя и мечѣ свои *наи* 196, ни на страну *болгарьску* 972. Отклонений в договорах от этой приведенной нормы всего два случая — да жалують *хртьяньску* црѣтву 912, и от *многъ* лѣтъ 945. Первый случай, собственно, может не считаться отступлением от нормы, так как здесь прилагательное имеет значение притяжательное. Второй пример — от *многъ* лѣтъ — не вполне ясен; ср. в договоре 912 г. чтение — от *многихъ* лѣтъ 14. Все сочетание в целом составляет переводный грецизм, и возможно употребление здесь нечленной формы объяснять результатом внешнего воздействия греческого оригинала. Отмечу в области местоимений колебания в договоре 912 г. форм такъ и такыи — *такую* любовь 19 и *таку* любовь 35, о *такихъ* явленияхъ 42; здесь же при обычной членной форме местоимения *таковыи* (7 случаев) один раз попадаетея нечленная форма — идеже аще ключитъся *таково* 135. В тексте договора 945 года последнее местоимение вообще отсутствует, местоимение же *такъ* и под. здесь употребляется лишь в нечленном виде — *какимъ* любо оружьемъ 164, увѣдять ины страны *каку* любовь имѣють гръци съ Русью 176, ци аще ключитъся проказа *никака* от грекъ 151, иже помыслить от страны руския разрушити *таку* любовь 44. Причастия с чистым определительным значе-

нием и в соответствующем препозитивном положении постоянно употребляются в договорах в членной форме. Только по одному случаю в договорах 945 и 972 гг. встретилось нарушение этой нормы — *кляхомься... предлежащемъ чѣннымъ крѣтомъ* 188, *хочю имѣти миръ и свершену любовь съ...* 9. Ничто не препятствует эти формы, за их единичностью, признать формами, обязанными переписчикам, и не возводить их к основному оригиналу договоров. Причастия в нечленной форме постоянны в функции второго члена сказуемого как при связочных глаголах (напр., в формах страдательного залога), так и в соединении с глаголами иного типа. Ср. из случаев последнего типа в *договоре* 912 г. — да *пробываетъ* тяжа отоле *невзыскаема* 62, *продаемы бывають* по... 114, в *договоре* 945 г. — *ниже посылаемы бывають* от нихъ... 59, *аще украденное обряцется* *продается* 117. В нечленной же форме обычно употребление причастий в постпозитивном положении: *договор* 912 г. — *любовь непревратну и непостыжиму* 34; *договор* 945 г. — а *иже преступить се от страны нашея ли князь или инъ кто ли крѣщъ или некрѣщъ* 192, *аще обряцють Русь кубару въвержену на коемъ любо мѣстѣ* 137, *аще обряцють...* Русь *корсуняны рыбы ловяща* 143, *аще ли обряцються Русь работающе* у грекъ 126. От этой нормы, однако, есть отступления. В *договоре* 907 г. причастие в препозитивном положении содержится в нечленном виде — *приходяще* Русь *да витають у стѣго Мамы*. В этом случае, однако, следует предполагать подновленную искусственную форму причастия, так как именно в *договоре* 907 г., в отличие от последующих договоров, в данном типе почти адвербиального употребления причастной формы здесь нормальна форма на *-чи*: *пощудчи* Русь (домовъ)... да *емлють...*, да *приходячи* Русь *слѣбное емлють*, *елико хотячи*, а *иже приходячи* *гостие...* *емлють мѣсячину*; ср. еще исправленное по Ипатьевскому и другим спискам место — да *творять куплю...* *не платяче* *мыта ни в чем же* (в Лаврентьевском списке очевидная порча текста: *платити*). Имеются, и в относительно большем количестве случаев, отклонения обратного типа — с употреблением причастий в постпозитивном положении в членной форме: *договор* 912 — равно *другаго свѣщанья бывшаго* при... 4, *удержати и извѣстити такую любовь бывшую* *межи...* 19; *договор* 945 — равно *другаго свѣщанья бывшаго...* 8, да *аще ключится* *проказа никака отъ грекъ сущих* *подъ властью крѣтва нашего* 151; *договор* 972 — о *тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ* 23. Эти отклонения, однако, как видно из приведенного контекста, искусственны и происхождением своим обязаны базе греческого оригинала с употреблением в нем в соответственных местах члена. Любопытно колебание в показаниях договоров 912 и 945 гг.

следующего места: мы... иже *послани* отъ Олега — в первом договоре; во втором же договоре, в аналогичном контексте, употреблена членная форма причастия — мы... *послани* от Игоря. Здесь, можно думать, перед нами иллюстрация двух разнородных течений, одного, отправлявшегося от указанной русской нормы соответственного употребления членных и нечленных причастных форм, и другого (контекст договора 945 г.) — искусственного, продиктованного греческим оригиналом.

Причастия, употребляющиеся в современном адвербиальном значении, имеют в договорах нечленную форму. При отношении к субъекту в ед. числе причастие оканчивается на *-я* (наст. вр.) и *-въ* (прош. вр.), соединяясь с подлежащим, выраженным собирательным именем или именем существительным в форме мн. числа, причастие оканчивается соответственно на *-ще* и *-(в)ше*: *договор 907* — *приходяще* Русь да витають у стго Мамы; *договор 912* — и ять будеть таковыи и възвращенъ будеть не *хотя* в Русь 133, наша свѣтлость... многажды право судихомъ... *кленшеся* оружемъ своимъ 22, аще ли есть неимовитъ сотворивый убои и *убъжавъ* да держитесь тяжи 53, аще кто умреть не *уря(ди)въ* своего имѣнья 124; *договор 945* — *входяще* же Русь въ градъ (да не творять пакости) 85, и ти *принимающе* харатью на роту идуть 183, аще ли *убъжавше* в Русь придуть 68, а опроцѣ да на роту ходитъ по своей вѣре яко не *имья* ничтоже 171. В одном случае — наша свѣтлость болѣ инѣх *хотящихъ* еже о бзѣ удержати... 18 — в приведенном чтении Лаврентьевского списка причастная форма ошибочно согласована с соседней местоименной формой *инѣхъ*; в основном оригинале, конечно, стояла форма *хотяще* (не *хотящи*, как ее восстанавливает Шахматов).

Обращает на себя внимание отмеченная выше черта договора 907 г. с употреблением здесь причастных форм в адвербиальном значении не на *-ще*, а на *-чи* (при отношении к субъекту, стоящему во множ. числе или выраженному собирательным именем). В тексте договора 912 г. подобные формы отсутствуют. В договоре 945 г. встречается одна данного типа форма — и гостие да приносятъ грамоту *пишюче* сиче 60. Судя по тому, что обилие этого типа форм характеризует лишь договор 907 г., который не есть собственно договор, а лишь изложение отдельных договорных пунктов от лица летописца, можно думать, что все эти формы на *-че*, *-чи* не содержались в основном тексте договоров, а принадлежали позднейшей руке летописца, позволившего себе в непосредственном изложении от своего имени договора под 907 г. широко воспользоваться этими формами, в прочих же договорах оставившего текст вообще в нетронутom, имевшемся от прежней поры, виде.

Причастия входят еще в состав оборота дательного самостоятельного. Здесь они, употребляясь препозитивно, согласно с отмеченной выше нормой для стоящих препозитивно адъективных и причастных образований, постоянны в членной форме:

договор 907 — да запрѣтити князь словъ своимъ *приходящимъ* Руси здѣ да не творять пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей; *договор 912* — многгажды от коеа любо страны *пришедшимъ* Руси и *продаемымъ* в хрестяныи 111 (в Лавр. списке порча в тексте: множайши... в Русь...); *договор 945* — *приходящимъ* имъ да витають у стѣго Мамы 74, *отходящеи* Руси отсюда взимають от насъ еже надобѣ 91.

Из иных синтаксических явлений следует отметить нормальное согласование в договорах по мн. числу существительных собирательных, в частности слова *Русь*. Ср. *договор 907* — да приходячи Русь слобное *емлють*, *приходящимъ* Руси здѣ...; *договор 912* — си вся да *створятъ* Русь грекомъ 134, о *взимающимъ* куплю Руси 129; *договор 945* — аще *придутъ* Русь бес купли да не взимають мѣсячна 70 и мн. др. Отклонения здесь очень немногочисленны, отчасти сомнительны, отчасти явного позднего происхождения на почве позднейших списков договоров. Ср. в примере из договора 945 г. — *отходящеи* Руси отсюда *взимають* от нас... 90 — различное согласование причастной формы *отходящеи* со словом *Русь* по ед. числу, но глагола *взимають* по правильной норме — по мн. числу. В этом же договоре читается фраза: аще *обрящеть* в вустье Днѣпрскомъ Русь корсуняны рыбы ловяща 141. Это — чтение Лаврентьевского списка. Но в показаниях Радзив. и Акад. списков содержится форма *обрящють* (вм. *обрящеть*), очевидно, восходящая к первооригиналу. Можно еще привести один случай в договоре 972 г. — и со мною бояре и Русь *вся* 22; но здесь возможно ожидать местоимение и в форме ед. (*вся*) и в форме мн. (*вси*) числа. Большое число случаев нормального употребления в соединении со словом *Русь* мн. числа (свыше 20 примеров) при этом ничтожном количестве кажущихся нарушений нормы позволяет предполагать выраженное в основном оригинале договоров употребление во всех подходящих случаях мн. числа.

Всем договорам свойственна черта с повторением одинаковых союзов или одинаковых предлогов при однородных членах предложения: *договор 907* — да емлють хлѣбъ и вино и мясо и рыбы и овощем, да емлють брашно и якори и ужа и парусы и елико имъ надобе; *договор 912* — к вамъ Лвови и Александрови и Костянтину II, по вѣре и по закону нашему 24, о хрѣтанехъ о полоненыхъ 112, и др.; *договор 945* — послании от Игоря великого князя рускаго и от всякого княжя и от всѣхъ людии руския земля 30, створити

любовь съ самѣми црїи со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми гречьскими 41 и др.; договор 972 — хочу имѣти миръ и свершену любовь с... великимъ црмъ гречьскимъ съ васильем и костянтиномъ и съ бодохновеными црїи и со всѣми людьми вашими 9 и др.

Связь предложений во всех договорах выражается в духе памятников старой болгарской письменности. Во всех договорах обычны союзы, аще, аще ли, яко, яко же, елико, или еще, по договорам 912 и 945 гг., — дондеже, егда, не точию но и. Отмечу в договоре 912 г. как грецизм союз еже в сочетании с инфинитивом — *еже* о бозѣ удержати 18. В договоре 945 г. единично союз еже встречается в условном значении — и *еже* что принесель будеть... 106. Здесь же дважды встречается союз *еже*, в этой русской внешней огласовке, с временным значением — и от тѣхъ да увѣмы и мы *еже* съ миромъ приходить 62, а о сихъ *еже* то приходить черни болгаре... 147. Интересно усилительно-противительное *ти* и *ци*, известное договорам 912 и 945 гг.: в первом договоре — *ти* аще ключится... 87, аще кто умреть не уря(ди)въ своего имѣнья *ци* своихъ не имать... 125; в договоре 945 г. *ти* аще будеть уноша или дѣвица добра... 121, а опроцѣ да на роту ходитъ по своей вѣрѣ... *ти* тако пущенъ будеть 171, *ци* аще ключится проказа никака от грекъ 150, *ци* аще ударить мечемъ или... 163. Повидимому в этой черте можно усматривать русскую особенность в тексте договоров. В договоре 912 г. употребляется *иже* в функции союзного слова без согласования с соответственно определяемым — да кленется часть та *иже* ищеть неятю вѣры 43 (в своем восстановлении Шахматов исправляет на *яже*), да часть его сирѣчь *иже* его будеть по закону да возметь ближнии убьенаго 50; это *иже* обязано греческому тексту, ср. аналогичный еще пример из того же договора — мы же кляхомъся ко црїю вашему *иже* от ба суца 142 (в исправлении Шахматова: *сущю*). Отмечу еще из того же договора *иже* в чистом союзном значении, подобном выше указанному *еже*: а о главахъ *иже* ся ключить проказа урядим(ся) сиче 39.

Из особенностей управления в тексте говоров, обязанных в своем большинстве греческим оригиналам, можно отметить употребление *отъ* после глаголов в форме страдательного залога: мы... *иже* послани Ѡ Олга, мы... послани *от* Игоря — договоры 912 и 945 гг., *иже* посылаеми бывають *от* нихъ (посли) и гостье — договор 945, да покажется таковое *от* челядина — договор 912, да держимъ будеть створивьи убийство *от* ближнихъ убьенаго — договор 945. Глагол *клятися* управляет дательным падежом лица в соединении с предлогомъ *ко*: мы же *кляхомъ ся ко* црїю вашему — договор 912, яко же *кляхъся ко* црмъ гречьскимъ — договор 972. У этого же

глагола согласно тексту договора 945 г. оказывается двойное управление с творительным падежом вещи и с местным падежом в соединении с предложением *о*: да *кленутся о* всемъ яже суть написана на харатгы сеи 197, *кляхомъ ся цр̄квю стго* Ильѣ 187. Глагол *воевати* сочетается с местным падежом при помощи предлогов *на* и *въ*: да *воюеть на* тѣхъ странахъ — договор 945, *воюеть въ* странѣ — договор 945. Глагол *сзтворити* в договоре 972 г. сочетается с дательным падежом лица в соединении с предложением *къ* — се же имѣите во истину яко же *створихъ* нынѣ *къ* вамъ 29.

Бессубъектные предложения в договорах представлены в относительно большом числе и обнимают следующие типы:

а) относительно-бессубъектные предложения с глаголом, выраженным формой 3 лица мн. числа: и после(ть) *цр̄ство* наше и да *истишуть* имена их и тогда возмуть мѣсячинное свое — договор 907; в договоре 945 г. — а отходячи (с) посломъ *цр̄тва* нашего да *допроводятъ* к великому князю рускому Игореву и к людямъ его 180; особенно интересен здесь следующий случай: а иже преступить се... да не *имуть* помощи от *ба* 191, — Радзив. и Акад. список дает здесь чтение *имать*, т. е. глагол в личной форме, представляя соответственно личную конструкцию предложения;

б) те же предложения с глаголом в форме 3 л. ед. числа: имеется единичный пример в договоре 912 г. — да продають рухло моя лады и аще что *можетъ* продати от лады... 90.

в) бессубъектные предложения с глаголом возвратного и невозвратного типа, выраженным формой 3 л. ед. числа: *договор 912 г.* — аще *лучится* кому... 94, жена убившаго да имѣеть толицѣмже *пребудеть* по закону 52; *договор 945 г.* — аще ли *клочится* украсти русину от грекъ 113, *достойтъ* ему да возьметъ цѣну свою 129;

г) те же предложения при страдательном обороте — яко же *речено есть* — договор 912, от тѣхъ *заповѣдано* обновити ветхий миръ — договор 945, яко же имъ *установлено есть* там же (3 сл.), *писано* при фефеле синкеле — договор 972;

д) бессубъектные предложения, выраженные формой прилагательного со связкой: в договоре 945 г. — яко имъ *любо* тако створять, *достойно есть* да възворотити е;

е) бессубъектные предложения, выраженные формой инфинитива: договор 912 г. — да опроцѣ да ротѣ ходить своею вѣрою яко никакоже иному *помощи* ему 61;

ж) бессубъектные предложения при наречиях: *договор 907* — елико имъ *надобь*, яко имъ *надобь*; договор 912 г. — да елико *явь* *будеть* 40, елико

ихъ *приидеть* 108; *договор* 945 — и да творять куплю яко же имъ *надобь* 82, и... взимають от насъ еже *надобь* брашно на путь и еже *надобь* лодьямъ 91, *елико* же *есть* городовъ на той части 131, да дамъ ему *елико* ему *будеть* *требь* 136; *договор* 972 — *елико* *есть* под властью гречьскою 16, *елико* *есть* городовъ ихъ 17.

Наибольший интерес в исследовании языка договоров представляет исследование их лексики. Договоры являются безусловными памятниками переводного, с греческого языка, происхождения. В этом смысле результаты, к которым пришел в свое время Лавровский, должны признаваться бесспорными. В своем исследовании Лавровский отметил значительные пласты в тексте договоров, которые должны рассматриваться как слой, обязанный греческой основе этих памятников. Наше время, благодаря последовавшей вслед за деятельностью Лавровского разработке русского языка, в состоянии указать тем больший слой грецизмов в тексте договоров сравнительно с тем, как вскрыт он был исследованием Лавровского. Грецизмы договоров содержатся и в чертах синтаксического характера и в особенностях лексики договоров. Грецизмы свидетельствуются текстом всех, дошедших до нас, договоров. Поэтому все договоры должны признаваться как переведенные с греческого оригинала дипломатические акты. Для иллюстрации можно указать на следующие факты.

В области лексики из договора 907 г. можно отметить слово *купля* и в значении предмета торга (аще *приидуть* Русь бес *купли* да не взимають мѣсячины) и в смысле торга вообще (да творять *куплю* яко же имъ *надобь*), ср. греч. *πραγματεία*; сочетание *црство наше* в смысле «царь наш» (и после(ть) *црство наше* и да испишуть имена ихъ и тогда возмутъ мѣсячинное свое), — то же в договорах 912 и 945 гг.; сочетания *творити* куплю, мовь, не *творити* пакости, — то же в договорах 912, 945 гг.

Особенно много грецизмов лексического характера в договоре 912 г.: глава в значении деления, раздела чего-либо (суть о бѣжи вѣрѣ и любви *главы* таковыя 26; от уставленыхъ *главъ* мира и любви, и др.), греч. *κεφάλαιον*, *κεφάλή*; изволение (да любимъ другъ друга от всеа душа и *изволения* 28, *елико* наше *изволение* 29); *извѣща* (е) ние (на *извѣщание* межи вами бывающаго мира 149, на удержание и на *извѣщение* от многихъ лѣтъ межи христианы и Русию бывшую любовь 19), ср. здесь же *извѣщати* любовь, в договоре 945 г. — *извѣстити* любовь; *искусь* в значении истязания, пытки (аще кто от кѣтъянъ или от Руси мученья образомъ *иску* творить 74), ср. греч. *πειρα*; любовь в значении мира, мирного договора = греч. *ἀγάπη* (суть... о любви главы таковыя 26, не преступити намъ... от уставле-

ныхъ главъ мира и любви 146, и др.), то же в договорах 945 и 972 г.; написание, писание в значении грамоты = греч. γράμμα (и такое же написание дахомъ црства нашего 146, исповѣдаемую и написаниемъ со клятвою извѣщаемую любовь 34, многожды право судихомъ... и писаниемъ и клятвою твердою 22), ср. в договоре 945 г. слово грамота, отсутствующее здесь, в договоре 912 г.; равно в значении списка = греч. ἴσον (равно другого свещанья), то же в прочих договорах 945 и 972 гг.; рука в выражении руку, рущѣ дати — в смысле «подчиниться», встречается в договорах 912 и 945 гг. (аще дастъ руку свои украдыи да ять будетъ тѣмъ же у него же будетъ украдено — договор 912 г., аще ли руку не дадять и противяться да убьени будутъ — договор 945 г.); самодержецъ (великимъ о бѣѣ самодержциемъ, црмъ греческимъ 13); наша светлость в отношении к царю = греч. περιράνεια, также свѣтлыи как эпитет князей = греч. περιφανέστατος, λαμπρότατος (напр., наша свѣтлость... многожды право судихомъ 19, подъ рукою свѣтлаго кнзя нашего 38, и др.); в прочих договорах нет этих слов; свѣщанье в значении договора = греч. συμβόλαιον (равно другаго свещанья), то же в прочих договорах 912 и 945 гг.; удержание = греч. ἐποχή (на удержание и на извещение); языкъ в значении народа = греч. ἔθνος (по закону языка нашего 153), то же в договоре 972 г. (ни собираю вой ни языка 14). Среди имен прилагательныхъ можно отметить как возникшую на базе перевода лексику — любовь непревратну и непостыжиму, любовь несоблазную непреложну, из глагольныхъ образований — частые формы суущий, бывающий, бывшии = греч. ὢν, γινόμενος (иже суть подъ рукою его суущихъ Руси 17, 29, бывшии миръ сотворихомъ 137, бывающаго мира 149, и др.); из этихъ форм в единичныхъ примерахъ встречаются в договоре 945 г. причастия суущи и бывшии; ср. еще примеры глагольной лексики — подлежащии (предлежащимъ чтнмъ кртмъ 139, — то же в договоре 945 г.), прежереченнии (прежереченною епитемьею 96, — то же в договоре 972 г.), работати в значении греч. παρῆματέεσθαι (о работающихъ в грекохъ Руси 123, — то же в договоре 945 г.), сотворити убиство, мир, татьбу, искусь (то же в договоре 945 г.), право судити = греч. δίκαιον κρίνειν (иногда... право судихомъ 21) и др. В договоре 945 г. кроме указанныхъ выше случаевъ можно еще отметить следующие примеры грецизмов: существительное власть (волость) в значении «право» (в сочетании «да неимать, да не имѣють власти (волости)» с инфинитивомъ — да не имють власти зимовати у стго Мамы 94, 144, да не имать волости князь рускии... 132, и др. под. 87, 152), также в смысле «подвластности, подчинения» (под властью

цѣтва нашего 152, — то же в договоре 972 г.), в последнем случае в договоре 912 г. употребляется сочетание *подъ рукою* (иже суть *подъ рукою* его сущихъ Руси и др.); грѣхъ в значении проступка вообще (аще ударить мечемъ... русинъ грѣчина или грѣчинъ русина да того дѣля *грѣха* заплатить сребра литръ ѣ., 166); спасение в смысле «безопасности» (и да возвращаются съ сѣниемъ въ страну свою 93); интересен еще, ведущий к греческому же оригиналу, глагол *увѣдѣти* в сочетании с инфинитивом — в значении «повелеть» (нынѣ же *увѣдѣлъ естъ* князь вашъ посылати грамоту ко цѣтву нашему 56). Из договора 972 г. можно привести имя существительное *власть* в значении страны, области (ни собираю вой ни языка ни иного приведу на страну вашу... ни на *власть* корсунскую 17).

Помимо лексики, как таковой, понятной как возникшей на базе перевода с греческого оригинала, в тексте договоров в одних в большей, в других в меньшей степени — наблюдаются случаи синтаксических нарушений или известного синтаксического несогласования отдельных частей фразы, объяснимых теми же условиями переводного происхождения договоров. Особенно много (сравнительно) фактов этого рода в тексте договора 912 г., избыточующего по сравнению с прочими договорами и грецизмами лексического характера, в чем можно было убедиться из приведенного выше материала. Ср. здесь разнобой в согласовании с самого начала текста договора — равно другого свещанья бывшего *при тѣхъ же ирѣхъ Льва и Александра*; этого же характера нарушение согласования, объясняющееся из вербального, слово за словом, перевода греческого контекста, встречаем и в договоре 945 г.: равно другого свѣщанья бывшего *при ирѣ Раманъ и Костянтинъ и Стефанъ хѣлюбивыхъ влѣкъ*. Иные примеры подобного рода синтаксических грецизмов в тексте договора 912 г.: ... *на удержание и на извещение* от многихъ лѣтъ межѣ хрестианы и Русью бывшую любовь (последний винительный падеж соответствует прямому дополнению греческого текста, зависевшему от переходных глаголов, переданных в переводе посредством существительных «удержание», «извѣщение»); *на утверженье же и неподвиженье быти* межѣ вами хрѣтяны и Русью бывший миръ сотворихомъ; и таковое написание *дахомъ на утверженье* обоему *пробывати* таковому совещению.

Отмечу еще примеры разнобоя с употреблением конструкций однородных членов предложения: *в договоре 912 г.* — *похотѣниемъ* нашихъ великихъ кнѣзь и *по повелѣнию* от всѣхъ иже суть *подъ рукою* его сущихъ Руси; *в договоре 945 г.* — да посѣчени будутъ *мечи* своими *от стрѣлъ* и *от иного оружья* своего 50.

Греческая лексика, оставленная в тексте договоров без перевода, не так в общей своей совокупности численна. Почти отсутствует соответствующая лексика в отрывках договора 907 г. (ср. здесь лишь слово парусь). В незначительном по своему объему договоре 972 г. мы находим лишь подходящую лексику терминологического характера — индикть, июль, синкель, харатья, цръ. Более интересны соответственные показания договоров 912 и 945 гг., договоров значительных и приблизительно одинаковых по объему. Изобилующий вообще грецизмами переводного характера, как об этом замечено выше, договор 912 г. сравнительно мало оставляет греческих слов без перевода. Если не считать здесь таких слов, как цръ, хрестьянь, литръ, то осталось бы указать лишь на одно непереведенное слово епитемия в общем значении «запрещения» (да повинни будуть то створшии прежереченою епитемьею 97). Напротив, договор 945 г., относительно хорошо переведенный и в редких случаях обнаруживающий рабское следование своему оригиналу, дает соответственно большее количество оставленных без перевода греческих слов. Ср. здесь, помимо таких слов, как цръ, литръ, харатья, дяволь, еще слова грамота (58, 60, 63), в соответствии с которым договор 912 г. употребляет слова написание или писание, слова корабль (54, 61) и кубара (137), в соответствии с которыми в договоре 912 г. во многих случаях употребления этой лексики постоянно оказывается существительное ладья, между прочим, встречающееся в тексте договора 945 г. лишь единично.

В лексическом исследовании договоров должно представить интерес изучение в них русского и книжного болгарского слоя. Договоры 907 и 971 гг., незначительные по объему, не дают особенно показательного соответствующего материала. Болгарский слой здесь и там вообще значительный. Выше отмечено было общее преобладающее наличие в договорах союзов болгарского происхождения. Неполногласные и полногласные образования в договоре 907 г. представляют следующую картину: с одной стороны, здесь встречаем слова — брашно, в странѣ нашей, с другой стороны — одними ворота. Слово градъ // городъ употребляется здесь в полногласной форме в отношении к русскому городу Киеву (от города Киева), но в неполногласной, болгарской, форме, когда речь идет о Константинополе («Царьграде») — да входять в градъ одними ворота, или о городах вообще (и прочихъ градъ). В договоре 972 г. встречаем в болгарском обличии слово власть (на власть Корсунскую, подъ властью гречьскою), страна (на страну вашу, на страну болгарську), но с полногласием — формы городъ (и елико есть городовъ ихъ), золото (да будемъ колоти яко золото). Отмечу еще форму

одними (вороты) в договоре 907 г. с русской огласовкою начального гласного. Здесь же, в договоре 907 г., как указано выше, представлены в обилии русские деепричастные формы на -чи, вообще почти отсутствующие в тексте прочих договоров, знающих соответственно лишь причастные формы на -щ-.

Значительный материал, притом в известных линиях взаимно противоположный, по соотношению русских и болгарских элементов, представляется лексикой договоров 912 и 945 гг. В договоре 912 г. силен элемент болгарский при незначительном русском слое; в договоре 945 г. болгарский элемент ощутим, но в заметно разреженном виде, зато заметно дает в нем себя знать русская стихия, не бросаясь вместе с тем в глаза своею сгущенностью. В области имен существительных обращает на себя внимание наличность громадного количества отвлеченных образований на -ие в договоре 912 г. (боронение, бьенье, бѣже зданье, изволение, извещение, имѣние, искушенье, мученье, написание, неподвижение, неятье, свѣщанье, согрѣшенье, создание, сохранение, ударение, удержание, утверждение, явление), в договоре 945 г. этого типа существительных значительно меньше, доходя почти до одной трети (бецинье, имѣнье, крѣцнье, осуженье, повелѣнье, свѣщанье, спасение), — перед нами явное свидетельство отражения с неодинаковою силой болгарского воздействия в тексте одного и другого говора. Болгарский по происхождению суффикс -ство представлен в обоих договорах именем существительным убийство, а кроме того, в договоре 945 г. — словом боярство, ср. еще здесь црѣствие. Обращает на себя внимание употребление в обоих договорах первого имени существительного. Оно встречается здесь в статье одного содержания. В договоре 912 г. соответствующее место читается: аще кто убьеть или хрестянина русинъ или хрестянинъ русина, да умереть идеже аще сотворить *убийство*; аще убѣжить сотворивый *убийство* да аще есть домовитъ да часть его... возьмет ближний убьенаго. Далее в тексте следует — аще ли есть неимовитъ сотворивый *убои* и убѣжавъ да держитъся тяжи дондеже обрящеться и да умереть. Таким образом, в контексте договора 912 г. в одном и том же значении сначала дважды употреблено болгарское слово убийство, а в дальнейшем изложении статьи его русский эквивалент — слово *убои*. Замечательно что то же свидетельствуется текстом договора 945 г., в котором сначала также слово приводится в болгарской форме (аще убьеть хѣянинъ русина или русинъ хѣянина и да держимъ будетъ створивый *убийство* от ближнихъ убьенаго да убьють и), в продолжении же статьи оно заменено словом *убои* (аще ли ускочитъ створивый *убои* и убѣжить аще будетъ имовитъ да возъ-

муть имѣнье его ближнии убьенаго аще ли есть неимовить и ускочить же да ищють его дондеже обрящется аще ли обрящется да убьеньъ будеть). Из этого факта нельзя не заключить о существовании текстуальной связи между договором 912 и 945 гг. Из иных показателей болгарского слоя в тексте обоих договоров можно отметить, в группе имен существительных, образования с суффиксом *-н-*. Таковы — слово *соблазнъ* в договоре 912 г., *казнь* — в обоих договорах. В категории прилагательных о болгарском воздействии свидетельствуют сложения в роде — *непревратну, непреложну, единосуцною трѣцю* в договоре 912 г., *хѡлюбивыхъ* в договоре 945 г. Ср. еще в договоре 912 г. сложение с префиксом *без-*: *бесстрашное мѣсто* 82. В характеристике местоимений выше указаны случаи как бы окаменелости формы *иже*, не согласующейся с определяемым словом. Эта особенность свойственна только договору 912 г. Выше отмечены также случаи употребления местоимения *такий*, в членной форме, при соответственных нечленных формах в договоре 945 г., также — наличие местоимения *таковыи*, отсутствующего в тексте договора 945 г. Следует указать на аналогичные формы от местоимения *тѣ*, известные лишь тексту договора 912 г. (да *отдасть тое еже смѣ створити* 72, за *то* ударенье и *бьенье* 567, да *повинни будуть то створшии* 96). В отношении глагольной лексики ср. в обоих договорах болгаризм *въспятити* (аще кто *явѣ* *возметь* что *любо дружне да воспятитъ* *троици* — договор 912 г., да *въспятятъ* и *опять* — договор 945 г.), в договоре 945 г. сложения с префиксом *из-* (в значении выделения из чего-либо) — да *изищется* *смерть ихъ* от князя 67, да *искупають* е Русь 127, *исходятъ* 82, да *испишетъ* *имяна ваша* 75, то же в договоре 912 г. — да *изтишуть* *имена ихъ* и тогда *возмутъ*... В последнем договоре, напротив, единично встречается аналогичное образование, но с соответствующим русским префиксом *вы-*: аще *вывержена* *будеть лодѣа вѣтромъ великимъ* 76. Среди наречных форм в обоих договорах нестрят болгарские образования: в договоре 912 г. — *многажды* *право судихомъ* 20, *паче* 68, *сирѣчь* 49, *явѣ* 40, 75, в договоре 945 г. — *вельми* 110, *воину* 201, *преже* 98, 102, *селико* 60, *сугубо* 111, 117, *елико ему будеть требѣ* 136, в том и другом договоре — *опроцѣ, сиче; но ср.* в договоре 912 г. *дважды паки*, то же в договоре 945 г., где, однако, встречается и вариант его (русский?) — *опять* 106. В отношении болгарского наслоения в части союзных слов сказано выше. Употребление неполногласных и полногласных форм в обоих договорах характеризуется следующими данными. В тексте договора 912 г. преобладают неполногласные формы: из имен существительных — аще въ кое *время* 108, *глава*

в переносном значении (26, 146), *сохранение* 32, *страна* 6 сл., ср. *сребро* 57; из глаголов — *возвратити*, -ся 5 сл., да *хранить* такую любовь 35; в сложениях с префиксами пре-, пред- — *непревратну* 24, *непреложну* 38, *пробы(ва)ти* 3 сл., *преступити* 144, *предлежащимъ* чѣтмъ кѣтмъ 139. Этой лексике противостоят полногласные формы в следующем виде: *золото* 114, *полоненыи* 110, 113, *положняникъ* 97, единично *сторона* (да възвратять искупно лице въ свою *сторону* 101), ли от буря или земнаго *боронения боронима* 84, *волочимъ* 91, *поздорову* 26. В тексте договора 945 г. значителен болгарский слой неполногласной лексики, но относительно широко употребление и русской полногласной лексики. Ср. здесь *брашно* 91, *враждолобьца* 34, *плъньникъ* 127, *хранити* 6 сл., *страна* 93, *плънена* 120, ср. *сребро* 166, *сребрени* 57, сложения с пре-, пред- — *преданы* будутъ 64, *преобидять* 138, *преступити* 4 сл., *предлежащемъ* чѣтмъ кѣтмъ 189, ср. *преже* 98, 102; с другой стороны, колеблющиеся формы — *власть* 5 сл. и 2 случая *волость* (да не имать *волости* 87, 132), единично *градъ* (т. е. Константинополь) 86, но в 5 случаях *городъ* (из них в одном случае в отношении Константинополя), *печати злати* 56, *златникъ* 3 сл., но также в 2 случаях *золотникъ*, *возвращаются* 93, но — *възворотити* 115; в одной полногласной форме здесь представлена лексика — *вороты* 80, *наволока* 3 сл., образования от собственных имен — *Володиславъ*, *Передъславинъ*. Из иного материала интересующей лексики можно отметить образования с начальным *e*, не с *o*, в тексте договора 912 г. — *единосущною* трѣю, *единого*; в договоре 945 г. имеется этого же типа форма *едино* 115, но и — *одинъми* *вороты*; ср. еще здесь подобную форму — *осень* 146. Отражение в договорах лексики с русским *ч* соответственно болгарским вариантам с *щ* за немногочисленностью подходящего материала непоказательно. Ср. в договоре 945 г. — *объчи* *сли* 12, *хочеть*, *хочю* в договорах 945 и 972 гг.; ср. сказанное выше о деепричастных формах на -чи в договорах 907 и 945 гг. Но обращает на себя внимание наличие в договорах выдержанных форм в подходящей лексике с *ж* при полном отсутствии соответственных вариантов слов в болгарском обличи, с *жд*: в договоре 907 г. — *нужи* 117, *утвержение* 3 сл., *обряжение* 127, *чюжю* 77, *прежереченною* 96, *межи* 4 сл., в договоре 945 года — *осуженья* 46, *межю* 35, *преже* 98, 102; в договоре 972 года — *утвержаю*, *прежереченныхъ*. Столь выдержанное проведение этой черты очень показательно. Не может быть сомнения в том, что отнюдь не писец, последний ли, или предшествующих списков, летописи выравнивал всю подходящую лексику в тексте договоров, проведя всюду соответственные варианты слов с *ж*, но — эта черта,

наличие лексики всюду с *жс*, составляла особенность первооригинала договоров. Если это положение верно, если его принять, то пришлось бы принять и два другие предположения — о том, что переводчик договоров, или их справщик, был русский, и о том, что перевод принадлежал старшей поре существования русского литературного языка, той поре, когда болгарское на него воздействие не обозначилось еще в широких дозах, когда, в частности, болгарский слой лексики с *жд* не произвел заметного вытеснения соответственной параллельной русской лексики с *жс*. Ср. Русскую Правду, памятник старшего периода жизни литературного русского языка, до времени заполнения его болгарской стихией: в нем также полностью отсутствуют лексика с *жд*.

Предложенный анализ языка договоров позволяет прийти к известным обобщениям, к попытке, в частности, освещения тех общих проблем, вызываемых договорами, которые, как об этом говорилось в начале статьи, предположительно разрешались, но не могут еще считаться получившими действительное разрешение.

И исторические данные, и соображения, извлекаемые из содержания первых трех, дошедших до нас договоров (907, 912, 945 гг.), заставляют признать самостоятельными из них лишь последние два договора. В 907 г. не было никакого соглашения между Византией и русскими, не могло быть поэтому и соответствующего письменного договорного акта от этого времени. То, что мы имеем в виде так наз. договора 907 г., есть по соображениям летописца внесенные под этим годом выдержки из соответственного договорного акта 912 г. Эти выдержки, в числе 7 отдельных статей договора, подверглись известной внешней выправке со стороны летописца (ср. здесь именно, в договоре 907 г., деепричастные формы на -чи) именно потому, что в глазах летописца они служили примерным материалом для вольной его передачи; вводя ниже в свой труд тот или иной в собственном смысле договор, летописец позволял себе опускать отдельные статьи, делать в них сокращения, но основной текст договора при этом сохранял более или менее неприкосновенным. Договоры 912 и 945 гг. (как и договор 972 г.) — самостоятельные акты соответственного соглашения между русскими и греками. Текстуально договор 912 г. неполный: в нем нет статей, вынесенных летописцем в своем повествовании под 907 г., в нем нет и некоторых иных статей, неизвестно по каким соображениям отчасти полностью опущенных летописцем, отчасти сокращенных им, или отмеченных лишь по заглавию. В отношении исправности самого текста договор 912 г. — наилучший из всех дошедших договоров. Причиной этого, несомненно, были

свойства плохого перевода данного договора. Можно высказать предположение, не эта ли причина и заставила летописца поступиться отдельными частями договора, вовсе им выброшенными или сокращенными из-за неудовлетворительности их контекста. Можно также думать, что именно этим свойством плохого перевода договор обязан многими повреждениями в тексте, возникшими в процессе списывания из-за непонимания писцами отдельных мест контекста договора. Договор 945 г. — самостоятельный и цельный договор. Подоснова греческого его оригинала сложна и проблематична. Во всяком случае канвою договора служил предшествующий соответствующий договор 912 г. Этим должно объяснять близость по содержанию статей одного и другого договора. Но следует, кроме того, предполагать и существование какой-то текстуальной связи между обоими договорами в наличном их переведенном виде. Ср. последовательное чередование в одной и той же статье обоих договоров слов убиство — в начальных разделах статьи и убои — в заключительном разделе статьи. Невозможность по соображениям, излагаемым ниже, усматривать наличность одного переводчика для обоих договоров 912 и 945 гг. заставляет в объяснении приведенного факта думать об одном справщике, выравнившем перевод одного и другого договора, сгладившем, в частности, и контекст данной статьи в обоих договорах.

Вопрос о том, когда были переведены договоры и на какой язык, болгарский или русский, — является наиболее существенным вопросом для историков русского языка: имеем ли мы, действительно, право считать эти памятники памятниками собственно русского языка, или перед нами памятники болгарские, которые, попав в летопись и здесь оказавшись под пером русских переписчиков, естественно лишь внешне русифицировались. Разрешение этого вопроса вряд ли возможно получить на основе каких-либо общих, исторических или теоретических, соображений. Только лингвистическое исследование непосредственно текста договоров смогло бы дать то или иное разрешение поставленного вопроса, в противном случае вопрос остался бы вообще неразрешенным. Мы имеем попытку иного разрешения этого вопроса, не из учета лингвистического материала самих договоров. Такова, указанная выше, попытка акад. В. М. Истрина установить время появления договоров по связи с деятельностью переводческого кружка, организованного Ярославом Мудрым. С этой точки зрения договоры должны считаться переведенными в одно время, во 2-й половине XI в., т. е. спустя 100—150 лет после фактического заключения соответствующих дипломатических актов. Язык всех договоров должен признаваться одним це-

лостным языком — литературным русским языком того времени, совмещавшим в себе и стихию болгарскую и стихию русскую. Сделанный выше анализ языковых особенностей договоров не подкрепляет этой гипотезы.

Бесспорно положение, что все договоры были переводными памятниками с греческого языка. Столь же бесспорным должно быть положение, что язык переводов отдельных договоров неодинаков. Можно оставить в стороне договор 907 г. как в собственном смысле не договор, также договор 972 г., за незначительностью его объема. Основные два договора — 912 и 945 гг. — должны быть рассматриваемы как два разные памятника, как продукты двух разновременных переводов, как свидетельство двух различающихся языковых стихий, которые они отображают. Перевод договора 912 г. — неуклюжий, очень близкий к оригиналу, пестрит грецизмами всякого вида, обилен соответственно и нарушениями требований русского синтаксиса. Договор 945 г. переведен более умелою рукою, более удобопонятен, не так заполонен грецизмами, относительно мало грешит в интересах русского синтаксиса. Трудно было бы согласиться с мыслью, что оба эти перевода могли быть современными, а тем более одновременными. Трудно было бы допустить предположение, чтобы редактор Повести временных лет, komponуя свой труд на основе разных источников, и старых и современных, так безучастно отнесся к своим редакторским обязанностям, что механически включил в летопись как с о в р е м е н н ы е два диаметрально по качеству противоположные перевода договоров 912 и 945 гг., не забрав первого из них: он мог их поместить рядом в составе летописи именно как нечто доставшееся от прежних времен, как готовые документы прошлого. Оба договора отличаются и по типу языка, ими представляемого. Договор 912 г. насквозь пропитан болгаризмами, хотя есть в нем и следы русских особенностей (ср. отсутствие *жд*). Договор 945 г. содержит смешение болгарской и русской стихии, но такое, в котором черты русского происхождения дают себя чувствовать достаточно широко (ср. случаи с начальным *о*, не *е*, полногласные формы, лексику с *ч*, не *щ*, отсутствие *жд*, особенности лексики). Нельзя поэтому было бы думать, что перевод обоих договоров сделан был на один и тот же старый русский язык: слишком этот язык переводов оказывается различным в свидетельстве непосредственных языковых фактов одного и другого договора. Языковый анализ, напротив, заставляет предполагать, что перевод договора 912 г. был сделан болгаринном на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком. Напротив, переводчиком договора 945 г. должен был быть русский книжник, соответственно и отразивший в переводе смешение и русской и болгарской книжной

стихии. Есть ли в данных языка договоров материал для суждения о времени их перевода? В языке договоров, несмотря на то, что они сохранились в позднем списке, много общих архаических черт старшего по бытованию в литературном языке периода, чем конец XI в. Здесь достаточно широкое употребление аористических форм, наличность имперфекта, архаическое и относительно выдержанное пользование винительным, не родительным, падежом объекта от одушевленных имен, стройное архаического типа пользование соответствующей системой членных и нечленных форм прилагательных и причастий. Есть такие черты, которые принадлежат старшему договору 912 г., но чужды договору 945 г., и которые вместе с тем представляются особенно архаическими в общей линии развития литературного языка. Таково употребление *уже* в договоре 912 г. без согласования с определяемым словом, или здесь же архаическая по структуре форма прош. причастия *створими*, или заметно отражающаяся в договоре 912 г. тенденция к обязательному переводу греческой лексики, такой лексики, которая позднее, по свидетельству договора 945 г., могла уже оставаться без перевода (ср. такие слова, как корабль, грамота и др.). Эти фактические данные, извлекаемые непосредственно из текста договоров, укрепляют мысль в предположении, что появление текстов договоров в переводе с греческого языка не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным, а следовательно, оно приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов. С точки зрения этого предположения получает простое объяснение и факт разного качества и факт разного характера перевода договоров, становится понятною и причина различия самого языка, на который были переведены, с одной стороны, старший договор (912 г.), с другой стороны, все последующие договоры.

В. ЧЕРНЫШЕВ

Говор Пушкинского района

Настоящее описание говора б. Пушкинской волости (ныне Пушкинского района) составлено на основании материалов, собранных летом 1927 г., во время специальной поездки с целью изучения быта, языка и народного творчества того населения, среди которого некоторое время жил и писал наш великий поэт А. С. Пушкин в родовом имении его матери, с. Михайловском, Зуеве то ж, б. Опочецкого уезда.

Пушкин превосходно знал живой русский язык и в разных его социальных напластованиях, и в живых русских говорах, доступных его наблюдению. Из последних на первое место должен быть поставлен говор окрестностей села Михайловского и на второе — говор села Болдина, родового имения его отца. Косвенным образом эти говоры влияли на Пушкина от детства до смерти через язык дворовых слуг в семье отца, в семьях родственников по отцу и по матери и в его собственной семье, обладавшей, как и семьи родных, весьма значительным штатом дворовых крепостных слуг. Вопрос об отношении Пушкина к живому русскому языку не может быть поставлен иначе, как в виде исследования о воздействии на поэта названных определенных диалектов: всего русского языка Пушкин знать не мог. Семейный язык поэта в лице его отца, матери, сестры, брата и всех родных, близких и далеких, насколько он был русским языком, тоже несомненно формировался под влиянием названных местных живых диалектов, без знакомства с которыми невозможно уяснить себе многих фактов речи, а также и стиля в стихах и прозе Пушкина.

Ближайшее отношение описываемого говора к языку текстов Пушкина в данной статье не рассматривается: об этом предполагается писать особо.

Автор не может не выразить сожаления, что предлагаемый материал все же еще очень незначителен и недостаточен для изучения языка Пушкина, столь сложного в своем составе и происхождении и еще недостаточно

выясненного в своих многообразных грамматических, лексических и стилистических особенностях.

Этнографический очерк населенных мест, обследованных автором настоящей статьи, дан им в «Известиях Гос. Русского Географического Общества», т. LX, 1928, в. 2, стр. 327—360.

Об одном из говоров данной округи имеются довольно точные, но недостаточно полные сведения в статье К. А. Иеропольского: «Говор деревни Савкино, Пушкинского района, Псковского округа» в «Известиях по русскому языку и словесности», т. III, стр. 585—597.

Автор настоящего описания собирал диалектический материал, как и этнографический, главным образом на хуторе Озерки, в Пушкинских (б. Святых) горах, в д. Навдышах, где провел по нескольку дней. В других селах и деревнях волости он знакомился с данными языка во время прогулок и поездок, всего чаще направляясь на хутора, окружающие Тригорское. Довольно значительная часть материала получена при записывании местных песен и особенно сказок, которых собрано около 50-ти. Все изученные автором отдельные говоры представляют, по его наблюдениям, один диалектологический тип, несмотря на очевидные различия, состоящие в присутствии или отсутствии крупных и мелких особенностей в языке отдельных носителей в зависимости от их возраста, социального положения и степени культурности. Само собою разумеется, что этот описанный здесь поздний потомок живых говоров, окружавших поэта и воздействовавших на его язык, а частью и творческую мысль в области ее словесного выражения, не является тождественным с действительными местными говорами двадцатых-тридцатых годов XIX в. Однако, исследуя эти говоры теперь со стороны их архаических особенностей, как это делается в настоящей статье, мы несомненно получаем значительный материал, идентичный языку пушкинской эпохи. Все новое в языке, что явилось после и является теперь, пока не подавило еще старого. Оно исчезнет лишь в поколениях, которые, отрешившись от старины, воспримут во всей последовательности быт и культуру последнего революционного времени. В период наших наблюдений Пушкинская волость представляла еще много неизжитых остатков старины, особенно в языке старшей части населения. Эти остатки мы и постарались закрепить в данной статье, видя в них одну из основ для изучения языка Пушкина.

В отношении к селу Михайловскому необходимо разъяснить, что в псковских говорах селом называлась и называется барская усадьба с постройками для слуг и хозяйственных нужд. В 1927 г. это был адми-

нистративный центр Пушкинского заповедника, созданного Советскою Властью, в котором жили семья заведующего и рабочие заповедника. Села Михайловского в обычном значении совокупности крестьянских дворов теперь нет, как не было его и раньше.

Переходя к изложению моих наблюдений, извиняюсь за непоследовательность в изображении слов. При записях, производимых поспешно и в большом количестве, не было никакой возможности провести строгое фонетическое письмо всех слов. Устанавливать же фонетические изображения после, из орфографических написаний — дело опасное и вообще невозможное. В той степени, в которой такие переводы бесспорны (писать, например: вада, многа, друк, ево и под.), они ненужны. В случаях сомнительных они, конечно, недопустимы. Те фонетические особенности говора, которые можно было изучить и отметить, изложены в своем месте. В дальнейшем по необходимости пришлось пользоваться черновыми записями и передавать слова то в фонетической, то в орфографической форме, иногда даже предпочитая последнюю ради ясности смысла.

I. *Ударение.* Ударение на предлогах и приставках: за́чим пришла за́ Сороть, за́ Соротью, за́ волосья, на́ весь день, на́ озеро, по́ Руси летал (в сказке), со́ сну, прбрамки, ни стыда ни по́зору (не имеет), за́чала, най́дешь, най́де, на́рошно, не во сне, а на́ яви, при́дет, па́возки (повозки), прбились, у́мерла, у́мершую душú, у́жасно.

Ударение на корне в словах: ло́ток, мблодец (в сказке), по́толок, спи́на, бо́лесь, блúнница (блудница), го́лова повешена, го́бра, ли́са, Рóжество (название селения), прика́зка (присказка), ме́стечко, бо́сая, бо́льшая сестра (старшая), ме́ньшая сестра (младшая), ба́рыни были же́стоки (строги, требовательны), ро́дная, брата ро́ннава, то́пленое молоко, и́менный (платок); пла́та не ну́жна; сме́рть стра́шна; глу́па ты за это; дли́нна; нам те́пло; она са́ма брала.

В склонении существительных: съешь три решета железнава бббу (в сказке), против клю́цу (ключа, колодца), к скóту, к сто́лу, к су́ду, ки́шки, у́шки, с во́ды, с ре́ки, с ру́ки (с ру́ки на ру́ку), к ре́ке. Также в местоимениях: пушше то́во, к то́му.

В спряжении глаголов: бе́ре, забе́ре, набе́ре, собе́ремся, бро́ня (бранят; подобные формы редки; я слышал, например, да́рять, но не слышал: до́рять), ве́рнешся, кри́чит, вздо́хнула, отдо́хнем, иссо́рила деньги (истратила), на́рбдится, не́си, плёснула (о рыбе), по́ют (поят), заху́лила, опу́стили, заведе́но, переве́дена, напи́лись, прапи́лся.

В формах прошедшего времени мужеский род обычно имеет ударение на окончании: запёр, отпёр, нанял, начал, отдал, продал, создал, отнял, перенял, поднял, принял, пожил, помер; не жил. Формы женск. рода удерживают ударение на корне: была, дала, жила, отдала, переплыла, померла. Для формы среднего рода отмечено только: было (воды не было, ево не было дома). Для множ. числа возможно ударение на корне: начали, приняли, и на окончании: начали, пожилы, разгрызли. Укажу также: умерла, разгрызла.

В причастных формах мной отмечены: прожито, потеряно, двери запёрты, расчищёные.

Ударение на окончании в словах: острбв, угбл, комель (у дерева), ремешком, утрб, ухб, дочка; врянный (вредный), высокие озера, глуби, грубая, грузные дровни, долгая, долге, длинную, крепкая, крепке, крупной дичи, пахотная земля, сильбой, смирной, тихой, тихая, толстая, толстые, трунная (трудная), хитрая, хитрые, широкая; пакостить, грызти, коё-как.

В склонении существительных: гогот (ржание) своего брата Ивана лошади (в сказке), с круга, с куба, для моста, нацеди три пуда; внуком, прутком, перствём, рядком (нар.); в каком месяцу, на пустоши; внуки, деды, окуни, павлины, сваты, чоботы; пакостей, писём; каким хитростям(-ми); озера, по болотам; воду, горю, голову, доску, дочку, душу, землю, избу, ногу, руку, щеку.

В спряжении глаголов: воё (воет), не удержишь, зыбли, смотрят. Отмечено еще несколько форм, отличающихся по ударению: мудренее, красивее: аднова; самому (д. п. от сам); попадаья; легенький; огромнейший; посмотрю хброш (наречие).

II. *Гласные*. Аканье: вада, гара, твырага, таберь, выскакает, патребыл, Варбныч, бкны и т. п. с ясным *a* в слоге перед ударением; в других положениях наблюдается аканье, при котором редукция гласных не значительна. В говоре менее культурных лиц является редуцированное *a* на месте *y*: даркаватую (жену), даракы, карапатацка, патешествавал, ракаписание, с адавольствием, лес выработили, замаж, на раки.

Как следствие аканья видим: 1. Переход слов среднего рода в женский: занятия большая, влез на неёу, свою животную (о коне), пблю сеять, в пблю хадилы, платью аабрали. В живом говоре, впрочем, подобные формы немногочисленны. Они отмечены главным образом у одного моего старого сказочника (Брюсова), вообще акающего, который — рядом с хорошо сохранившимися формами оканья в конце слов: горё, морё, имёнё, перьё и под. — часто давал указанные словоупотребления, повидимому,

считая их украшением стиля: возьмите внимáнию, дал эту рукописáнию, сделал приглашéнию, дала соглашéнию, пиштите заявлéнию, бох щáсью дал, пустили нá морю, на смирéнию мятежа, в тридэсáтую царству, в прекрасную врéмию, в эту местéчку и т. д., иногда соединяя рядом черты аканья и оканье: взяли золотбё яйчку, подали этú плáтьё, в прекрасную врéмё.

2. Появление *o* ударяемого на месте *a*: брöня (бранит), кóтитя, покóтитя, плбють. Сюда же, вероятно, относится и хвáраст, с *a* на месте *o*, произношение, известное мне и в других говорах б. Псковской губ. (б. Островский у., б. Новоржевский).

Слово «ладбша» имеет форму ладúша. В слове сабузньáет *u* на месте *a*, вероятно, также не фонетического происхождения.

Неударяемое и ударяемое *ы* на месте *a* находим в словах: вдыли́, сдыли́ (издали), дбы́ше и др. формы сравн. степ. (см. стр. 120); на месте *o* в словах: выспы́тывал, выскры́кнули (кажется, это только в несколько «деланном» языке одного моего сказочника).

В слоге перед ударением звук *o* иногда приближается к *у*: буh вéдае (без ударения), вуспы́тывал (кормил), вуспы́тан, пулфúнта, руняе, разлоуми́ли, гусудáрь (государь), усудáрыня (в сказках); также в слове *вут*, произносимом без ударения и *уть*: *уть* сюда пайдём. *O* на месте *у*: одержáл на этом месте. *A* из *o* на месте *e* имеем в словах: адвá (адва жив; адвá-адвá гарит), ашшб (еще), Авсéй, Амеля́н (Примеры из разговора |и из сказок).

Приставное *a* находим в словах: аржанбóва хлеба, аграмáтная.

В одном случае я отметил *e* на месте *я*: невод еще не свéзен (не связан, из сказки). *Я* на месте *ё* в: колы́са, мн. колы́с. Чередование *л* и *en* отразилось в слове: праклёныш — проклятая матерью дочь (из сказки).

Звуки *a* и *o* при следующем мягком слоге иногда перешли в *e*, *и*: Пентелёй (Пантелей), Пентю́ха, вискрéсенья.

A на месте *e*: страпехну́лся (ср. отвердение *p* на стр. 115), прéждо. В слове: Праскёвья *e* из церковного Параскева; старое *e* в — племéнник, племéнница.

Звук *ё* на месте *e* в словах: рёдка (редька), ёй, маёй, на месте *o* в слове: крёвный (обруселый полонизм). Звук *e* на месте *o* в словах вероятно, стареда́вные дубы.

Рядом с аканьем я нередко слышал в говоре как стариков, так и молодых совершенно ясное, не вызывающее никаких сомнений *o* и *ё* в конце слов: кáмешок, дéвушка, дéдушко, бáтюшко (зв. п.), мнбго, прéждо, мясо, плáтеко (платьеце), плбхо, иди́-ко, ну́-ко, гуляньё, измбрьё, плбё, дёнёк, трбё, зáвтра, бáрьской и т. п., изредка и перед ударением: шопту́ха (ясное *o*

у старухи), роняйте. Это в особенности необыкновенно при сильном «яканье» в говоре, имеющем, с большой последовательностью, *я* перед ударением на месте *е* и «ять» как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: ляжа́л, вца́раьс, сяло́, пярóм, лясá, цвяты́, ряба́ты, тяра́ть, бярэ́за, бяре́, вяді́, мяня́ют, ляні́сься и т. п.

Ударяемые *е* и «ять» не отличаются; только в глаголе «есть» (кушать) на месте «ять» часто слышится *и*: *и*сь (ест и есть), не *и*сь, пайсь, сыйсь, также: *и*титься (сходить на нет, погибать); в насмíшка, надсмíшка (*и*; вероятно, древнее).

Отражение древнего «ять» в словах: сѣдя на печи, не рассѣживай (не сиди долго). Новое *е* в словах яѣцко, яѣшница, пара яѣц, мизѣнец.

Древнее *е* иногда сохраняется в слогѣ перед следующей мягкой согласной: дѣръгать, отсюда дѣрву, мяшѣцек, задворѣнка; особенно часто в глагольных формах 2-го и 3-го лица: паѣте, идѣте, пайдѣте, вайдѣте, пристаѣте (живѣте), придѣте, разарьвѣте, пѣь, берѣ, несѣ (при старых пѣть, берѣть, несѣть и новых: идѣт, пасѣтца, идѣшь, пайдѣшь и под.), также при отвердевших, некогда мягких, следующих согласных: мѣртвая, казѣнная, тѣмным лесом, слѣзно заплакал; в заимствованных из церковного: Алѣна, пѣрс (перст). Отмечено также: пѣрышко, щѣточка, еи (он) при обычном ѣн.

Звук *е* за ударением часто слышится ясно: жаляѣте, заѣчка (зайчика), на избѣке; произношения, подобные: ришатѣ, на заѣври, с рабѣти, за оглоблим (-ями), вероятно, относительно новое явление, внесенное из акающих говоров московского типа.

Вставное *е* имеем в словах жѣзень, карабѣль, с карабѣля.

Звук *и* приставляется к плавным *р*, *л* перед выпавшим глухим: рожа-иржи́ (род. п.), лоб-илбы́, два ильва́, иржа́вуй шашку́й (творит. пад.), ирва́ть; ишли́; перед выпавшим другим гласным: лить-ильѣм. Также в словах: игру́ша (груша), ишбл.

Неударяемое *е* может обращаться в *ю*: дѣнѣх — дѣнюх, мѣрюм.

Неударяемое *ю* иногда переходит в *и*: либапы́тный, либапы́тное.

В некоторых словах имеем звуки *а* (из *о*), *о* и *е* на месте древних глухих: бабо́р (бобр), избѣка, дѣрень (дерн, р. п. дерня́) берьвенѣ (бревно), бревенá (имен. мн.), васьменáтцать, осмиáтцать, гуселиц (при гусельцы и гуслицы); особенно в предлогах и приставках: ва жѣвности, взаходя (входит), взахожу́, салб́мя нагу́ (сломит ногу), сахватѣ́лся (схватился).

Соответственно нашему *о* имеем *ы* в словах пырха́е (порхает), пырхну́д, вспѣрхну́л (ворон: вспорхнул).

У на месте *a* — *o* отмечено в следующих случаях: *пустухи*, *подитку*, *тихоньку*, стали *ми́лу* жить, *клу* этой стражи (*клу* — без ударения), *эту́т* волк.

Звук *ы* переходит в *э*, обычно под ударением: *закрёй*, *закрёшь*, *зарёе* (зароет), *живэй*, *безурёнэй* (безродный), при обычных: *закрый*, *живый* и т. д., также: *такэй*, *тихэй* и под. с мягкими заднеязычными.

На месте *у* наблюдаем *ы* в словах *глыбокий*, *быдь* (хоть какая зима *быдь*), *быде* (буде, союз с слабым ударением); на месте *ы* — *у*: *дубки́* стаять (о ребенке), *бува́ла* два пузурька́.

Из форм 1-го и 2-го полногласия отмечены: *перёже* (прежде), *перёжний*, *передание*; *далажо́н*, *далажно́*, *далажны́*, *жблца́* (желчь), *кбра́м*, *карамо́к*, *мбланья́*, *халамо́к*, *стало́б*, *сталабо́к*, *пшало́к* (щелк, щелчок), *челано́к* (ткацкий), *цало́нок*, *серепочик*, *верёх*, *скатерётку*, *тверёже*, *переголода́ла* (все косточки перегадала). Слово «шмель» имеет форму *шамель*.

Стяжение гласных имеем в случаях: *небразу́юсь* (не образуюсь: не могу сообразить), *накне́* (на окне), *на́зере* (на озере), *нахо́ту* (на охоту) *хадить*, *кбо́ла* 'ннавó (одного) *местёчка*, *прожили́* ны (аны); в сказках стяжение в приставках *про* — *из*: *призашло́*, *призвёл*, *призья́снил*. Местоимения *мой*, *твой*, *свой* в формах *родит.-дат.* падежа ед. числа употребляются обычно со стяжением гласных: *маво́* дварца́, *тваво́* дитя́, *сваво́* брата́, *сваму́* деду и т. д.; стяжение в форме: *ма* тетка (моя) — редкое, в *като́ры* (которые) — обычное. В прилагательных отмечено только: *залаты́* часы. В них же возможны формы с опущением *ёта*, но без стяжения: *чи́стаа* поля (имен. п. ед. ч.). В глаголах изредка возможно стяжение окончания *ае*: *прараста́* (прорастает), как *сле́да* быть (из *сле́дает*, где *а*, может быть, и не фонетическое, появившееся под влиянием глаголов типа *делать*).

Примеры выпадения и отпадения гласных: *в́вратил*, *валкаво́е* акно, *барнава́ть*, *плате́нце*, *за́гвины*, *краси́* (караси), с *клинда́ря*, *прахо́д* (пароход), *хице́ры* (офицеры).

Слог *го* выпадает в словах: *бласлави́*, *блапалу́чна*.

Слова *кóло* (около), *спуга́лся*, *сба́вить* (избавить), *спóлнить* (исполнить) представляют, вероятно, особые образования.

III. *Согласные*. Замечательной особенностью здешнего говора является существование сочетаний *кв*, *хв* соответственно нашим *кв*, *св*: *кветы́*, *рожь* в *квяту́*, *кветёт*, *квяту́т*, *заквета́е*,¹ *хвисту́шка* (род птицы), *хвиста́ть*, *хви́ще*, *хви́снул*, *пахви́стывае*, на *хвьёте* (на свете, в сказке). Старики, по мест-

¹ Рядом существует форма: *тветам*.

ному указанию, говорили *звездá*¹ (звезда), но самому мне не удалось услышать такой формы.

Звук *x* на месте *с* я отметил также в словах *пихьмб* (письмо), *плехнұл* (плеснул), *опояхать* (опоясать), *вмэхный* (совместный), *вжах* (ужас), от *вжáлу* едва опомнился, с *ужáху* умер.

Дзеканье и цеканье у молодежи отсутствует, в говоре же стариков и женщин изредка еще слышится, но, конечно, очень непоследовательно: *идзй*, *дзэшево*, *дзэнег*, *дзэлать*, *лápчи*, *цяпёрь*, *пяць*, *цёмный*, *цямнэе*, *цябй* (тебя), *страцили* и под. Иногда, в особенности в более младшем поколении, мягкие звуки *д* и *т* имеют только свистящий оттенок: *т'япёрь*, *ид'й*.

Мягкое *д* между гласными может переходить в неслоговое *и*: *дйя* (дядя), *гйика* (гляди-ка — переход *д* в *и* и стяжение).

Цоканье хорошо еще сохранилось в говоре. Совершенно свободны от него лишь более культурные обыватели. Они смеются над цокальщиками, в семьях учат детей не говорить: *цавб*, *пéика* и под. Чеканье (овча вм. овца и под.) почти не наблюдается. Относительно часто я слышал *ч* на месте *ц* у того же моего сказочника (Брюсова): *заграничу*, *купéч*, *чарю*, *к венчу*, *атчбм*. Скрещение нового, исправленного языка с старым цоканьем и чеканьем дает распространенные здесь и в других местах б. Псковской губ. обильные и замечательные формы с *т* на месте *ц* и *ч*: *атёт* (отец), *брáтет* (братец), *царéвит* (царевич), *пет* (печь), *бет* (бечь, бежать), *дот* и *доть* (дочь), *жилёт* (жилец), *красáвит* (красавица), *патнуть* (почнут), *кирпйт* (кирпич), *дáтьники* (дачники) и т. п.

Древняя псковская шепелявость, т. е. произношение мягких согласных *з* и *с*, как очень мягких *ж* и *ш*, здесь почти исчезла. Эту черту говора можно наблюдать только у малокультурных старых людей. В дер. Ходькино у одной старухи я совершенно отчетливо и последовательно слышал произношения *ж'емля*, *ж'емелька*, *ви'ево* и т. п. В других местах и от других лиц такие произношения слышались редко; в разных местах от некоторых лиц отмечено: *ви'ё*, *спаш'йба*, *вби'емь*, *вада еш'* (есть), *даш'видáния*, *кби'ют*.

Шепелявость отражается и на здешнем дзеканье, имеющем произношения: *зд'ж'есь* (здесь), *подхбд'ж'ит* (подходит), *што небучь* (дь = дзь = джь = тшь = чь) и под.

Другая старая псковская особенность, мена твердых *з* и *ж*, *с* и *ш*, встречается здесь несколько чаще, но лишь в отдельных словах: *зелезьё* (железная часть ножа), *эзли* (ежли, ежели), *Зелёзово* (дер. Железово),

¹ «Гвездá гаварили старики в старину, таперь пашло: звездá».

палицу железную, *штакан*, *шкóлько*, *шквѣрное* слово, *вышморни* нос, *шашивáтцать* (возможно уподобление предыдущему *ш*).

Звук *г* произносится как взрывной согласный, в конце слов обращается в *к*; в склонении местоимений и прилагательных окончание родит. пад. имеет *с*: *кавб*, *ницавб*, *сляпóва* и т. д.

Круг слов, имеющих *г* придыхательное, почти тот же, что и в литературном языке. Однако; *Янбр*, *Янбрый*. Такого же *г* мы должны ожидать и в тех немногих случаях, когда этот звук отпадает в начале или выпадает в середине слов: *усудáрь*, *усудáрыня*, *инерáл* (в сказках), *евнázия* (гимназия), *квяиния* (княгиня, в песне). Как очень редкое исключение, пришлось отметить один раз ясное *г* в абсолютном конце слова: *этых дѣнег*, и два раза *х*: *дѣнех* искали, *дѣнюх* искали.

Слово «шагнуть» произносится здесь иногда с *х* на месте *г*: *шахнóли*.

Звук *с* часто на месте *у*: *вдáрилась*, *стѣшить*, *свídимся*, *стеряла*, *сб́или* (убили), *св́ехал* (уехал), *сзнáла*, *насч́или*, *спр́угий* (упорный, упрямый), *несж́ели* (неужели), *с* Гр́иши (у Гриши), *с* меня просить. Обратное явление реже: *у* вторóй раз и под.

Фонетическая замена предлога *у* предлогом *с*, кажется, вызывает и синтаксические новообразования. При здешней форме: *у* одной бабе (дательный на месте родительного) сочетание *с* одной бабе вполне совпадает с формами предложного падежа (в городе, в селе) и чувствуется как эти последние. Поэтому во множ. числе предлог *с* на месте *у* вызывает формы предложного падежа на месте родительного: она осталась жить в *разбойниках*, спрашивает в *дочерях*, стали в *стариках* своих проситься в гости и т. д. (примеры из сказок).

В конце слов и перед глухими согласными звук *с* часто сохраняется: *хлев*, *карбс*, *дрбс*, *вагбнав*, *дѣвка*, *старый* и т. п.

Все другие согласные в этих случаях теряют свою звонкость: *гот*, *дош* (дошь), *гвост* (гвоздь).

К начальным *о* и *у* приставляется *с*: *сббе*, *сан́и* (они), *сбзеро*, *сбкны*, *сбрата* земля, *Сбсипова*, *сбстров*, *суќинул*, *суснóли*, *сум́ный*, *сум́ственный*, *сугащ́ать*, *субралá*, *сúшки*, к *суглú*, *сустáла* (встáла — устáла — вустáла) и т. п. Также: *каравúлить* и *караúлить*.

В сочетании *сл* звук *с* иногда опускается: *крбля*, *астал́аем*.

В скорой речи может отпадать и начальное *с*: *от* за это благодарю. При вельможа имеем также *ельможа* (в сказке).

Л вместо *с* имеем в слове: *слаббдно*, *вм. н* в слове *кóмлата*; *м* *вм. н* в слове *Микб́ла* (Никола, Николин день).

Долгое *ж* иногда произносится как *жд*: *виждйт* (визжит); обратно, на месте сочетания *жд* иногда слышится долгое *ж*: *ни дажжэ* (не дождет, не дождется).

Глагол «лежжит» (в значении слышится лязг), вероятно, произносится «лящит», так как в говоре есть слово *лящ* (лязг, стук).

Звук *щ* иногда, главным образом стариками, произносится здесь как долгое *ш*: *бáришина*, *ашиб* (еще), *доши*, *приташибыли* и под., причем в некоторых случаях долгота теряется: *тава́ришам*, *тава́риш*, *дош* (дождь). Слово «еще» произносится некоторыми *ештб*. Вместо «штаны» говорят изредка *шшаны*. *Першшáтка* (перчатка) имеет *щ* из *ст*.

Звук *ф* обычно заменяется звуком *х*: *торх*, *хамília*, *хёршал*, *хунт*, *Вульх*, *Иван Сахбныч*, *Сбхья*, *Хёдя*, *Хедбня* (Федосья), *Хилíp*, *хипёр* (офицер), изредка — *хв*: *сарахв́ан*; обратно: *фúтар*, *фулиѓан*, на *балфбне* (из *балхбн*), *фйжина*.

В соответствие с нашим *х* в «пасха» здесь старое *к*: на *паске*.

Старое сочетание *хы* находим в *хýркала-хýркала* и *вýхарнула* (проглоченное). Форма *накапьятíла* тоже предполагает первоначальное сочетание *кы*.

Сочетания согласных *бм* и *дн* обычно обращаются в долгие *м* и *н*: *амманíла* (обманула), *аннá*, *лáнна*, *севбнни*, *паннйáл*, *слабннно* (свободно) и т. п.; иногда долгота теряется: *анáя* (одна), *невсхбное* семья (невсходное). Обратно при чередовании форм с *нн* и *дн*, имеем новообразования с *дн* на месте *нн*: *старíдный*, *камедная*.

Группа *к* дает долгое *к*: *лéккий*, *лéккие* лодки.

В *мýккий* имеем старое сочетание: первое *к* принадлежит корню, второе — окончанию.

Звук *н* между двумя согласными может удлиняться: *волося́нный*. Нефонетическое удлинение находим в слове *оттворíл*. Долгий согласный обычно слышится также в слове: *трéттий*, *трéттьим*. Из других случаев подобной долготы на месте сочетания согласного с ётом я слышал только одно произношение: *воскресéння*.

Случай ассимиляции плавных и других согласных: *тира́нник* (утиральник), *лй́ной* (льниной, т. е. одним волокном льна).

Случай диссимиляции плавных и взрывных согласных: *прблубь*, *Ликáндр* (Никандр), *нб́йма* (при нб́йма), *гув́нб*, *аблакав́енна* (обноков́енно), *андáть* (отдать).

В соответствии с книжным словом «лучше» здесь обычное русское *лúче*, с долгим *ч*.

Группа *чи* обращается в *ши* (гёрнишная, пшанишнава) даже в словах книжных: *тбино* такое.

Местоимения «кто» и «что» звучат *хто* и *што*. Вместо «почти» говорят иногда *пацкí*, вм. «пустил» отмечено — *пуксíl*.

Примеры выпадения согласных: абарíть кипятком, янiлась овца (ягнилась), явёночка (ягненочка), яняток, янёнку, тóко (только), скóко (сколько), красенький (красенький), без тóлу (без толку), вдрыз (вдрызг).

В группах согласных замечательно выпадение взрывных *б, п, г, к, т* перед *и* в глагольных образованиях: хлени (хлебни), хлену́ла, хляните, зачернi (зачерпни), пачернóть, пацёрнишь, застенiтсь (застегнитесь), пшаланóть (щелкнóть), вышморни нос (высморкни), выхарнишь (выхаркнешь), отшани́тсь (отшаланитесь, посторонитесь), пошану́лся.

Согласный *й* (ёт) может отпадать не только в середине, но и в начале слов: да́ка (дайка), ачмёнь (ячмёнь), эшшó, эвóнная. Указательное местоимение слышится иногда с приставочным ётом: *эти, ёты, ётых, ёту*.

Ясный ёг иногда слышится перед начальным *и*: *jíгры*.

Обычно отпадение мягкого *т* после согласной в конце слов: весь (весь), шесь (шесть) и под. Возможно отпадение и твердого *т*: перс (перс балел — перст, палец). В сочетании *ств* выпадает *т*: *пáрсво*.

Отмечено также отпадение конечного плавного после губной: *руп* (рубль), *воп* (воплъ), *доб* (добр).

Слово «охота» произносится здесь: *ахвóта*; при обычном «вiхожи» (угодья для пастбища) имеем и *вiхожди*.

Перестановка звуков имеет место в словах *намасты́рь* (монастырь), *цевря́к* (червяк), *захарпéли* (захрапели), *гни́ла* (глина), *пóймы* (помои; для здешнего говора надо первоначальной считать форму: *помыи*).

В прилагательных на *ский* здесь обычно слышатся смягченные *с* и предыдущая согласная: *ба́рьская*, *госуда́рьсьвенное*, *шампа́ньськава*, *зёмьський*, *Савкинський*, *Воскресёнськая*, *Три брвьское*, *Рахавьскай* (р. п. ж. р.); *руський*, *Галуббська* и т. п.

Другие случаи мягкости: *тряпéза* (обед), *задёргай*, *пёрвьый*, *сперьва́*, *серьпы́*, *са́харь*, *кúцерь* (кучер), *лахáнка*, *павёсьма* льну, *крю́ча*, *дуплé*. Вообще твердое и мягкое *р*, кажется, отчетливо различаются в данном говоре. Лишь в немногих словах слышим твердое *р* вместо обычного мягкого: *рiнулись*, *гiра*, *вiхар*, *вихрóm* (вихрем). С настоящим отвердением *р* отмечены мною лишь два случая: *трэщáло*, *грэмéло*. В этом отношении необходимы новые наблюдения и проверка старых.¹

¹ Редкие случаи отвердения *р* я слышал в говоре б. Новоржевского у. (Бежаницкий р.).

Звук *и* обычно твердый; мягкое *и* слышится только при «белорусском» цеканье. Звук *ч* тверже обыкновенного: *пачэсь* (почти), *часал*, *дбчэнька*, *начынае*, *учытца*, *вчара*, *вэчэром*.

В конце слов иногда слышатся отвердевшие губные: *сем*, *цёрков*, *кров* (кровь), *атстаз* (оставь), *избав*, *справ* тапор, *воп* (воплъ), *цеп* (цепь), *падсыт* и под. В *гвост* (гвоздь) твердость *т* древняя.

Д перед мягким *н* может быть и твердым: *дзня*, *дзнём*.

Окончание *ка* и подобные в положении после мягкой согласной здесь не смягчаются. Говорят, как и в других известных мне говорах Псковской губ.: *Ванька*, *Пётка*, *Ольга*, *свэрьху* и под. В форме *скольки* мы видим не фонетическое смягчение, а окаменелую падежную форму.

IV. *Существительные*. В склонении имен существительных муж. рода отмечены формы родит. п. на *у*: *павэсьма льну*, *карамку* (от *кбром*, *корм*), *хварасту*, (доехал до зеленова) *дубу*, с *карабелю* (идите), *сэаду* (правильная форма от *зад*); на *а*: *твырага*; формы предложного на *у* и *э*: на *ключку* (очевидно, от формы: *ключёк* — об источнике, твор. п. *ключком*), на *первом разу*, на *винаграду*, на *Вреву* (во Вреве), на *каневым хвасту*, в *вазу*, в *ключу* (в источнике), в *ручью*, в *цалну*, на *берегэ*, (*служба*) *впередэ* (правильная форма от «перед»); именит. множ.: *биряги*, *бегу* (в бегу пустились), *дамы*, *глазы*, *луги*, *рбги*, *рукавы*; *бэси* (*бэси* ево не внесуть, бранное выраж.), *салдаты*; *валка*; родит. пад.: *год* (с молодых *год*); *старажов*, *таварыщав*, *канёв*, *двух сынэй* и *сынэй*, *братэй*; предложн. мн.: *ва снэх* (во сне).

Слово *друн* имеет русские формы множ. числа с *ж*: *дружья*, *дружэй*.

Вероятно, по аналогиям к словам женского рода слово *гроб* получило родит. на *и*, отмеченный в выражении: *до гроби жизни* (буду любить и под., в сказках).

Род. п. от слова *молодец* употребляется как похвальное восклицание: *молодца!* (по отношению к девочке).

Имена на твердый согласный при числительных *два* и *три* имеют формы на *у* и на *ы*: *два вазку*, *два*, *три гбду*, *два прихбду*, *разику два*; *три дбмы*, *два*, *три разы*.

В творит. мн. изредка можно услышать твердое окончание: *людьмы*.

Слова «глаз» и «волос» имеют формы дат.-твор. с мягким окончанием: *глазям* *слаб*, с *валасям*.

Некоторые слова сохраняют в склонении «беглые» звуки *о*, *е*: *ров* — *равы* (рвы), *пéпел* — *пéпелу* (р. п.).

Слова мужеского рода: дедушка, ба́тька и под. могут склоняться здесь по образцу имен среднего рода, как в окающих говорах: дедушку — дат. пад., от ба́тька, ба́тька нет, мо́во ба́тюшка и т. п.

Слова женского рода на *а* и *я* имеют множество форм родит. падежа ед. ч. на *е* ударяемое и неударяемое. Говорят: ваде́ жалко, землѐ не было, с галавѐ, палавина зимѐ, с избѐ, у лисѐ, с Масквѐ приехал, дайте пенькѐ, нажать травѐ, нет ли у тебя пилѐ, нет ба́рщине, нет карѐве, от картѐшке, посажу капѐсте, много ры́бе, с ру́ке, захатела селѐдке, дал салѐмке, нет шѐбе, поел сметѐне и т. п.; иногда с *и*, заменяющим неударяемое *е*: у ба́би, с Микбли, с го́ри (с горы); также: с не́би (неба).

Формы дательного и предложного подобных имен на *а* имеют окончания *ы*, *и*: гаварить сваему па́пы, ба́бы нада дамо́й иттить, ударил па со́сны, па ко́мнаты, к жёнѐ, к рабо́ты, к реки́, к лисѐ; на вайнѐ, на гарѐ, на ро́дины, на душы́, в ряки́, при жёнѐ и т. д.

Творит. пад. имена женск. рода часто имеют на *уй*, *юй*: за грани́цуй, дѐвкуй, за рекуй, жѐнкуй, па́токуй, Са́шкуй, дере́внуй, ня́нуй.

В звательном падеже имена муж. и женск. рода на *а*, *я* имеют форму без окончания: Петь, а Петь! иди перехва́тывать (закусыва́ть). Была б на што, Валодь, папять! Што, папаш, гатовы? Мам! Мань, а Мапъ! Нянь! иди сюда (Примеры из разговоров и из сказок).

В именит. пад. мн. ч. возможны формы на *я*: деревня́.

После заднебных *г*, *к*, *х* существительные муж. и женск. рода могут иметь в склонении *и* на месте *а*: по рабѐтникам, по своим ка́мушким, опѐлкам, в кнѐгах, в станѐхах (стануха — женская рубашка).

В творительном множественного всех родов вместо окончания *ами* обычно слышится *ам*: с мужика́м, с рука́м и т. д. Многочисленные примеры из записей считаю излишним приводить.

Особенно замечательны существительные женск. рода на *а* и *я* по отчетливому сохранению форм двойственного числа: две галавѐ, две грядѐ, две дацкѐ, две избѐ, две сестрѐ, две бѐчке, две десяти́не, две жѐнщине, две карѐве, две кѐфточке, на но́ге, причем форма двойственного числа сохраняется и при числительных три, четыре: три галавѐ, три змеѐ, три карѐве, десяти́не три, цетьре десяти́не. Из форм двойственного числа мне пришлось услышать еще: прямо *воци́ма* (видела).

Имена женск. р. на *ь* имеют изредка формы род., дат. и предл. пад. ед. числа на *е*: от ка́зне, к но́це (к ночи), на ёле и под. и нередко твор. ед. на *юй*, *юй* и *уй*: шер̆стьюй и шер̆стюй, чесь-чесьюй, панѐлюй, гармо́-

ной, ячмѣной (вероятно, это слово может употребляться здесь в женском роде), нѣцуй и т. п., также: с дѣщерой, с мѣтерой.

Особенно замечательны в этих словах многочисленные формы имен. п. мн. числа на *а*, *я* ударяемые: вещь*а*, лошади*а*, ночи*а*, ося*а*, печя*а*, сетя*а*, степя*а*, пустошя*а*, церквя*а* и т. п. Их затруднительно объяснять влиянием форм муж. рода на *а*, которые здесь новы и немногочисленны. Вероятно, они образовались под влиянием форм косвенных падежей мн. числа: вещь*ам*, вещь*ами*, о вещь*ах*.

Изредка слышатся собирательные формы: кожѣѣ (кожи), перѣѣ (перья). Имена на *я* с предыдущей гласной сохраняют иногда старые формы склонения: (говорит) змей, дат. п. (в сказке). Слово *дочь* встречается с склонением без наращения: три дѣчи. Церковь имеет форму: цѣрква, род. п. цѣрквы и цѣрквы. В слове *рука* отмечен имен. вм. родит. в выражении: с рука*а* на рука*у* (в сказке девочки). От *платье* род. мн. слышан в форме: платьѣй.

Слово *плечо* имеет имен. мн. на *а*: могучие плеча*а*; слово *дело* имеет родит. мн. на *о*: делѣв; *ухо* имеет форму родит. мн. *уш*. Слово *дѣтя* склоняется как имена на *е*: с этим дѣтѣм.

Чередование форм имен.-винит. на *е* и *я*: избѣрьѣ и избѣрья, пѣлѣ и пѣля, вызывает форму родит. п. на *ѣ*: из избѣрьѣ. В сказке о лисиче-ночлежнице встретились имена молодых птиц с старым окончанием *я*: куря*а* (курица), утя*а* (утка), гуся*а* (гусь). И в обычном говоре я отметил форму: в куря*тах* (у кур), даже: зерня*та* (зерна хлебных растений).

В одном сказочном выражении отмечена форма единств. числа от слова *уста*: Третья (змея) говорит: «Я, говорит, один *ус* в землю, а другой *ус* в небо: как ани паедут — так мне в рот и въедут».

Некоторые слова замечательны по образованию и употреблению в отношении грамматического рода. Таковы мужеского рода: *вѣюнош* (юноша, в сказках), *погон* — погоня (паехал в пагѣн), *сѣжень* печальный, три сѣжня, *стату^й* (смазал с воску стату^я); женского: *дѣда* — дед (дѣду бранить, дѣду пилить), какя*а* *кашель*, *магазина*, мая *меч* (в сказке), *мазга* (мазга тронулась — сошел с ума), *путья*, род. п. мн.: *пути*, *путь* добрая, счастливой *пути*, *ячмѣной* (ячменем); среднего: *стѣло*, *цѣмнатѣ* большое (темнота).

В образовании существительных обычны формы на *ина* в значении единичного, отдельного предмета: берѣзина, ели*на*, липпи*на*, осини*на*, каштан*ина*, ряби*нина*, лес*ина* (бревно), кирпич*ина*, пчели*на* (пчела) и т. п. Такие образования могут употребляться и в собирательном значении: драв*ины* нет (дров); они встречаются и без отвлечения от собирательных: фершал*ина* (фершелица), дорб*жина* (тропинка, дорожка в саду), стеж*ина* (от стега),

вады нет ни вадіне, дверіна (дверь), швеліна (щель). К словам такого образования суффикс *ина* может присоединяться вторично: лесініну (дерево). Повидимому, слово лесіна приобрело уже и собирательное значение.

Отметим еще собирательные существительные на *яг* в названии деревьев: березнягу (род. п.), ельнягу (род. п.), липнягѡм обсажена, орешнягу много; также: гадіага вм. гадюка; платьяко (платьице) и платеко.

Собственные имена на *ка* здесь совсем не имеют презрительного и уничижительного значения. Людей близких, старых и почтенных постоянно называют здесь: тетя Аніотка, дядя Ванька, дядя Пётка и т. д., старуха называет своего мужа: Ванька. При сказанном мною имени глубокого старика — Ефим, мне сказали: «по-нашему называется — Юшка». Старому плотнику деду Семену при мне говорили о нем: «Нам сказали, что Сёньке Бустыгинскому не сделать эту работу». Несомненно, мы имеем здесь сохранение древних русских личных имен на *ка* и *ко*, какие, например, имели новгородские посадники: Еска (Иосиф), Иванко, Мирошка (Мирон) или князья: Глебка, Давидко и под., без уменьшительного значения. Ср. обычные имена лошадей на *ко*: Гнедкѡ, Воронкѡ, Сівка и под., означающие пол, а не уменьшение.

Укажу также женские имена на *ха*: Маха (Мария), Даха (Дарья), Васи́ха (Василиса), которые здесь, говорят, уже выходят из обращения.

Приведу еще несколько существительных, замечательных по своим окончаниям: *ек* — лапотек, *а* — палица (полиция), *ёнье* — там питёнья, там ядёнья, всево много (в сказке), *есь* — нѡвесь (в сказке: проявилась нѡвесь — новость), *жа* — крѣжа (крыша: крѣжу разломали), *ка* — колѡвка (колдунья), *іна* — княгіна; *ѡк* — кнутѡк (в песне); *щик* — измѣньщик, лавашик (лавочник); *ун* — петун (петух); *харь* — жихарь (житель); *як* — тростняк (тростник).

V. *Прилагательные*. Имена прилагательные мужеского рода имеют окончание *ый, ий*, ударяемое и неударяемое: втарый, залатый, немый, прастый, прямой, пушной, халастый, щепной, бальший, другой, плахий, срѣзанный, маленький, сладкий и т. п. Рядом с ним является окончание *эй, ей*: густэй, касэй, грузнэй, маладэй, прямэй, сырэй, ржанэй, бальшей, пужей, другой, высакей и др.

В формах косвенных падежей отмечены: Ивана Кухаркинава, Трѡицынава дня, Ивану служанкиному, в Вакресѣнским.

Особенное внимание в склонении прилагательных (и местоимений) привлекают обычные здесь формы косвенных падежей женского рода на

уй, юй вм. *ой, ей*: *этуй* рыбки, у *этуй* старухи, с *трэтьюй* стараны, царскуй дочке, к *старуй* старушке, к *этуй* девушке, *лэвуй* нагой, *мёртвуй* вадой, за *этуй* рощуй, *иржэвуй* шапкуй, под *бэлуй* плитуй, об *этуй* царевне и т. п. (в разговоре и в сказках).

Менее выделяются здесь формы вин. п. женск. р. на *ая* и *уя*: пад *лэваю* крылышка, в *эткуя* царство (в сказках).

Сравнительная степень прилагательных имеет формы на *оше*: *лавóше* (ловчее), *талóше* (толще); *ее* вм. *е*: *працэе* у нас была (проще), *ше* вм. *че*: *крéпше*.

Своеобразны формы сравн. ст.: *пакары́че* (покороче), *малы́же* и *малэ́же* (моложе), *памалы́же*, *халы́жи* (холоднее); *ды́ли* (дальше), *падды́ле*, *падды́льше* (подольше).

Превосходная степень иногда выражается удлинением и усилением ударения, иногда повторением слова, иногда соединением обоих приемов: *высакéй*, *бальшéй-бальшéй*.

Отмечу еще в образовании прилагательных формы: *пы́щая* (пицца, в сказке: *пы́щию* понесут); *большо* (больно); *дрéвний*; *злóчие*.

VI. *Числительные*. В числительных отмечены формы: *анáя* (одна), *трéтьяя*, *трéтьюю* осень; *адны́* двери; мельница с *двенáдцатим* варбтам; *по двою* (по двое, по два человека). В сложении: *трей-галавнóй* — *трехголб-вый* (в сказке: *абратилася* змеей *трей-галавнóй*).

VII. *Местоимения*. Местоимения *я* и *ты* имеют изредка формы род.-вин. пад. на *э*: *тебэ*, *менэ*; местоимения *ты* и *себя* в старшем поколении сохранили формы дат. пад.: *табэ*, *сабэ*; местоимение *он* обычно звучит: *ён*, множ. ч. *аны́* и *яны́*, в женск. роде: *анá*, *янá* и *енá*, в род. пад. отмечено *ей*: нет *ей*, в вин. пад. обычно *ану́* и *яну́*, в дат. слышал форму *юй*, в вин. *ею́* (согласны *ею́* отдать). Чередование различных форм личного местоимения вызывает некоторые новообразования и в м. роде. Так, с отпадением *ёта*, из форм *ему́* и *яму́* получается: *эму́* и *аму́*: *аму́* это не пондравилось.

Форму род. п. *ея*, слышанную от одного здешнего грамотея, я пока не решаюсь считать народной. В сказках и скорой речи можно услышать форму *тее* вм. *тебя*: *я теé* так не пушшу, пока *я теé* сказню.

Вместо *меня* в скором разговоре можно услышать *мя* неударяемое: у *мя* торговых ниток нетути. Чаше подобные формы я слышал в сказках: што в *мя* за сила? Золоты часы в *мя* отобрал. В *тя* деньги есь.

Местоимение *кто* употребляется в значении *что*. Вопросительное *каво?* значит: чего или что? Примеры: *Каво́* ты говоришь? Дома делать *нёково*. Што вы *никаво́* не кушаете? Читать *нёково*.

Местоимение *он* обычно имеет здесь такие же формы после предлогов, как и без них: за ево, за им, на ей, у ей, с ей, у их. Подражание формам литературным заходит здесь иногда дальше принятых нами употреблений. Говорят, например: далажіли ней (ей) и под.

Местоимения *кто*, *что* имеют древние формы твор. пад.: *ким*, *чим*: *ким* занята? с *чим* паеду? *чим*? *зацым*?

Древние формы во мн. числе имеет и местоимение *весь*: *вси*, *всих*, *всим*.

Архаичны также формы местоимения *чей*: *чя́* (чья), *чяё* (чье), *чяевó* (чьего).

Для местоимений *этот*, *тот* отмечены формы: *э́тый* матрос, *э́тым* бором, *э́тым* лебедем, *э́ты* хоромы, *э́ты* деньги, *э́ты* крошки, *ты*, *всих тых*, *тым*, *та́я*, *ту́ю* избушку, *ты́и* двери.

Для *сам* отмечена форма им. мн.: *са́мы* (*са́мы* папли, *са́мы* не знаем).

Для местоимения *сей* отмечена форма вин. пад. женск. р.: *се́ю* минуту и род. пад. мн. числа: с *се́х* пор (ср. с *тех* пор).

Нашему слову *оба* здесь соответствуют формы: *абы́и* и *абы́и*, *абы́их* сабак, *абы́им* (дат. п.). Слово *обе* не связано тесно с значенном женского рода: пушшай даже *обе* мы пагили, т. е. погibli, погibнем (говорит Иван царевич царевне, обреченной змею).

В словарном отношении замечательны местоимения: *сей* (на *се́м* свете, по той стороне реки или по *се́й*), *евóнный*, *се́нный*, *е́йный* (ему, ей принадлежащий), *и́ншый* (*и́ншая* встане, *и́ншая* не — о побитой ржи: иной; весьма употребит.). Они хорошо характеризуют лексический состав здешнего языка: первое — слово старорусское, утраченное литературной речью, второе, третье и четвертое — новые народные образования, последнее — заимствование из польского языка.

В склонении укажу формы: в *какы́м*, в *твайы́м* харошим успехи; сам не сделаю и *дру́гу* закажу (вероятно, значит: другому).

VIII. *Глаголы*. Глаголы типа *мытъ* здесь удерживают основу неопределенного наклонения во всех формах спряжения. Сохранившее особенности здешнего древнего говора старшее поколение говорит: *закры́ю*, *закры́й*, *накры́ю*, *аткры́й*, *мы́ю*, *мы́ешь*, *мы́ем*, *мы́ють*, *мы́ется*, *памы́ю*, *памы́емся*, *ры́ешь*, *атры́ешь*, *атры́ется* и т. д.; иногда на месте *ы* слышится э: *кря́ют*, *закря́ю*, *абря́ет*.

Чередование ударяемых *ы* и *о* (*мы́ю* и *мбю*) вызывает новое *о*: *завб́ек*, рядом с *завы́ек* (в сказке). Подобно таким образованиям и при *пей* имеем повелит. накл.: *пей* (не пей песни).

3-е лицо, единств. и мн. числа имеет в говоре старшего и менее культурного населения мягкое окончание *ть*, или же — чаще — остается без этого окончания: живётъ (не ё), живу́ть, знаё, наливаё, при́де, капуста вы́растя, пьё, берё, несё, приходи, собци (от сацить — искать), кони ста́я, аны павáля и т. д. При этом: 1) в глаголах 2-го спряжения наблюдается в окончании *е* нефонетическое, возникшее по аналогии к формам 1-го спряжения: вóзе, хбде, б́уде (будит, пробуждает); 2) это окончание нередко звучит, как *я*: ана галб́ся, кто абгб́ня, царевна не вёря и под.; 3) окончание *е* под ударением обычно не переходит в ё, как это часто бывает в других псковских говорах; формы с ё: придё́, принесё́ и под. редки; 4) глаголы 2-го спряжения имеют окончания: *уть, ють, ут, ют*; *заходють, просьють, смóтрють, видють, малóтют, с́удют, хбдют*. Формы с твердым *т*, конечно, литературного происхождения.

Глаголы на *аю* имеют иногда 1-е лицо на *у*: я д́уму, не в́еду (не знаю).

В глаголах на *ся* окончание звучит мягко и обычно не сокращается: баю́сь, байт́ся, ляж́ься (ложись), д́елася (девалась), раскрич́алася, яв́илася, дожд́алися, пашан́улся; во 2-м лице окончание *ся* ассимилирует себе предыдущее *ш* и обращается в *сься*: лян́ьсься, печал́ьсься, сабьёсься, сп́устисься, вёрнесься и т. п. Нередко вместо *ся* — *си*: вмáялси, вудив́илси, аткрýлси, пашан́улси, часáлси, замарáьсьси. Редко *се*: справл́ьсье.

В деепричастных формах глаголов возвратных окончание *сь* нередко отпадает: наёвши (наевшись), аста́лши (оставшись), атец был зад́умалши (задумавшись). Также иногда бывает и в глаголах: аны заблуд́или (заблудились). Обратное, иногда наблюдаем приращение *сь*: вт́ихлась (утихла: о плачущем ребенке-девочке).

По значению глаголы на *ся* иногда показывают полное окончание действия: покóсьмся, пожнёмся (окончим покос, жатву).

Прилагательные на *чий* могут употребляться в значении причастий: горя́чие селы (горящие). Ср. в таком же употреблении: горя́чие угли (б. Владим. губ.).

Деепричастия прошедшего времени обычно имеют окончание *вши* вм. *вши*; встáлши, завёлши, не едáлши, купáлши, пасивёлши (поседевши), пере́ехалши, при́ехалши, у́ехалши, аскал́илши зубы, был асемéнилши (женился) и т. п. Деепричастия на *вши* редки: было случ́ьлши (случилось).

Из особых по образованию форм неопределенного наклонения укажу: *грызт́и, влэ́зти* (в избу влэ́зти — войти), *лэ́зти, лец́и* (лечь), *вы́неститъ* (вынести), *итт́итъ*.

Сохранение основы неопределенного наклонения отмечено в глагольных формах: ошибѣлся (ошибся), пѳтчивают, патрѣбал (от потребать), трѣбалось, скакаѳют, чѳствуют, узнаваѳют, хатѣшь (хочешь), хатѣт, быдѣ он прѣклят (откуда: быдто); сохранение основы 1-го лица — в формах: гащѣли (гостили), мѳгишь (можешь), пабягѣм, жге, разожгѣн, текѣ река, кровь потякѣ, хѳцете, выпущаѣтъ, блещаѣщий зѳмок (в сказке).

Повелительное: ляжѣся идет от основ будущего времени: ляжешь, ляжет; (не) мѳжут, пражжѳ (прожгу) идут от форм: можешь, может, прожжешь, прожжет.

Запрестѣли составлено под влиянием типа простѣтъ — прощу, рѳстѣтъ — рошу.

3-е лицо от «есть» (кушать) имеет форму: *ядѳтъ*; отсюда *сгядѳтъ*.

Замечательны употребляемые здесь, известные только в Псковском наречии, формы прошедшего времени множ. числа на *ле*, ударяемое и неударяемое: аны пашлѣ, аны падбѣгле к реке, аны падбѣхала (я из е).

В употреблении времен отмечена форма будущего сложного: *не унести будет* (т. е. будет невозможно унести).

Обычны формы прошедшего и настоящего сложного: отец был *задѳмалши* (задумавшись), был *утанѳлши* (утонул), я замуж *вѣшедши*, Коля *уѣхалши*, слых *пришѳтчи*, мать была *пришѳтчи*, доложите Володе, что *пришѳтчи* командир (в сказке) и т. п.

Повидимому, есть еще и прошедшее и будущее сложное с быть: У нас *были* всю зиму *хадѣли* (ученики в шубах в классе). Государь *был отпраѳился* в прочие державы. *Будешь образовѳлся* опять, как и жил (прежде). (Два последние примера из сказок).

Один раз я совершенно ясно услышал произношение: *жат* (т твердое) ходѳтъ (от уроженки Вороноча). Возможно, что это сохранившаяся форма супина. Это тем вероятнее, что синтаксическая конструкция с родительным при сушине здесь сохранилась: Папол касѣтъ травѣ. Хадила глядѣтъ сваво льнѳ. Иди пасматрѣтъ пѳезда. (Этот пример записан в б. Псковск. уезде.)

Из глагольных образований весьма замечательны формы на *хатѣ* вм. сать, шатѣ: опѳяхатѣ, вѣхатѣ, кѳхатѣ, мехатѣ, спрѳхыватѣ, слѳхатѣ, которые, с их производными, постоянно слышатся в здешнем говоре. Также формы на *хыватѣ* вм. шиватѣ: засѳхываѳют, спрѳхывала и под. Любопытны формы: *сукѳтъ* — сучѣтъ, *сустрѣкли* — встретили (правильная форма прошедшего вр. от «сустрѣкѳтъ», как «привѣкли» от «привыкѳтъ»), *встрѣл* (встретил), *встрѣли* (встрѣтили), *варудѣлся* (в сказке: вооружился, от орудѣе), *паздарѳкался* (поздоровался), *спешѳлась* (поспешила, ср. поспешатѣ).

Глаголы с коренным конечным *и* дают здесь особые образования: обманить (обмануть), заснула (заснула), выгнули (выгнали), стонула (стонала). Любопытны: *сянь* пообедай (вероятно, от сяднуть), *взяне* (возьмет; вероятно, от взять). Формы: пагил (пагил мой брат), пагила, пагили (отмечены у одного сказочника), очевидно, восходят к погнать.

Есть несколько глаголов на *ить* вм. *ять*: движился народ (по типу: сторожить), свалить валенки, расстрелить; в сказках также: пастучился пад акном, пахатилось (захотелось) (ср. стучишь, хатишь). Отмечено также: обзри́ла своими глазами (в сказке).

Укажу еще: одичели (одичали), вопела-вопела (долго кричала), ограбать (грабить), куплять (покупать); наdee — наделает (о ребенке: Владимир наdee делов), адеюся (одеваюсь), забьяло (завыло); падаймешь (поднимешь), падаймусь (поднимусь), саймешь (снимешь); связе (из сказки: пусть он связе шалкóвый невод; от связти); хошь (хочешь).

Вместо «заревела», «видела» говорят: *заревла́, видла, видли, увидла*.

Замечательно: *ходи́* вм. иди, *простит́ся* вм. прощаться (в сказке: я с вами прастит́ся не буду; стали прастит́ся с ранними).

IX. *Наречия*. В числе наречий немало старых и местных слов, замечательных как архаизмы или новообразования: вот *та́ко* — так, *та́мо, т́уто, ме́жи* и *ме́ждо* (ме́жда сабой), *пре́ждо, вме́сто* (вместе: палажи их вси вместа); *топе́ря* — теперь; *не́тути* — нет; *но́нма* и *но́йма* — ныне; *дот́ули* — дотуда, *отќуль, отс́оьль, отт́уль, поќуль* (не буду работать пакуль справишь тапор); *тогды́, куды́, сюды́; пешо́м* — пешком; *издавни́* — издавна (ср. давнѣшний), *пода́вне* (подавно: тебе пада́вне не выгнать, в сказке).

От наречий иногда образуются необычные или редкие ласкательные формы: *топе́ренько, т́уто́нко; садись леге́нько, держись крепе́нько* (из сказки); *тихо́нюшко-тихо́нюшко* (очень тихо).

Понятия «двоём», «втроём» выражаются здесь формами *вдвух, втрѣх, вдваѣх, вы дваѣх* (атрепали лен *втрѣх, вы дваѣх*, нашли мы (то-то) *вдвух*, пашли *втрѣх* на-хвоту).

X. *Предлоги и приставки*. Предлог *в* имеет иногда значение *за*: *матка ушотци в вѣники* (за вениками), *пашел в грибы, пашли в ягады* и т. п.

Предлоги *за* и *на* иногда имеют значение предлога *в*: *За* крещенье (праздник) там бывает ярмарка. *Стрелял на* голубей.

Предлог *с* имеет значение *из*: *Русавка* (русалка) *выскаци са ржи*, или *с лужицы*, или *с леса*. *Пашешь с* по́лу (*из* по́лу, получая половину урожая). Иногда вм. *с* наблюдается *из*: *саскачила из дуба*.

На с глаголами «говорить, кричать» соответствует нашему дательному без предлога: Гаварит *на* Володю (из сказки). Кричит *на* свайх товаришав... (из сказки).!

Особые предлоги: *вѣмо* (мимо; сохранилось только в старшем поколении: *выма* двара, гумна и пр.); *ми* и *иля* (около: *ми* вѣзера, *иля* скатá (не для, но около!), *кли* и *кля* (около); *иля* и *кли* имеют также значение: для (*кли* всево и под.); *дми* (*дми* мастá — подде), *дле* (стойте *дле* маево каня, в сказке); *кѣло* (около: кѣло прѣду, кѣло дивана); *пѣбочь* (сбоку); *скрыс* (сквозь, через: *скрыс* саюз правести).

Из приставок укажу прежде всего на редкую в русском языке *оз*: азгарѣда (изгородь), азвинѣте (извините), аспугáлись (испугались).

Вы здесь, как и в северных говорах, может иметь значение *о*: вѣстане на лавку.

Вместо приставки *у* здесь нередко *во*: вабрáть, вабыѣу, ватрѣи и под. значит: убрать, убью, утри. В сказках: вайдѣу (уйду), насилу варвáлся (урвался), вадружѣте (удружите), васматрѣл (усмотрел).

Вместо *у* иногда *о*: аправляющий.

Вместо *о* изредка *обо*: абазѣрные (озорные), абазѣрники (озорники).

Вместо *при* может быть *пере*: перенимáет (принимает). В сказках: перенѣл брата (принял), перенимáет гостей. *Пере* имеет также значение *по*: переправѣлся (в сказке о раненом богатыре: выздоровел).

Су чаще, чем в литературном языке: сусед, Брѣхово сублино с Нáвдышами (смежно, поле сходится с полем).

Укажу еще несколько замечательных в отношении приставок словообразований, отмеченных в сказках: пѣкáзка (присказка), ввалил (увалил, свалил), взлечѣть (вылечить), заглядѣли этот пень (увидели, заметили), искавáл капье (сковал), надстáвѣте (научите), сбляннѣл (побледнел), все савпакѣилось (успокоилось), саснѣлася васнѣх (приснилось), усударь много узрáдовался (в сказке; может быть, видоизменение префикса *оз*).

В некоторых случаях здешний говор имеет предложные или двухпредложные образования соответственно нашим беспредложным или однопредложным, особенно в сказках: внаймáли, впакѣю не дае, женщина абрадѣла, ажанился, апаслѣдную комнату, паначѣуй, паначевáл, празабѣлся (забылся), купца сказнѣли, здесь увязко, Алена Приукрáсная и Привкрáсная.

XI. *Союзы*. Из союзов укажу: *ѣли* (если: ели не обманул, то..., в сказке); *ми* в значении *или*: смерть *ми* могила (а сделаю то-то, в сказке).

XII. *Междометия*. Часто употребляются в здешнем говоре отглагольные междометия в значении сказуемого: Она (русалка) булѣтых в воду.

Палка *лусь* (переломилась). Особенно часто в сказках: Лиса хвостом *болть*. Волк *дери* бабу за подол. Дрозд влез на баню да *хвись, хвись* (стал свистать). Котик *глядь* — лисица *хвать*. Баба *кидь* ей (собаке) блин. Волк *прыг* к гусю. Баба *сов* скавародник ей (собаке) в зубы. Дед пришел *гром* (грохнул, бросил) бабе (кости дочери).

XIII. *Частицы*. Замечательна частица *ка*, употребляемая при местоимениях и наречиях: у меня-*ка*, у тебя-*ка*, туда-*ка*, аттүли-*ка*, сюда-*ка*, сюдай-*ка*, тутонь-*ка*, там-*ка*. В ласкательных словах присоединяется частица *ки*: Иди домбйки, ляжем спатьки (сказано ребенку). Частица *то*, в виде члена, употребляется здесь очень редко: мой муж-то змей, не спал-то (в сказках).

В сравнительном предложении обычно здесь излишнее отрицание: Живуть хутарами также, как и *не* мы.

XIV. *Синтаксис*. При существительных собирательного значения сказуемое может иметь форму множ. числа: Вся публика *падашми* к окнам (в сказке). Вот эту бабушку *взяли* шайка разбойникав, — на канёвьи хвасты — *разарвали* (то же).

При подлежащем, выраженном числительным с родит. пад. существительного, сказуемое может стоять в единственном числе: *Сидит* три девушки (в сказке).

Слово *на́до* употребляется как сказуемое личного предложения: Мне ваша капейка не *на́да*. Не *на́да* тебе ни узда, ни што. Не *на́да* мне никакие ваши записи (Примеры из сказок).

Вводное *говори́ть* (3-е лицо ед. ч., наст. вр.) употребляется и при подлежащем множ. числа: А он и спрахывает: «Чево вы носите решетом?» — «А, гаварить, свету нет!» (т. е. носят свет решетом). (Разбойники ей пригрозили): «Ланно, гаварит, мы все варотим!» (Примеры из сказок).

В сказках находим согласование сказуемого с подлежащим и определения с определяемым по форме слова несоответственно значению. Хитра́ ваша слуга (о мужчине). Своей вельможи напишу письмо. Эта вельможа взяла и обвенчала... (вельможа здесь управляющий, который женил героя сказки на дочери хозяина).

В синтаксисе особенно замечательны обычные здесь обороты с причастным сказуемым среднего рода единств. ч. при именах других родов и чисел: Двор был *разла́мана*; на́ которой полянке клевер посе́яна; сад *разб́рата* (распахан); я *вз́ята* (на военную службу) в 20-м году; авсы *тасе́яна*. Иногда это окончание отпадает: *разб́слан* партки (в сказке); хата не *таплён* и ничево не *варён* (то же). Также часто слышатся безличные

обороты: У меня *поплакано!* (о несчастной жизни). Снятков *взято*. *Побитосся* вволю! (много потерпели нужды и горя).

Примеры с опущенным сказуемым особенно часто наблюдаются в сказках: Сабачка — вперед, ана — за ней. Сабаки — в баню, ана (лиса) — из бани вон, сабаки — за ней: кто за нагу́, кто за галаву́, так и разарвали всю.

В сказках иногда смешивается прямая и косвенная речь: Адумался штап-капитан, что я забыл перстень.

Местоимение *он* по отношению к детёнышам имеет здесь форму среднего рода: Вазьми маево львенёначка; *ано́* тебе пригадится (в сказке).

В управлении слов укажу дат. пад. при слове *умоля́ть*: Стала княги́на *ему* умялять. Стала умялять *свай́м прислу́гам* (в сказке). Также: выезжал на утрé (утром).

При глаголах действительного залога прямое дополнение может еще здесь иметь форму тождественную с именительным: пашла *ко́ни* пасти, на той старане *ко́ни* пасут.

Любопытна форма будущего в значении настоящего: лошади *па́нуть* (падают).

В повествовании прошедшее время может соединяться с настоящим: Генерал *падхадил* блиска и *смо́тря* (смотрит; в сказке).

В сочегании предложений местоимение *ко́торый* может употребляться как независимое: На *которой* полянке клевер посеяно, там стегá буде.

В нескольких случаях отмечено множественное число вм. единств.: *авсы́* паселяны, *вужасти* берут, папол на *хво́ты* (в сказке: на охоту).

XV. *Словарь*. В языке Пушкинского района немало очень старых русских слов, известных нам по летописям и другим памятникам древнего русского языка, также по старейшим записям произведений русской народной словесности. Здесь постоянно говорят: *влезть* в избу, *вылезть* из избы вм. нашего войти, выйти;¹ говорят: *залéзть* (приобрести): теперь таво не залесь, што было; на свадьбу собирают свой *род* (родных), *сочить* (искать) (ср. русские летопися); говорят: *горазнёе* [лучше: на хутарах (жить) гаразнёе; ср. Остромирово евангелие, приписка]; есть слово *пово́й* (женский головной убор, то же, что сорбка; ср. Русская Правда); говорят: *ужина* (женск. р.; ср. Слово о полку Игореве), говорят: *опри́шно* (ничево не ись, апри́шна малака — кроме; ср. Песни Джемса), говорят: *прозри́тель* (умный, сведущий человек; ср. у Кириши Данилова, «Взятие Казанского царства»).

¹ Отсюда: *вля́щая* изба — совершенно приготовленная для жилья, *вля́зны* (новоселье).

Здесь обычно старое русское *конь* (не лошадь); слово *хорошо* не вошло еще в общее употребление и господствует чисто русское *добрó* (брат дабрó играе на гармонии; живи у меня: у меня дабрó).

Здесь обращается немало слов, замечательных по простоте своего состава: *зай* (заяц, в сказке), *меш* вм. мешок слышится постоянно, разреже *на́ пол* (пополам), *стрел* (выстрел, также: дуэль), *лягу́ха* (лягушка) и др.

В здешнем словаре есть слова, отличающиеся формой своего корня: *атдох* (отдых); *слыху* нет; ён *скал*, што пабягим (ср. в великор. говорах *скать*, *ску* в значении: сказать). В некоторых словах форма изменилась, повидимому, с подстановкой иного, нового значения. Так, например, в сказках я слышал: *бóйная* голова (от бой) вм. буйная.

Многие известные нам слова употребляются в здешнем говоре с другим значением. Таковы: ага — да (На Стригово я здесь пройду? — Ага!), *беречь* — кормить, угощать (нецим мне тебя беречь: кур нету, а то яиц бы сготовила), *вопíть* — звать кого-либо, *воспíтанница* — воспитательница (воспитанница у них была для детей из немок), *воспíтывать* — питать, кормить («ты воспíтываешь меня хорошо», говорит конь своему хозяину в сказке), *забíли* — убили, *заложи́ть* — запереть (ана залажи́ла вси окна и двери, в сказке), *жилéц* — житель, *кнiу́н* — ключ, источник, *ключ* — колодец, *окривéть* — сделаться хромым, *отвечáть*, *отвётить* — говорить вообще, а не только давать объяснение на данный вопрос (в сказках такое словоупотребление наблюдается постоянно), *пахáть* — мести (пахáть избú — мести пол; дорожки в саду вы́паханы — выметены), *сiо́вый* — седой, конь *щепнiй* — деревянный, резной, *сóпочка* — горка, небольшое возвышение (собственно, может быть, старинное насыпное возвышение, приспособленное для оборонительной войны).

В этом свежем первобытном языке нередко ясно открываются первоначальные, утраченные нами, значения слов. *Дворéц* здесь значит: небольшой двор (Где вы овец держите? — У нас для них дворец есть!). Здесь говорят: *в обéц* — в обхват (о толщине дерева; ср. обще-великорусские: обчий, вопчé; *и* здесь, вероятно, вследствие цоканья; первоначальное значение слова: круг),¹ *огорóдец* — небольшая изгородь [около сосен (пушкинских) был огородец], *карта* — картинка (это я на карте видела), *промiслить* — обдумать. В сказке герой ее, Гольш, говорит: «Настенька, возьми меня замуж!» (т. е. за своего мужа, в качестве мужа). Наше обычное словоупотребление (он взял ее замуж) не соответствует в данном случае прямому

¹ Скорее архаизм, чем заимствование польского: *wobec*

смыслу слов. Лучше здешнее: «он взял ее в замуж», потому что оно ближе к естественному выражению: «брать, взять в замужество», т. е. в состоянии замужества, замужнее.

Этот говор дает прекрасные примеры простых и ясных, не известных нам, словообразований и словоупотреблений. Например: *беліна* — белое пятно (беляна на правой наздре у лошади), *измолье* (мука своево измолья), *затравётъ* — покрыться травой, *обночётъ* — быть застигнутым ночью, *подбóчный* (лес падбóчный, а брать нельзя), *пóйка* — овца, которую поят молоком, *сварóт* буде дальше — поворот в дороге, *середіть* — поститься в середу, *стрекáва* — крапива (от стрекать, жечь). Также удачны переносные значения: на язык он *пробóйный*, языком (он) *прострáнный* (о сказочнике) — красноречивый, находчивый в разговоре, *пранáсная* избушка — плохонькая, развалившаяся. В нем также находятся словоупотребления, разъясняющие значения и формы некоторых наших слов, затемневших вследствие своей обособленности. Так, для слова «мат» известного нам только в выражении: «кричать благим матом», имеем здесь употребления: «тихим мáтом» сделать что-либо (тайно, в сказке); «зарыли тихо-мáтом» (убитого, в сказке).

Много здесь также интересных местных слов. Например: *ветролóm* — бурелом, лес, сломанный ветром, *врúчее*, или *врúчие* — оружие (в сказке: нет у нас врúчия никакова; (в кузнице) скуемте по врúчею; дальше это *врúчее* называется *пáмца-буёвица*), *гужóm* едут — непрерывной линией, один вслед за другим; ср. у Кольцова: «из села гужом в пору выехать» (стихотвор. «Урожай»), *истóпник* — искусник, мастер своего дела (гарас истóпник на сказки), *облажётъ* — одуреть (облажеешь от вина; при *благóй* — худой, дурной), *отумéлье* (сено стерлось в отумéлье; в сказке: конь ево стер в отумéлье; по объяснению рассказчицы: «вбил совсем»; очевидно: то, что отмолото), *пелá* — мякина, отруби (два мехá пелы́), *побáчим* эщо — поговорим, *поторовіться* — поспешить (в сказке; лиса патаравилась), повелит. накл. *пот'равісь*, *слётъе* — лето (прошлою слётъю), *стега́* — тропинка (на полянке стега́ буде) и т. п. В числе их есть усвоенные полонизмы, например, *кёпство* — плохое житье: было кёпство мужикам (в военное время).

Кроме архаичности, чистоты и богатства здешнего словаря, очень ценной его особенностью следует считать сохранившуюся отчетливость употребления и понимания некоторых синонимических слов и выражений. Например, здесь с полной точностью могли разъяснить не известную мне до этого времени ни из книг, ни из живых говорюв разницу слов: *дом*, *изба́*, *хорóмы*. *Изба́* — это обыкновенное четырехстенное строение с рус-

ской печью. *Дом* — пятистенная постройка из двух помещений; холодная, чистая часть дома называется здесь, как в старых русских актах и народных песнях, *сени*. *Хоробы* — это жилое помещение вместе со всеми другими домашними постройками, по старому русскому названию: хоромное строение. То, что мы обыкновенно называем *сеними*, здесь именуется: *калидёр*.

Славянизмы, главным образом в виде неполногласных форм, изредка слышатся и в обычной житейской речи (например, *мла́же*), но более украшают речь сказочников, вероятно, в данном случае сохраняющих отчасти язык книжных источников сказки: *мла́ды* вьюноши, я *мла́же* тебя, *праваждáла* жена (мужа), *праваждáли* (время) да *са́мава* утра, мне *праваждáтъся* некогда, *атабра́нил* ат смерти.

При отсутствии фонетических признаков труднее определить, является ли известное слово славянизмом или архаизмом. Таково, например, употребляемое здесь слово *подна́стырь* (подпасок, помощник пастуха). Слово *перст*, употребляемое и в обычной речи и в сказках, вероятно, славянизм, потому что произносится с *e* — не *ё*. Слово *созда́ние*, кажется, тоже относится к заимствованиям из славянского языка, так как оно приняло оригинальное значение (дом). *Телíца* — телка, вероятно, старое русское слово. Таково же, очевидно, и *завы́ек* — задняя часть головы, выше шеи (в сказке: в завыйке звезды).

Рядом с книжными славянскими видим чисто русские по фонетике словообразования: *асужáть* (осуждать), *асужáли*, *ражáются*, народ *наражáлся*, *абрачúсь* (в сказке), или новообразования от русских форм: *привижéние* (привидение, в сказке).

В сказках и в разговоре некоторые любят здесь употреблять слова книжного происхождения, переделанные на народный лад или соединенные с новым значением, особенно с приставками *про-* и *из-*: *призашлб*, *призвёл* (цар призвёл салдата генералам), *призгáснил* целавек (объяснил); *кало́дет* нам воду *праизнаси́л* (приносил).

В качестве евфемизмов укажу слова *бес* и *халера* вместо *чорт*: *беси* ево не внесуть! (сказано полуплуточно, полураздраженно матерью о шаловливом ребенке),¹ *халéра* их знае (из-за чего они дерутся — о пьяной молодежи).

Интересны некоторые здешние метафорические выражения и сравнения: 1) кружку *помяни бог* (разбили), пайду *щасья сведывать* (пойду по-

¹ Отрицание *не* лишает чорта или беса «права» забрать ребенка.

пытаюсь), 2) надоел, как *шубная вошь*, держи (ребенка в руках), што *свецку*, переже (около Вороноча) *народу* было, што *водой налили*.

К сожалению, я очень мало записал здесь пословиц — этих готовых словарных формул языка и мысли. В этой области здесь, кажется, немало оригинального, в других местах неупотребляемого. Ни стыда, ни позору (не знает кто-либо). — Земля, вода (имущество, богатство) останется — нас не буде (говорят при угощении, о том, что не следует скупиться). — Сватьям да не браниться. — Намучишься, так научишься.

Первобытность здешнего языка в особенности обнаруживается в отношении к словам неблагопристойным. Старик-хозяин, мой сказочник, говорил, что он худого слова никогда не скажет, но он сам и его дети постоянно употребляли такие слова, которые мы никак не отнесем в разряд хороших. Это было около Пушкинских деревень, где народ проще, серее. Однако есть большая часть населения, которая морально сознательна, вообще воздержна в слове и говорит с презрением о сквернословцах, матюжниках и матюжницах. Любопытно, что этот же сказочник не хотел мне рассказывать непристойных сказок; другой отказался рассказать сказку о Ерше Щетинникове как «шкверную», где непристойными являются, конечно, лишь некоторые выражения.

Словарные архаизмы и провинциализмы здешнего говора, однако, вымирают вместе с старшим поколением. Разница между говором стариков и молодых весьма значительна. Говор стариков, как архаичный и провинциальный, находится на положении осужденного и осмеиваемого, что чувствуют и они сами. Моя почтенная пожилая хозяйка, рассказывая мне сказку, заметила: «Это я так говорю: *конь*, по-деревенски, а вы уж, пожалуйста, пишете *лошадь*». Старики говорят: ора́ть землю, паха́ть избу; молодые: паха́ть землю, местí пол и т. д.

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

Восточно-средненемецкие говоры и проблема смешения диалектов

I

Изучение колониальных говоров недавнего происхождения, как уже приходилось неоднократно указывать,¹ позволяет исследовать закономерности смешения диалектов в условиях своеобразной лингвистической лаборатории. Установленное нами на примере недавнего смешения в немецких говорах СССР различие между первичными и вторичными признаками диалекта распространяется и на такие исторически более отдаленные случаи диалектологического смешения, которые не могут быть предметом непосредственного наблюдения. В процессе смешения, как мы показали при этом, в первую очередь вытесняются первичные признаки диалекта, т. е. наиболее резкие и заметные отклонения от языковой нормы. Отсюда следует методологический вывод, что в смешанных говорах более древнего происхождения, история образования которых нам неизвестна, составляющие их элементы будут представлены, по преимуществу, своими вторичными, т. е. наименее характерными и заметными признаками. В работах над смешанными диалектами это принципиальное соображение до сих пор, насколько мне известно, совершенно не учитывалось.

Восточно-средненемецкие говоры (*ostmitteldeutsch*) Тюрингии, Верхней Саксонии, Силезии и др. возникли, как известно, в условиях колониального смешения. Страна к востоку от Эльбы и Заале, занятая западно-славянскими и балтийскими народами, была захвачена немцами в XII—XIV вв. в процессе военной колонизации. На землях, захваченных рыцарями-крестоносцами и миссионерствующей церковью, среди побежденных или на их месте, селились крестьяне из различных частей западной Германии и возникали

¹ См. В. Жирмунский. Проблемы колониальной диалектологии (Язык и литература, кн. III. Сб. в честь акад. Н. Я. Марра, 1929)—*Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten* (G.R.M., 1930, Heft 3/4 и 5/6).

торговые города. В состав этой колониальной восточной Германии входят области восточно-нижненемецких диалектов — Мекленбург, Померания, Бранденбург, Пруссия, а также уже названные восточно-средненемецкие территории — Тюрингия, Верхняя Саксония, Силезия; при этом Тюрингия, потерявшая уже в VI в. политическую самостоятельность и обезлюдившая как пограничная «марка», в результате славянских набегов, была также частично заново колонизована выходцами из северной и западной Германии (саксами и франками).¹

Многочисленные исторические свидетельства, не всегда достаточно точные для специальных задач лингвистического анализа, говорят о пестром составе первоначальных колонистов. Как пример приведем свидетельство хроникера Helmold'a о колонизации завоеванной Вагрии (область Любека) Адольфом II (1140): «И послал он послов по всем землям, во Фландрию и Голландию, в Утрехт, Вестфалию и Фрисландию, и велел звать всех, кто нуждался в земле, вместе с семьями их, обещая им, что они найдут страну плодородную и просторную, в которой — изобилие рыбы и мяса и прекрасные пастбища. Следуя этому призыву, поднялось великое множество людей, принадлежащих к различным племенам (aus verschiedenen Stämmen), и пришли они с семьями и имуществом в страну Вагрию к графу Адольфу, чтобы завладеть землей, которую он обещал им».² Пример этот не только подтверждает смешанный состав колонистов, но и то чрезвычайно важное обстоятельство, что в колонизации участвовали отнюдь не только ближайшие смежные области западной Германии, но часто очень отдаленные районы, с которыми существовала династическая или торговая связь, или где имелся избыток населения. В частности неоднократно отмечалось участие в колонизации выходцев из Нидерландов, присутствие которых в восточной Германии засвидетельствовано, между прочим, и местными названиями (Fläming, Flemendorf, Hollendorf и др.).

Общим признаком восточно-средненемецких говоров считается их отношение к II (верхненемецкому) перебою согласных. Западная группа средненемецких диалектов (westmitteldeutsch), имея все основные признаки верхненемецкого консонантизма (hochdeutsch), сохраняет, вместе с нижненемецким, бесперебойное р-вм. pf во всех положениях: pund «Pfund», peffer «Pfeffer», raif «Pfeife»; appel (или äppel) «Apfel», kloppe(n) «klopfen»; kopp «Kopf», zopp «Zopf» и т. п. Восточно-средненемецкий (ostmitteldeutsch)

¹ Ср. E. Gutjahr. Die Anfänge der neuhochdeutschen Schriftsprache vor Luther, Halle, 1910, стр. 116—117.

² K. Lamprecht. Deutsche Geschichte, 1893, т. III, стр. 364.

также сохраняет *r* в м. *pf* в середине и на конце слова (*appel*, *korrr*), но в начале слова имеет *f*: *fund*, *feffer*, *faiif(e)* и т. д. Из других особенностей восточно-средненемецких диалектов отметим монофтонгизацию *ei*, *ou* > *ē*, *ō*: *hëss* «heiss», *brët* «breit»; *ōg(e)* «Auge», *lōfe(n)* «laufen» и др. В синтаксическом отношении характерно широко распространенное смешение дательного и винительного падежей (особенно — в местоимениях). Остальные признаки отдельных говоров будут указаны попутно.

Уже Вредэ, настаивавший на смешанном характере восточно-средненемецких говоров, рассматривал начальное *f*- как результат смешения нижненемецкого (или западно-средненемецкого) *r*- и южнонемецкого *pf*-.¹ Точнее была бы следующая формулировка: в условиях колониального смешения севернонемецких и южнонемецких элементов *f*- появляется вместо севернонемецкого *r*-, как несовершенное воспроизведение южнонемецкого *pf*-, при котором непривычный звук заменяется ближайшим сходным из фонетической системы севернонемецкого. Гипотеза Вредэ получает полное подтверждение при изучении других случаев колониального смешения нижненемецкого и верхненемецкого. 1. Балтийско-немецкий имеет начальное *f*- в м. *pf*-. Современный городской «полу-диалект» (*Halbmundart*) прибалтийских немцев возник на почве нижненемецкого, который окончательно вымирает в XVIII в. в виду отсутствия в Прибалтике немецкого крестьянства. Городские говоры сохраняют некоторые вторичные признаки вытесненного нижненемецкого диалектологического субстрата, в том числе начальное *f*-, как признак смешения. 2. Некоторые смешанные немецкие говоры южной Украины имеют *f*- в результате аналогичных причин. Например, диалект Бериславской группы (так наз. *Schwedengebiet*, на нижнем Днепре), по остальным признакам — близкий средненемецкому. О наличии выходцев из северной Германии среди бериславских поселенцев свидетельствуют исторические документы, а также записанный Л. Р. Зиндером лексический материал: например, *erpel* «селезень», *gender* «гусак», *bol* «бык» и др. В середине и в конце слова этот диалект сохраняет *-r* в м. *-pf*, уподобляясь и в этом отношении восточно-средненемецкому. 3. Большинство нижненемецких поселений на Волыни, утратив свой нижненемецкий диалект, говорит в настоящее время на литературном языке, усвоенном через школу. Среди местных особенностей произношения, вторичных признаков вытесненного нижненемецкого субстрата, и здесь встречается начальное *f*- в м. *pf*-, как

¹ F. Wrede. Die Entstehung der nhd. Diphthonge. *Ztschr. f. d. Alt.*, т. XXXIX, 1895, стр. 279. Он же. Zur Entwicklung der deutschen Mundartenforschung. *Ztschr. f. d. Mdaa.*, 1919, Heft 1, 11—12.

результат смешения (напр., село Аннетта, Новоградволинского окр., анкета Wol. № 3: Feffer, Fund, Ferd, Fosten, feifen и др.; в середине и на конце слова также -р: Kopp, Zopp, stoppen, Äppelchen и др.). 4. f- в м. pf- отмечено в южнонемецких говорах южного Тироля и северной Италии (напр., Issime, Rima), где оно возникло в результате германизации первоначального романского населения и аналогичной подстановки из фонетической системы субстрата, например, fannu «Pfanne», fund «Pfund» и др.¹

Смещение дательного и винительного падежей — *mir: mich, dir: dich* — Вредэ также объясняет нижненемецким диалектологическим субстратом.² В нижненемецком первоначально для обоих падежей имеется одна общая форма *mi, di*. Поэтому, при усвоении национального языка, северный немец склонен смешивать дифференцированные падежные формы, функции которых он не привык различать. Это явление распространено в севернонемецких городах, где верхненемецкий обиходный язык (в особенности — мещанское просторечие) развивается на нижненемецкой диалектологической основе (напр., в Берлине),³ но также в восточно-средненемецких диалектах, как результат колониального смешения. Точно так же для севернонемецких говоров характерно совпадение *ihm: ihn, dem: den, diesem: diesen, wem: wen* и др., благодаря переходу конечного -m > -n; при усвоении верхненемецких дифференцированных падежных форм неизменно наблюдается смешение дательного и винительного падежей, как и в смешанных восточно-средненемецких говорах (восточно-тюрингенском, саксонском, силезском).⁴ Подтверждением этой концепции могут опять служить немецкие говоры Вольни. Анкета села Аннета, например, имеет — *beissen dir; fir mir; wenn du ihm gekennt hätst; als wenn sie ihm zum dreschen bestellt hätten* (дат. в м. винит.). Ср. дальнейшее распространение этого смешения падежей на женский род: *bei die Frau, fliejen in die Luft rum, mit die Birste, sagh deine Schwester, ihre Tochter saghen* (винит. в м. дат.). Так процесс языкового смешения ускоряет распад флективного строя, связанный с развитием анализа в немецком языке.

В связи с проблемой «адоптаций» (Adoptivformen) Вредэ затрагивает еще одно явление, распространенное в части верхнесаксонских говоров, которое также является результатом смешения северно- и южнонемецких элементов: переход начального *j- > g-* (*gār* в м. *Jahr, gung* в м. *jung*).

¹ См. Leo Jutz. Die alemannischen Mundarten, 1931, стр. 169.

² F. Wrede. Zur Entwicklung, стр. 15—16.

³ См. Agathe Lasch. Berlinisch, стр. 278 сл.

⁴ Там же, 267 сл. и 284. Ср. Käre Kaiser «Mundart und Schriftsprache», 1930, стр. 110.

и др.).¹ Для объяснения этого перехода Вредэ привлекает пример «сверхлитературных» («hyperhochdeutsch») форм берлинского мещанского просторечия. На фоне берлинского произношения начального *g*- как *j*- (*jott* вм. *Gott*, *jut* вм. *gut*, *jurke* вм. *Gurke*) при усвоении нормы литературного произношения начальное *g*- неправильно вводится во все слова, начинающиеся с *j*-: например, *Gosef* вм. *Joseph*, *gar* вм. *Jahr* и т. д. Интересны в этом отношении орфографические ошибки в письмах первых Гогенполлернов, вообще чрезвычайно характерные для берлинских диалектизмов: *gung* «*jung*», *Gugendt* «*Jugend*», *dassgenige* «*dasjenige*», *iegaget*, *jejaget*, *gejacht*, *gegahget* вм. «*gejagt*» и т. д.² В саксонских диалектах Вредэ предполагает колониальное смешение нижненемецкого *j*- и верхненемецкого *g*-: *jott*, *jut*, *jurke* — *gott*, *gut*, *gurke*. Слова со старым *j*-, например, *jung*, *jahr*, *jagen* и пр., были вовлечены в это смешение («адоптированы», по выражению Вредэ). В результате последующей унификации часть саксонских диалектов имеет в настоящее время во всех указанных случаях нижненемецкое *j*-: *jott*, *jurke*, *jut* — *jung*, *jahr* и т. д.; другая часть, также во всех случаях, обобщила *g*-: *gott*, *gurke*, *gut* — *gung*, *gahr* и т. д. Таким образом, замена начального *j*- через *g*- в этих говорах является не спонтанным фонетическим «переходом», а «адаптацией» на основе смешения. Точку зрения Вредэ подтверждают наблюдения старых грамматиков XVII в. над ошибками саксонского произношения. Scioppius (1626) обвиняет мейссенцев в том, что они говорят *Jott* вм. *Gott*, *Gar* вм. *Jahr*; *Jott jeb euch ein jutes naues Gar* («*Gott gebe euch ein gutes neues Jahr*»)³ Это свидетельствует о состоянии смешения, предшествующем современной унификации.

В недавнее время лейпцигский диалектолог Карг дополнил эти замечания Вредэ еще одним существенным указанием. В значительной части Саксонии начальное *g*- произносится как глухое сильное *k*- (*fortis*), в противоположность слабому глухому *g*-, обычному в верхненемецких говорах. Географически район этого произношения непосредственно примыкает к более северному *j*- вм. *g*-. Карг рассматривает его как контрастное произношение, возникающее на фоне смешения и отталкивания от северного *j*-.⁴

¹ См. Wrede. Zur Entwicklung, 11. Он же. Sprachliche Adoptivformen (в сб. Beiträge zur germanischen Sprachwissenschaft, Hdbg., 1924). Ср. также В. Жирмунский. Проблемы немецкой диалектографии, Этнография, 1927, № 1.

² А. Lasch, стр. 256.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Fritz Karg. Flämische Sprachproben in der Halle-Leipziger Bucht, 1933, стр. 56 и 19.

Эти разрозненные наблюдения, указывающие на наличие нижненемецких элементов в восточно-средненемецких диалектах, получают более широкое значение на основе изучения аналогичных процессов смешения в советско-немецких говорах. Особенный интерес по своему сходству с восточно-средненемецким типом представляет так наз. «кашубский» диалект села Розенталь (Молочанские поселения, Мелитопольск. окр.).¹ Следующие признаки могли бы дать основание для локализации этого диалекта в восточно-средненемецкой области: 1) в начале слова $p > f$ (*fund*); в середине и в конце $-p$ вм. $-pf$; 2) $ou > \bar{o}$ (*glōwn* «*glauben*», *dōb* «*taub*»); 3) $ei > \bar{e}$ (*brēd* «*breit*»); 4) приставка $ge- > ji-$ (*jifaln*); 5) сохраняется окончание $-en$ в неопределенном наклонении и причастии. Несмотря на совпадения с восточно-средненемецким по целому ряду признаков, просмотр поселенческих списков показал, что среди первоначальных колонистов не было выходцев из восточной части средней Германии, но, наряду с южными немцами, в значительном числе представлены были северные. К тому же «кашубами» среди немецких крестьян южной Украины обычно называют выходцев с низовий Вислы, т. е. немцев из Кашубии, говорящих на западно-пруссских (нижненемецких) диалектах. Таким образом, кажущиеся «восточно-средненемецкие» признаки на самом деле являются вторичными признаками нижненемецкого диалектологического субстрата, а начальное $f-$ — обычным результатом смешения. Нижненемецкий диалект «кашубов» при столкновении с верхненемецким, поддержанным нормой национального языка, утратил свои наиболее характерные особенности, первичные признаки, резко отклоняющиеся от нормы и могущие служить препятствием для языкового общения с односельчанами и соседями. Таким образом были вытеснены: 1) нижненемецкие бесперебойные согласные $-t$ вм. z или β (*mhd.* *zz*), p вм. f (*ff*), k вм. ch : ср. нижненем. *tīd*, *water*, *open*, *maken* — верхненем. *zeit*, *wasser*, *offen*, *machen*; 2) нижненем. недифтонгированные долгие гласные \bar{i} , \bar{u} ($\bar{ü}$): ср. нижненем. *īs*, *hūs* (*lūde*) — верхненем. *eis*, *haus*, *leute* (*lāit*); 3) нижненем. долгие \bar{e} , \bar{o} , $\bar{ö}$ вм. средне-верхненемецких *ie*, *uo*, *üe*, (новонем. \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$): ср. нижненем. *dēp*, *gōd*, *sōte* — верхненем. *tief*, *gut*, *süss* (*mhd.* *tief*, *guot*, *süeze*); 4) нижненем. конечное $-f$ вм. верхненем. $-b$ ($-p$): ср. нижненем. *wīf*, *dēf* — верхненем. *weib*, *dieb* и мн. др. Напротив, бесперебойное $-p$ в середине и в конце слова (поддержанное западно-средненемецким $-p$), долгие \bar{e} , \bar{o} , приставка $je-$, конечное $-en$ (поддержанное литературным языком) сохранились в процессе языкового смешения как отклонения менее значительные.

¹ Ср. Проблемы колониальной диалектологии, стр. 210.

Мы имеем право воспользоваться этой аналогией и в вопросе об образовании восточно-средненемецких диалектов в условиях более древнего колониального смешения. Совпадение с «кашубским» является закономерным результатом конвергирующего развития. Восточно-средненемецкие диалекты представляют продукт смешения верхненемецких говоров с вторичными признаками нижненемецкого диалектологического субстрата.

В дополнение к приведенным выше наблюдениям Вредэ, которые вполне подтверждают нашу концепцию, перечислим еще некоторые нижненемецкие особенности, сохранившиеся в восточно-средненемецких диалектах.

1. *ei* (герм. *ai*) > *ē*, *ou* (герм. *au*) > *ō*: ср. *hēss* «heiss», *ōg(e)* «Auge». Это явление, уже отмеченное в «кашубском» говоре, на диалектологической карте Германии охватывает нижненемецкие и восточно-средненемецкие говоры как одну сплошную территорию;¹ следовательно, мы можем рассматривать его как один из вторичных признаков нижненемецкого диалектологического субстрата.

2. Спирантное произношение *g*- в начале слова в северной части верхнесаксонских говоров (так наз. *osterländisch*—район Галле и Лейпцига). Явление это также непосредственно примыкает к нижненемецкому спирантному *g*- (*j*-) и имеет несколько градаций. Наиболее северная полоса обнаруживает наличие спиранта во всех положениях: перед согласными *r*, *l*, перед задними и передними гласными; в более южной полосе *j*- сохраняется только перед гласными (задними и передними); наконец, на периферии указанной области *j*- представлено только перед передними гласными (в том числе в префиксе *je*-).² Отмеченные градации («*Stafellandschaft*») говорят о вытеснении нижненемецкого *j*- верхненемецким *g*-, причем наиболее прочным является, как мы уже видели на примере «кашубского» говора, *j*- в неударном префиксе *je*-. Об отступлении *j*- свидетельствуют и исторические источники: в городском просторечии Лейпцига еще в XVIII в., по свидетельству Готшеда (1748), царили *Jott* («*Gott*»), *Jabe* («*Gabe*»), *jut* («*gut*»), в настоящее время вытесненные формами на *g*-.³ Кроме того, как уже было сказано, «адаптация» *j*- > *g*- (*gār* вм. *Jar*) и контрастное *g*- > *k* (*kut* вм. *gut*), расположенные по южной границе спирантной области, указывают на более широкое распространение нижненемецкого диалектологического субстрата.

¹ Ср. *Deutscher Sprachatlas, Lieferung III, k. 16* (1929).

² См. *Fritz Karg, стр. 17—18*.

³ *A. Lasch, стр. 79*.

3. Параллельно замене *pf-* через *f-* в городских говорах северной Германии, возникших на нижненемецкой почве, встречается аналогичная замена начального *z-* (нижненем. *t-*) через *s-*: например, *Seit* вм. *Zeit* (нижненем. *tīd*).

Это явление отмечено, например, в Берлине: *sū* вм. «*zu*», *sēn* вм. «*zehn*»; ср. в письмах Гогенцоллернов (1665) — *seit* вм. «*zeit*», *angesündt* вм. «*angezündet*». Оно распространяется на южный Бранденбург, усвоивший, под влиянием Берлина, верхненемецкий тип языка: ср. *su* вм. *zu*, *bəsālən* вм. *bezahlen* и др.¹ Оно констатировано и в средневековых литературных памятниках, свидетельствующих о проникновении верхненемецких влияний в нижненемецкие диалекты; проф. Рёте цитирует такие примеры из «*Wurzgarten Mariae*» (рукопись XV в.): *sit* (mhd. *zīt* «*Zeit*»), *ghesam* (mhd. *gezam*), *süchten* (mhd. *züchten*) и др.² Нижнесилезские говоры, примыкающие к южнобранденбургским (до района Бреславля), также обнаруживают *s-*, что заставляет Юнгандреаса, исследователя силезского диалекта, поддерживать предположение, что «граница ниже- и верхненемецкого в прежнее время проходила южнее, чем теперь».³ Для нас это заключение в такой форме не обязательно: реликты нижненемецкого диалектологического субстрата встречаются всюду на территории смешанной восточно-средненемецкой колонизации. Я лично наблюдал означенное явление у немцев из б. Царства Польского, происходивших из северной Германии. Повидимому, оно встречается и у прибалтийских немцев.

4. Сохранение конечного заударного *-e* в тюрингенских, саксонских и значительной части силезских диалектов, в противоположность западно-средненемецким и южнонемецким. Ср. *Auge*, *Ochse*, *Flasche*, *Kirche*, *Gänse*, *Zähne*, *böse*, *käme* и др. В ряде случаев диалекты архаичнее литературного языка: ср. *Hemde*, *Bette*, *Stücke*, *Türe*, *gerne*, *schöne* и др.⁴ Это явление, общее восточно-средненемецкому и большинству нижненемецких говоров, из верхнесаксонского языка Лютера проникло в письменную норму национального языка и еще в XVIII в., как так наз. «саксонское *e*» («*e Saxonicum*»), служило главной мишенью для нападения сепаратистов-

¹ A. Lasch, стр. 259.

² Gustav Roethe. Die Reimvorreden des Sachsenspiegels. Abh. d. K. Gesellsch. d. Wiss. z. Göttingen. Philol.-hist. Kl., Bd. II, № 8, 1899, стр. 36.

³ Wolfgang Jungandreas. Beiträge zur Erforschung der Besiedlung Schlesiens und zur Entwicklungsgeschichte der schlesischen Mundart, Breslau, 1928, стр. 197. Ср. Wolf v. Unwerth. Die schlesische Mundart in ihren Lautverhältnissen grammatisch und geographisch dargestellt, Breslau, 1908, стр. 49.

⁴ Ср. Jungandreas, стр. 58; Unwerth, стр. 60. L. Sütterlin, Neuhochdeutsche Grammatik mit besonderer Berücksichtigung der nhd. Mundarten, München, 1924, стр. 202.

южан (австрийских католиков, швейцарцев и др).¹ Точно так же большая часть нижненемецкого и восточно-средненемецкого (верхнесаксонский, восточно-тюрингский, нижнесилезский) сохраняют конечное *en*, которое в западной и южной Германии редуцировано в *-ə*, *-ɐ*. Ср. верхнесаксонск.: *Wöchen* «Wagen», *Rotten* «Ratten», *pl. müssen* «müssen», *sößen* «saßen» и др.²

5. Сохранение звонких взрывных *b*, *d*, *g* и звонкое *z*- (орфогр. *s*-) перед гласными (как в литературном произношении), в противоположность глухим слабым *h*, *f*, *g*, *ç* большинства средне- и южнонемецких диалектов. Звонкие согласные, характерные для части силезских говоров, объясняются некоторыми исследователями как влияние славянской артикуляции.³ Однако, если бы в говорах немецких колонистов, заселивших Силезию, отсутствовало различие между звонкими и глухими, оно не могло бы закрепиться под влиянием смешения с славянами. Сохранение звонкости согласных и связанная с этим отчетливая дифференциация звонких и глухих (*b* — *p*, *d* — *t*, *g* — *k*, *z* — *s*) является общим свойством нижненемецких диалектов в противоположность верхненемецким. Из нижненемецкого диалектологического субстрата оно произошло в берлинском просторечии, в балтийско-немецком и т. п. Значение нижненемецкого элемента в колонизации Силезии признавали все старые исследователи силезских диалектов, начиная с Карла Вейнгольда (1853).⁴ Только в последней работе Юнгандреаса (1928) отрицается сколько-нибудь существенная роль нижненемецкой колонизации и выдвигаются Тюрингия и Саксония как главный очаг колонизационного движения. С исторической точки зрения эта теория мало вероятна: трудно предположить, что Тюрингия и Саксония, колонизованные с севера и с запада в XI—XII вв., в XIII в. сами могли стать центром мощной аграрной колонизации, для которой нужен был избыток населения. С лингвистической точки зрения параллели, устанавливаемые Юнгандреасом между тюрингенско-саксонскими и силезскими диалектами, отнюдь не доказывают «влияния», так как в значительной части они основаны на конвергенции благодаря развитию из одинаковых элементов смешения (напр., *f*- и *-p* вм. *pf*, *ei* > *ē*, *ou* > *ō*, сохранение конечного *-e* и др.). В дальнейшем мы встретимся с целым рядом аналогичных случаев иллюзорных «саксонских» или «восточно-средненемецких» «влияний».

¹ См. В. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты, 1936, стр. 243.

² L. Sütterlin, стр. 280. Примеры из Альтенбурга (около Лейпцига); см. Hans Reis. Die deutsche Mundartdichtung, 1915, стр. 74. Ztschr. f. d. Mdaa. 1906, стр. 176.

³ Jungandreas, стр. 230. Ср. Unwerth, стр. 43.

⁴ Karl Weinhold. Über deutsche Dialektforschung, Wien, 1853.

6. Весьма существенным критерием наличности в восточно-средне-немецких говорах нижнемецкого диалектологического «субстрата» являются лексические реликты. На примере смешанных диалектов Бериславской группы (на н. Днестре) мы видели, как прочно сохраняются лексические признаки вытесненного диалекта, в особенности — в области хозяйственно-бытовой лексики, не имеющей параллелей в национальном (литературном) языке. С этой точки зрения восточно-средне-немецкие диалекты изучены недостаточно. Тем не менее, в ряде случаев можно наблюдать совпадения между восточной и северной Германией. Ср. например, *Abendbrod* (вместо конкурирующих синонимов *Abendessen*, *Nachtessen*), *Bötcher* (вм. *Küfer*, *Kübler* и др.), *Flur* или *Hausflur* (вм. *Gang*, *Ern*), *Kiepe* (вм. *Tragkorb*), *klingeln* (вм. *schellen*), *plätten* (вм. *bügeln*), *Pfefferkuchen* (вм. *Lebkuchen*), *Sonnabend* (вм. *Samstag*), *Tischler* (вм. *Schreiner*) и др.¹ Восточно-средне-немецкая лексика Лютера, совпадавшая во многих отношениях с севернонемецкой, была непонятна на юге Германии, о чем свидетельствуют словари, которыми сопровождали первые издания лютеровской Библии печатники Страсбурга, Базеля, Аугсбурга и других южнонемецких типографских центров XVI в.: например, лютер. *fett* — южн. *feist* («жирный»), лютер. *Lippe* — южн. *Lefze* («губа»), лютер. *Splitter* — южн. *Spreiss* («заноза») и мн. др.² Как видно из отсутствия перебора, в этих примерах, а также во многих других, через восточно-средне-немецкий диалект Лютера в литературный язык проникли слова по своему происхождению нижне-немецкие.

Остается вопрос, почему во всех указанных случаях при столкновении между нижне-немецкими и верхне-немецкими элементами отпадают первичные признаки именно нижне-немецкого, а верхне-немецкий функционирует как норма? В «кашубском» говоре верхне-немецкие элементы имеют поддержку национальной нормы, внедряемой через письменность, школу, общение с местной немецкой интеллигенцией (учителем, в дореволюционное время — пастором и т. д.). В эпоху образования восточно-средне-немецких колониальных говоров (XII — XIV вв.) общенациональной нормы немецкого языка еще не существовало, и в этом смысле конкурирующие диалекты были равноправны. Но с очень раннего времени в средневековой Германии наметилось экономическое и культурное преобладание юга над севером. Начиная с саксонских войн Карла Великого, связанных с насиль-

¹ Сопоставления для городских говоров дает Paul Kretschmer. *Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache*, Göttingen, 1918.

² Ср. Национальный язык и социальные диалекты, гл. VII.

ственной феодализацией и христианизацией нижненемецкого севера, элементы южнонемецких диалектов проникают в письменные памятники севера (так уже в древнесаксонской поэме *Heliand*, начала IX в.), и это явление в XIII—XIV вв. становится все интенсивнее, предваряя наступающее после Реформации завоевание севера верхненемецкой национальной нормой.¹ Характерно, что большинство средневековых поэтов, уроженцев нижненемецкого севера, выступает в рыцарской литературе XIII—XIV вв. с произведениями, написанными на средне-верхненемецком языке.² Таким образом, независимо от вопроса о численном соотношении северных и южных элементов в колонизации, верхненемецкие диалектологические признаки (в особенности — верхненемецкий перебойный консонантизм) повсюду имеют социальный перевес.

2

Наша общая концепция развития восточно-средненемецких говоров подтверждается многочисленными примерами мнимых «восточно-средненемецких» диалектов, закономерно возникающих во всех случаях развития верхненемецких наречий на нижненемецком диалектологическом субстрате. Это относится, в особенности, к городским мещанским диалектам северной Германии. Из этих последних наиболее изучен берлинский диалект (*Berlinisch*), о котором имеется солидная монография проф. Агаты Лаш, авторитетной специалистки по нижненемецкой диалектологии.³ Мы воспользуемся фактическим материалом этой монографии, но представим его в ином методологическом освещении и распределении вследствие явной неудовлетворительности общей концепции проф. Лаш.

До XVI в. в Берлине, как во всех городах северной Германии, господствует местный нижненемецкий диалект (бранденбургский), которым пользуются как в устной речи, так и в письменных памятниках. В начале XVI в. берлинские канцелярии усваивают верхненемецкую письменную норму, освященную авторитетом саксонской канцелярии и Лютера. А. Лаш справедливо указывает, что это сравнительно раннее усвоение возникающей национальной нормы обусловлено распадом ганзейских (северных) связей Берлина и тесными хозяйственными и культурными отношениями с Саксонией, в частности — с Лейпцигом.⁴ О ведущей роли Саксонии в буржуаз-

¹ Национальный язык и социальные диалекты, стр. 246.

² См. O. Behaghel. *Schriftsprache und Mundart*, 1896, стр. 35 сл.; также G. Roethe, стр. 33 сл.

³ Agathe Lasch. *Berlinisch. Eine Berlinische Sprachgeschichte*, s. a.

⁴ A. Lasch, стр. 67 сл.

ном развитии Германии XVI в. и ее значении как языкового центра я говорю подробно в другом месте.¹ В связи с этим происходит вытеснение нижненемецкого языка из устной речи, сперва — социальных верхов, дворянства и бюргерства, потом — более широких масс городского мещанства, и образуется тот смешанный по своему характеру берлинский разговорный язык (Berlinisch), верхненемецкий по основным, первичным признакам, но нижненемецкий по совокупности образующих «артикуляционную базу» вторичных признаков, который известен нам в настоящее время как мещанское просторечие Берлина. Этот процесс я представляю себе, по аналогии развития «ново-швабских» говоров Украины,² как происходящее под влиянием новой верхненемецкой (в первую очередь — письменной) нормы последовательное вытеснение первичных признаков местного диалекта, сперва — наиболее резких, потом — менее значительных, причем в языке мещанства сохраняется гораздо больше реликтов нижненемецкого диалектологического субстрата, чем в разговорном языке господствующих и образованных классов («gebildete Umgangssprache»), утратившем эти признаки на более ранней стадии развития.

Перечислим основные признаки мещанского просторечия Берлина с точки зрения этого процесса.

а. Первичные признаки нижненемецкого утрачены так же, как в «кашубском». Вместо нем. *Water, tîd, open, maken* — верхненем. *wasser, zeit, offen machen*; вместо *îs, hûs, lûde* — *eis, haus, lâte*; вместо *göd, dêp* — *gut, tief*; вместо *wîf* — *weib*, и т. д. Сохранился, однако, целый ряд характерных реликтов нижненемецких бесперебойных согласных, недифтонгированных гласных и т. д. Сюда относятся: 1) местоимения (часто употребительные, полуформальные слова): *ick, icke* «*ich*», *wat* «*was*», *det* «*das*», *et* «*es*» (в настоящее время — только как энклитическое *'t*, но еще в начале XIX в. по свидетельству комедии *Jul. v. Voss* (1831): «*Wenn ick darann gedencke Fâhrt et mi noch in alle Gelenke*»)³. Роль местоимений как реликтовых слов, подтверждается аналогией среднефранкских говоров, имеющих *dat, wat, et* (и *allet*). 2) Некоторые неударные окончания: уменьшительные на *-ken* (*bisken* «*bisschen*», *Fritzken* и др.), средний род прилагательных на *-et* (*armet, jedet, jroßet* «*grosses*», *klenet*). Последняя форма исторически проникла в нижненемецкие диалекты как перевод верхненемецкого *-es* (mhd. *-ez: armez*); исконная нижненемецкая форма среднего рода окончания

¹ Национальный язык и социальные диалекты, гл. VII.

² См. Проблемы колониальной диалектологии, стр. 190 сл.

³ A. Lasch, стр. 278.

не имела (нижненем. агт). 3) Лексически изолированные словарные реликты интимного или вулгарного обиходного языка, отсутствующие или неупотребительные в языке литературном: например, Schnute «Schnauze» («морда»), knutschen «knautschen» («мять», обнимать), schiten «scheissen», doof «наивный», «глупый» (верхненем. taub), det is mir *pipe* «наплевать» (pipe-верхненем. «pfeife»), Töle или Tele «сука» (верхненем. диалект. zil) и нек. др. 4) О вытеснении нижненемецкого начального t- верхненемецким z- свидетельствует, как уже было упомянуто, распространенное произношение начального z- как s- (seit, sēn, вм. zeit, zehn).

б. Из вторичных признаков нижненемецкого сохранились в области консонантизма: 1) Бесперебойное -р вм. -р f в середине и в конце слова (appel, kopp, stump) при обычной замене f- в начале слова (fennig, flanzен). Начальное р- сохранилось в лексических реликтах, например, pote «Pfote» («лапа») 2) Бесперебойное d (герм. d) вм. верхненем. t- в начале слова: например, doll «toll», dun «tun», dochter «Tochter» и т. д. Таким образом, в начале слова сохраняется, как в нижненемецком, совпадение германского d (нижненем. d, верхненем. t) и þ (нижненем. d, верхненем. d): ding «Ding», drei «dreі» совпадают с dun «tun» или doll «toll». В середине слова нижненем. -d- вытеснено верхненем. -t-: ср. rote (нижненем. rode), weiter (нижненем. wider) и т. д. (рядом с d из герм. þ — leiden, kleder). 3) Спирантное g во всех положениях. В начале слова — как j-: jut «gut», jans «gans», jehn «gehen», jrōß «gross», jejessen «gegessen», jejangen «gegangen». В середине слова в интервокальном положении — после задних гласных γ, после передних гласных, а также l, r — j: dāγe «Tage», oγen «Augen»; wēje «Wege», lījēn «liegen», foljen «folgen», moajen «Morgen»; в середине слова перед глухими согласными (s, t), а также на конце слова — ch (точнее — x после задних, ç после передних гласных и сонорных l, r): dax «Tag», weç «Weg» balç «Balg», kēniç «König», liçt «diegt», liçst «diegst», jaxt «jagt» и т. д. Из всех этих явлений легче всего подвергается вытеснению начальное j-, как признак наиболее заметный. «Наиболее прочной позицией» j-, как указывает А. Лаш,¹ является je-, неударный префикс, что уже было отмечено нами на примере «кашубского» и саксонских говоров: появляются формы jegessen, jegangen и др. «Сверхлитературной» адаптацией (hyperhochdeutsch) является уже упомянутый переход начального j- > g- (gār вм. Jahr). Большая прочность спирантного -g во всех других положениях объясняется отсутствием единой нормы произношения -g в немецком национальном языке: средненемецкий разговорный язык, как и севернонемецкий, имеет спирант-

¹ А. Lasch, стр. 255.

ное -g.¹ 4) Весьма существенной нижненемецкой особенностью берлинского консонантизма является сохранение звонких b, d и наличие звонкого z- (орфогр. s-) перед гласными, иными словами — отчетливая дифференциация между звонкими b, d, z и глухими p, t, s. Это различие, поддерживаемое в национальном языке орфографической фиксацией (по крайней мере — для b, d, g), отсутствует в большинстве верхненемецких диалектов и в разговорном языке средней и южной Германии в виду замены звонких слабыми глухими (lenes). В этом случае школьная норма национального языка поддерживала местное диалектологическое произношение. 5) Переход интервокального -f- (-w-) > -b- в таких словах, как, например, Stiebel «Stiefel», Deibel «Teufel», Schwebel «Schwefel», Maikaber «-käfer», zwölfе «zwölf», Pulber «Pulver» и др., оставленный А. Лаш без объяснения, свидетельствует о вытесненном нижненемецком (также средненемецком) спирантном произношении интервокального -b-. В средневековых берлинских грамотах мы имеем: gegēuen «gegeben», övertredunge «Übertretung» и т. п.;² в современных нижненемецких и средненемецких диалектах — lowe(n) «loben», owe(n) «oben», gawel «gabel» и др. Так как интервальное -f- в свою очередь произносилось в берлинском диалекте, как -w- (ср. в письмах Гогенцоллернов — Teuwel, Schwewel),² то при замене нижненемецкого -w- литературным -b- были адаптированы также такие слова, как Stiewel, Schwewel, zwölfе, получившие «сверхлитературную» форму Stiebel, Schwebel, zwölfе и т. д. 6) Нижненемецкое w- перед г сохранилось в лексических реликтах, например, wringen «tingen» («выжимать белье»), Wrasen («пар») и немп. др. Нижненемецкая ассимиляция ld > l с переходом предшествующего a > o в реликтовом слове olle, der Olle («alte», «der Alte» — с оттенком интимно-бытовой фамильярности), тогда как нижненем. holden, solt и др. вытеснены верхненем. halten, salz. В XVIII в. еще сохранялась распространенная в группе нижненемецких диалектов веларизация интервокального -nd- > -ng- [ɲ, ŋ], о чем свидетельствуют в письмах Гогенцоллернов написания вроде anders вм. «anders», engerung вм. «Änderung» и обратные, например, oranderie вм. фр. orangerie.³ В настоящее время это явление исчезло даже в мещанском просторечии.

с. В области вокализма из вторичных признаков нижненемецкого отметим следующие: 1) ei > ē, ou > ō (klēn, hēss — löfen, ōch), как в кашубском и в восточно-средненемецком диалектах. 2) Сохраняется краткость

¹ Ср. национальный язык и социальные диалекты, стр. 10.

² А. Lasch, стр. 56.

³ Там же, стр. 254.

в односложных формах существительных и прилагательных при долготе в двусложных формах, вызванной удлинением в открытом слоге: *höf* — *hōfes*, *jlās* («glas») — *jlāses*, *dāch* («Tag») — *dāγes*, *jrör* («grob») — *jröber* и др. В верхненемецких диалектах односложная форма обыкновенно имеет удлинение по аналогии с двусложной. Литературное произношение до конца XIX в. не достигло в этом вопросе полной унификации севера и юга: орфография односложных форм двусмысленна и не поддерживает ни северного, ни южного произношения.¹ То же относится и к прошедшему некоторых глаголов: *kām* — *kāmen*, *gāb* (*jar*) — *gāben* (*jāben*). 3) Конечное заударное -е сохраняется, в противоположность большинству верхненемецких диалектов: ср. *ōγe* «Auge», *bēse* «böse», *schreibe*, *dāγe* «Tage» и т. д. Сохраняется, как было уже отмечено в восточно-средненемецком, и такое -е, которое отпало в литературном языке, например, *hemde* «Hemd», *sticke* «Stück», *feste* «fest», *ofte* «oft» и др. Окончание -en также не подвергается редукции (ср. «кашубский»).

d. В области морфологии отметим как нижненемецкие явления грамматические формы прош. *fund*, *bund* (по аналогии со старым множеств. числом — *funden*, *bunden*) — *gung*, *hung* (по аналогии с предшествующим рядом), *hebben*, *hadde* («haben»), *sājen* — *sechte* — *jesecht* («sagen») и др. Из вопросов синтаксиса было уже указано смешение дательного и винительного падежей, в особенности — местоимений на основе нижненемецких явлений (*mir*: *mich* вм. нижненем. *mi*; *dem*: *den* в результате перехода -m > -n и т. д.). Очень характерны нижненемецкие элементы в лексике: например, *Jöhre* «Mädchen», *Biele* «Kind» (< бранденб. *büele*), *ledig* в значении «leer», *man* «nur», *mank* «zwischen» и мн. др. Как известно, в бытовой лексике, относящейся к сфере домашнего хозяйства, жилища, утвари, пищи и т. п., немецкий национальный язык до сих пор не имеет общей лексической нормы, и здесь не только мещанское просторечие Берлина, но также и разговорный язык господствующих классов (*gebildete Umgangssprache*), в основном совпадает, как показало исследование П. Кречмера, с соответствующими диалектологическими районами северной Германии. Ср., например, *Bärme* «дрожжи», *Besinge* «черника», *blaken* «дымить», *schlittern* «скользить по льду» и др.²

Как мы видели, по целому ряду признаков берлинский диалект совпадает с верхнесаксонским (восточно-средненемецким): *f*- в начале и -*r* в середине и в конце слова вм. *pf* при проведении перебора остальных соглас-

¹ См. Национальный язык и социальные диалекты, стр. 10.

² P. Kretschmer, Wortgeographie, pass.

ных; переход $ei > \bar{e}$, $ou > \bar{o}$ при наличии верхненемецкой дифтонгизации \bar{i} (\bar{u}), $\bar{u} > ei$, au ; спирантное g ; сохранение конечного заударного $-e$, более широкое, чем в литературном языке; смешение дательного и винительного падежей и т. д. Мы имеем здесь новый случай мнимого «восточно-средне-немецкого», аналогичный с «кашубским» говором.

Иначе смотрит на вопрос о происхождении берлинского диалекта его исследовательница Агата Лаш. По мнению Лаш, сходство берлинского и верхнесаксонского не может быть результатом «случайного» совпадения. Оно объясняется своего рода «заимствованием», имевшим место в XVI в.: усвоением верхнесаксонского разговорного языка Лейпцига берлинским бюргерским патрициатом, тесно связанным с Саксонией торговыми и культурными отношениями.¹ А. Лаш решительно отрицает смешанный характер берлинского диалекта и признает его звуковой основой «заимствованную в XVI в. из верхнесаксонского языковую форму» («die im 16. Jahrhundert aus dem Obs. entlehnte Sprachform»), «усвоенный верхнесаксонский» («die Lautgestalt ist die erlernte obersächsische»), правда — окрашенный особенностями нижненемецкой артикуляции («niederdeutsche Sprechbasis».)² Что касается нижненемецких форм вроде wat , ik , $dōf$ и т. д., то они, с точки зрения Лаш, являются не реликтами нижненемецкого языкового субстрата, а позднейшими лексическими «заимствованиями» из языка мещанских низов Берлина, сохранявших в течение продолжительного времени свой родной нижненемецкий диалект.³

Эту концепцию А. Лаш следует признать принципиально неправильной. Как мы показали в другом месте,⁴ развитие городского «полудиалекта» (Halbmundart), мещанского просторечия или обиходного языка господствующих классов (gebildete Umgangssprache) происходит не через усвоение готовой письменной или разговорной нормы, которая затем получает местную «окраску» согласно распространенному термину «mundartlich gefärbte Umgangssprache» — «диалектологически окрашенный разговорный язык», а путем последовательного устранения из местного диалекта его наиболее «грубых», первичных признаков. Процесс этот протекает вполне закономерно: поэтому не случайно результаты этого процесса будут совпадать, как мы видели на примере «кашубского» говора, принадлежащего также к мнимым «восточно-средне-немецким» диалектам. При устранении таких пер-

¹ А. Lasch, стр. 73.

² Там же, стр. 83 и 139.

³ Там же, стр. 87, 121—122, 139.

⁴ Проблемы колониальной диалектологии, стр. 216.

вичных признаков нижненемецкого, отпавших в первую очередь, как бесперебойные согласные, недифтонгизованные гласные \dot{i} (\ddot{u}), \bar{u} , особенно важное значение имела письменная норма, усвоенная через школу и книгу, конечно, также и образцовый разговорный язык Лейпцига и других ведущих хозяйственных и культурных центров. Однако берлинцу XVI в. не нужно было учиться в Лейпциге произношению ei , ou как \bar{e} , \bar{o} , бесперебойному -р или спирантному g , или сохранению конечного заударного -е, поскольку все эти явления издавна наличествовали в его родном нижненемецком диалекте, а начальное f - и смешение дательного и винительного падежей мы уже объясняли как закономерное повторяющееся на нижненемецкой почве новообразование. Можно лишь согласиться, что присутствие этих явлений в верхнесаксонском послужило препятствием к их вытеснению из берлинского диалекта. Только характерная для Берлина делабиализация гласных \ddot{u} , \ddot{o} , $eu > i$, e , ei (напр., $glick$ «Glück», $b\ddot{e}se$ «böse», nei «nein») могла бы подсказать мысль о диалектологическом влиянии верхнесаксонского (верхненемецкого) разговорного языка, поскольку большинство нижненемецких говоров, в противоположность верхненемецким, сохраняет лабиализованные гласные. Но и это нельзя считать доказанным, потому что именно в восточно-нижненемецких говорах, возникших на почве колоннального смешения, делабиализация кое-где также встречается (в частности — в соседнем с Берлином средне-бранденбургском, кроме того — в западно-прусском, а также в балтийско-немецком полудиалекте).

Что фонетическая основа берлинского диалекта неизменно оставалась нижненемецкой, показывают отмеченные нами признаки нижненемецкого языкового субстрата, отсутствующие в верхненемецком: в особенности — звонкие b , d , z и сохранение звонкого нижненемецкого d - (герм. d) в начале слова ($doll$, dun и т. д.) при замене его литературным $-t$ - в середине слова ($rote$, $weiter$), тогда как верхнесаксонский в обоих случаях имеет одинаково слабый глухой ($lenis$). О том же свидетельствуют адаптации $-f-$ $>$ $-b-$ в таких словах, как $Stiebel$, $Deibel$, $zw\ddot{o}lbe$ и др., предполагающие замену исконного нижненемецкого (и средненемецкого) интервокального $-w-$ литературным $-b-$ ($loben$ вм. нижненем. $lowen$), в то время как разговорный язык Лейпцига и городских центров Верхней Саксонии сохранял еще в начале XIX в. диалектологическое $-w-$ и потому не мог развить соответствующих адаптаций. Наконец, вопреки мнению А. Лаш, наиболее очевидным признаком нижненемецкого субстрата являются лексически изолированные реликты (типа ik , wat , $d\ddot{o}f$ и т. д.). Это — явление, закономерное повторяющееся во всех смешанных говорах при отпадении первичных признаков, которые

всегда элиминируются в порядке лексического вытеснения (*Wortverdrängung*), так что отдельное слово, по тем или иным причинам семантического характера, может сохраниться, несмотря на вытеснение остального ряда. Такие реликты мы отмечаем неоднократно при современных смещениях: ср. например, в Люксембурге, в новошвабском говоре молодого поколения, глаголы «Floh» («блоха») рядом с модернизированными формами *gross*, *hoch* (вм. швабск. *graos*, *haox*).¹ Конечно, реликты богаче представлены в диалекте мещанских «низов» Берлина, как и прочие более заметные диалектизмы, но нет никаких оснований считать их заимствованиями, как это делает Лаш: они восходят к старому нижненемецкому диалекту.

Таким образом мы можем признать, вместе с Лаш, что берлинский диалект не является «беспорядочной смесью испорченных языковых форм» («ein regelloses Gemisch in verwahrloster Form»),² но только в том смысле, что процесс смещения, послуживший основанием для образования этого диалекта, имел вполне закономерный характер, о чем свидетельствует прежде всего совпадение с другими диалектами «восточно-средненемецкого» типа.

Другим примером мнимого «восточно-средненемецкого» может служить городской говор Магдебурга, описанный Р. Лёве.³ Мы имеем и здесь исконный нижненемецкий диалект, вытесняемый с XVI в. верхненемецким. Если верхушка бюргерства принимает новую национальную норму в эпоху Реформации, то в низах городского мещанства местный нижненемецкий диалект, как сообщает Лёве, окончательно вымирает только в начале XIX в. В современном мещанском просторечии Магдебурга имеется ряд явлений, уже знакомых нам по берлинскому диалекту: 1) Происходит вытеснение тех же первичных признаков нижненемецкого (бесперебойных согласных, недифтонгизованных гласных и т. д.), при сохранении отдельных лексических реликтов — тех же местоимений *vat*, *dat*. 2) Из нижненемецкого консонантизма сохраняются: бесперебойное -р вм. -pf (*apl*, *kop*, *tsop*, *damp*), с заменой f- (повидимому, в начале слова); начальное d- вм. t- (*doxtr*, *dauznt*), с заменой литературным -t- в середине слова (*tōtn*, *ketə*, *vetr*); различие звонких и глухих (d, b, z — t, p, s); спирантное g (*jras*, *jlās*, *dēg* «Teig», *daχ* «Tag»); кроме того — спирантное -w- вместо интервокального -b- (*lēwə* «leben», *klēwə* «kleben»), исчезнувшее в берлинском. 3) Из нижненемецкого вокализма остаются: *ei* > *ē*, *ou* > *ō* (*klēn*, *brēt* — *lōfn*, *ōx*);

¹ Проблемы колониальной диалектологии, стр. 190 и 217.

² A. Lasch, 139.

³ R. Löwe. Die Dialektmischung im Magdeburger Gebiete. Jhb. d. Vereins f. nnd. Sprachforschung, Bd. XIV, 1888.

отсутствие долготы в односложных формах (daх «Tag», jrap, «Grab», rat «Rat» и т. д.), при соответствующем удлинении в открытом слоге двухсложных форм (gātə и др.). 4) В области синтаксиса — обычное смешение дательного и винительного (mir: mich). Лёве отмечает совпадения с берлинским и восточно-средненемецким, объясняя их влиянием культурных и хозяйственных связей с городскими центрами Верхней Саксонии (Лейпцигом, Виттенбергом).¹ Однако пример одинакового распределения звонкого *d*- и глухого *-t*- в берлинском и магдебургском диалектах (doxtr — vetr), в противоположность верхнесаксонскому слабому глухому *ɖ* в обоих положениях (ɖoxtr — veɖr), еще раз показывает, что совпадение это основано прежде всего на закономерной последовательности вытеснения первичных признаков нижненемецкого субстрата.

К «полудиалектам», возникшим на нижненемецкой почве, относятся также упомянутые выше балтийско-немецкий и значительная часть волыньских говоров. Как уже было сказано, нижненемецкий диалект Прибалтики окончательно исчезает в XVIII в. Современный балтийско-немецкий как социальный диалект немецкого дворянства и бюргерства Прибалтики, развивавшийся без крестьянской диалектологической базы, более других говоров того же типа приблизился к литературной норме, сохранив лишь наименее заметные из вторичных признаков нижненемецкого, придающих национальному языку особую местную окраску.² Сюда относятся следующие явления: 1. *f*- вм. *pf*- в начале слова (fefər, funt), а также после *m* (Kamf, šimfən). В других положениях нижненемецкое *-p* вытеснено *-pf* (apfəl, kopf). Лексически изолированные реликты: pōtə «pfote», patwēx «pfad» и немн. др. 2) Спирантное *j*- вм. *g*- в начале слова перед передними гласными, в том числе в приставке *je-* (jēn «gehen», jībəl «Giebel», jəfalən «gefallen»). Перед задними гласными и плавными спирантное *g*- в начале слова вытеснено смычным (*golt*, *gras*, *glas*): как мы видели на примере верхнесаксонского, это — первая ступень вытеснения. В остальных положениях *g* — всегда спирантное, по тем же правилам, как в берлинском (tāγə, wējə, botjən, foljən; taх, wēç, bærc; bīçt, jāxt). 3) Дифференциация между звонкими *b*, *d*, *g* и глухими *p*, *t*, *k* сохраняется, как в литературном языке. Точно так же *s* перед гласными как *z* (zāγən, lēzən и т. д.). 4) *-ng* на конце слова произносится как *-ŋk* (laŋk, juŋk). Это явление, общее всем севернонемецким говорам, в противоположность средне- и южнонемецкому *-ŋ* (laŋ, juŋ),

¹ R. Löwe, стр. 16 сл.

² См. Walter Mitzka. Studien zum baltischen Deutsch. Deutsche Dialektgeographie, Bd. XVII, Marburg, 1923.

не отмечено А. Лаш в ее описании берлинского диалекта, но несомненно наличествует и там (ср., напр., *mank* «zwischen» < mndd. *mang*). 5) Сохранение краткого гласного в односложных формах (*tāx* «Tag», *gār* «Grab», *glās* «Glas», *gār* «gab» и др.), в противоположность двухсложным с удлинением в открытом слоге (*tāye*, «Tage», *gāben* и пр.). 6) Отсутствует нижненемецкий переход *ei*, *ou* > *ē*, *ō*. Однако *ei* всегда имеет первым элементом *e*, как в тех случаях, когда оно восходит к средневековому *ei* (*heis* «heiss», *breit*, «breit»), так и в тех, когда оно возникло путем дифтонгизации долгого *i* (*zeit*, *eis*). Я считаю, что в последнем случае мы имеем доказательство замены исконного нижненемецкого *i*, ориентированной на графическую норму (*eis* вм. *is*), с подстановкой нижненемецкой формы закрытого дифтонга, привычной в словах с средневековым *ei* (*breit*), по своему написанию совпадающих с первой группой. Ориентировка на графику подтверждается произношением *ai* в тех случаях, где это подсказывается написанием (*Waise*, *Saite*, *Main* и др.).¹ Кроме указанных нижненемецких признаков балтийско-немецкий (как и городские диалекты Берлина и Магдебурга) имеет делабиализованные гласные *i*, *e*, *ei* < *ü*, *ö*, *eu* (*bēzə*, *birstə*, *heitə*), характерные для верхненемецкого диалектологического произношения, но встречающиеся, как уже было отмечено, и в некоторых колониальных говорах северно-восточной Германии. — В общем мы могли бы отнести балтийско-немецкий на основании начального *f*- и некоторых других признаков к «восточно-средненемецкой» группе, если бы не имели более точных данных об условиях его происхождения.

То же может быть сказано о тех немецких говорах Волыни, в которых под влиянием церкви и школы первоначальный нижненемецкий вытеснен верхненемецким с местной диалектологической окраской. Мы отмечали уже в волынских диалектах «восточно-средненемецкие» признаки: начальное *f*-, срединное и конечное *-r* вместо *rf*, смешение дательного и винительного. Добавим на основании анкет спирантное *g* во всех положениях (с. Аннетта: *fraghen*, *liejen*, *sojjen*, *fiejt*, *saght*, *Tach* и др.), в частности — в начале слова перед передними гласными и в префиксе *ge-* (*jern*, *jibt*, *jestorben*, *jefallen*), но также в ряде анкет (Аннетта, Мурашовка, Новоромановка Новоградволинск и др.) перед задними гласными и плавными согласными *gharten*, *ghold*, *ghut*, *gleich*, *jreßer* и др.). Наличествует также делабиализация *ü*, *ö*, *eu* > *i*, *e*, *ei* (*Stick*, *bese*, *heite*), но это — явление, характерное для прусских говоров, от которых в ряде случаев происходят известные

¹ Ср. Mitzka, стр. 23.

нам нижненемецкие говоры Волыни. Высказывалось предположение, что эти совпадения с балтийско-немецким объясняются влиянием балтийских пасторов, которые как первые представители немецкого школьного просвещения при старом режиме, распространили здесь немецкий литературный язык в балтийской произносительной форме. Однако фактически такие явления, как бесперебойное -р- или спирантное g- перед задними гласными и согласными, представляют существенное отклонение от прибалтийской нормы. Относительно других признаков мы придерживаемся и в данном случае той общей точки зрения, которая была уже высказана выше по поводу взаимоотношения берлинского и верхнесаксонского: прибалтийские пасторы не принесли на Волынь ничего такого, чего не было бы раньше в нижненемецких диалектах самих волынцев; они могли, самое большее, предохранить от полного вытеснения некоторые диалектологические признаки нижненемецкого языкового субстрата, которые наличествовали в их собственном диалектологически-окрашенном произношении. В остальном развитие говора протекало с обычной закономерностью как последовательное отпадение все тех же, наиболее заметных, первичных признаков нижненемецкого.

Весьма интересную проблему представляет с точки зрения нашей общей концепции так наз. «верхнепруссский» диалект («hochpreussisch»).¹ Территория «верхнепруссского» (Эрmland) представляет изолированный верхненемецкий район среди восточно-нижненемецких диалектов Восточной Пруссии. Отсутствуют первичные признаки нижненемецкого (бесперебойные согласные, недифтонгизованные долгие и др.). Начальное f- вм. pf- и сохранение бесперебойного -р в середине и в конце слова (fefər, faif «Pfeife» — top «Торф», klorə «klopfen»), а также переход ei > ē, ou > ō (hēs, fleš — ōg, bōm) сближают этот диалект с «восточно-средненемецким», а некоторые историко-географические данные говорят в пользу наличия в верхнепруссском районе колонизации из Силезии.² По распространенному мнению, мы имеем в верхнепруссском колониальный силезский диалект. Не отрицая элементов силезской колонизации и возможности тех или иных восточно-средненемецких диалектологических влияний (напр., переход ě > a: lāwə «leben» и др.), мы считаем, что верхнепруссские говоры являются обычным продуктом колониального смешения нижненемецкого с верхненемецким. К этому выводу пришел уже Вредэ, отрицавший общепринятую «силезскую» теорию. «Нет возможности», писал Вредэ, «установить для этого верхнепруссского

¹ См. W. Ziesemer. Die ostpreussischen Mundarten, Breslau, 1924, стр. 121—12.

² Напр., обозначение диалекта восточного Эрмлянда, как «breslausch» (ср. Ziesemer, стр. 121).

округа единую, совпадающую с ним по диалекту родину. Мы имеем здесь дело с языковой унификацией (*Ausgleich*), результатом которой является в окружающих районах нижненемецкий диалект, а в данном районе — верхненемецкий, по ряду признаков — сходный с силезским.¹ Таким образом, можно думать, что в остальных частях колониального северо-востока Германии также наличествовали верхненемецкие элементы, но они были поглощены элементами нижненемецкими, очевидно — гораздо более многочисленными; напротив, в южной части Восточной Пруссии, в территориальных границах Эрмланда, в колонизации преобладали верхненемецкие элементы (в частности, может быть, и силезские), что привело к обычному закономерному вытеснению первичных признаков нижненемецкого и к частичному совпадению с знакомым нам «восточно-средненемецким» типом (f- и р вм. pf; ei, ou > ē, ō и др.). Очевидными признаками нижненемецкого языкового субстрата являются следующие особенности верхнепрусского: 1) различие звонких d, b, g, z и глухих t, p, k, s (в противоположность верхненемецким диалектологическим *lenes*) — явление, встречающееся лишь в некоторой части силезских говоров; 2) префикс je- вм. ge-, как реликт спирантного произношения начального нижненемецкого g- (*jəhālə* «gehalten», *jəšwīn* «geschwind»); 3) спирантное произношение -b- не только между гласными, как в средненемецком (*raiwə* «reiben», *īwə* «üben»), но, как в нижненемецком, перед глухими согласными и на конце слова, где верхненемецкие диалекты имеют смычные -b или -p (*arfs* «Erbse», *štqf* «Staub»); 4) веларизация -nd- > ъ, -nt (-nd) > ът, объединяющая верхнепруссский с соседними нижненемецкими говорами (*biə* «binden», *hiə* «hinten», *štuiə* «Stunde»; *wintəř* «Winter», *baiənt* «Band» и др.), тогда как в силезском встречается только nd > ъ после передних гласных; 2) лексические признаки нижненемецкого: например, *šwolk* «Schwalbe», *gaiənt* «Gänserich», *lēiwəjk* «Lerche» и др.² Это дает нам право включить и верхнепруссский в обширную группу мнимых «восточно-средненемецких» смешанных диалектов.

Таким образом, на ряде аналогичных примеров мы установили закономерность развития смешанных говоров из нижненемецких и верхненемецких элементов. С одной стороны, диалекты, возникшие на почве колониального смешения с перевесом верхненемецкого, как верхнесаксонский, тюрингенский, силезский, верхнепруссский и современный «кашубский», с другой стороны, «полудиалекты», образовавшиеся при усвоении верхненемецкой литературной нормы на нижненемецкой языковой основе, как городские го-

¹ F. Wrede. Die Entstehung der nhd. Diphthonge, стр. 260, прим. 2.

² Ср. Jungandreas, стр. 294.

воры Берлина и Магдебурга, балтийско-немецкий и современный волянский, все эти смешанные образования оказались сходными по целому ряду признаков, обычно обозначаемых как «восточно-средненемецкие». Сходство это не может быть случайным, но вместе с тем оно не требует перенесения сходных признаков, механического «заимствования» из общего источника. Мы показали, руководствуясь более ясным примером современного смешанного говора («кашубского»), что совпадение это основано на закономерном, последовательном вытеснении первичных, т. е. наиболее отклоняющихся от нормы, признаков нижненемецкого диалектологического субстрата, при сохранении вторичных, т. е. менее заметных отличий. Такими более или менее общими признаками смешанных говоров «восточно-средненемецкого типа» оказались следующие: 1) Устранение нижненемецких бесперебойных согласных и недифтонгизованных гласных. 2) В области консонантизма: вместо *rf* — в начале слова *f-*, в середине и на конце *-r*; частично — аналогичная замена начального *z-* через *s-*; дифференциация звонких *d, b, g, z* и глухих *t, p, k, s*; в некоторых случаях (Берлин, Магдебург) сохранение нижненемецкого бесперебойного *d* вм. *t*, в особенности — в начале слова; спирантное *g*, в частности в ряде говоров — замена начального *g-* через *j-*, особенно стойкая в префиксе *ge-(je-)*; частично, как адаптация, переход *j- > g-* и др. 3) В области вокализма: *ei, ou > ē (ei), ō*; частично — сохранение кратких гласных в односложных формах слова при удлинении в открытом слоге двусложных форм; частично — сохранение конечного заударного *-e* и нередуцированного *-er*. 4) В области синтаксиса: смешение дательного и винительного падежей, специально местоимений. 5) В лексике: ряд нижненемецких слов и лексически изолированных реликтов вытесненных первичных признаков нижненемецкого. Разумеется, каждый говор представляет индивидуальные вариации в зависимости от качественных особенностей нижненемецких и верхненемецких элементов, их количественного соотношения и социального веса, определяемого местными условиями. Наши наблюдения устанавливают лишь общие для всех указанных диалектов закономерные тенденции.

3

То, что сказано здесь о смешанных колониальных говорах, применимо в широком смысле ко всем диалектам вообще. Современная диалектография, французская и немецкая, на опыте языковых атласов установила смешанный характер всех диалектов, подорвав господствовавшее в старой лингвистике представление о «языковом древе» обособленных друг от друга наре-

чий, спонтанно развивающихся из общего «праязыкового ствола». Хозяйственные связи, в особенности — торговые отношения, политические границы, воздействия культурных центров — все эти факторы определяют непрерывную перестройку диалектов под влиянием процессов языкового смешения. Специально в интересующей нас области верхненемецких влияний на нижненемецкой почве классическим примером таких давних смешений является среднефранкский диалект, в особенности — его северная часть, так наз. «рипуарский» говор кельнской области.

Среднефранкский диалект обычно выделяется из западно-средненемецкого по признакам проведения II перебоя согласных. В западной части средненемецкого, как мы уже говорили, сохраняется бесперебойное *r* в м. *pf* во всех положениях (*rund*, *äppel*, *korrr*). В среднефранкском к этому присоединяется отсутствие перебоя в местоимениях *dat* «*das*», *wat* «*was*», *et* «*es*», *allet* «*alles*», уже встречавшихся нам, как нижненемецкие реликты (напр., в Берлине и Магдебурге). В остальных отношениях среднефранкский (как и весь западно-средненемецкий) имеет перебойный консонантизм.

Самая северная часть среднефранкского, рипуарский говор Кельнской области, по признакам перебоя принадлежит также к западно-средненемеckому, но по большинству других особенностей совпадает с соседними нижнефранкскими (северно-немецкими) диалектами. К таким нижненемецким особенностям рипуарского относятся, например: 1) Сохранение недифтонгизованных долгих гласных *i*, *ü*, *ü*: *wiß* «*weiss*», *brun* «*braun*», *hüek* «*heute*». 2) Нижненемецкие *e*, *o*, *ö* в м. средне-верхненемецких *ie*, *uo*, *üe* (соврем. *i*, *ü*, *ü*): *leef* «*Liebe*», *blöd* «*Blut*» (< mhd. *bluot*), *söß* «*süss*» (< mhd. *süeze*). 3) Переход *ei*, *ou* > *e*, *o*: *ens* «*einst*», *och* «*auch*». 4) Сохранение лабиализованных гласных, отсутствующих в остальном западно-средненемецком: *kölsch* «*kölnisch*», *dröck* «*drückt*», *dütsch* «*deutsch*». 5) Нижненемецкое *d* (герм. *d*) вместо верхненемецкого *t*: *dausent* «*tausend*», *jedonn* «*getan*». 6) Спирантное *g* (напр. *kreech* «*krieg*»), в частности в начале слова *j*- в м. *g*- (*jöt* «*gut*», *jän* «*gern*», *jesät* «*gesagt*»). 7) Спирантное *-b-* не только в интервокальном положении, как в средненемецком (*lowwen* «*loben*»), но также на конце слова (*graf* «*grab*», *af* «*ab*»). 8) Отчетливая дифференциация звонких *b*, *d*, *z* и глухих *p*, *t*, *s*, в противоположность остальной части средненемецкого, имеющей слабые глухие (*lenes*). К этому можно прибавить ряд других явлений в области фонетики, грамматики и лексики.¹

¹ Для примеров см. Н. Reis, стр. 43 сл.

Тесная связь рипуарского с нижнефранкским (нижненемецким) впервые была установлена Энгельсом в незаконченной работе «Франкский диалект», напечатанной только в 1935 г.¹ В этом замечательном исследовании, опередившем развитие диалектологии на несколько десятилетий, Энгельс возражает против формалистической классификации диалектов по признакам перебоя и указывает на позднее проникновение перебоя в среднефранкские говоры, тем самым намечая путь к пониманию исторического развития и взаимодействия диалектов. По мнению Энгельса, граница между рипуарским говором и южной частью среднефранкского, так называемым мозельским (*moselfränkisch*), проходящая южнее р. Аар, хотя и была перекрыта впоследствии распространившимся в северном направлении перебоем согласных, имеет гораздо более важное принципиальное значение, чем позднейшая граница перебоя к северу от Дюссельдорфа (так наз. *Benrather Linie*), разделяющая рипуарский и нижнефранкский (средненемецкий и севернонемецкий). Передвижение согласных, пишет Энгельс, «проникло в рейнско-франкское [наречие], уже самостоятельно развившееся, и разорвало его на несколько частей»² «Как всегда, эта последняя волна, занесшая верхненемецкое передвижение согласных на франкскую территорию, — самая слабая и мелкая. Несомненно интересно наметить линию, до которой она доходит» [т. е. «*Benrather Linie*»]. «Но эта линия не может быть границей диалектов; она не в состоянии разорвать самостоятельную группу истари близко родственных говоров и не может дать повод к тому, чтобы в противоречии со всеми языковыми фактами причислить эти насильственно разъединенные обломки к более далеким друг от друга группам».³ «Даже для жителя Рейнской Франконии проникновение передвижения *t* и конечного *k* не производит впечатления какой-либо языковой границы; даже в хорошо знакомом ему районе он принужден будет предварительно подумать, где же проходит граница между *t* и *z*, *k* и *ch*, при переходе через эту границу одно будет произноситься для него почти так же легко, как и другое».⁴ Передвижение согласных, как справедливо указывает Энгельс, «охватывает сравнительно немного слов», притом — с исключениями по ту и другую сторону границы, вызванными проникновением отдельных верхненемецких слов на нижненемецкую территорию. «Только там, где не представляется возможным провести строгое различие между *b* и *p*, *d* и *t*, *g* и *k* в начале слова,

¹ Ф. Энгельс. Франкский диалект. 1935.

² Энгельс, стр. 47.

³ Там же, стр. 51 — 53.

⁴ Там же, стр. 51.

т. е. имеет место то, что французы преимущественно понимают под *accent allemand* [немецкий акцент], только там представитель нижне-немецкого [наречия] начинает ощущать тот великий разрыв, который произвело в немецком языке второе передвижение согласных.¹ Эта граница проходит между рипуарским и мозельским диалектами.

Современные исследования в области рейнской диалектографии, весьма многочисленные и основанные на более обширном материале, чем тот, которым располагала наука в восьмидесятых годах XIX в., всецело подтвердили точку зрения, высказанную Энгельсом в его неизданной работе. «Несмотря на Бенратскую зону», утверждает проф. Фрингс, «решающий разрыв рейнского языкового ландшафта проходит в области Аар»,² т. е. между рипуарским и мозельским диалектами, областью Кельна и Трира. Это обстоятельство заставляет Фрингса пересмотреть классификацию рейнских диалектов, основанную на перебое. «Житель северного Рейна, например, области Клеве, чувствует себя в языковом отношении более близким Кельну, чем Триру. Тем не менее лингвист проводил между Кельном и Клеве важнейшую языковую грань, нижне-немецко-верхне-немецкую границу перебора вообще (*die niederdeutsch-hochdeutsche Lautverschiebungslinie schlechthin*), и в частности обозначал область Клеве, нижнерейнские диалекты к северу от Нейсса и Дюссельдорфа, термином *нижнефранкский*, а области Кельна и Трира, взятые как одно целое, термином *среднефранкский*».³ «Преувеличенную оценку» (*Überschätzung*) перебора согласных в старой диалектологии критикуют все современные историки немецкого языка. «Рейнские диалектологи», как справедливо отмечает Бринкман, «научились обходиться без перебора при объяснении характера и исторического развития рейнских диалектов».⁴ По поводу среднефранкского Бехагель пишет: «Я считаю вероятным, что вся область среднефранкского была первоначально нижне-немецкой».⁵ Фрингс, на которого Бехагель опирается, относит проникновение перебора в эту область к 800—1200 гг., т. е. к весьма позднему времени. «Процесс этот», говорит Фрингс, «носил характер постепенного оверхне-немеценья (*allmähliche Verhochdeutschung*); при этом сохранилось множество исключений».⁶ В особенности много таких исключений в рипуарском (кельнском) диалекте, теснее всего связанном с нижне-

¹ Энгельс, указ. соч., стр. 75.

² Theodor Frings. *Rheinische Sprachgeschichte*, Essen, 1924, стр. 14—15.

³ Frings, стр. 9.

⁴ H. Brinckmann. *Sprachwandel und Sprachbewegungen in ahd. Zeit*, 1931, стр. 128.

⁵ O. Behagel. *Geschichte der deutschen Sprache*, 1928, изд. 5-е, стр. V.

⁶ Th. Frings. *Germania Romana*, 1932, стр. 210.

Франкским. Кроме уже названных местоимений, общих для всего средне-Франкского (dat, wat, et, allet), сюда относится целый ряд других слов, сохранившихся без перебоя только в пределах кельнской области, например, op «auf», mōt «muss», lēt «diess» — слова полуформальные, со слабым ударением; āp «Affe» (как ругательное слово), tēf, tif «сука», rūt «Pfote» («лапа»), schnūt «Schnauze» («морда») — слова интимного, бытового или «низкого» просторечия; wēk «Docht», stutt «Semmel», kīp «Tragkorb», tōt «Röhrkanne», tacken «Ofennische», plūten «Lumpen», timp «Zipfel», fucken «Fischreusen» — лексические провинциализмы и профессиональные слова, не имеющие верхненемецких параллелей в общенациональном языке и др.¹ В соответствии с этим Фрингс утверждает: «Следует говорить не о перебое, но о словах с перебоем» («man sollte nicht von Lautverschiebung, sondern von lautverschobenen Wörtern sprechen»)²

Таким образом, и в данном случае мы имеем принципиально уже известную нам картину устранения первичных признаков нижненемецкого, которое совершается путем лексического вытеснения с сохранением словарных реликтов обычного типа. Только движение это, происходившее в средние века, не имело еще поддержки национальной нормы и ограничилось устранением наиболее заметного из первичных диалектологических признаков — бесперебойного консонантизма. Дифтонгизация долгих гласных и ряд других особенностей верхненемецких диалектов, распространявшихся с юга по Рейну, остановились у территориальных границ Кельнской области, к югу от р. Аар, так что кельнский диалект (рипуарский), несмотря на «верхненемеценье» («Verhochdeutschung») консонантизма, сохранил, по основным своим признакам, нижненемецкий характер. Это объясняется хозяйственно-политическими связями города Кельна и феодальной территории Кельнской области с нижним Рейном (Нидерландами) и ганзейскими городами.³ При более интенсивных южных воздействиях мы имели бы обычный «восточно-средненемецкий» тип, как в Берлине или Магдебурге.

12 IX 1935.

¹ Там же, стр. 210—211.

² Frings. Rheinische Sprachgeschichte, стр. 9.

³ Cp. H. Aubin, Th. Frings, J. Müller. Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden. Geschichte, Sprache, Volkskunde, Bonn, 1926, pass.

Л. В. УСПЕНСКИЙ

Материалы по языку русских летчиков

I

Профессиональные диалекты, насколько мы их знаем, можно грубо разбить на два класса. К одному из них отнесем такие, как язык охотников, язык мореплавания, языки городского дна (в частности воровское аргю). Их корни уходят весьма далеко в глубь истории и в ширь международных связей. По отдельным языкам (язык охоты) следует говорить, вероятно, об очень древнем, доисторическом происхождении их. Интерес и значение обследования диалектов такого типа самоочевидны.

Вторую, не менее обширную группу образуют специальные языки новые, языки профессий, созданных и создающихся в обществе капиталистическом. Наличие их вряд ли будет кем оспариваться; самый факт непрерывного выхода в свет специальных словарей, приуроченных к надобностям текстильного дела, металлургии, химической промышленности, транспорта и т. п., служит лучшим доказательством их существования. Однако возникает вопрос: «молодость», относительная новизна этих образований не делает ли преждевременными попытки их языковедного изучения? Сопоставимы ли эти, чуть ли не на наших глазах возникающие, комплексы с такими мощными, стойкими, оформившимися структурами, как те, которые мы отнесли к первому классу? Может ли их исследование привести к выводам, хотя бы относительно так же интересным, как и анализ первых?

Профессиональные диалекты второй группы далеко не равноправны и не равновелики. Можно было бы указать среди них все степени образования специального языка. От небольшой грозди терминов, с быстротой химической реакции возникающих вокруг каждого зародыша новой отрасли техники или науки, мы можем проследить его путь до чрезвычайно сложных и громоздких терминологических систем, используемых развитыми областями труда и знания. Двум или трем десяткам слов, родившимся для

исключительной надобности какой-либо биогенетики или планерного дела, можно противопоставить целый своеобразный лексический фонд, созданный за 100 лет железнодорожным транспортом или промышленной химией для их внутреннего употребления. В одних случаях мы можем говорить только о зачатках профессиональной терминологии; в других — перед нами нечто гораздо более цельное и сложное.

Не следует думать, однако, что эти сложность и простота прямо и просто пропорциональны одному лишь «возрасту» данного диалекта. Отнюдь нет; на ряду с ним действуют многие другие важнейшие факторы. Достаточно указать на социальный вес данной профессии, на ее, так сказать, объем; на совершенно различную в разных случаях степень ее изоляции от других смежных (изоляция «по несходству объекта и метода воздействия» стоит тут рядом с «бытовой»); на своеобразные в каждом данном случае условия образования профессиональных кадров; на различную меру связи с иноязычными работниками той же области, наконец, — и далеко не в последнем счете, — на чрезвычайное разнообразие общего психического тона, характеризующего отношение к данному делу со стороны как его работников, так и посторонних, — на особую «эмоциональную окраску» профессии.

Прибегая к крайним примерам, скажем: за один и тот же срок работники в области машинописи, радисты-зимовщики в Арктике и служащие Московского метрополитена, вероятно, одинаково создадут какие-то свои языковые спец-системки. Однако в этих системах не только качественные, но и количественные показатели чаще всего окажутся резко различными: спокойный «канцелярский» труд одних будет стимулировать их к специальному языкотворчеству не так, а иначе, нежели овевинная духом сурового «физического» героизма, опасностей, полярной экзотики деятельность других, или проходящая на людях, в общении со всем подвижным мирком городского транспорта, подземная работа третьих. С точки зрения масштаба и диапазона новые профессиональные диалекты несомненно представят все возможные ступени; бояться скудости материала исследователю не приходится.

Не будем говорить о важности и актуальности изучения профессиональных диалектов с точки зрения интересов самих профессий: соображения, высказанные в известной статье т. Лотте и заостренные Н. Я. Марром, остаются абсолютно убедительными для нас.

Другая сторона дела, однако, требует краткого замечания. Нам представляется, что цель лингвиста, взявшегося за проблему спецдиалекта,

цель не только «альтруистическая», не только чисто прикладная и подсобная. Вопросы, возбуждаемые ею, и материалы, ею подаваемые, приводят к домыслам, которые, думается, могут иметь значение для самой лингвистики, притом далеко за пределами данной темы. Нам кажется, например, что проблема неологизма, проблема словопроизводства, в частности, неразрешима без учета профдиалектических материалов. Богатейший и любопытнейший набор примеров дадут они для разработки темы о языковой метафоре. Мы думаем, что вопрос международного языкового обмена в капиталистическом обществе, так же как и многие другие, не может быть уточнен, если оставить в стороне то, что известно нам о специальных языках.

Еще одно предварительное соображение прежде чем обратиться к самой теме.

Употребляя обозначение «спец. язык», мы обычно непроизвольно ограничиваем его объем системой терминов, как бы санкционированных книжно-, письменно-печатным употреблением той или другой профессии. В стороне при этом оказывается все то, что для данного специального языка является, так сказать, его просторечием, та менее устойчивая и более живая часть его лексического запаса, которая существует исключительно в устной речи профессионалов и, — весьма условно, в грубом первом приближении, — может быть охарактеризована как «профессиональное аргю».

Например, говоря о специальном языке музыкантов,* мы прежде всего склонны включать в его состав музыкальную терминологию, слова-термины типа анданте, дека, гриф, симфония, пиччикато и т. п. Ни в один «музыкальный словарь» (а они имеются в изобилии) никогда не попадали лексемы вроде «лабух» (музыкант); «лаже-лажиссимо» (очень плохо), или «лабать» (играть на музыкальном инструменте, играть вообще). Не попадали в них и «просторечно-профессиональные» переосмысления «книжных» музыкальных терминов, вроде «делать глиссандо» = красть, воровать, или того же «пиччикато» = пешком, со шпалы на шпалу. Из представления о специальном языке образования подобного рода всегда, так или иначе, выпадают.

Понятие профессионального диалекта в нашем представлении шире; оно включит их в себя. Профессиональный диалект всегда оказывается двусоставным, и лексемы этого второго типа являются столь же неотъемле-

* Любопытнейший язык этот (т. н. «лабушский») к сожалению почти не исследован. Известно лишь случайное упоминание о нем в работе И. Липаева «Оркестровые музыканты». СПб, 1904 г., да нигде не напечатанное сообщение автора этой статьи, читанное в 1928 г. в ИЛЯЗВ'е.

мыми его элементами, как и «высокие», книжные термины. Между теми и другими обнаруживается своеобразная связь; оказывается, что оба слоя не статически сосуществуют в профдиалекте, но пребывают в некотором сложном и динамическом сцеплении. Очевидно, что осветить со всей полнотой вопрос о том, как осуществляется это сцепление, явится одной из важных задач исследователя.

Заранее можно сказать, что в дальнейшем изложении мы не только не упустим из вида этого второго, нижнего яруса профдиалекта, но, наоборот, именно он займет наше основное внимание.

Действительно, есть все основания предполагать чрезвычайную важность его в сложении целого профдиалекта. Есть данные считать его (по крайней мере на одном этапе развития большинства таких диалектов) не второстепенной, а основной частью последнего, частью, представляющей сугубую важность при исследовании всего подвижного и изменчивого целого.

Вряд ли нужно указывать здесь, что профессиональный диалект требует при его изучении возможно более полного представления о жизни породившего его общественного слоя. Как особый профессионально-групповой язык он непостижим без достаточной осведомленности в той технической, научной или производственной отрасли, с которой связана данная профессия. История языкового факта так прямо и неразрывно связана здесь с историей факта технического, что разорвать эту связь можно только искусственно и насильно.

Вот, вкратце, те немногие общие соображения, которые, на наш взгляд, необходимо предпослать анализу конкретного материала профдиалекта авиации и летчиков.

II

Авиация, искусство механического полета, летание на машинах «тяжелее воздуха» — одна из самых молодых отраслей техники передвижения. Она создалась не более чем 30—35 лет назад, после удачного разрешения проблемы легкого двигателя внутреннего сгорания. Двигатель этот был создан ранее для нужд наземного и водного транспорта.¹ Поэтому техника самолетостроения, а отчасти и самолетовождения первых дней оказалась ближе всего стоящей к технике автомобилизма и мотоциклизма. Между ними установилась на некоторое время прямая и тесная связь. В частности, кадры новой профессии довольно естественно поглотили очень

значительное число представителей первых двух, тоже еще молодых тогда, отраслей транспорта.

Первая стадия жизни летного дела заняла примерно 10 лет, с 1903 до 1914 г. Основной ее чертой можно считать спортивный, а затем военно-спортивный характер летного дела. Весьма дорогой, рискованный, сенсационный вид спорта — и не более, вот что такое была авиация тех дней. Лучшие теоретики десятых годов (Фербер, Бодри де-Сонье и др.), пытаясь делать прогнозы на будущее, измышляли смехотворные на наш взгляд вещи. С одной стороны, они не предвидели и десятой доли тех успехов, которые искусство летания сделало в последующее десятилетие. С другой стороны, их предсказания часто выливались в форму самых странных утопий.²

Профессиональный диалект русского летчика не есть, конечно, нечто неизменное во времени и целое по своему составу. Язык, на котором общаются (в своем кругу и по профессиональным надобностям) советские летчики до сих пор, далеко не сходен с тем, каким изъяснялись летчики-офицеры в Севастополе и Гатчине в 1912—1913 гг.

Однако не подлежит сомнению, что оба они связаны между собою не в меньшей, если только не в большей степени, нежели общерусские литературные языки, относящиеся к тем же датам. Во всяком случае, чтобы исследовать современный авиационный профдиалект, совершенно необходимо ознакомиться со всей историей авиационного языка на русской почве, а также и с его корнями. Наметим здесь беглую схему такой истории.

Начало русского авиационного языка — во Франции, в ее летных гнездах, в школах Блерио (Исси-ле Мулино) и Фармана (Мурмелон). Если Америка является признанной матерью летного дела (приоритет бр. Райт), то Франция может бесспорно считаться его мамкой-кормилицей, выпестовавшей это дитя и поставившей его на ноги. Первое десятилетие существования самолета прошло всецело под знаком французской гегемонии. На французских машинах летало огромное большинство пилотов того времени; во Францию из всех стран мира сотнями съезжались люди, намеревавшиеся посвятить себя завоеванию воздуха. Вокруг французского кустарного авиазаводика первых лет, французского аэродрома, французского ангара кипела напряженная жизнь, стимулируемая тем необычайным и совершенно новым, в буквальном смысле слова не имеющим названия ни на одном из человеческих языков, что там происходило. Именно тут, в живом производственном общении, в столкновении со вновь сотворенными вещами и впервые наблюдаемыми явлениями, из рыхлой массы случайных слов-однодневок, индивидуальных неологизмов, удачных и неудачных определений выделилось, как осадок, первоначальное ядро французской авиационной терминологии и летного аргю.³

Направление, в котором происходил этот процесс, равно как и материал, из коего начал возникать новый профдиалект, не были случайными. Аэроплан родился не из пустоты. Только что созданные автомобиль и моторная лодка вызвали к жизни самолет как своего младшего брата. Между ними оказалось достаточно много общего: техника управления двигателем (бензиномотором), ряд конструктивных деталей, одинаковая новизна и ценность всех этих машин со спортивной точки зрения. Молодая авиация начала складываться как вид спорта, близко родственной автомобилизму, также еще совсем юному в те дни. Естественно обнаружилась между ними и значительная общность человеческих кадров.

Однако самолет, конструктивно напомилавший сухопутный механический экипаж, — в действии, в полете превращался в нечто подобное плывущему судну. Кое какие аналогии между ними были теоретически подмечены еще до начала авиации Фербером; правда, то было скорее сходство умозрительное, нежели видимое простым глазом.⁴ Это обстоятельство также не осталось без влияния на отношение к делу летания, как оно складывалось у первых людей воздуха. Люди эти, в большинстве своем, были очень молоды; они пришли в новое дело из самых различных социальных и профессиональных групп и слоев, влекомые совершенно различными побуждениями. Для огромного большинства из них авиация (как и автомобилизм) была, на первых порах, лишь дополнительным, побочным занятием или даже развлечением на досуге. Каждый располагал кроме летного дела какой-то другой основной профессией, обычно успевшей наложить на него известный психологический и языковый отпечаток. Самая новизна, неразработанность авиационной практики позволила принять в ней равное участие и бывшим шоферам, и художникам, и циркачам, и техникам, и светским спортсменам, и морякам, и офицерству. Толпа, собравшаяся вокруг первых самолетов, оказалась чрезвычайно пестрой толпой.⁵ И в тот момент, когда ощутилась неотложная надобность в номинации целого ряда только что возникших объектов, предметов, процессов, явлений, она приступила к творчеству своей терминологии, амальгамируя лексические запасы всех представленных в ней коллективов и групп. То немногое, что мы знаем о французском летном арго начального периода, всецело подтверждает это положение. Так, все, что относится в нем к мотору и управлению им, является общим с терминологией автомобилизма. Такие термины, как «капот» (capot), «газовать» (gazer), «зажигание» (allumage), «шасси» и многие другие, сви-

детельствуют об этом. Они созданы не автомобилистами и не летчиками порознь, но родились в некоей объемлющей среде всех имеющих дело с механическими повозками внутреннего сгорания. С другой стороны, ряд слов, вроде *pilote* (рулевой, летчик), «*décollage*» (отделение от земли), «*atterrissage*» (соприкосновение с почвой, причаливание), «стрингер» (часть каркаса машины, продольное ребро), «*capoter*» (опрокидываться дном вверх), «киль» и др. перешел в новое дело из мореплавания, точнее из морского, парусного спорта. Многие вещи и явления, ставшие теперь живыми составными частями воздушного профессионального опыта, раньше являлись только предметами теоретического рассмотрения и описания со стороны ученых метеорологов, гидро- и аэромехаников и т. п. Те обозначения (профиль крыла, ребро атаки, ход винта, аэроплан, геликоптер, полиплан и т. п.), какими они пользовались в своих кабинетных делах, довольно быстро снизошли из их книжного языка в живой летный язык аэродрома, обросли плотью новых ассоциаций, превратились из терминов в живые, многозначные слова.

Многое в лексике первоначального летного языка, отражая случайную пестроту его субстрата, представляется нам, так сказать, также несколько случайным по своему происхождению. Одни термины внесены охотниками (*gaser la terre* — брить землю при низком полете; возможно и русские «дотянуть», «перетянуть», «тянуть» = лететь), другие художниками (*manche à balai* — рукоятка кисти — рычаг управления), или представителями других, самых разнообразных профессий. Наконец, многое, с необходимым переосмыслением, могло и должно было быть заимствовано из общего французского языка того времени (*aile* — крыло машины; *aileron* — элерон, орган устойчивости), а кое-что и заново создано по общепользовательским законам словопроизводства, из живших в общем языке основ (*stabilisateur* — *stab*; *canard* — тип самолета, летящего хвостом вперед; *servitude* — балочка внутри крыла, ребрышко и т. п.). В этой группе следует особо отметить тип латиногречизмов, варварских сложных слов типа «аэроплан», «авиация», «автомобиль».

Таковы разновидности элементов, из которых началась постройка нового языкового сооружения. Почти тотчас же она приобрела свой особый стиль. Он также явился не из пустоты. Авиация до 1914 г. продолжала оставаться прежде всего спортом. Спорт этот отличался рядом важных особенностей — повышенной, серьезной опасностью, множеством совершенно новых, необычно сильных и вместе с тем привлекательных ощущений, необходимостью воспитать в себе целую систему очень быстрых и четких условных рефлексов. Этот спорт оставался спортом для немногих как по своей дороговизне и сложности, так и по чисто техническим причинам: автомобиль, мотоцикл, велосипед быстро вросли в уличную жизнь, в толпу; самолет, как какая-нибудь яхта, оставался связанным

с аэродромом, а он всегда расположен далеко за городом, доступен лишь избранным и посвященным, овеян ореолом своеобразного воздушного героизма и таинственности. Он законсервировался в некоторой импонирующей изоляции. Спортсмен-автомобилист скоро был расценен просто как «отличный шофер»; летчик на долгое время остался немного сверхчеловеком и в глазах толпы, и отчасти в своих собственных. Все это создало благоприятную почву для быстрого перерастания технической терминологии в живой и своеобразный профдиалект, для пополнения ее элементами, близкими к арго, элементами почти игровыми.

Сила новых и острых переживаний, вместе с молодостью подавляющего большинства специалистов, обеспечила возможность проникновения элементов летного языка далеко за пределы профессиональных речевых тем. Профессиональная лексема, переосмысляясь, входя в состав той или иной фигуры, начала проникать в общий язык, поскольку им пользовались люди авиации. Новая оригинальная система приобрела окончательную завершенность.

Момент чрезвычайно значительный: человеческая масса, группировавшаяся вокруг летных школ Франции в эти первые годы, была не только социально пестрой, но и интернациональной. Неофиты летного дела являлись сюда буквально из всех точек земного шара, в частности (притом в немалом числе) и из России. У себя дома они не имели, да и не могли иметь, ничего подобного авиационному языку, поскольку там еще не было самой авиации. Овладение техникой нового дела понуждало их с необходимостью к овладению его словарем. То, что в огромном большинстве случаев они были не просто учениками, но учениками-энтузиастами, смотревшими на учителей с восторгом неофитов, заставляло их перенимать все, что характеризовало замкнутый круг, в который они входили. К тому же и «азарт», эта весьма важная причина сложения всякого подлинного арго, ощущался ими достаточно сильно.

Но возможности языкового подражания были у них чрезвычайно неодинаковыми. Часть из них — представители «высших кругов» общества, одушевляемые прежде всего чисто спортивными побуждениями, — сносно владела общефранцузским языком. Почти то же можно сказать о командированных для обучения представителей армии — офицерах и добровольцах-интеллигентах. Совсем иным, однако, было положение многочисленных механиков, техников, шоферов-профессионалов, посланных в авиацию за счет того или иного мецената. Эти зачастую вовсе не знали французского языка, или владели им весьма слабо. На производственное столкновение с ним они должны были реагировать совершенно различно. Первые с легкостью включали в свой лексический репертуар новые термины (то ли в виде фонетически точных заимствований, то ли в виде совершенно благополучных переводов-кальк). Другие либо делали то же, но далеко не всегда

удачно и правильно, либо же пытались всемерно руссифицировать чуждые слова, если не заменять их своими, вновь создаваемыми. Такие неологизмы оказывались иногда близкими к прототипам, хотя бы по направлению образующей их метафоры, иногда же совсем далекими от них.

С возвратом всех этих людей на родину именно вокруг них образовались те русские летные ячейки, в которых впоследствии вырос наш летный профдиалект.

Сохранившиеся материалы, как кажется, неплохо иллюстрируют все это. Уже к 1909 г. русская авиация располагает настолько обширной и сложной терминологией, что ее наличие не ускользает от широкой публики. На возникающий профдиалект обращает внимание общая пресса.⁶ «Созданный Францией (своими заслугами в деле завоевания воздуха она заслужила эту честь) аэроязык получает все большее распространение» — констатирует бульварная «Петербургская газета». «В совершенно новых словах-терминах, необходимых в новых вопросах воздухоплавания, надобность ощущается уже давно. Пользоваться иностранной терминологией, что делается до сих пор,* мне кажется неудобным...» пишет Ф. Купчинский в ретроградной «Новой Руси» и предлагает взамен варваризмов целый словарь курьезных «истинно-русских» словосложений типа Даля или Шишкова (давомер — барометр, лучшелет — рекорд; плановой или летовой — пилот аэроплана и т. д.). Против этого шовинистического пуризма возражают и воздушные специалисты и либеральная пресса. «Хотя у г. Купчинского было благое желание, но выполнение его нельзя считать удовлетворительным. Читая слова: летопуть, плавостан, лето-стан, давомер, лучшелет и т. д., как-то невольно вспоминаешь времена Тредьяковского... Слова аллюмаж, аттериссаж, элпсс, гангар (очевидно употребительные в те дни в летном кругу. Л. У.), конечно, недопустимы, ... но большинство слов образовано приставкой лето — спереди или — лет сзади, вследствие чего слова получают очень неуклюжие», замечает в журнале «Воздухоплаватель», 1909 г. (№ 11, стр. 738) крупный аэронавт Найденов.⁷ Вместе с тем «громадная важность распространения правильной терминологии по воздухоплаванию» представляется ему делом неотложным, чрезвычайно нужным, заслуживающим даже созыва специальной авторитетной конференции авиарботников. «Как же все-таки? — спрашивала одна из ходких либеральных газеток — биплан или двулет, ангар или сарай, авиатор или летун? Эпохой Шишковских (Шиш-

* Разрядка моя. Л. У.

ковых? Л. У.) и Брамбеусов, зеленой скукой веет от этих вопросов. Великий русский язык очевидно не пострадает от биплана и авиатора, как не страдает он от манжет, велосипеда и вуали. Воздушное эсперанто не выдуманно... Оно создано само... Будем нежно любить красоту и мощь русского языка, но пред лицом всеобщего ангара не станем цепко хвататься за отечественный сарай...»

Широкие общественные круги интересовали, очевидно, те элементы авиадialeкта, которые уже тогда начали проникать в общий язык, в меру проникновения фактов самой авиации в массовое сознание. Но в основном он развивался без такого призора. Среди его зафиксированных в печати остатков мы находим и очевидные кальки французских речений (*glissade* — скольжение; *châssis* — тележка; *plafond* — потолок) и фонетически точные заимствования (*hangard* — а н г а р, порою даже графически точно — г а н г а р; *biplane* — б и п л а н; атеррисаж; *virage* — вираж). Намечается русское словопроизводство от французских основ (п и к и р о в а т ь — от *riquer*; г о ш и р о в а т ь — от *gauche*). В ряде случаев возникает словоупотребление, основанное на неверной этимологизации французского термина («рулить» — ездить по земле, воде — от «руль», вместо правильного, «rouler» — кататься; капотировать от *capot* — крышка мотора, вместо действительного морского *capoter* — опрокидываться и т. д. См. ниже). Таким образом, в основном, ядром будущего русского летного языка бесспорно послужила группа импортных арготизмов и терминов, перенесенных отчасти живыми людьми, отчасти же через печатное слово. Почти тотчас же вокруг этого ядра начинают наслаиваться новые пласты, уже отечественного происхождения. Повторяется почти такой же процесс, какой однажды имел место во Франции, и притом в довольно сходных условиях. Социальный состав первых русских летчиков оказывается не менее пестрым. Среди них мы видим и спортсменов-любителей, и профессионалов автомобилистов, циклистов, яхтсменов, циркачей, борцов, и студентов, и машинных механиков, и чиновную молодежь, и даже поэтов-футуристов. Особняком стоит значительная группа военных. Все они привносят в русский летный язык многообразные арготические и диалектические элементы. Зачастую не так легко установить теперь, что из них проникло тогда в речь воздушников через летный язык Франции, и что, часто из той же Франции, явилось окружным путем, через другие профдиалекты русского языка. Можно все-таки предполагать не без оснований, что термины, вроде «запускать, заправлять» мотор, «выхлоп», «искра», «бить», «люфт», возможно даже «вираж» и многие другие,

вошли сюда из русской и переработанной на русской уже почве лексики авто- и велоспорта. Совершенно так же «штурвал», «рыскать» (отклоняться от правильного пути), «рубка» (каюта, помещение пилота дирижабля) и др. заимствованы из русской морской профлексии, а какая-нибудь «мертвая петля» из терминологии циркачей (при французской линии заимствований «штурвалу» соответствовал бы «*cloche*» — колокол; «мертвой петле» — «*foisle*» — завиток).

В то же время в языке русских летчиков появляются и метафорические переосмысления в специальных целях лексики общего русского языка. Появляется множество выражений и слов, ничем не связанных с иноязычной стихией. Таковы: «зарывать картошку» [опрокидываться] рядом с варваризмом «капотировать» и его руссофицированным вариантом — «капотнуть»; «болтовня» (воздушная качка) при французском *gemois* из морского — «след корабля, кильватерная струя, водоворот»; «яма» (область неожиданного снижения машины); «штопор» (при французском «*vrille*» — буравчик, коловорот и др.).

Рядом с этим значительную важность приобретает и морфологическое производство специальных слов от основ общего языка: «налетать» — накопить часы, проведенные в полете; «задуть» — проникнуть в кабину летчика (о ветре). Нетрудно убедиться, что, во-первых, на сцену выступают при этом не всякие русские префиксы вообще, но лишь определенные, предпочтительно используемые профязыками их типы (например — «за»). Совершенно так же легко заметить, что синтаксические связи вновь создаваемых слов оказываются не всегда обычными для общего языка. Например, «налетать» на кого?, на что? несоверш. вид общ. языка — соответствует: «налетать» что? сколько? — соверш. вид в профдиалекте.*

Итак, вот состояние, в котором летный русский язык оказался к 1914 г. Пестрота социального состава летного мира, его, так сказать, «интерпрофессиональность» и «родственные» связи с другими странами детерминировали их лексические источники. Отношение к авиации как к спорту, легко объяснимое из самой техники, создало замкнутость и ограниченность профессионального мирка; возрастной состав работников стимулировал специальное языкотворчество и придал ему определенный стиль. То, что психический

* Надо отметить, что особенного развития самостоятельности русского авиоязыка следовало бы ожидать в эти дни в тех немногих отраслях летного дела, которые несколько неожиданно развились в России 1910—14 гг. скорее и сильнее, чем на Западе (тяжелое самолетостроение, гидроавиация). К несчастью, от них до настоящего времени не дошло почти никакой документации. Только случайные находки в непечатных источниках могут пролить свет на этот вопрос. Нам их обнаружить, к сожалению, пока что не удалось.

шок первого полета всегда очень резок, что жизнь летчика тех дней действительно все время «висела на волоске», что созданные ощупью машины в неизученной среде вели себя, по ясному ощущению всех летчиков, как живые и капризные существа, — все это довершило кристаллизацию этого стиля. Лучшим критерием отличия такого диалекта от сколько угодно сложной грозди терминов является всегда социальное осознание его как обособленного языка. А это, как мы видели, имело место...

Четыре следующих года развития авиационного языка покрывает великая империалистическая война. Здесь не место рассматривать хотя бы с относительной подробностью ее влияние на авиацию. Достаточно сказать, что за эти годы увлекательный спорт «для немногих» вырос в род оружия, характеризующий целую историческую эпоху (принято говорить об «аэронаутизме как новейшем этапе империализма»). В то же время он накопил в себе силы, чтобы по окончании вооруженного конфликта оказаться видом транспорта, соизмеримым по значению и сложности организации с железными дорогами и мореплаванием. Совершенно понятно, что этот не имеющий прецедентов рост не мог не оказать мощного влияния и на интересующий нас круг явлений. Укажем на важнейшие с этой специальной точки зрения особенности в развитии летного дела за 1914—1918 гг.

1. Вся авиация целиком стала авиацией военной. Техника ее необычно усложнилась. Внутри профессии летчика создались подгруппы — истребительная, бомбардировочная, разведочная, каждая со своей техникой, тактикой, приемами, своей особой психологией. Выработался ряд новых способов полета — фигурный (высший пилотаж), «слепой» (по приборам), «в строю» и т. п. Появилось чрезвычайное множество новых машин, частей вооружения, деталей, приемов пилотирования. Реальностью стал необычайно опасный, требующий от человека величайшего психического и физического напряжения, маневренный огнестрельный воздушный бой, ничуть не похожий на идиллические пророчества Фербера.⁸

2. Момент опасности, так же как и момент спорта, «азарта» не только не ослабел, но значительно вырос. Он лишь переместился от полета вообще к воздушному бою. Под влиянием беззастенчивой рекламы и шовинистического «угара» летчик осознал себя сначала как «подлинного последнего рыцаря», а затем, с постепенным разочарованием в трескучей военной фразе, как своеобразного «гладиатора XX века». Создался культ сильной воли, индивидуальной отваги, «высоких традиций»; выросла своеобразная «моритурная» психоидеология — смесь плоского нищезанства, наигранной

бравады, фронтového цинизма и скепсиса, сдобренная алкоголем и половой распущенностью. Все это очень типично для определенной среды — наемников и слуг обреченного класса.⁹

3. Рухнула иллюзия избранности, сверхпривилегированности летных кадров, «когорты классово-отобранных преторианцев». В авиацию, под влиянием ее ужасающих потерь, сплошной лавиной хлынул «нижний чин», в большинстве крестьянин, отчасти пролетарий.¹⁰ Внутри летно-подъемного состава означились линии классовой дифференциации и борьбы. Теснота связей между пилотом, конструктором, механиком, мотористом, их единство в одном лице разрушились. Конструктор остался в глубоком тылу. Летчик, зачастую, разучился ухаживать за машиной на земле. Механик оторвался от полета. Напротив того, укрепились новые линии общения с другими родами войска через обслуживающий персонал. Вместе с тем общность некоторых интересов смертников просачивалась через все препоны.

4. Технические связи, даже между союзниками, ослабели и изменились. Франция утратила гегемонию. Рядом с ней в области инструктажа и самолетостроения выдвинулась Англия.

5. Чисто технический факт — необычайное возрастание скоростей самолета в воздухе — явным образом перерос в факт психический. Напряженность и темп необходимых профессиональных действий в полете исключительным образом выросли. Поток переживаний уплотнился как никогда. Для отчета о нем, для инструктажа, да и для логического анализа собственного поведения в воздухе потребовались новые, особо сконденсированные формы «сверхбыстрой речи».

Все это вызвало как бурный рост летного языка по объему, так и важные качественные изменения его состава.

Новые, специально военные авиареалии настоятельно требуют номинации. Создаются слова, квалифицирующие летчика [«ас», «бог», «военлет», «летнаб»], кодированные наименования чинов и частей [авиадарм, истродивизион, авиакор], обозначения новых машин и их типов не по их официальным маркам, но, так сказать, со включением в них некоторой эмоциональной характеристики: «Chauve-souris», «de hibou» — ночные бомбовозы; Вузя [Вуазен], Царица мира [он же]; Мориска [система Мориса Фармана, при наличии системы Анри Фармана]; «Фуки-буки» [по фабричной марке гидросамолета «FB»]; «гонококк» [из «монококк» — самолет с особым типом фюзеляжа, маленький и подвижной]; «crématoire volante» [пожароопасная машина]; «летающий гроб» [устарелый, ветхий самолет] и т. п.

«Арготические» обозначения получают новые детали вооружения [пулемет = *pétoir*]; положения самолета в воздушном бою [«забрать под хвост», «сидеть под хвостом», «подвеситься к врагу»; «*faire sonner un boche*» — «сбить» немца; «орлиный», «ястребиный» приемы боя; «ловчить в облако»; «гвоздить в землю» и мн. др.]; боевые строи и порядки «журавлиный», «гусиный» строй, строй «клина» [то же, что и «журавлиный»], строй «фронта», «пеленга» [из морского языка], строй «ежом» [*en hérisson*]; отдельные боевые действия [бомбить, бомбежка, бомбежка с выскока и т. п.]. В это же время создаются и специальные значения высшего пилотажа, воздушной акробатики [бочка, колокол, змейка, переворот, пикэ, штопор, иммельман и пр.], в большинстве во Франции, с последующим распространением в переводах или в точном звучании в других странах.

Если приведенные, так сказать, «авиабеллизмы» созданы внутри летного языка, то другие, несомненно, явились извне. Таковы почерпнутые из общеармейского аргю обозначения гибели, смерти: «гроб», «гробануться», «разгробиться», «списать в статистику» и др.; таковы «бамбук» (дело-бамбук!), «цукание», «класный», «балдеть», «опупеть», «ловчить», «ловчило», «губа», «шпилить», и прочие, вероятнее всего заимствованные в военно-школьном юнкерском кругу с его давно сложившимися традициями, обычаями и своеобразным «фольклором»;* таково же, наконец, происхождение всего того, что является вкладом хлынувшей в авиацию многотысячной и разношерстной солдатской (т. е. прежде всего крестьянской) массы: «чижик», «зарыть картошку», «воробей» [обтекатель на растяжках] и т. п.

Военный период, закончившийся для западноевропейской авиации в конце 1918 г., в это самое время только начался для авиации Советской России. Для нее он длился вплоть до 1921 г.¹¹

Характеристическими чертами его (опять-таки отбирая то, что имеет преимущественное значение для нас) было следующее.

1. Бегство за рубеж значительной части высококвалифицированного летного состава и замещение ее летчиками из нижних чинов (механики, мотористы, добровольцы со стороны).

* Образцы юнкерского аргю смотри в любопытном очерке Домрачева «Корнеты и сугубцы», Русское богатство, 1912 г., № 12.

2. Сохранение вместе с тем немалого числа старых военспецов-офицеров на руководящих постах авиации (особенно в школах), учеба у них, сопряженная с бдительным контролем над ними.

3. Отсутствие каких-либо крупных изменений в авиационной технике по сравнению с временами империалистической войны. Технически русская авиация замерла, вплоть до окончания гражданской войны, на уровне 1916—1917 гг. Поступление отдельных новинок-трофеев не меняло этого положения по существу. В связи с этим тактика военно-воздушных действий также остается старой; основное место попрежнему занимает в ней одиночная разведка, воздушный поединок, на время которых боец из члена мощного войскового коллектива превращается волей-неволей в «индивидуалиста», всецело предоставленного своим силам и своей воле.¹²

4. Огромное воздействие новой революционно-коммунистической боевой идеологии, идеологии вооруженного и борющегося пролетариата. Оно с необычайной силой охватывает людей советской авиации и как граждан, и как красноармейцев. В то же время, однако, в области чисто технических, узко-профессиональных интересов, оно ощущается слабее, нежели в других родах войск, которым гражданская война дала не только новый смысл, но порою и новую тактику боя (напомним хотя бы знаменитые «тачанки» и их роль в наземном бою).

В связи со всем этим создалось положение, которое объясняет нам многое в составе современного летного языка. Связанные с революцией изменения в общерусском языке (а огромное большинство советских летчиков вне своего профессионального круга пользовалось именно им), далеко оставили за собою как по темпу, так и по размаху то, что совершалось в профдиалекте. Больше того, если бы мы вздумали отобрать сейчас «советизмы» профдиалекта летчиков, относящиеся к этому периоду, то увидели бы, что значительная их часть может быть отнесена к нему лишь условно, представляя собой слова общего красноармейского языка, не именующие специфически летные реалии, но только используемые авиационным миром для называния того, что лежит за его пределами.

Специальный же язык, меняющийся прежде всего в связи с изменениями техники данной профессии, на некоторое время почти закоснел в своем развитии. Этому много способствовало и то, что советские новички-летчики, проходя инструктаж со стороны старых специалистов, склонны были не без оснований рассматривать их терминологию как важную часть технического вооружения. Они жадно усваивали и тщательно сохраняли

ее. Несомненно, что в то же время происходил и обратный процесс влияния новых кадров на старое ядро (в языковом отношении как и в иных). Однако, без риска впасть в ошибку, мы можем оценить его пока, как простое расширение и продолжение общего процесса демократизации, начавшегося, как мы видели, еще во время империалистической войны.

По окончании боев 1914—1918 гг. авиация капиталистических стран Запада претерпела чрезвычайные потрясения. Огромное мощное целое должно было демобилизоваться, т. е. попросту, уйти в небытие. В качестве флотов мирного времени сохранялись лишь ничтожные доли воздушных армид. Грозил бесследное распыление и технического парка, и человеческих кадров. Между тем представлялось необходимым найти методы сохранения их, так сказать, в латентном виде впрямь, до конца мирного периода. Такое средство было найдено в создании гражданского воздушного флота.

Именно поэтому гражданская авиация всех крупнейших стран за прошедшие с той поры годы выросла в чрезвычайно мощное целое, приближаясь по типу организации, а отчасти и по технике своей (служба пути и пр.), к крупнейшим железнодорожным и мореплавательным предприятиям мира. Базируясь на полувоенных дотациях, она поглотила значительную часть демобилизованного летного состава мировой войны и сейчас вбирает в себя самую солидную долю обучаемых кадров. Вторую часть берет себе военная авиация мирного времени. Сравнительное меньшинство превращается (типично для Америки) «в диких» кустарей, вольнопрактикующих летчиков-практиков. [С кризисом число их резко возросло.]

Непосредственных данных о развитии летных языков во всех этих группах мы не имеем. Можно не без уверенности полагать, что в основном оно питается довольно энергичной, но все же, сравнительно со временем войны, плавной и неспешной эволюцией техники.* Нет никакого сомнения, что бытие летчика гражданской службы, «бабовоза», шофера воздушного такси, мало чем отличается ныне от бытия работников любых других видов транспорта. Судя по всему, он отнюдь не «романтизирует» своей будничной работы; она почти перестала привлекать к себе общее внимание. Вероятнее всего, что элементы арго в его языке все более и более уступают место элементам книжной профессиональной терминологии. Из «героя»

* Со счета этой эволюции приходится сбросить годы кризиса, когда ГВФ надолго уступил первенство ВВС всех стран капиталистического мира.

он превратился в обычного наемного технического служащего капитала.*

Иное положение налицо в жизни летчиков военных, летчиков белой кости. Тут, по всей видимости, продолжают — естественно и искусственно — культивироваться традиции Гинемера и Фонка, великих «асов» 1915—1917 гг. Вместе с их чистотой, разумеется, охраняется и чистота кастового летного профдиалекта. Вне всякого сомнения, он непрерывно пополняется (в соответствии с непрерывным дальнейшим эволюционированием военнo-летной техники) новыми составными элементами. Организации, призванные цементировать связь между «сегодня» и «вчера» летного мира, вроде пресловутой «Лиги старых ствол» во Франции, поддерживают и подкрепляют его единство. Но какое бы то ни было значительное преобразование в нем наступит лишь тогда, когда произойдет либо техническая революция в авиации, либо же она снова окажется втянутой в какой-либо социальный катаклизм.

Советская авиация приступила к перестройке на мирный лад на четыре года позднее авиации Запада. Тем не менее, именно как авиация Советской страны, она уже к концу первой пятилетки успешно догнала, а по ряду показателей и опередила, последнюю (особенно в области обслуживания хозяйственных нужд страны). К этому времени она стала мощной составной частью народного хозяйства Союза, одним из основных рычагов социалистического строительства.

Овладение новой техникой, разработка совершенно неизвестных до этой поры методов полета, освоение новых принципиально конструкций (цельнометаллические самолеты, автожиры, скоростная и сверхскоростная авиация, многомоторные самолеты) вновь потребовали колоссального расширения профессионального языка. Прилагаемый к нашей статье достаточно обширный словарь на 75% представляет собой лексический запас, накопленный именно в этот бурный период развития. При этом весьма важно следующее. Если говорить о соотношении внутри его между «арготической» и «терминологической» частями (в том понимании, какое оговорено было выше), то следует указать на одно, весьма любопытное, явление. Рост их становится все более непропорциональным. С каждым годом понижается относительная важность и вес «арготизма»,

* См. отзывы о будничной работе линейного летчика у М. Кольцова («Хочу летать», стр. 22) и Ч. Тернера («Борьба за крылья», стр. 224).

все более значительную роль начинает играть «профессионализм». Но этот последний в свою очередь становится уже далеко не тем «учено-книжным» термином, каким он был в дореволюционные годы. Раньше эти два слоя сосуществовали разграниченно, слабо диффундируя друг в друга. Теперь то, что сегодня творится как неологизм устной речи летчика-практика, завтра санкционируется письменным употреблением и таким путем выбывает из ряда арготизмов, включаясь в строй общих профессиональных лексем. Однако некоторый всегда сохраняющийся ореол живых ассоциаций, некоторая многопланность и семантическая многозначность препятствует полному превращению этого слова в термин — в тесном смысле, в слово-понятие. Если арготизм старого времени, например, «зарыть картошку» или «пикнуть» и доныне живет только в строго-устном использовании, то новый арготизм, например, «вспухнуть», «сосет», «термик» и многие другие почти в момент своего создания приняты прессой и фигурируют в письменной речи теоретика парящего полета так же, как и в языке летчика-практика. В то же время, если термик старого времени (скажем, «элэрон» или «демультипликатор») весьма редко, с трудом и то лишь в шутовском использовании, с пародическим знаком, входил в устную — бытовую речь летчика (в фамильярной речи), то термин летного «сегодня» (то же «вспухнуть», «козел», «нога» и др.) легко поддается переосмыслению и одновременному употреблению в качестве арготизма устного языка.

Тем не менее надо иметь в виду, что при этом имеет место не столько сужение арготической части летного диалекта, сколько, наоборот, экспансия «профессионализма». Арготическая лексика продолжает жить и бурно пополняться новыми образованиями. Но «профтерминологический» запас быстро осваивает значительную часть новотворок, переводя их в иной план. Неприкосновенным остается только старое, унаследованное от прошлого, ядро, со своим незначительным приростом.

Таким образом, мы констатируем, что на ряду с элементами нового, в современном летном языке сохраняются и рудименты старого. Сохраняются они как в области лексики уже существующей, так отчасти и в самом типе, в стиле отдельных тенденций словотворчества (заимствования из блатной музыки, продолжающееся доныне образование малопрстойных переосмыслений, эротически окрашенных метафор, еще не вытравленная окончательно примесь «матерной» ругани и пр.). Но сохраняются они уже не как основа, а как пережиток, как нечто сознательно отрицаемое и бессознательно забываемое.

Это явление имеет под собой, разумеется, известный базис. Чтобы не вдаваться в подробности, мы отметим, что все то грандиозное развитие советской авиации, о котором мы до сих пор говорили, в основном уложилось еще в рамки восстановительного периода. Однако социалистическая реконструкция ее, начавшаяся с первой пятилеткой, сразу же наметила новый резкий перелом в технической базе, а, значит, несомненно и в том надстроечном круге явлений, к которым относятся психика и язык советского летчика. Но закономерное запаздывание надстроечных процессов, — особенно столь сложно связанных с изменением базиса, как связан с ним язык, — обстоятельство давно известное. Раз наблюдения, какие мы можем сделать над историей авиационного профдиалекта, показывают наличие в нем отмирающего, но все еще жизнедеятельного арготического ядра, рядом с бурно прогрессирующей профессионально-лексической частью, значит можно видеть в этом именно такое запаздывание и высказать твердое убеждение, (поскольку в бытии современного летчика нет ничего, что могло бы питать и поддерживать рудименты прошлого), что в самом недалеком будущем, вместе с ростом новой, чисто пролетарской смены авиации, вместе с завершением социалистической реконструкции последней, окончательно реконструируется и ее язык.¹³

III

Мы нащупываем несколько путей профессионального словотворчества и, в согласии с этим, несколько разных типов самих профессиональных лексем. Рассмотрим вкратце некоторые из них, не выходя за пределы (эта оговорка весьма важна) языков тех профессий, рождение и жизнь которых связаны с высокой технико-экономической базой.

Привычнее всего для них сложение термина из словарных тем древних языков. Такие термины знакомы каждому; техническая интеллигенция промышленного капитализма, по мере творчества новых вещей, изобретений, создает для них названия из греко-латинских корней, имея в виду интернациональное (точнее европейское) их хождение.

Морфо- и этимологические типы этих лексем могут быть разными. Одни образуются путем создания варварски-латинских или греческих словосложений (аэроплан, автожир). Другие морфологически правильно производятся от древних корней (детектор, семантэма). Третьи возникают путем сложения основ современного языка с древними аффиксами (льюизит, антиблохин, иностранцевия). Все они в равной мере

либо 1) входят в общий язык за отсутствием в нем слова для выражения данного, почему либо ставшего популярным, понятия, и при этом нацело утрачивают свои «профпризнаки» (автомобиль, авиация), либо 2) так и остаются внутри данного узкого профессионального круга (стабилизатор, семасиологизация, компаратор), либо же 3) застывают на половине такого пути, в состоянии неустойчивого равновесия (пропеллер, вибрация). Такие образования типичны для молодых профязыков (нечего искать их в диалектах феодализма). Каждая новая отрасль знания творит их во множестве, а специфическая экзотичность их формы придает резкую окраску этим новым языкам. Овладение именно этой кабинетно-книжной частью некоторых избранных профязыков служит в буржуазном обществе своеобразным патентом на интеллигентность.

Есть такой слой и в летном языке. В его судьбе примечательна быстрота, с какой многие из его лексем, едва возникнув в данном кругу, были подхвачены языком общим и даже «затерты» им до необходимости срочной заменой иными (аэроплан — самолет, авиатор — летчик). Многое, напротив, так и осталось жить только в авиаязыке, сохраняя лишь потенцию перехода в язык общий (думается, в ближайшие годы из профлексемы в общее слово превратится, например, «автожир»).

Конечно, этот словарный тип свойственен прежде всего языку высококвалифицированных кабинетных авиaproфессионалов, а не летчиков-практиков. Рядом с ним, разумеется, широко распространены и заимствования из современных летных языков других наций (часто перекрестные). При этом стоит отметить, что часто слово, у себя на родине являющееся не профессионализмом, а общим словом, только *используемым* авиаязыком но в общем значении, приобретает совершенно иную окраску, характер «ученого» и непонятного термина, раз попав в узкую языковую среду (сравни семантику «пикэ» или «шасси» в русском языке, со значением и окраской французских *piquer* и *châssis*.)

Вторым типом образования профтермина является семантическое переосмысление слова внутри данного языка, протекающее в своеобразном «функционально-семантическом» плане. Так, с первым полетом явилась необходимость выделить и означить ряд тонких деталей в самой ответственной его части — спуске. В полете других существ, видимом со стороны — спуск, как ни сложны его этапы, легко укладывался в одно слово-понятие. Спуск вороны или орла всегда «только спуск».

«Спуск» как профессиональный акт человека, уже не спуск, а посадка; он требует языковой фиксации несравненно более мелкого членения картины. Так, наиболее важный для летчика момент соприкосновения с землей, тотчас же получил отдельное обозначение. Уже Фербер привлек для него из морского профязыка термин: *atterrissage* — причаливание, совершенно невозможный в быту в применении к птице.* Русский язык пытался сначала обойтись варваризмом: в 1910—1917 гг. «атериссаж» встречается рядом с русскими синонимами. Но мало по малу его вытесняет точный кальк — «приземление», а весь осложнившийся и профессионально изученный процесс спуска распадается на ряд названных словами этапов: планирование, снижение, подкальзывание, заход на посадку, выравнивание, потеря скорости, приземление, контакт с землей, посадка на две, три, одну точки, пробег и т. д.

Иначе говоря, русский летный язык частью обратился в таких случаях к метафоре, частью произвел новые слова по законам своей морфологии, от общих корней. Одни из них были кальками французских, другие нарочно отталкивались от западных образцов (таково напр. слово «летчик»).

В плане языковых метафор лежит и история слов «пикировать» и «капотировать». В наши дни первое означает: спускаться по отвесу. Но еще Блерио в 1910 г. пользуется им в смысле почти общефранцузском: «*Me voila soulevé. Je pique droit devant moi, m'élève progressivement de mètre en mètre..*» и т. д. (*Aviat. triomph. 1909, p. 37*). Современный летчик, прочтя эту фразу, сообразил картину отлета Блерио с морского берега и решительно сказал: «Заливает!». Слово так изменило свой смысл, что для слуха русского летчика стало недопустимым в старом значении в устах специалиста. Сторонний же человек, переводчик записок, не знающий летного языка, совершенно верно передал содержание отрывка: «я взлетаю, *устремляюсь* прямо перед собой» и т. д. Однако, если бы он также перевел это слово в каких либо военных мемуарах 1914—1918 гг., он впал бы уже в грубую ошибку (хотя кое-где во франц. летном общеязыковом значении слова «*piquer*» и сохранилось). В русский летный язык это слово попало уже не в общефранцузском («устремляться»), а в летнофранцузском («падать с высоты камнем») значении.

Слово «капотировать» уже во французском летном имеет довольно сложную историю. Покрышка авиа- и авто-мотора носит название «капот» =

* Любопытно, что этот же термин, как оказывается, вполне уместен по адресу той же вороны, если она, в теоретической работе, рассматривается, как «аэродинамическая схема», см. работы Муйяра и др.

покрышка, равно как и откидной верх экипажа, шинель солдата-зуава (их «покрышки»), дамское платье и т. д. Современный русский летчик, имея дело с самолетами, в определенных условиях допускающими опрокидывание через закрытый этим «капотом» мотор на носу, составил себе понятное, но ложное, представление, что термин «капот» — опрокидывание, есть производное от «капот» — крышка мотора. Но в морском французском *sarotter* означало «опрокинуться» (о судне) задолго до авиации. Да и в авиации оно употреблялось и было заимствовано ею, когда моторы были расположены чаще в кормовой, чем в носовой части, и самих капотов — покрышек на них еще не было. Значит, связи между этими терминами не так прямы, как кажется. Слово это до пересадки в Россию пережило на родине сложный процесс многократной метафоризации. У нас, как непонятный термин, оно было сначала этимологизовано по знакомому еще автомобилисту капоту — покрышке, а затем, не без участия иронизирующего над «орлами-офицерами» «нижнего чина» моториста, заменено несравненно более демократичным, экспрессивным и понятным «зарыть картошку».

Займствуя лексику других языков, летный круг, естественно, раньше чем к общим языкам (родному и иностранным) обращается к их профессиональным диалектам. Наш материал позволяет утверждать, что источники такого заимствования довольно разнородны; наличие некоторой «соизмеримости» в самих профессиях, общности техники, конечно, необходимо (есть исключения — так термин главного рычага управления самолетом во французском летном заимствован из арго художников: *manche à balai*, кисть).

В этом смысле особенно тесно, казалось бы, могло быть общение между языками воздухо- и мореплавания. Ведь еще Фербер отмечал аналогию (правда, чисто технического, вернее даже теоретико-физического порядка) между самолетом и парусным судном, и указывал, что: «aussi plus tard les aviateurs useront des mots nautiques: donner à la borde, atterrir, prendre l'air» и т. д. (C. Ferber. *L'aviation*. P.-N., p. 54).

Однако лингвист поймет, что, поскольку речь идет об авиации, это сходство доступно лишь теоретику и весьма ненаглядно; аналогию в вещах обеих областей заметить «простым глазом» нельзя. А только она может поддержать языковое заимствование массового порядка. Насколько легко такому сопоставлению с морским судном поддается «плавающий» в воздухе дирижабль, настолько трудно применить его к самолету, ассоциирующемуся прежде всего с воздушным экипажем, авто и т. п. Противоположный технический принцип (не всплывание, а полет), заложенный в основу авиации, сказывается слишком резко. Аналогия видная физика — незаметна профану.

Общий же вид самолета ведет скорее к сухопутным, нежели к морским ассоциациям (непреодолимое всего, быть может, было вначале — наличие колес).

И впрямь — наш материал показывает, что технология сухопутного самолета почти свободна от «маринизмов». Из наличных одни (типа: руль) так плотно вошли в общий язык, что нельзя их считать «морскими» словами; другие (типа «киль») с момента проникновения в летный язык ведут напряженную борьбу за существование со специальными синонимами. Совсем другое обнаруживается, как только мы от самолета в его «статике» обратимся к процессу и искусству самолетовождения. Здесь, в воздушной «динамике», машина почти целиком утрачивает сходство с экипажем и уподобляется судну. Вот почему «аэронавигация», «аэролоция», «пеленгация» и ряд других терминов ученого самолетовождения заимствованы прямо из морского обихода. Вот почему и сам самолет, когда он идет в строю, в «кильватер» (!) в составе «эскадрильи» под управлением вновь воскресшего для новой функции в языке «пилота» (в свое время он уступил место «летчику»), получает законное право быть сравненным с судном. Все перечисленные термины перешли сюда прямо из морского профессионального языка, отчасти только по сходству операций, а отчасти и прямо с обслуживающим персоналом (начало аэронавигации — в полетах гидромашин над безориентирными даже на коротком пути морскими пространствами. Первыми аэронавигаторами были моряки).

Исключению морских терминов из обихода сухопутного летчика помогло то, что летчики из моряков, сначала работавшие тоже на земных машинах, возвратились на море, как только создалась гидроавиация, т. е. к 1914 г. Зато можно думать, что в этой последней «маринизмы» должны были еще сильнее распространиться. То немногое, что нам известно по языку гидролетчиков (он должен быть еще обследован специально), позволяет утверждать это. Самая технология морского самолета пестрит этими заимствованиями. Рядом с прямым вливанием морских терминов для понятий, тождественных морским (части лодки-самолета в их «мореходном» назначении: стрингера, бимсы, клюзы, фор- и ахтер-штевни и пр.), при внимательном изучении дела мы встретим и профессиональные термины, взятые для означения сходных явлений аэродинамики аппарата. Оставляя вопрос другим исследователям, заметим любопытный факт: раз дело коснулось моря и морских отношений французский язык, гегемон в авиации сухопутной, в гидроавиации покорно уступает английским и голландским воздействиям, знакомым нам еще с петровских времен.

Все, что сказано о гидроавиации, можно предречь и для языка аэростатики, ожидающего исследователя лингвиста. Дирижабль, взвешенный в воздухе тем же законом Архимеда, что и судно в воде, с огромным корпусом, сложным оборудованием, широким радиусом действия, маневрами причаливания и отправки, близко напоминает последнее. Понятно, что мореходные и судостроительные термины и арготизмы широко используются в воздухоплавании (в этом убеждает уже беглый просмотр любого курса дирижаблестроения).

Таким образом, для ряда отраслей летного дела предсказание Фербера оправдалось. Но об авиации вообще этого сказать нельзя.

Мы рассмотрели явления, позволяющие летному языку широко пользоваться языковой метафорой. Они облегчают заимствование из смежных профязыков. Но наряду с такой метафорой («функциональной») он же использует и метафору поэтическую. Между тем последняя всегда может быть расценена, как языковая игра на некоторой субъективной — мы говорим о коллективном субъекте — эмоциональности слова. Вот примеры таких образований:

As — летчик победитель, чемпион воздушных боев.

Zipc — самолет данного летчика, «моя машина».

Соусои — наш самолет, в отличие от вражеского, именуемого по системе.

Le hibou — или chauve-souris — ночной бомбардировщик.

Sorgier — метеоролог службы погоды, для французского летного языка.

Колдун — метеоролог; матерчатый флюгер — для русского.

Табуретка, этажерка — первобытный биплан.

Гроб — обветшавший опасный самолет || авария || свадьба летчика.

Гвоздь, морковка — спуск близкий к отвесу («спике»).

Чихает — дает перебои.

Бог — инструктор на языке ученика.

Жильцы — случайно попавшие во внутрь мотора предметы.

Рассматривая варваризмы, мы уверенно говорили о их книжном, гелертерском происхождении. О второй группе терминов (языковая метафора) мы думали, как о возникшей там и здесь, где то между аэродромом и лабораторией, среди техников-практиков и конструкторов-летчиков (вроде Фармана, Райта, Сикорского). Третью, только что показанную группу следует считать возникающей по соответствующему «заказу» профбыта в самом ангаре, на старте и в воздухе.

Эта группа более других представляет собственно «летное арго» и носит на себе наиболее ясный отпечаток психо-идеологии летчика. И верно, молодежь, а молодость посейчас — важный профпризнак летчика, ибо как мы видели, его дело связано со сравнительно быстрой амортизацией человека и жестоким отсевом «вылетававшихся», — молодежь, внося в свое нелегкое, но увлекательное занятие максимум жизненного напора, бодрости, или наоборот, беспашабашности и демонического байронизма (смотря по тому — что это за молодежь) запечатлевает эти свойства свои в эмоционально окрашенном, летном арго.

Летчик гвардеец и летчик комсомолец, в разные моменты развития этого языка, отложили в нем различные, им присущие черты. Эмоционально-напряженная поэтическая метафора благодарнее с этой точки зрения, нежели строгий термин. «Жизнь — копейка» — явно было девизом авиации первых дней, времени отчаянных рекордов, совершенно новых, неслыханной силы переживаний, спортивного ухарства. Этот же девиз значился на знамени летчиков войны, эпохи «кг'асивой сме'г'ти [М. Кольцов], когда, по словам Дешелетт, асы были «des chérubins de la Grande Guerre, tous jeunes et beaux et entourés d'une admiration attendrie par le public, surtout par le public féminin» (G. Déchelette. L'argot des poilus, p. 24), а с точки зрения де-Шавань, историографа знаменитой истребительной группы «Аистов», наибольший вред приносили им «порнографические журнальчики, всячески делавшие им нездоровую рекламу».

Кое-какие пережиточные следы этого умонастроения дожили в нашем летном языке в тоне и типе его метафоры и до нашего времени. «Подломать свои запасные части» (франц. — *bigorner ses bégonias*) в значении — пораниться при аварии; пол-гроба, гроб; и ряд непристойных арготизмов русского языка суть живые тому свидетели.

Рядом с этим другой тип метафоры крайне конкретной, вникающей в мелочи, несущей совершенно иной ассортимент образов и сравнений, знаменует приход в авиацию совсем иных классовых групп.

Социальное прошлое таких метафор, как зарыть картошку, сыпаться морковкой, получить жильца в мотор — конечно резко отличается от таких, как «ласкать маргаритку» (сравни русское современное «сесть в притирку»), «сделать лейтенанта» (русское — сделать козла) и т. п.

Представляется вполне вероятным, что в будущем окажется возможным совершенно точно выяснить, какой именно социальный слой был созда-

телем каждого данного летного термина. Пока что на одном примере покажем лишь принципиальную возможность этого:

«Воробей» в Ленинграде значит — «удобообтекаемая скрепка сигарообразной (говоря грубо) формы». Не сразу уясняешь себе путь метафоризирующей мысли, и слово кажется взятым из общего языка; но, вспомнив, что в С.-З. области «воробьем» кое-где зовется веретенообразная палочка в детской игре того же имени, мы будем в праве заключить о северно-крестьянском происхождении термина. Действительно: в Москве тот же предмет носит название «чижик», а «чижик» в средней полосе Союза снова означает ту же игрушку. На аэродромах Украины знают «горобець», что, вероятно, вновь соответствует игровому термину. Догадка становится уверенностью.*

Ряд русских слов, вошедших в летный язык, так сказать арготизован в нем чисто морфологически. Это — слова, произведенные от литературных основ применением тех или иных аффиксов и получившие новое значение в силу необычайности сочетания данных основ с данными морфемами.

Так, из обще-русских слов: «боковой, бомба, возить, висеть» — образованы «летные»: боковик, бомбить (разбомбить, бомбежка), вываживать, заваживание, зависание, зависнуть и т. д. Из «русских» летать, петля, штопор, — «летчицкие»: налетать (сов. вид); подлетнуть, облетывать, вылетаться, залетные деньги, петлист, штопорнуть, штопорить и пр.

Этот тип арготизма представляется довольно редким в так называемых «тайных языках». Наоборот, вероятно, что как раз он наиболее характерен для низших и средних слоев профтехнических арго; т. е. для тех слоев, которые образуются в полубытовом говорении и лишь мало по-малу всплывают вверх до страниц спецпрессы, получая официально-академическую санкцию.

* Перечисленными рубриками не исчерпаны возможности летного словотворчества. Волна заимствований из различных арго (в первую очередь арго деклассированных), захлестнувших одно время даже литературный язык, докатилась и сюда. Связанные преемственностью традиций со спортом, велодромом, автотреком, а молодостью состава и со школьной скамьей, летчики позаимствовали оттуда такие лексемы, как «к а п о т» (автом.), «в о с ь м е р к у» (велос.), «к и с н у т ь, д о х н у т ь» (авт., возможно морское), «ш п а р г а л к а, о п у е т ь, б а м б у к, н а я т ь» (шк. и воен. шк.), «к л а с с, т о н к а я р е з к а» (спорт), «и г р а, м о т о р б ь е т, л ю ф т, м о р д о ч к а, ю з и т ь» — (из профязыков механиков разных специальностей) и т. п. (историю двух-трех заимствований можно проследить вплоть до языка маркеров: таковы «мондраже», «тонкая резка»).

Таким образом, намечаются важные полярные тенденции: арготизма — стать научным термином, и варваристического или просто книжного термина — стать арготизмом. Для последнего случая характерно гнездо русских дериватов от «спике», не допущенных в академическую терминологию: «пикирнуть, пикнуть» и др.*

Обширная категория слов получает специальное, отличное от общего языка значение, переходя в летный лишь в форме определенных окостенелых сращений. Вне их они и в устах летчика остаются общерусскими словами. Таковы постоянные сочетания: сесть на три точки, итти на двух точках, без угла, с углом и мн. др. Слово «точка», в отдельности взятое, не арготизм. Оно и в устах летчика имеет общее значение. Но сочетание «на три точки» означает уже только «коснувшись земли одновременно обоими колесами и хвостовым костылем»; «на двух точках» — «лежа на воде углом редана и хвостом». И там и здесь лексические элементы обретают новый смысл, отсутствующий в них порознь взятых, но возникающий между ними, как вольтова дуга. Именно он — арготичен.

Итак вот две противоположные лексико-семантические тенденции летного языка. Во первых, он стремится к возможно более точному, необходимому и достаточному для означения новой профреалии, и вместе к наиболее нейтральному с эмоциональной стороны слову — термину. Эту тенденцию до сих пор почти целиком осуществляла верхушка данной профессии, и слова производились без особой оглядки на широкопонятность их состава.

Во вторых, с полярно-иным назначением, он создает те категории своих слов, главнейшим свойством которых, наоборот, является их эмоциональная выразительность, их экспрессия. В их функции не входит — быть единственным и точным термином. В большинстве они дублетны с такими терминами или со словами общего языка. Но зато при накладывании друг на друга примерно-подобных слов и выражений, вроде: 1) «движок сдох (скис)» и «мотор стал»; 2) «дать здоровенную ножку вправо» и «сильно нажать правую педаль»; 3) «штопорнуть в при-тирку» и «совершить вертикальный вращающийся спуск так, чтобы последний виток его закончился прямо посад-

* «Штопорнуть» мы и сейчас встречаем в серьезной прессе только в кавычках. «Бомбить» же, «передрать», «козлить», «зависнуть» давно свободны от этого пуристического фигового листка.

кой на землю»; 4) «послать письмо к матери» и «выругать ученика по переговорной трубе», при их, так сказать, процеживании друг сквозь друга, в остаток выходит эмоциональная экспрессивность первых.

Работа над старой авиалитературой позволяет восстановить процесс образования некоторых таких метафор.

Этот процесс, не будучи чем либо неожиданным для языка, представляет тем не менее некоторое своеобразие и интерес. Весьма условно я бы определил его, как работу постепенного «упаковывания синтагмы», нагнетания в слово все большего смыслового и экспрессивного заряда. Эта задача разрешается чаще всего путем, удобно-вскрываемым на следующих примерах.

Ранние работы по практике полета (1910—1913 гг.) действие горизонтального поворота машины обозначают: «нажм ногою на педаль руля направления для поворота вправо (или влево)».

Это выражение суховато, холодновато, длинно и «вяло». В книжной речи оно имело бы шансы существовать. Но для живой передачи из уст в уста во время какого-нибудь, длящегося долю секунды, боевого разворота на высоте сотен или тысяч метров, оно неприемлемо — пространно. Означаемое им действие — лишь одна из деталей целого комплекса одновременно или в секундной последовательности происходящих реакций пилота «на самолет». И вот оно начинает «свертываться», «сгущаться» в соответствии с концентрацией времени, как его переживает летчик.*

В этом «терминоиде» намечаются два ядра: «нога» и «педаль». Очень скоро (1914—1915 гг.) мы встречаем сокращенное выражение: «налега я правой ногой» или «педалируя вправо». Тот же смысл дан здесь уже в более экономной форме. Ясная для летчика тавтология (ножной рычаг, педаль, всегда — именно, рычаг руля поворотов и ничего больше) уничтожена.

Однако и в таком виде оно все еще слишком объемисто. Кроме того создается дублет «педаль» — «ножной рычаг», не имеющий языкового оправдания. И через два-три года педаль исчезает из активного словаря летчика-практика. В сочетании же «ножной рычаг» постепенно начинает выпячиваться его первый член. Мало по малу он как бы поглощает в себя все содержание второго, а потом и его самого. Это не удивительно: для

* Ср. у А. Сергеева. «Бой. Откуда заходит противник, каким маневром ударит. Как пулеметы. Противник пикнул и скрылся. Не под хвостом ли. Вираз налево, круче, круче. И — либо один из них живой факел в небе, либо падает листом, либо камнем идет в землю». Сравни также ниже слова Дюваля и материалы сухой инструкции, написанной русским «асом» шт. кап. Крутенем, по списку № 79.

летчика, поскольку он летчик и летит, аппарат и его части ощущаются как гипертрофированные органы его собственного тела (ср.: «мое крыло», «вымой мне мой хвост», «Лелькин хвост на посадке вечно задран»). Для летчика этот рычаг неотделим от его ноги; он — продолжение его ноги, его нога сама. Ведь единственная функция ног (ног летчика!) это — поворачивание машины по горизонту, а она вполне тождественна с функцией данного рычага. Поэтому абсолютно естественна постепенная замена сочетания «надавить ногою рычаг», выражением «дать ногу». Нога летчика в силу этого обретает курьезную для профана универсальность. У одного и того же человека она попеременно может быть и «большой», и «маленькой», и «вялой», и «здоровенной», и «сумасшедшей», и просто отсутствовать («он прошел мимо меня на сумасшедшей ноге», «даю здоровенную ножку — ни черта!»). Но «действие на рычаг руля» есть всегда действие самого руля, т. е. практически — поворот. Значит «нога» есть не что иное как «поворот самолета по горизонту».

Понятно поэтому, что для непосвященного употребление летчиком арготизма «нога», этой лексемы — формулы, внутри которой запаковано так много, выглядит довольно причудливо. Уже в текстах 1917—1918 гг. (а в живой речи и теперь — тем более) пестрят неожиданные замечания, вроде: «Болван — вечно у него ноги не хватает», «ученик на глубоком вираже обычно путает руку с ногой», «сел я в общем благополучно, но без ноги, почему и слетела камера с правого колеса».

Совершенно так же в современной авиашколе оклик инструктора «Нога!» вполне замещает объемистое словосочетание, приведенное выше в качестве исходного.

Близкую, но не вполне параллельную эволюцию пережило и обозначение вертикального рычага, передвигаемого рукой (правой) летчика. Из «рукоятки управления рулем глубины и кренами» он постепенно стал простой «ручкой». Однако при этом нужно иметь в виду следующее:

Ручка современного самолета — основное орудие управления им, с двойственной функцией. Перемещение ее вперед и назад меняет направление полета вниз и вверх. Движение вправо — влево парализует случайный и вызывает преднамеренный левый и правый крены машины. Кроме того, в то время как функции обеих ног летчика совпадают, на ручку чаще всего воздействует только одна (обычно правая) рука. Левая занята другими и разнообразными действиями.

Что следует из этого? 1) Нельзя ожидать, чтобы этот рычаг был подобно «ноге» поименован «рукой». «Ручка» не «рука» и даже не дериват от «руки летчика», ибо тогда сектор газа, высотный газ, контакт и другие рычажки были бы означены тоже как «руки», а это практически неудобно. Если «ножка» ощущается как уменьшительное от «нога» (человеческая), то «ручка» есть ручка не человека, но аппарата (в смысле — дверная ручка и т. п.). 2) Расширение значения как в случае «ноги» (нога — поворот) тоже немислимо. При нем создало бы неудобство и неразбериха значений из-за указанной двойственности функции рычага. «Рука» могла бы сразу означать и подъем — спуск и крен вправо — влево, а это привело бы к двусмысленности. Однако, 3) — то, что ручка — важнейший орган машины, открыло ей путь к метафоризации еще более широкой, лишь иначе направленной. «Ручка» для летчика не есть ни крен, ни поворот в частности, она как бы выше всего этого. Она, в современном летном языке, имеет универсальное значение: самолет — летчик — летная практика — вся авиация в целом.

«Волшебная ручка, знаменитая ручка, пресловутая ручка, вожденная ручка» — так говорят о ней даже сухие учебники практики полетов.

«Самое главное и интересное — это рулевой рычаг или по просту «ручка», всемогущая ручка, с помощью которой летчик держит самолет в своих руках — даже лишь в одной руке...» (Вейгелин, Зан. ав., стр. 122). «Вот летает, подлед! Это я вам скажу — «ручка»! «А, старый военный летчик! Подлетнуть захотел? По „ручке“ соскучился?»

Ручке посвящен ряд летных поговорок: «Не выжимай ручки — она сухая», «Осталась от него ручка, да дерьма кучка» (о смертельной катастрофе). «Хоть за ручку подержаться», т. е. — поуправлять машиной, подлетнуть. Будь в авиации свой «профпоэт» — ручка была бы главным предметом его вдохновений.

Остается показать только, как и «нога» и «ручка», вместе с другими летными арготизмами легко, проскальзывая из профязыка в бытовую речь летчиков, испытывая при этом процесс вторичной метафоризации, то поэтической, то языковой. Летчик, желавший точно сформулировать свое пренебрежение к шитой белыми нитками инсценировке процесса Димитрова, выразился так: «Осел Геринг! — (Геринг — летчик, что, возможно, и стимулировало метафору) — что за шляпа? Ну, не вышло — перемени курс. А он зажал ручку, как маленький и никаких!» Допускаю, что говоривший осознавал свой трюк, как таковой, и строил речь, как нарочито мета-

форизованную. Но другой летчик, повествуя о неприятной, счастливо избегнутой встрече, волнуясь, говорит так: «Понимаешь, — вижу: она! Ну, я — здоровенную ногу вправо, и в Пиццетрест! Не заметила». Сорвавшийся с языка троп этот был совершенно произвольным, и здесь «нога» — самое простое, легче всего вспоминаемое бытовое слово: поворот.

Это и неудивительно. Пресс профессиональных навыков столь силен, что многое от них вдавливается, повидимому, не только в сознание, но и в подсознание. Не так давно мне пришлось наблюдать одного из летчиков, правившего горячей и упрямой лошадыю. Желая заставить ее повернуть вправо, он не только и не столько дергал правую вожжу, сколько изо всей силы «давал правую ногу», нажимая ею на подножку дрозжек, пока не сломал ее. Как крестьянин он отлично правил лошадыю движением руки, но, как летчик, поворот вправо он неодолимо связывал с «дачей ноги». И летчик пересилил.

Таким образом, слова вроде — висеть, зависать, вытягивать, насиловать (мотор); выражения типа: нос на меня полез, щупать землю, строга я машина, я в спух — посылно соответствуют остроте и напряженности профощущений, темпам воздушного маневра, относительно которого известный ас Дюваль говорит: «Делайте перевороты через крыло, штопора, пике и другие кульбюты, по отношению к противнику, делающему то же самое; точно рассчитывайте расстояние, откуда вы вышли, амплитуду вольта, точку, где он закончится; занимайте позицию для стрельбы, имея пулемет уже направленным на цель, и все это — в четверть секунды. Только тогда вы будете иметь успех». А. Р. де-Шавань добавляет к этому: «Бой между двумя ловкими противниками объясняет все летное искусство: это ослепительная джигитовка, головокружительная карусель».

Напряженность боевой, да и будничной, обстановки летчика влечет неудовлетворенность его обычными словарными средствами для коммуникации по поводу ее перипетий. Язык ищет достойного эквивалента. Наиболее экспрессивных форм ищет он также и для выражения необычайно тесной сращенности летчика с его делом, обстановкой и реквизитом. Летчик любит его так, как любят далеко не все современные профессионалы и как будут любить свой труд, вероятно, все профессии нашего советского будущего.

Вспомним при этом, что каждый новый профессионализм не застывает в языке в неподвижности, но начинает двигаться под влиянием социальных и профессиональных сил. Напр., французский термин «raseur de la terre» — летчик «бреющий землю» создан с пейоративным значением «труса».

В младенчестве авиации, с ее тихоходными, легкими, боящимися ветра машинами и неопытными летчиками держаться у земли казалось менее опасным. В наши дни огромных тяжелых скоростных самолетов опасен не воздух, а близость к земле. Термин «брить землю» остался, но оценочный привкус его изменился на полярный. «Бреющий полет» теперь один из признаков высшей квалификации летчика.

С другой стороны, многие профессионализмы, созданные, как единственные термины большого охвата, мало по малу так сказать «съежились» в своем значении и поделили остаток его с другими. Так, одно время спорили между собою термины «вираж» и «разворот». Постепенно каждый из них специализировался на своем частном значении. Вираж значит теперь «полет по дуге круга», а простое значение «поворота» перешло к «развороту».

Слова «летчик», «пилот», «летун» — первоначально абсолютно синонимичные, так же разошлись по значениям. Общее значение сохранило первое из них; слово «летун» приобрело оттенок похвалы; слово «пилот» стало наименованием того лица из экипажа многоместного самолета, которое непосредственно сидит «за ручкою», а не всех других находящихся на борту летчиков. В то время как книжный термин «пилотировать» машину сохранил прямое свое значение — «управлять», арготизм «пилотажить» вырос в термин, имеющий специфический смысл «управлять машиной в фигурном полете», так сказать джигитовать. Отсюда и прилагательное «пилотажный» — «приспособленный к такой джигитовке», а потому и — далее — «особо прочный» (пилотажная высота, pilotsкая машина). И, понятно, наблюдение над сложными траекториями этих слов и их смысла внутри профязыка не может не дать ценных выводов, применимых и к жизни обычного слова в языке общем.

Работа над словарем и языком летчика только-что начата. Она никак не может быть названа легкой. Достаточно сказать, что даже для ее проведения в данном скромном масштабе автору пришлось на 4 года с головой окунуться в летный мир, поступить на службу в авиационное учреждение, наконец, пройти элементы практического обучения полету на планере, не говоря уже о постоянном поддегивании в качестве пассажира. И все же, собранный хотя и не малый материал, своими лакунами и неточностями вопиет о продолжении этой работы, прежде всего, о дальнейшем сборе сырья. Этот сбор осуществим тремя способами: — изучением литературы, ловлей на слух, сбором анкетных материалов. Первые два использованы мною; последний надлежит испытать. Несомненно наиболее ценные результаты, как то понятно каждому диалектологу, дал мне пока второй. Не могу не выразить здесь своей глубокой благодарности зав. Лен. аэромузеем Я. Л. Зархи, а также тем летчикам, мотористам и другим работникам Лен. аэроклуба, которые дали мне возможность в живом общении с ними, на старте, в быту и в воздухе многократно проверить сделанные записи. Вместе с тем, тем более признателен я Б. А. Ларину, внутри языковедной группы которого возник замысел этой работы,

выполненной и законченной только благодаря его постоянной помощи, советам и указаниям. Я считаю эту работу как бы одной из составных частей давно запроектированного этой группой сборника, посвященного профтехническим диалектам.

Нет, повторяю, никакого сомнения в том, что все высказанное в этой статье есть только первые вехи для дальнейшей работы и следующих работников. Но позволяю себе думать все же, что вехами этими обозначен один из правильных, в общем, путей изучения профдиалекта эпохи разложения капитализма и переходного периода.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Известно, что крупный теоретик и практик первых лет авиации, кап. Фербер, в своих работах [«Шаг за шагом...» и «От холма к холму...»], еще до первых полетов братьев Райт, предрекал победу над воздухом в первое десятилетие XX в., основываясь на прогрессии, в какой в его дни возрастала мощность авто-цикло-мотора, падающая на единицу веса его. Литература по так наз. «Героической эпохе» авиации обильна, но не солидна. На 90% это очерк и фельетон. Марксистских трудов по истории авиации почти не существует. (Упомяну лишь сборник № 111 нашего перечня, также крайне бедный и несистематический в части «общей» истории ранних лет). Интересные, но случайные данные рассыпаны по изданиям №№ 14, 77, 89, так же, как и по всей периодике тех лет.

2. Вспомним в этой связи «пророчества» серьезнейшего Фербера, считавшего, что оружием воздушных бойцов будущего окажутся багры, крючья и пашки, а самый бой выльется в нечто среднее между кавалерийским поединком и абордажной схваткой на море. Даже он не считал возможными воздушные скорости, близкие к 100 км/ч. К слову сказать, это общее представление нашло себе своеобразное, но верное отображение в международной юмористике 1908—1913 гг.

3. Любопытна попытка художественного воскрешения быта французских летных школ и русской части их ученичества, предпринятая В. Саяновым в журнале «Литературный современник» [роман «Земля и небо», см. №№ 7 и послед. журнала за 1935 г.]. К сожалению, в основном это, повидимому, лишь писательская переработка того же известного печатного материала, не опирающаяся на автобиографические данные автора.

4. Фербер указывал на аналогию «крыло — парус», но она ощутима лишь для теоретика-механика. Во внешности обоих предметов неискушенный глаз, конечно, откажется находить что либо общее, кроме того, что схвачено широко-известным образом «парус — крыло» и что вряд ли способно повлечь обратный метафорический ход (мы говорим о моментах полета).

5. Среди первых авиаконструкторов и пилотов встречаем, например: Блерио — инженер, Райты — кустари механики, Фарманы — художники, Делягранж — скульптор, Сантос-Дюмон — спортсмен, богатый плантатор, Жюльо — инженер в сахарной промышленности, Цепелин — кавалерист гвардеец, Ефимов и Уточкин — профессионалы велогонщики, Заикин — борец, Коди — циркач, Полан и Леблан — рабочие механики, Каменский — поэт футурист, Кузминский — крупный бюрократ, Сикорский — студент политехник, сын врача, Пороховщиков — ученик реального училища, Латам — светский охотник на экзотическую дичь, граф Де-Ля-Во и баронесса Делярош представители аристократии, Лебоди, Арчдеакон, Дейч де ля Мерт — промышленные тузы, Галанщикова — шантанная певица, Гросс и Парсефаль — кадровые офицеры. Впрочем эти последние, как и множество других представителей армий и флотов, стоят уже несколько особняком.

6. Авиация в те годы была сенсацией и модой, занимавшей центр общественного внимания. С. Трубецкой удивлялся, повсюду видя новый тип людей «не то русских, похожих на американцев, не то американцев, похожих на русских... пол у а в и а т о р о в каких-то». [журн. «Новое слово», 1912 г.]. Писательница Теффи острила на тему о модных материях, будто бы носивших такие названия; «аэроплан в полосочку», «пропеллер с начесом», «вуазен в клетку» или «фарман с мелкими дырочками» [Теффи. Человекообразные, изд. Шиповник]

СПб., стр. 113]. Это не было большим преувеличением: в коллекции автора или в Отделе эстампов Публичной библиотеки легко найти неограниченное количество рекламной продукции (этикет, обложка, плакат), использующей авиацию самым неожиданным образом.

Заметим кстати, что нащупанная в те годы потребность в регламентации авиатерминов творчества ощущается, повидимому, специалистами и по сей день. Так А. Шиуков сочувственно говорит о попытках стандартизации авиатерминов в японских ВВС. О том же свидетельствует статья Вейгелина в журн. Вестник воздушного флота, 1935 г., № 2, стр. 25 и сл. Излишне говорить, что, вопреки ненаучному представлению многих авиаспециалистов, такая работа подучит известный шанс на практические результаты лишь с тех пор, как будет произведен достаточный языковедный анализ стихийно создавшейся и существующей массы летных терминов и диалектизмов. А это требует широкого участия в ней, на ряду с авиаспециалистами, и лингвистов.

7. Весьма любопытна попытка В. Хлебникова (едва ли не спровоцированная тем же Купчинским) создать летную терминологию заранее и «впрок», кабинетным путем. Метод, принятый этим квалифицированным словотворцем, очень прост: наращивание на корень «лет» всевозможных, но всего чаще архаических суффиксов (См. сборн. «Пощечина общественному вкусу»). Очень показательно, что из весьма солидного числа предложенных дериватов не более десятка совпали с теми, которые, независимо от индивидуальных усилий, создал для себя от того же корня живой язык авиации. Наоборот, наиболее, казалось бы, естественные и изящные образования этого последнего (налет, вылетаться, облетать, подлетнуть) у Хлебникова отсутствуют (прислабочных образований он вообще почти не дает). Вместо них изобилуют замысловатые «летобы», «летни», «летавицы» и «лтицы», заранее обреченные на гибель. Лишнее доказательство того, что не художник слова обновляет язык, а производственный коллектив, занятый своей прямой деятельностью.

8. См. №№ 1, 2, 12, 25, 74, 79, 85 и др.

9. См. № 53, 4. М. Кольцов, «Красивая смерть». Философия смертников, гибнущих за обреченное дело, воплотилась, между прочим, в довольно обильном и вполне нецензурном военно-летном фольклоре. В разных формах (слово, рисунок) «старички» донесли его до сравнительно недавнего прошлого. Еще в 20-х годах ходили по «летным рукам» фото-репродукции полу-порнографической и «бакхической» серии рисунков из летного быта, принадлежащих карандашу отличного русского летчика, неплохого рисовальщика. В музеях можно найти коллекции опознавательных фюзеляжных знаков времен мировой войны сплошь и рядом демонически-эротического характера. Редкие рецидивы «авиа-ухарства», с которыми не на жизнь, а на смерть борется советская авиация, так же восходят корнями к этой эпохе и этим группировкам.

10. См. № 80, вводную часть.

11. Как это ни странно, по истории воздушной Гражданской войны буквально нет литературы. Наличные работы либо слишком скромны по объему, либо устарели, либо же наконец, явно ненаучны. Будем надеяться, что в близком к выходу многотомнике истории Гражданской войны действиям ВВС будет отведено достаточное место. Пока приходится базироваться на мемуаристику (тоже не обильной) и на отрывочных статьях специальной периодики.

12. См. № 81. И по сей день воздушная деятельность, особенно бой истребителя, сохранила некоторые черты этого своеобразного «индивидуализма». См. любопытную статью М. Кольцова в «Правде» (ЦО) от 18 VIII 1935 г.

13. Темп развития советской авиации был бурным и в восстановительный период. Однако ничего подобного головокружительному взлету пятилеток она тогда не знала. Соответственно этому степень заинтересованности широчайших слоев населения в авиации выросла за эти годы в небывалой степени, превратилась в приобщенность и практическую связь с ней миллионов. Создался нигде невиданный тип человека двух профессий — днем слесаря, токаря, инженера или колхозника, а вечером — летчика, планериста, парашютиста. В авиацию решительно вошла женщина и девушка. Авиационные кадры стали в основном комсомольскими и партийными. Все это сулит столь резкие дальнейшие изменения в частности и в языке совет-

ского летчика, что судить о них сейчас, а priori, было бы опрометчивым. Хочется отметить только, что последние строки этой главы, законченной почти пять лет назад, правильно указали неизбежность и направление этих изменений.

Перечень источников, использованных при составлении статьи и словаря

Перечень включает в себя наибольшие по объему работы, привлеченные к обследованию. Не представлялось возможным отметить в нем многочисленные мелкие статьи и заметки периодической прессы, а также издания, просмотренные лишь частично или давшие только словарные уникамы. Цифровые индексы словарных статей представляют собою порядковые номера этого перечня. Так, например, цифра «13», стоящая в конце статьи «бочка», означает, что слово это, между прочим (и, по возможности, в наиболее вразумительном контексте), встречается в книге «Занимательная авиация» К. Вейгелина, имеющей в списке этот номер. Цифра «79» при слове «моноплис» указывает на секретное издание 1917 года «Сведения и данные...» и т. п. Цифровые индексы, попадающиеся местами в тексте самой статьи, имеют то же значение.

1. Апощенко, Н. Война в воздухе. Изд. ж. Военн. вестн. М., 1923, 171 стр.
2. Арндт, Г. Воздушная война. Изд. ж. Вестн. возд. фл. М., 1925, 135 стр.
3. Баратов, В. [без иниц.] Красный Воздушный Флот. Изд. ж. Военн. вестн. М., 1923, 128 стр.
4. Беляев, В. [переводч.]. Завоеватели воздуха. СПб., 1910 (?), 160 стр.
5. Берже, А. Воздушный путь. Изд. СПб. Книжн. Эксп. 1910, XIV + 235 + 6 стр.
6. Бобров, Н. Наши летчики и наши самолеты. ГВИЗ, М., 1931, 132 стр.
7. » » На воздушных путях. ОГИЗ. М. Гв. М., 1933, 216 стр.
8. » » Хочу быть летчиком. ОГИЗ. М. Гв., 1934, 160 стр.
9. Бодри де Сонье, Л. Воздухоплавание и авиация. Автор. перев. Киев, 1909, 230 стр.
10. Борейко, Д. Основы авиации. СПб., 1917, 417 + 5 стр.
11. Бузанов, Д. Войсковая авиация. ГВИЗ. М., 1932, 84 стр.
12. Валлентэй, И. Тайны воздушной войны. Изд. ж. Военн. вестн. М., 1924, 111 стр.
13. Вейгелин, К. Занимательная авиация. Изд. П. Время. Л., 1930, 236 стр.
14. » » Завоевание возд. океана. Прил. к ж. «Прир. и люди», СПб., 1911 (?), 166 стр.
15. » » Воздушные сообщения. Изд. Петроград. Л.—М., 1925, 176 стр. + карта.
16. Владимиров, М. Силуэты самолетов. Альб. Изд. ОАХСССР. М., 1930, 172 стр.
17. Воздушный справочник. Ежегодник И. В. А.—К. Пгр., 1916, 104 + 80 стр.
18. Волковойнов, М. На самолете из Москвы в Японию. Авианзд. М., 1926, 82 стр.
19. Гвайта, Е. Воздушный транспорт. Выс. Воен. Ред. Сов. М., 1924, 9 + 80 + 2 карты.
20. » » Мой полет из Лондона в Москву. Авианзд. М., 1926, 46 стр.
21. Гольцман. Гражданская авиация. Сопэкгиз. М.—Л., 1932, 128 стр.
22. Гражданская авиация союза ССР. Изд. Всес. Объед. ГВФ. М., 1931, 94 + 1 карта.
23. Грибов, И. Завоевание воздуха. Изд. И. Добровольнова, Пенза, 1910, 84 стр.
24. Горощенко, Б. Современное самолетостроение. ОГИЗ. М. Гв. М., 1932, 80 стр.
25. Dechelette, E. L'argot des poilus. Dictionnaire. Joue et -ie. P., 1918, 258 p.
26. Дзиган и другие. Современный авиамотор.
27. Жабров, А. Рассказ. «Барограмма», ж. Красн. новь, 1931.
28. » » » «Мешок с костями», ж. Красн. новь, 1929.
29. » » Обучение полету. Учебник.

30. Журнал L'aerophile. 1924. Годовой комплект.
31. » Вестник возд. флота. М., 1922—1925.
32. » » » » 1926
33. » » » » 1928
34. » » » » 1929
35. » » » » 1930
36. » » » » 1931
37. » » » » 1932
38. » » » » 1933
39. » » » » 1934
40. » » » » 1935
41. Журнал Воздухоплаватель. 1908—1916 гг., СПб.—Пгр.
42. » Красные крылья. 1925, № 4, Харьк.
43. » Летун. 1913, № 1, СПб.
44. » Проектор. 1931, № 30, 288 стр., М.
45. » Самолет. 1933. Весь комплект и отд. №№ других годов.
46. Зарзар, В. Современное аэростроительство. Гос. План.-хоз. изд. М., 1930, 46 стр. + 2 карт.
47. » » Гражданская авиация соц. и капит.-ма. Партизд. М., 1932, 104 стр.
48. » » 2-я пятилетка ГВФ. Соцэкгиз. М., 1932, 32 стр.
49. Ильзин, Н. Практика полетов. Изд. ж. Военн. вестн. М., 1924, 288 + 5 стр. + 3 л. табл.
50. Каталог-путеводитель О-ва Degulft. Berlin. М., 96 стр.
51. Ключарев, В. Гражданская авиация СССР. Соцэкгиз. М., 1933, 150 + 2 стр. + 2 л. табл.
52. Кожевников, А. Тактика истребительн. авиации. ГВИЗ. М., 1933, 168 стр. + 1 л.
53. Кольцов, Мих. Хочу летать. Изд. I. ГВИЗ. М., 1931, 139 стр.
54. » » » Изд. II. ГВИЗ. М., 1932, 164 стр.
55. Красинский, Г. Пути севера. Изд. ОАХ. М., 1929, 160 стр.
56. Лапин, Б. Подвиг. Изд. пис. Л., 1933, 104 стр.
57. Лапчинский, А. Красный возд. флот. Изд. Военн. вестн. М., 1928, 48 стр.
58. » » Воздушный бой. ГВИЗ. М., 1934, 288 стр.
59. Лебедев, Н. Очерки гидроавиации.
60. » » Дирижабли. Госавиавтоизд. М.—Л., 1933, 263 стр.
61. Лейтейзен, М. Дирижабль в СССР. Изд. Моск. Рабочий, 1931, 151 стр.
62. Маркс, инж. Авиомотор.
63. Монастырев, С. Воспоминание о боевой работе в воздухе. (Тот же материал — в сб. за № 76.)
64. Орловский, Н. Воздухоплавание без техн. объясн. Изд. автора. СПб., 1910, 123 стр.
65. Ортлиб, майор. Возд. флот в прошлом и будущем. Высп. Военн. Ред. Сов. 1924, 189 стр.
66. Осокин, П. Самолеты. ГВИЗ. 1933, 315 стр.
67. Пестов, С. Теория и техника полета. Ч. I. ГВИЗ. М., 1934, 215 стр.
68. Пуантис, Ж. Слепой полет. ГВИЗ. М., 1934, 128 стр.
69. Родзевич и др. Советский авиомотор. Авиаизд. М.—Л., 1932, 80 стр.
70. Рынин, Н. Ракеты. Изд. авт. Л., 1929, 216 стр.
71. » » Суперавиация. Изд. авт. Л., 1929, 218 стр.
72. Сборник. Большой восточный перелет. ГИХЛ. М.—Л., 1931, 103 стр.
73. » Взлет. Литогр. сборник. N-кой школы летчиков.
74. » Воздушный флот в мировой войне. ОДВФ. Л., 1924; М., 1925, 164 стр.
75. » Воздушный флот. Изд. журн. В. В. Ф. М., 1924, 211 стр.
76. » Deutscher Flug Almanach. 1923, В., 116 стр.
77. » L'aviation triomphante. Delagrave. P., 1909, 301 стр.
78. » На восток и на запад. Изд. ОАХ. М., 1927, 111 стр.
79. Сведения и данные, сообщенные военными летчиками. Вып. 2. Пгр., 1917, 139 стр. (Не подлежало оглашению.)
80. Сергеев, А. 5 лет борьбы и строительства Кр. Возд. Флота. М. Изд. ж. ВВФ, ч. I и II.
81. » » Стратегия и тактика Кр. Возд. Флота. Изд. ж. ВВФ. М., 1925, 228 стр.

82. Соколов, А. и др. Тактика развед. авиации. ГВИЗ. 1933, 212 стр. + 11 включ. табл.
83. Справочник по военно-возд. силам. ГВИЗ. М., 1933, 392 стр. + 1 таблица.
84. » по воздушному флоту. В. В. Ред. Сов. М., 1924, 296 стр. + 8.
85. Стоклицкий и др. Техника и практика планеризма. ГВИЗ. М., 1934, 240 стр.
86. Стобровский, Н. Дирижабли. ГНТИ. М.—Л., 1931, 88 стр.
87. Татарченко, Е. Воздушный флот Брит. имп. ГВИЗ. М., 1933, 288 стр.
88. » » Возд. флоты имп. держав. (Серия выпусков.)
89. Тернер, Ч. Борьба за крылья. ГИЗ. М.—Л., 1929, 265 стр.
90. Толстой, В. и др. Военлеты. Сб. рассказ. Изд. пис. в Лен. 1933, 101 стр.
91. Фарих, Ф. и Даксергоф, И. Над снегами. ОГИЗ. М. Гв. М.—Л., 1932, 112 стр.
92. Филиппов, В. Техника полетов. Изд. ж. ВВФ. М., 1925, 71 стр.
93. Хрипин, В. Возд. флот. М. Гв. М.—Л., 1931, 140 стр.
94. Шиуков, А. Основы авиации. ОНТИ НКТП. М.—Л., 1935, 396 стр.
95. Энциклопедия Советская Военная, т. I (статья об Авиации).
96. Частные письма летно-подъемного состава.
97. Устные записи речи летчиков и лиц близких профессий.
98. Руднев, Е. Практика полета. (1910—1911 г.?).
99. Журнал «30 дней». Очерк Л. Никулина. «О людях воздуха».
100. Борейко, Д. Основы авиации. СПб., 1917, 417 + 5 стр.
101. Сборник «Как мы спасали челюскинцев». Изд. «Правды». М., 1934.
102. Руднев, Е. Памятка летчика. (Место и время изд. неизвестны.)
103. Вестник Воздушного флота. 1921, М.
104. «Балтиец», газета. 4/1 1931, № 1/962.
105. Статья Вейгелина, К. О воздушной терминологии, ж. ВВФ, 1935, № 2, стр. 25.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА РУССКОЙ АВИАЦИИ

- Авиатор, -а, м., устар., То же, что летчик. Если можно махнуть рукой на такие словечки, как «авиатор» вместо общепринятого русского «летчик»... 36.
- Авиоконьяк, -а, м., ирон. Суррогат горючего, времен гражданской войны.
- Авроша, -и, м. и ж., ласк. Прозвище учебного самолета фирмы «АВРО». 97.
- Аврошка, -и, м. и ж. (также Авруша, Аврушка). То же, что и Авроша.
- Авруха, -и, ж., унич. к Авро. Авро некоторые учлеты с теплой лаской, а опытные летчики с пренебрежением, именуют «Аврухами». 28.
- Анюта, -ы, ж., разг., ирон. Название всех самолетов марки АНТ, особенно популярных АНТ-9 и АНТ-14. 97.
- Аппарат, -а, м., устар. То же, что машина (см.). 79, 105.
- Ас, -а, м. Военный летчик высшего разряда, герой воздушных боев и побед. 79, 64
- Атерриссаж, -а, м., устар. То же, что приземление (см.) 41.
- Ахтерштвень, -ня, м. (гидро). Кормовой обвод лодки самолета. 58.
- Бабовоз, -а, м., ирон. Летчик пассажирской линии. 18.
- Балансирный, -ого, -ое. О планере и полете на нем — управляемый без рулей, перемещением частей корпуса пилота. 45.
- Балансировка, -и, ж. Упражнение в сохранении равновесия планера на земле; первый этап обучения планериста. 45.
- Балдеть, -ю, -ешь, несов. Теряться от впечатлений полета. ... Определение, которое очень часто встречается в инструкторском лексиконе: ученик балдеет. 92.
- Балон, -а, устар. Змейковый аэростат. 79.
- Бамбук, как нареч. Дело плохо. 13.
- Бамбуковый, -ая, -ое. Тяжелый, безвыходный. Положение бамбуковое. 13.
- Банк, -а, м., разг. Контакт, рычажок закипания. Хлоп по банку, трах по банку о быстром включении — выключении контакта. 97.
- Барахлить, только 3-е л.: барахлит, -л. Плохо работает (о моторе). 79.
- Барсы, -ов, м., только множ. Прыжки гидросамолета при разбеге по волнам. 97.
- Бачок, -ка, м. Бензиновый или масляный бак. 97.
- Без угла, как нареч. Более отлого, чем это нужно для сохранения скорости машины. 29.
- Бенз, междом. Хлоп, трах, бряк. А тут ему — бенз винтом по ноге. 97.
- Бесхвостка, -и, ж. Самолет без корпуса, летающее крыло. 45.
- Бимоноплан, -а, м., устар. Самолет с двумя рядами плоскостей и фюзеляжем (см.). 98.
- Бимс, -а, м. Поперечное крепление палубы самолета — лодки. 58.
- Бипляс, -а, м., устар. Двухместный самолет. 79.
- Божья коровка, -и, ж. Учебный самолет, на котором начинается обучение. 96.
- Боковик, -а, м. Ветер, не совпадающий с направлением полета. 97.
- Болтать, -ет, -ло, только 3-е лицо, о состоянии воздуха. Воздух не спокоен, трясет, качает во время полета; есть рему (см.). 72, 97.
- Болтанка, -и, ж. Воздушная качка, рему. 72.
- Болтаться, -юсь, -ешься, несов. Летать зря, уклоняясь от боя. 79.
- Болтовня, -и, ж. То же, что болтанка, рему (см.). 72.
- Бомбардировщик, -а, м. Самолет, оборудованный для бомбардирования. 97.
- Бомбист, -а, м., устар. Летчик-бомбометатель. Самолет-бомбардировщик. 79.
- Бомбить, -ил, несов. Бросать бомбы в цель. 47, 64.
- Бомбежка, -и, ж. Метание бомб, бомбардировка с воздуха. 97.
- Бомбовоз, -а, м. Тяжелый бомбардировочный самолет. 73, 64.
- Бомбометка, -и, ж., устар. То же, что бомбежка. 6.
- Бортач, -а, м., фамил. Бортмеханик, наблюдающий за машиной в полете. 97.

- Бортик, -а, м. То же, что бортач. 97.
- Бочка, -и, ж. Одна из фигур высшего пилотажа (см.). Он вертится, как в трубе. Эта фигура называется бочкой. 13.
- Бреющий, -ая, -ее. О полете — совсем низкий, не выше нескольких метров над землей. 72, 54.
- Брить, -ею, -еешь (землю), несов. Производить бреющий (см.) полет. 13.
- Брюхом (лететь), как нареч. С задраннным носом и опущенным хвостом. 29.
- Брюхо, -а, ср. Нижняя сторона самолета, его корпуса. 79, 11.
- Бить, -ет, несов., только 3-е л. О моторе и его деталях. Неравномерно, эксцентрически вращаться, издавая при этом ритмический шум. 97, 11.
- Валиться, -юсь, -ишься, о машине. Иметь тенденцию к постоянному крену. 99.
- Вальсировать, -ую, -уешь, несов. О машине и летчике. Непроизвольно описывать кривые в воздухе; не выдерживать направления. 97.
- Ввод, -а, м. (самолета, машины). Установка в воздухе в исходную для данной эволюции позицию. 38.
- Ведущий, -ая, -ее. Возглавляющий летное соединение, передовой в строю. 6.
- Вертикальный, только муж., о выраже. Совершаемый с максимальным отклонением поперечной оси от горизонтальной плоскости, устар. То же, что мертвая петля. Вертикальный вираж. Фигура 107 изображает классическую мертвую петлю. 100.
- Ветродуи, -я, м., разгов. Метеоролог. 97.
- Взлетный, -ая, -ое. Относящийся к моменту отделения самолета от земли, необходимый и достаточный для взлета. Взлетная полоса, взлетная скорость. 33.
- Взмывать, -ю, -ешь, несов. Резко взлетать вверх под действием встречного или вертикального воздушного потока. 45. См. пухнуть, вспухать.
- Взмыть, -ою, -оешь, сов. к взмывать. 6.
- Вилкой, как нареч. Посредством двуплечего амортизатора. Против. стрелкой (см.). 45.
- Влияние, -я, ср. Отклонение в пути то вправо, то влево. 38.
- Винтомоторная группа. Движущие органы самолета. 97.
- Вираж, -а, м. Полет с креном по дуге круга, устар. То же, что разворот.
- Выражить, -у, -шь, несов. Упражняться в выражах, совершать много выражей под ряд. 28.
- Виселица, -ы, ж. Пирамида — приспособление для съемки мотора. Пирамида для съемки моторов (в обиходе по словам автора) «виселица». 45.
- Висение на потоке; у планера. Продолжительный полет в пределах одного воздушного потока. 45.
- Висеть, -шу, -сишь, несов. Не отдаваясь, следовать за другим самолетом вблизи от него. 74.
- Виток, -ка, м. Полный оборот машины, совершающей штопор (см.). 45.
- Влетанность, -и, ж. Привычка к машине, знакомство с нею. 97.
- Влетаться, -юсь, -ешься, сов. Сродниться с машиной, изучить ее. 97.
- Военлет, -а, м. сокр. — Военный летчик. 90.
- Волян, -а, м., устар., Штурвальное управление, против. ручка, палка. Управление посредством палки, а не волана. 79.
- Волоком (летать), как нареч. Так себе, только посредственно, то же, что утюгом. 28.
- Воробей, -ья, м. Веретенообразная скрепа растяжек, тросов (см. чижик, горобец). 97, 96.
- Ворота, ворот, только мн. Пространство для взлета, между запретными зонами; пространство государственной границы, через которое допускается полет. 6.
- Восьмерка, -и, ж. 1) Полет по замкнутой кривой в виде цифры 8. 2) Деформация обода колеса, в проекции имеющая эту форму. 3) Название многих машин, носящих этот номер в выпуске. 38, 97.
- Воткнуть, -у, -ешь, сов. Поразить, удивить. А здорово ты, Феофан, воткнул американцам в Анкаре. 72. Воткнуть ручку. Двинуть рычаг управления с силой вперед. 97.
- Воткнуться, -усь, -ешься, сов. к втыкаться. 97.
- Виртирку, как нареч. Непосредственно посадкой закончив эволюцию высшего пилотажа. 92, 96, 97.
- Всасываться, -юсь, -ешься, несов. Вовлекаться воздушным потоком. При этом положении ручки, самолет всасывается в шике. 73.
- Вспухать, -ю, -ешь., несов. Быть приподнятым прямо вверх силой воздушного потока. Машина вспухла метров на пять. Пойду над самой землей, над холмиком маленько вспухну — и развернусь. 38, 97.

Вспышка, -и, ж. Клубок дыма, выброшенный из выхлопной трубы. Бросает вспышки — сигнализирует дымками. 79. Процесс и момент воспламенения смеси в цилиндре. Звук взрыва смеси: Слышу неправильные вспышки... 97.

Втыкать, -ю, -ешь, несов. к воткнуть. 97.

Втыкаться, -юсь, -ешься, несов. Приближаться к земле при посадке под опасно большим углом, слишком круто. 33.

Вузя, -и, м., ласк. Прозвище самолета сист. Вуазен (1916—1923 гг.). 97.

В хвосте, как нар. Позади другой машины, в ее «кильватере». 33.

Выбирать, -ю, -ешь, несов. Постепенно переводить из более напряженного положения в менее напряженное, нейтральное. Ученик будет выбирать самолет из угла. 29. Я уже выбрал ручку до нейтрального. 97, 99.

Выбор, -а, м. Сущ. к выбирать. Выбор из крена. 38.

Выбрать, -беру, -берешь, сов. к выбирать. 92, 28.

Выбрить, -ею, -еешь, сов. Пролететь над данным пунктом совсем низко. Наши забросали аэродром бомбами и поочередно выбрали его, бравируя безнаказанностью. 97.

Вываживать, -ю, -ешь, несов. многокр. Обучать полету, возя в качестве пассажира. 92.

Вывести, -ду, -дешь, сов. Заставить машину перейти от исполнения фигуры к горизонтальному полету или пику. 97.

Вывод, -а, м., сущ. к вывести. Вы преждевременно сбавляете газ при выводе из виража. 38.

Вывозить, -жу, -зишь, несов. к вываживать. 97.

Вывозка, -и, ж., сущ. к вываживать. 36.

Вывозник, -а, м. Ученик, подвергающийся вывозке (см.). 28.

Вывозной, -ая, -ое, прил. к вывозить, вывозка. Перенос на это время части полетов (например, вывозных) целесообразен. 36, 28.

Выдержать, -у, -ишь, сов. к выдерживать. 97, 28.

Выдерживать, -ю, -ешь, несов. Заставлять стремящийся перейти в иной режим (см.) полета самолет сохранять данный. 97.

Выдерживание, -я, ср., сущ. к выдерживать. Вон, смотри, куда тебя на выдерживании (во время выдерживания. Л. У.) снесло. 96.

Выйти, -ду, -дешь, сов. (к чему, на что). Привести самолет в полете к тому или иному

удаленному пункту. Вылетели с расчетом выйти к Камчатке еще засветло. 55.

Выйти, -ду, -дешь, сов. (из чего во что). Закончив одну эволюцию, перейти к иному режиму полета. Самолет из любого положения непременно выйдет в пику. 97. Форма с преф. по гл. итти: Успели выйти из облака. 97.

Вылетать, -ю, -ешь, несов. Начинать самостоятельные полеты без инструктора. Неспособные ученики не вылетают в норму. 73.

Вылетаться, -юсь, -ешься, сов. Дослужиться в летчиках до невозможности дальнейшей работы по здоровью. 97, 79.

Вылететь, -чу, -тишь, сов. к вылетать. То же, что отстартовать (см.)

Вынос, -а, м. См. занос.

Выравнивание, -я, ср. Приведение самолета в горизонтальное положение относительно всех осей. 38.

Выравнивать, -ю, -ешь, несов. Приводить самолет в горизонтальное положение, особенно после планирования и при взлете. 97 и 90.

Выравниваться, -юсь, -ешься, несов. Форма с «ся» к выравнивать, относительно самой машины. Корабль выравнивается и садится плавно. 6.

Вырвать, -у, -ешь (самолет в воздух), сов. Резким усилием, скачком отделить самолет от земли (воды). 55.

Вывраться, -усь, -ешься, сов. планер. Вывести планер в воздушный поток. Вывраться в термики... удавалось так. На место, где вырвалась одна машина, стекались все... 45.

Выврать хвост. Суметь увернуться от наступающего сзади врага. 76.

Выруливание, -я, ср. См. руление.

Выруливать, -ю, -ешь, несов. См. рулить.

Вырулить, -ю, -ишь, сов. к выруливать.

Выскакивание, -я, ср., сущ. к выскакивать. 38.

Выскок, -а, м. Внезапный и крутой подъем с брющего полета. Звено с выскоком в кильватере бомбит эшелон. 36.

Высокое выдерживание (см. выдерживание). Ошибка пилота при взлете. Высокое выдерживание — машина вслухает сразу на 5—6 м и только там переводится в горизонтальный полет. 38.

Высотенка, -и, ж. То же, что высота. Высотенка, прямо скажу, здоровенная. 76.

Вытягивание, -я, ср., сущ. к вытягивать. 29.

Вытягивать, -ю, -ешь, несов. Добиваться подъема усилением работы мотора, а не рулей. 29, 97.

Вытянуть, -ну, -нешь, сов. к вытягивать.

Выхлоп, -а, м. Выбрасывание мотором отработанных газов. Отверстие, через которое происходит такое выбрасывание. Звук, возникающий при этом. 33.

Выхлопной, -ая, -ое. Прил. к выхлоп. Выхлопная труба. Выхлопное отверстие. Выхлопная труба. 97.

Выходить, -жу, -дишь, несов. к выйти.

Выходить на редан (см.). Перед взлетом скользить по воде, опираясь на нее только реданом. 97.

Выход, -а, м., сущ. к выходить. 97.

Вяловатый, -ая, -ое. См. вялый.

Вялый, -ая, -ое. Слабо, медленно реагирующий на управление. Машинка вялая. 45.

Гаврик, -а, м., разг. Свой брат, парнишка из летного, иногда из транспортного вообще мира, механик (ср. «Гаврила» — ж.-д. машинист в просторечьи). 97.

Газ, -а, м. Поступление смеси в цилиндры мотора, ход машины, интенсивность работы мотора. Малый, большой, полный газ — о темпе работы мотора. 97.

Газануть, -у, -ешь, однокр. к газовать.

Газовать, -ую, -уешь, несов. Увеличивать обороты мотора. Мчаться, стремиться, торопиться, убежать, удирать. Газуй прямо в ангар. 97. Пить вино и т. п. Где он? Да в пивной газует. 97.

Газу, предикативн. выпр. Удрать, убежать, навострить лыжи. А тут начальство. Я — газу... 97.

Газу дать. То же, что газануть.

Гвоздем, нар. (о спуске). Вертикально, носом вниз, почти по отвесу (ср. морковкой; пике). 97.

Гвоздить, -жу, -дишь, несов. Спускаться стремительным пике (см.). То же, что сыпаться. 79.

Глиссер, -а, м. Легкое судно, скользящее по воде, чаще с авиавинтом. 97.

Глубина, -ы, ж. Степень отклонения продольной оси крыла от горизонта при вираже. Неумение определить глубину виража, т. е. нужный крен. 38.

Глубокий (о вираже), -ая, -ое. Связанный с креном, большим 45°. 97.

Голова, -ы, ж. устар. Центр передней части фюзеляжа, близ места летчика. 79.

Гондола, -ы, ж. Подвесная каюта дирижабля. Устар. Место летчика и управления, кабина самолета. 79.

Горизонт, -а, м. Горизонтальное положение самолета. Частые ошибки; выскакивание машины после вывода за горизонт. 38.

Горка, -и, ж. Весьма крутой подъем. Самолет сделал чудовищный прыжок «Горка!» вспомнилось вам выражение... 13.

Горючее, -его, ср. Жидкое топливо, бензин и т. п. 6.

Гош, -а, м. Движение ручки управления, вызывающее крен. Механизм управления кренами. 97.

Гоширование, -я, ср., сущ. к гошировать.

Гошировать, -ую, -уешь, несов. Действовать гошем (см.). 97.

Грамотный, -ая, -ое. Умелый, опытный. Грамотный летчик. Правильный, мастерской. Грамотный вираж. 34, 97.

Грибок, -ка, м. То же, что суфлер (см.). 97.

Гроб, -а, м. Ветхий, опасный самолет. Самолет устарелой системы. 73.

Греб, -а, м. Катастрофа со смертельным исходом. Смертельно опасное положение; ирон. свадьба летчика. Что это за свадьба на карточке? А это Никешин гроб снят.

Гробануться, -усь, -ешься, одн. разг. Погибнуть при авиакатастрофе, умереть, потерпеть тяжелую аварию; ирон., жениться. 97.

Гробиться, -люсь, -ишься, несов. к гробануться. 97.

Гробовой, -ая, -ое. Смертельно-опасный, гибельный, безвыходный, тяжелый. 97, 76.

Гужбан, -а, м., ирон. Летчик с пассажирской линии (см. бабовоз). 97.

Гусиный строй. То же, что журавлиный строй, строй клина — расположение машин в виде буквы У. Автор упоминает гусиный строй. Это название у нас было, но, в свое время, заменено журавлиным строем. 37.

Давать, -ю, -ешь, несов. Двигать рычаг от себя. Даю здоровенную ногу вправо. Даю руля. Придавать, приводить в известное положение. Неопытный летчик прежде всего даст приличный углок... 49, 38.

Дать, -м, -шь, сов. к давать. 97.

Дача, -и, ж. Действие по глаголу дать, давать. Самолет в силу дачи ноги переходит на нос. 92. Резкая дача (газа, ноги и т. п.). 38.

Движок, -ка, м. Мотор, двигатель. 97.

Двумя точками (касаться воды). О гидросамолете, вышедшем при разбеге или посадке на редан (см. 58).

Двухвостка, -и, ж. (иногда м.). Самолет о двух корпусах и хвостах. 79, 45.

Дельфинить, -ню, -нишь. О гидросамолете. Двигаться по воде, то и дело зарываясь в нее носом. 97.

Додать, -м, -шь, м., сов. Сделать дополнительное усилие, увеличить. Надо добавить уголка (ВВФ, 1921).

Додача, -и, ж. Действие додающего (см.). 97.

Дожим, -а, м. Дополнительное движение ручки вперед и самолета носом вниз. 38.

Дожимать, -ю, -ешь (самолет). Постепенно добавлять угол. Дожимать ручку — прилагать к ней добавочное усилие. 49. См. жать.

Доливаться, -юсь, -ешься, несов. Пополнить израсходованный запас бензина, воды, масла. 97.

Долиться, -ьюсь, -еьшься, сов. к доливаться.

Дорулить, -ю, ишь, сов. к рулить.

Дотягивать, -ю, -ешь, несов. к дотянуть. 49, 28.

Дотянуть, -ну, -нешь, сов. С трудом долететь. Старт был далеко. «дотяну? нет? Дотяну...» — Заколебался Родов (к слову дотянул примечание: допланирую). 28.

Дражен, -а, устар. Привязной аэростат (см. колбаса). 97.

Дрожжи делать, давить. Дрожать от страха, трусить. 97.

Ежом (летать), нар. неуп. Об особом французском строе эпохи мировой войны (en hérisson). 79.

Жабры, -р, только мн., ж. Малые боковые поплавки самолета-лодки. Занялся жабрами (так наз. боковые поплавки, обеспечивающие устойчивость на воде). 55.

Жать, жму, жмешь, несов. Двигая ручку от себя, противодействовать тенденции самолета задрать нос, подниматься. 45.

Жизненный, -ая, -ое (о деталях машины). Необходимый для полета. 33.

Жилец, -ьца, м. Посторонний предмет, по недосмотру попавший в цилиндр мотора и мешающий его работе. 97.

Журавлиный, -ая, -ое (строй, построение), см. гусиный. 33.

Забирать, -ет, — о моторе. Начинать вращаться, работать. 97.

Забирать, -ю, -ешь, несов.; то же, что набирать, Самолет резко забрал высоту. 97.

Забор, -а, м., суц. к забирать. То же, что набор. 33.

Забрать, -еру, -ерешь. То же, что набрать. 28.

Заваливание, -я, ср. Введение самолета в ненужный или излишний крен. Частые ошибки — непостоянство крена в разные периоды виража («заваливание» или «выбор из крена»). 38.

Заваживание, -я, ср. Излишне долгое и многократное катание ученика в качестве пассажира при обучении. 29.

Заваливать, -ю, -ешь, несов. Допускать заваливание, -ся (о самолете). Крениться, опускать крыло. 97.

Завалить, -ю, завалишь; сов. к заваливать. 97.

Заваривать, -ю, -ешь, несов. Перегревать радиатор до кипения. Вечно ты чай завариваешь. Ну, опять заварил. См. самоварить. 97, 96.

Заварить, -рю, -ришь; сов. к заваривать. 96.

Зависание, -я, ср. Потеря скорости, момент неустойчивости и неподвижности в воздухе. То же, что подвешивание. 38.

Зависать, -ю, -ешь; несов. к зависнуть.

Зависнуть, -ну, -нешь, одн. Потеряв скорость, чаще всего в верхней точке петли, задержаться на ней в неустойчивой неподвижности. 92.

Заводить, -вожу, -водишь, несов. о моторе. Пускать в ход. 55 (см. запускать).

Завозить, завожу, -озишь; сов. к заваживать. Сбивать с толку длительным катанием ученика. 38.

Задыр, -а, м. Положение с приподнятым носом. Приведение самолета в это положение. 38.

Задырять, -ю, -ешь, несов. Поднимать нос машины. -ся. То же о самом самолете — иметь тенденцию к поднятию носа при полете. Машина хороша, но задырается. 97.

Задрать, -деру, -дерешь, сов. к задырять.

Задрачься, -дерусь, -дерешься; сов. к задыраться. 13.

Задувание, -я, ср. Струя встречного ветра, проникающего в кабину в полете. 81.

Зажим, -а, м. Склонность упорно и с силой удерживать ручку (см.) в раз приданном ей неправильном положении. 73.

Зажимать, -ю, -ешь; несов. Глагол к зажим. 97.

Зайти, -йду, -йдешь, сов. Сделав разворот (см.), направиться на прямую к месту спуска; проделать подготовительные к посадке эволюции; описав дугу, вывести машину на прямую, ведущую к цели полета. Самолет зашел на посадку. Самолет зашел на боевой курс против леса. 92.

Залетный, -ая, -ое. О деньгах, зарплате; сдельный по часам, проведенным в воздухе.

Заливать, -ю, -ешь, несов. Наполнять бензином. Допускать избыток бензина в цилиндрах и остановку мотора. 97.

Заливаясь, -вается. О моторе, страдать к заливать. Останавливаться от избытка горючего. 97.

Залить, -лью, -льешь; сов. к заливать, -залиться. Сов. к заливаясь. 97.

Занос, -а (хвоста), м. Неправильное движение машины на повороте, когда хвост движется быстрее головной части. 38.

Запас, -а, м. (ручки, ноги и пр.). Наличие возможности дальнейшего движения данного рычага в том же направлении, что и раньше. Запас скорости, прочности, избыток сверх необходимой нормы. 73.

Запасные части, проп. Члены тела летчика. Вы, не считаясь с целостью самолета, останетесь со всеми «запасными частями»: головой, руками и ногами. 49.

Заправка, ж. Приведение в готовность к полету (чаще о моторе). 55.

Заправлять, -ю, -ешь, несов. Приводить в полетную готовность. 55.

Запуск, -а, м.; сущ. к запускать. 97.

Запускаль, -ю, -ешь, несов.; то же, что заводить. 55.

Запустить, -щу, -стишь; сов. к запускать. 79.

Заруливать, -ю, -ешь, несов., редко; префикс обр. к рулить. 73.

Зарулить, -ю-, -лишь; сов. к заруливать. 29.

Заруливание, -я, ср.; сущ. к заруливать. 73.

Зарывание, -я, ср. Стремление машины в полете опустить нос ниже горизонта. Потеря высоты от опускания носа (зарывание)... 38.

Зарывать картошку. См. картошка.

Зарываться, -юсь, -ешься, несов. Внезапно опускать нос ниже горизонта, клевать. Опустить нос лодки или поплавков в воду. 92.

Заселение, -я (воздуха), ср., редк. Заполнение пространства летящими самолетами, патрулями. 79.

Застрывать, -ю, -ешь, несов. Приближаясь к потолку (см.), терять возможность дальнейшего подъема. У планера — не иметь возможности перелететь через неблагоприятную зону. 49, 45, 38.

Захлебнуться, -нется, только 3-е л. (о моторе), сов. Остановиться по избытку воздуха в смеси (против. залиться). 97.

Заход, -а, м. Совокупность эволюций вывода самолета на определенное направление. Заход на посадку. 34.

Заходить, -хожу, -ходишь; несов. к зайти. 97.

Захождение, -я, ср. То же, что заход. 97.

Звено, -а, ср. Малое строевое соединение самолетов. 72 и др.

Зеркалить, -ит только 3-е лицо о воде и снеге. Слепить блеском. 97.

Зеркало, -а, ср. Ослепительная поверхность воды, снега, опасная при посадке. 97.

Зигзаг, -а, м., устар. То же, что змейка.

Змейка, -и, ж. Одна из фигур, полет по зигзагообразной кривой. 97.

Игра, -ы, ж. Некоторая свобода в креплении деталей. 49.

Играть, -ю, -ешь (сектором, ручкой). Двигать взад вперед (см. шуровать). 76, 63, 97.

Игти, -ду, -ешь, несов. Лететь. 55, 6 и др.

Иммельман, -а, м. Название одной из фигур, комбинация петли (см.) с переворотом (см.). 38. Фамилия немецкого аса (см.).

Искра, -ы, ж. Электрическая искра в проводке, признак того, что в цепи есть ток. Искру по костьюлю искать — проявлять полную безграмотность в летном деле. 73.

Истребиловка, -и, ж. Истребительная авиация и ее части. С Аврушки у меня характеристика в истребиловку. 96.

Истребитель, -я, м. 1) Легкий, часто одноместный самолет воздушного боя. 79. 2) Летчик, летающий на таком самолете. 79. 3) Всякий самолет воздушного боя независимо от его величины.

Истребительный, -ая, -ое. Предназначенный для воздушного боя. 79 и др.

Кабрировать, -ую, уешь, несов., против. пикировать. Падать хвостом вперед. Опускать хвост при полете, оседать на хвост. 79.

Капот, -а, м. Металлическая покрывка, кожух мотора. Капот режет горизонт — проектируется на горизонте. Капот ушел — скрылся из глаз летчика при наклоне самолета вперед. 92.

Капот, -а, м. Опрокидывание самолета (на земле) через носовую часть и на спину. 97.

Капотаж, -а, м. См. капот. 97.

Капотировать, -ую, уешь, несов. Совершать капот во втором знач. То же, что зарывать картошку. 97 и др.

Капотнуть, -ну -нешь, однокр. к капотировать. 97.

Карачки, только — на карачках, как нареч. О разбеге с недостаточно приподнятым вверх хвостом. Разбег на карачках, с прыжками при недодаче хвоста. 38.

Картошку зарыть. То же, что капотировать — перевернуться, опрокинуться на земле через нос; опрокинуть машину. 97.

Качество, -а, ср. Отношение подъемной силы к лобовому сопротивлению. 45. У этой машинки качество! 13.

Киснуть, -ет. О моторе. Переставать работать, останавливаться из-за порчи. То же, что сдыхать. 13.

Класс, -а, м. Категория летной квалификации, степень мастерства. 92. Как нареч. хорошо, отлично. Молоко есть? Вот это класс! 92.

Классный, -ая, -ое. Высшего качества, отличный. 92.

Клевание, -я, ср., сущ. к клевать, действие клюющего.

Клевать, клюю, клюешь, несов. Резко проваливаться на лету носа. То же, что зарываться. 97.

Клевок, -ка, м. Сущ. к клюнуть, однократное покачивание носа. 97.

Клюнуть, -ну, -нешь; сов. к клевать. 79.

Клина строй. То же, что гусиный, журавлиный строй. 36.

Козел, -ла, м. Непроизвольный скачок самолета при посадке: «Козлы делятся на скоростные и малоскоростные». 35.

Козлить, -ю, ишь, несов. Делать козлы (см). «Ньюпоры при посадке сильно козлили и при каждом козле скрывались в облаках пыли». 37.

Козырек, -ька, м. Только что приступивший к занятиям учел; приголовица. 97.

Козья ножка. Труба, представляющая часть шасси самолета АВРО. 97.

Колбаса, -ы, ж. пренебр. Дирижабль с точки зрения летающего на машине тяжелее воздуха. 97. Привязной аэростат.

Колбаса, -ы, ж. См. колдун. 49.

Колдун, -а, м. Польный, матерчатый, мешкообразный, обычно полосатый конус-флюгер, определяющий погоду.

Колдунчик, -а, м. То же, что колдун. 97.

Колдун, а, м. Метеоролог аэродрома или части ср. ветродуй. 97.

Колокол, -а, м. Фигура высшего пилотажа (см.), многократно повторенное падение на хвост и на нос поочередно. 97.

Комбинезон, -а, м. Прозодежда летчика, соединение матерчатых или кожаных куртки и штанов. 97.

Контакт, -а, м. Рычажок, включающий зажигание мотора («Контакт»? «Есть контакт!»). Обязательный обмен предохранительных возгласов между мотористом и летчиком при пуске мотора в ход. 13. Эта же диалогическая формула в быту как взаимное приветствие с шутливым оттенком.

Коньяк, -а, м. Суррогатное горючее эпохи гражданской войны. См. авиоконьяк.

Коробка, -и, ж. Совокупность верхней и нижней плоскости би- или полиплана. 13.

Коровка божья, см. божья коровка. 97.

Корпус, -а, м. устар. То же, что фюзеляж (см.). м. 101.

Корявый, -ая, -ое. Плохой, скверный, опасный. Предвидя корявые последствия вынужденной посадки... надо... привязаться. 49.

Костыль, -я, м. Изогнутая штанга, служащая опорой для хвоста и тормозом при посадке. По костылю искру искать — см. искра. 19.

Красноелет, -а, м. Сокр. — красный военный летчик.

Краслет, -а, м. Красный летчик.

Креномер, -а, м. Прибор для определения углов бокового наклона. (Разг., эвф., задняя часть). 97.

Крыло, -а, ср. Крупное строевое соединение. «Первый номер эволюции трех истребительных эскадрилий, т. е. воздушное учение крыла». 96.

Крылышки, -ек, устар., То же, что элероны (см). 101.

Лестницу! ирон. Восклицание по адресу летчика, слишком высоко выравнивающего

(см. подвешивающего) самолет перед посадкой. «Шляпа! Лестницу!» 73.

Лет, -а, м. Пребывание в воздухе, состояние полета. 45.

Летнаб, -а, м. сокр. Летчик-наблюдатель
См. наблюд.

Летный, -ая, -ое. Относящийся к авиации, авиационный: летное поле, дело. Относящийся к самому пребыванию в воздухе, полету: летные часы, периоды. Состоящий из летчиков: летная часть, группа. 97.

Летун, -а, м. малоупотр. То же, что летчик, авиатор. «Жаль, что вместо слова летун в войсках применяется чисто служебное слово летчик». Редко: хороший, классный летчик. 43, 97.

Летчик, -а, м. Квалифицированный водитель машины тяжелее воздуха: «Какой он летчик? Он дирижаблист, пузырник». «Он летчиком никогда не был. Был летнабом». 97.

Летчик летающий. Липо, не приравненное только к летчикам по рангу и положению, не переброшенное за выслугой с летной работы на обслуживанье, но практикующее действительную работу в воздухе. Во главе авиации полковник Борз... сам летающий л. 79, 80.

Лечь, лягу, ляжешь, сов. (на курс, направление). Взять направление для длительного полета по прямой. 72.

Листом, как нареч. О спуске или падении плашмя и раскачиваясь, как падает свободно пущенный лист бумаги, «Фоккер сначала падая листом, перешел в штопорное падение». 41.

Листом бумаги, мертвым листом — то же, что листом.

Ложиться, -усь, -ишься, несов. к лечь. 12.

Ложь, -а, ср. То же, что зависание. 97.

Ложка, -и, ж. Соответственной формы передняя часть лыжи Ньюпора IV. 97.

Ломать (курс), -ю, -ешь, несов. Резко менять направление полета. 12.

Лонжерон, -а, м. Продольная балка в каркасе крыла; труба, ферма или брус, к которым крепятся нервюры (см.). 45.

Люфт, -а, м. Зазор, щель между соприкасающимися поверхностями. 97.

Малый, -ая, -ое. О вираже — прот. глубокий; с креном до 45°. О газе не полный, не дающий полной нагрузки мотора. 92, 97.

Мандолина, -ы, ж. Костыль машин Ньюпор всех старых марок, кроме № IV. «Летчик Орловский рассказал мне... случай замены

мандолин (костыля) Ньюпора саперной лопаткой». 38, 97.

Машина, -ы, ж. Самолет как машина по преимуществу; иногда авто, мотоцикл. 76.

Многопаяс, -а, м. Стар. многоместный (свыше 3 мест) самолет. «Заманчиво иметь шикарный истребитель — многопаяс». 79.

Монопаяс, -а, м. Стар. одноместный самолет. «Французы предпочитают сбивать монопаясы, наводя ужас и на бипаясы». 19.

Мордочка, -и, ж. (крыла). Передняя кромка, фас, ребро атаки. 37.

Мориск, -а, м. (и мориска, -и, ж.). Прозвище гидро Мориса Фармана, эпохи мировой войны. 58.

Морлет, -а, м. Летчик морской военной авиации. 33.

Моссельпром, -а, м. Застекленная передняя часть кабины пилота на тяжелом самолете Фарман-Голиаф. 97.

Мотать, -ют, -ло, несов. См. болтать. 81.

Мотаться, -юсь, -ешься, несов. Летать взад-вперед, без дела или с утомительным однообразием. 38. «Вдоль склона длиной 5—6 км „моталось“ около 20 планеров».

Мухобой, -я, м., ирон. Летчик службы борьбы с вредителями сельск. и лес. хоз. 97.

Мы-пять, нескл. Мотор советского производства с маркой М-V. «Я вылетел на Эр-один с Мы-пять». 96.

Му-два, нескл. Самолет У-2, поставленный на полавки как учебный гидро, морской У-2. 97.

На, предл. вместо для. «Давать руля на вывод из виража». 38.

Набирание, -я, ср., устар. То же, что в ы б и р а н и е. 101.

Набирать, -ю, -ешь, несов. Постепенно увеличивать. 97.

Наблюд, -а, м. Летчик-наблюдатель, см. летнаб (разг.). 97.

Набор, -а, м. Действие того, кто набирает. 33.

Наддув, -а, м. Нагнетение воздуха в карбюратор при высотном полете; механизм для такого нагнетения, турбо-компрессор. 26.

На курсе (быть, лежать). На верном направлении полета. 12.

Налет, -а, м. Сумма времени, проведенного в воздухе. 36, 29.

Налетать, -ю, ешь, сов. Приобрести, составить путем полетов, пребывания в воздухе:

«Учет должен налетать себе чувство машины» 97, приобрести известный налет (см.) «Сколько ты налетал?»

Налетанный, -ая, -ое, прич. к налетать. 97.

На нервах. С большим напряжением сил и воли. «Полет над Кара-кум был сплошь полетом на нервах». 12.

На пределе, как нареч. почти. Не имея необходимого запаса скорости, мощности и т. п. 29.

На отрыв (итти). Стремясь развить всю потребную для отделения от земли (воды) скорость (см. отрыв, отрываться). 96.

На редан, -е (выходить, становиться, итти), см. редан. 96.

Нарезать, -жу, -жешь, сов. Поймать на ошибке, осрамить, озадачить (ВВФ, 1921).

На скорости, как нареч. С работающим мотором, не доведя скорость планирования до потребного минимума. 97.

Насиловать, -ую, -уешь, несов. Заставлять самолет или мотор работать сверх сил, с чрезмерным и вредным напряжением. 97.

На три точки, как нареч. О посадке — коснувшись земли колесами шасси и хвостовым костылем одновременно. 97.

На угле, как нареч. о посадке. Не выровняв машины, не приведя ее в горизонтальное положение. 97.

Начлет, -а. Начальник полетной части. «Строгий начлет совершенно запретил тренировочные полеты». 28.

Невлетанность, -и, ж. (в машину), см. влетанность. «Причина — невлетанность летчика в данную машину». 38.

Неграмотно, нар. Без должного мастерства, неумело. 19.

Неграмотный, -ая, -ое. См. грамотный. 19.

Недобор, -а, м. Противоп. перебор I и II «Потеря высоты имеет место от подкальзывания машины (недобор ручки)» 38. «Недобор высотыенки есть — вот и не расфигуриешься». 97.

Недодача, -и, ж. Недостаточно сильное отклонение от себя. Недодача ручки. Слабое изменение положения той или иной части. «Недодача хвоста определяется... по прыжкам самолета». 38.

Недомазать, -жу, -жешь, несов; о посадке; плохо рассчитав на посадку (см.), сесть, не долетев до цели. Благодаря ошибочному расчету не сесть вовсе, но быть вынужденным вновь пойти в воздух для повторного захода (см.). Против. перемазать. 97.

Недотянуть, -ну, -нешь, сов. (см. тянуть). Совершить вынужденную посадку, не долетев до цели с плохо работающим или неработающим мотором. 97.

Нервюра, -ы, ж. Поперечная фермочка скелета крыла самолета. 86, 90.

Нога, -и ж. Действие педаля руля поворотом: «Ручку на себя и здоровенную ногу вправо» (правая, левая нога — отклонение педали и самого руля в ту или иную сторону). Обратная нога — отклонение в противоположную сторону. 13, 92. Поворот.

Нос на меня полез — О ненормальном задирании (см.) передней части самолета. Против. — см. капот уходит. 92.

Обдувание, -я, ср. у планер. Эффект действия встречного воздушного потока на планер. 45.

Облетывать, -ю, -ешь, несов. Изучать новую машину на практике, в воздухе и притом регулируя ее, свыкаясь с ней. 13.

Обратный, -ая, -ое. Противоположного направления или действия: обратный штопор, обратная нога. 97.

Обтекать, -ю, -ешь, несов. о полете в строю. Летать, окружая что-либо со всех сторон. «Ведущий набирает высоту... ведомые обтекают эшелон и... обстреливают». 36.

Обтекаемый, -ая, -ое. Представляющий возможно малое сопротивление струе воздуха, не вызывающий в ней вредных вихрей. См. удобообтекаемый (прон. округлый, полный: «Обтекаемая девчужка»). 97.

Обтекатель, -я м. Покрышка, футляр округленной формы, часто веретенообразного и каплеобразного сечения, уменьшающий лобовое сопротивление той или иной детали. 97.

Ограничитель, -я, м. Условный знак, отмечающий границу назначенной для старта или посадки площади. 88.

Окно, -а, ср. Прорыв в облаках, сквозь который снизу видно небо, а сверху, наоборот, земная поверхность. 12.

Окошко, -а, м. То же, что окно. 55.

Омнибус, -а, м. Стар. неупотр. Самолет-универсал, эпохи войны 1914—1918 гг. 19.

Опережение, -я, ср. Несколько более раннее, чем обычно, производство вспышки в цилиндре по отношению к ходу поршня. 38.

Оползаль, -ю, -ешь, сов. Облетать в непосредственной близости к земле: «Все ущелья оползали, в памяти запечатлен рельеф». 33.

Определиться, -юсь, -ишься; сов. к определяться.

Определяться, -юсь, -ешься, несов. Устанавливать свое положение относительно точек земной поверхности. 97, 49.

Опупеть, -ю, -ешь, сов. Обалдеть, остолбенеть от удивления и испуга. 97.

Ответ, -а, м. (на ручку, гош.). Реакция машины на действие тем или иным органом управления. 29.

Отвечать, -ет, о самолете. Реагировать на управление. 97.

Отдавать, -ю, -ешь, несов. Двигать рычаг управления от себя. То же, что совать. 97.

Отдать, -м, -шь (ручку), сов. То же, что дать от себя. Родов «отдал» ручку, плавно «выбрал» ее. 28.

(На) отдельно стоящий телеграфный столб. Ирон. выражение, передающее верх затруднительности посадки: «Учлету легче сесть на отдельно стоящий телеграфный столб против ветра, чем по ветру на приличный аэродром». 97, 49.

Отжим, -а, м. Движение ручкой (и другими рычагами) от себя, следов., и самолета книзу.

Отжимать, -ю, -ешь, несов. Движением ручки от себя заставлять самолет идти книзу, против присущей ему в этот момент тенденции к подъему. 38. «Отжим... определяется по показателю скорости и по положению ручки». 38. Ср. жать, дожимать.

Отказать, -жу, -жешь, сов. О моторе — перестать работать, испортиться. 16, 63.

Отказать, предикат. выражение довольно широкого отрицательного значения — нет, нельзя, не буду, не согласен и т. п. «Дай трешку до завтра». «Откажать!»; «Послушайте, что это за фамильярность». «Есть фамильярность, — откажать!». 97.

Отказывать, -ю, -ешь; несов. к отказать. 1.

Оторвать голову, ирон. О слишком сильном задувании (см.) при неправильном полете. «Надо сделать разворот. Куда, куда? Голову то, голову мне оторвешь!» 96.

Оторваться, -усь, -ешься, сов. Отделиться от земли (воды) при взлете. 55.

Оторваться, -усь, -ешься у планеристов. После полета горизонтального или со снижением попасть в восходящий поток воздуха и начать подъем. «Бывали дни, когда оторваться в термик было довольно просто». 45.

Отрицательное (ниже), происходящее при положении машины на спине, колесами вверх. 13.

Отруливание, -я, ср. Руление (см.) прочь от чего-либо. «Выруливание вылетающих не должно мешать отруливанию уже севших». 13.

Отруливать, -ю, -ешь, несов. Рудить (см.) прочь. 97.

Отрулить, -ю, -ишь, сов. к отруливать. 97.

Отрыв, -а, м., суц. к оторваться, момент и процесс отделения от земли или (у планер) начала подъема. 55, 33, 97.

Отрываться, -юсь, -ешься; несов. к оторваться.

От себя (дать ручку) — двинуть рычаг управления в положение спуска. Дать ручку от себя — заставить снижаться машину; на себя — наоборот. 28.

Отсек, -а, м. Часть лодки или поплавка гидро (иногда и всякого фюзеляжа) между двумя глухими переборками. 58.

Отсечка, -и, ж. Звук отдельного выхлопа (см.); из ряда таких отсечек сливается рев работающего мотора. 97.

Охотничий, -ья, -ье, стар. То же, что истребительный. 41.

Палка, -и, м. Стар. То же, что ручка (см.). 19.

Парашиот, -а, ж. 1) Зонтообразный прибор для замедленного спуска-падения с высоты. 2) Посадка, при которой потерявший у земли скорость самолет заканчивает полет некоторым отвесным падением, плашмя. То же, что посадка с плюхом, плюх (см.). 97. Получился плюх. 37.

Парение, -я, ср. у планер. 1) Полет на планере без потери высоты или даже с набором ее (против. — планирование). 2) Искусство такого полета, второй, высший этап работы пилота-планериста. Для тренировки и выпуска на парение применялся планер Упар. 45.

Паритель, -я, м. 1) Планерист высшей квалификации, сдавший испытания по парению. «На слете группа выпустила 7 планеристов парителями». 2) Планер, сконструированный специально для проведения на нем парения, а не для скользящего полета только. 84. Этот аппарат показал себя прекрасным парителем. Необходим двух местный паритель. 45.

Парить, -ю, -ишь, несов. 1) Выполнять полет на планере без потери или с набором высоты, пользоваться восходящими потоками воздуха. 2) Заниматься парением (см.) как искусством. 45.

Парящий полет. То же, что парение (см.). 45.

Паук, -а, м. Система крестообразно соединенных гнутых труб, крепящая ротативный мотор к самолету. 97.

Перебирать, -ю, -ешь, несов. Делать излишне сильное движение ручкой на себя. Допускать некоторый излишек в высоте, угле и т. п. Причиной заноса хвоста является перебор ручки. 38.

Перебор, -а, м. Чрезмерно сильное движение ручки на себя. Излишний набор высоты. 38.

Перебрать, -еру, -ерешь, сов. к перебирать. 97.

Переворачивание, -я, ср. Одна из фигур высшего пилотажа. Чаще — переворот. 79.

Переворот, -а, м. Фигура, при которой самолет совершает движение в вертикальной плоскости и вокруг своей вертикальной оси, выходя в горизонтальный полет в направлении обратном движению до переворота.

Переворот через крыло. То же, что переборот.

Передача, -и, ж. Излишек в движениях рычагом управления от себя. Вирази могут быть с неравным креном и с небольшой передачей ноги. 73.

Передержка, -и, ж. Излишне долгое выдерживание (см.). 38.

Передир, -а, м. Сущ. к передирать.

Передирать, -ю, -ешь, несов. Придавать самолету излишне большой угол подъема. Поднимать (хвост) слишком высоко. 35. 13.

Передрать, -деру, -дерешь; сов. к передирать. Передрал и свалился в штопор. Отчаянно передирал хвост при взлете. 97.

Перекрещенный, -ая, ое. Связанный с особым, необычным положением руля поворотов, элеронов и управляющих ими рычагов. Перекрещенный штопор. Перекрещенное положение рулей. 79.

Перекрывать, -ю, -ешь, несов. (О доступе горючего масла.) Прекращать, прерывать. Опять забыть перекрыть бочки, вот балда-то! 96.

Перекрыть, -крою, -крыд, сов. Перекрывать.

Переключать, -ю, -ешь, -несов. (на курсе). Менять направление полета. Приходилось то и дело переключать машину на новый курс. Менять положение рычагов и самих рулей на обратное. Пилот переложил руль направо. 97.

Предложить, -жу, -жишь; сов. к переключать.

Перемазать, -жу, -жешь. против. Недомазать. 97.

Переруливать, -ю, -ешь, несов. Рулить слишком далеко. 97.

Перерулить, -ю, -ишь, сов. к переруливать. Опять перерулил за старт. 96.

Перетяжелить, -ю, -ишь, сов. Допустить излишнюю тяжесть конструкции. Р. 101 погиб как слишком перетяженный конструкторами. Перегрузить самолет или его часть. Машина уже со старта пошла с перетяженным хвостом. 97.

Переходной, -ая, -ое (о самол.). Средний между учебным и военным. 73 (о положении рулей). Связанный с переходом (см.).

Переход (рулей) -а, м., устаревающ. Момент вертикального виража (см.), когда рули направления и высоты будто бы меняются функциями. 92.

Переходить, -жу, -дишь только 3-е лицо, О рулях. Совершать переход (см.). 92.

Петлист, -а, м. Летчик, искусный в акробатическом полете, в высшем пилотаже. 13.

Петлить, -ю, -ишь, несов. Делать мертвые петли. Выполнять всевозможные фигуры, кувыряться. 96, 76.

Петля, -и, ж. Одна из фигур, полет по вертикальному кругу. 79, 72.

Петух, -а, м. гидро. Волна, бьющая при рулении и взлете под второй выступ днища (радан). 97.

Пикирование, -я, ср., сущ. к пикировать. То же, что пике. 79.

Пике, нескл., ср. Спуск или падение носом машины вниз по линии близкой к отвесу. 97.

Пикирование, -я, ср; сущ. к пикировать. То же, что пике. 79.

Пикировать, -ую, -уешь, несов. Совершать произвольное или катастрофическое пике. 56 и др. Пикировать под хвост. Совершив пике, занимать выгодную боевую позицию сзади и ниже противника. II См. гвоздить, столбушка ставить и т. п. 97.

Пикирнуть, -ну, -ешь; одн. к пикировать. 97.

Пикнуть, -ну, -нешь (чаще). То же, что пикирнуть. 97.

Пилот, -а, м. 1) На многоместном самолете летчик непосредственно управляющий. 2) Водитель аэростата, планера и т. п. 3) Устар., то же, что летчик, авиатор, лицо, имеющее диплом, бреве. 96.

Пилотаж, -а, м. Искусство управлять летающей машиной. То же, что высший пилотаж 97, 96.

Пилотаж высший. Методика и практика фигурного полета. 97 и пр.

Пилотирование, -я, ср. Управление машиной. 45.

Пилотировать, -ую, -уешь, несов. Управлять летающей машиной (аэросанями и глиссером по аналогии). 97.

Плавать, -а, м. (только — на плаву) в гидроавиации, против. лет. Пребывание самолета на воде. Хорошая рулежка (маневрирование на плаву). 32.

Планеродром, -а, м. Место взлетов и посадок планеров. 45.

Планировать, -ую, -уешь, несов. О самол. Совершать скользящий спуск по наклонной линии с остановленным мотором; редко о планере — летать, теряя высоту. 97.

Плоский штопор (см. штопор). Опасная форма штопора, при котором вращение машины совершается в плоскости, близкой к горизонтальной. 97.

Плоскость, -и (мн. плоскости), ж. То же, что крыло, поддерживающая поверхность. 97.

Плоскостей коробка (см. коробка).

Площадка, -и, ж. 1) Небольшой аэродром на транспортной линии. Всякое место, удобное для взлета — посадки. 2) Горизонтальный отрезок пути машины между подъемами и спусками. Набор высоты с прямой до потолка с горизонтальными площадками. 33.

Плюх, -а, м. То же, что парашют, падение потерявшей скорость машины плашмя при посадке. Мне пришлось с небольшим плюхом прилечь к земле. 63, 76.

Плюхнуть, -ну, -нешь, сов. Совершить посадку с плюхом (см.), спарашютировать (см.). Не выдержал машину, плюхнул и скапотировал. 28.

Плюшок, -ка, м. То же, что плюх. 76.

Побегушка, -и, ж. Деталь магнето, часто отказывающаяся в работе из-за замазливания ее. 97.

Поблядушка, -и, ж. разг., ирон. То же, что побегушка. 97.

Подавать, -ю, -ешь, несов. То же, что давать. 79.

Подать, -дам, -дашь; одн. к подавать. То же, что дать. 79.

Подбирать, -ю, -ешь, несов. (машину). Постепенно переводить от спуска к горизонтальному полету. 96.

Подвесить, -шу, -сишь, сов. (самолет). Погасить скорость для посадки на слишком большой высоте (см. лестница). 97.

Подвешивать, -ю, -ешь, несов. к подвесить. 97.

Подвод, -а, м.; суц. к подводить. Одной из причин низкого подвода является то... и т. д. 38.

Подводить, -жу, -дишь, несов. Приближать полетом, подлетать на самолете. «Летчик подводит машину к земле». 6.

Поддерживать, -жу, -жишь, сов. Движение и элеронов удержать самолет (планер) от излишнего крена. «При выводе из разворота с большим креном (при ошибке ученика: „не поддержал крен“) необходимо давать ногу за нейтральное положение». 45.

Поддиранье, -я, ср.; суц. к поддирать. 49.

Поддирать, -ю, -ешь, несов. Придавать машине в полете некоторый восходящий угол и тем уменьшать ее скорость. 49.

Поддувать, -ет, -поддуло, несов. Накрывать боковым или встречным ветром (чаще о самолете на земле и у земли). 97.

Поддуть, -ет, одн. к поддувать. 97.

Подлет, -а, м. Короткий взлет — прыжок учета — планериста (см. подлетка). Производилось обучение, минуя подлеты. После... 3—5 пробеге переходили к полетам. 45. Обучение без подлетов, с переходом от пробеге прямо к полету. 13.

Подлетки, -ок, ж., только мн. Планерн. первые взлеты ученика-планериста, обычно чрезвычайно низкие и краткие прыжки. 96.

Подлетывать, -ю, -ешь, несов. У планер. совершать подлетки, проходя обучение (у летч. нес. к подлетнуть). 97.

Подлетнуть, -у, -ешь, сов. Немного прокатиться на самолете в качестве пилота или (чаще) пассажира. Поедем на Корпусной, подлетнем, а? 97.

Подломать, -ю, -ешь, сов. Совершить поломку, сломать. Сел неудачно и подломал машину. 97.

Подойти, -йду, -йдешь, -шел, сов. Приблизиться летом. Стали попадаться окна. Нырнув в одно из них, мы подошли к земле. Утром подошли к Москве. 73.

Подпаривание, -я, ср. Кратковременный переход планера к парящему полету под влиянием слабого восходящего тока. Попытки ученика совершать недолгие парящие полеты. 97.

Подпаривать, -ю, -ешь, несов. Совершать подпариванье. 97.

Подруливать, -ю, -ешь, несов. Подъезжать по земле на самолете (см. рулить).

Подрулить, -ю, -ишь; сов. к подруливать. 97.

Подрывание, -я, ср. Преждевременный отрыв от земли, взлет (см. поддирать). Подрывание — подъем аппарата с недостаточной скоростью, причем он удерживается в горизонтальном положении сильным уклонением ручки высоты вверх. 101.

Полетный, -ая, -ое — пригодный для полета. Полетные дни были редки... школа только три раза летала по несколько дней подряд. 29.

Полетный, -ая, -ое — относящийся к полетам, связанный с ними. Родов писал о своих первых полетных успехах Марине. 28.

Подскальзывание, -я, ср. II. Незначительное скольжение на крыло. Всякое скольжение на крыло, независимо от его масштаба. 49.

Подскальзывать, -ю, -ешь, несов. (о самолет и летч.) Слегка скользить на крыло (см.). Совершать фигуру скольжения (см.). 97.

Подскользнуть, -у, -ешь; сов. к подскальзывать. 97.

Подскокить, -у, -чишь, сов. Внезапным броском подлететь вплотную. Стремясь подскокить к неприятелю классически, надо стрелять... 19.

Подстраиваться, -юсь, -ешься, несов. Налету вступать в строй машин (см. пристраиваться). 97.

Подтягивать, -ю, -ешь, несов. (ручку). Медленно двигать к себе. 97, 45.

Под хвост (см.) — ниже и сзади самолета. Как вышли из Речицы, он забирает меня под хвост и шпилит... 97, 92.

Подход, -а, м. (чаще мн. подходы, -ов). Совокупность окружающего аэродром ландшафта, определяющая пути и направления возможных посадок. Самолет описал круг, знакомясь с подходами к аэродрому. Плохая площадка с отвратительными подходами. 97.

Пойти, -у, -ешь, сов. (Пойти на снижение, петли, посадку). Приступить к выполнению, направиться для...; направиться. Шум мотора заглох, и Внуков пошел на посадку. 96.

Пока-пока, нескл. сущ. Ортоптер, машина машущая крыльями; ирон. прозвище одной из машин с большими размахивающими в воздухе элеронами (см. ослиные уши). 97.

Полгроба, сущ. нескл. Тяжелая, но несмертельная авария. 13, 97, 96.

Помахивание, -я, ср. Суетливые и ненужные повороты головы с целью осмотра. Подмена осмотра... («помахиванием для начальства»). 38.

Поросенком (лезть), как нареч. То же, что свечей. Подниматься вертикально. 97.

Поросенок, -ка, м. Летчик, служащий в бою приманкой для противника. 97.

Посадка, -и, ж. 1) Спуск на землю, конец полета. За весь путь ни одной вынужденной посадки. 96, 3. 2) Процесс спуска во всех его стадиях. 3) Манера и совокупность приемов спуска. У каждого летчика своя посадка. Посадка состоит из трех фаз. 92.

Посадочный, -ая, -ое. 1) Удобный, предназначенный для посадки. Посадочный пункт. Посадочная площадка. Посадочный сигнал. 2) Связанный с посадкой. Посадочная скорость. Посадочные эволюции. 97.

Посадочная часть. II Тело (эвф. ягоды). 73.

Потерять (сердце) см. сердце, потерять. 97.

Потолок, -ка, м. Предельная высота подъема данного самолета. 16 и др.

Привязанность, -и, ж. Упорное следование по пятам за другой машиной. 79.

Приемистость, -и, ж. Способность карбюратора мотора к пропуску горючего. 62.

Прижать, -му, -мешь, сов. Заставить спускаться все ниже и ниже к земле. Рядом маневров он прижал поляка к полю. 97. Облака прижали нас к воде. 55.

Прижимать, -ю, -ешь; несов. к прижать.

Приземление, -я, ср. 1) Приближение самолета к земле. 2) Толчок колес о землю при посадке. Посадка (точнее — приземление) считается едва ли не самым трудным элементом полета. 29. В гидроавиации тоже довольно часто о спуске на воду.

Приземлиться, -юсь, -ишься, сов. Совершить приземление.

Приземляться, -юсь, -ешься; несов. к приземлиться.

Прилениться, -люсь, -пишься, сов. Кое-как, с трудом сесть на землю (на наклонную площадку, при ветре и пр.). 63, 76.

Припечататься, -юсь, -ешься, сов. Сесть точно в рассчитанное место. 76.

Пристраиваться, -юсь, -ешься, несов. То же, что подстраиваться (последнее чаще). 96.

Пробег, -а, м. Движение самолета по земле после посадки до полной остановки (против разбег). 101.

Пробегка, -и, ж. Движение самолета до остановки, то же, что пробег. 97.

Пробегка, -и, ж. (чаще множ.) У планера скольжение планера по земле без взлета, пер-

вое упражнение планериста, соответствующее рулению летчика. 45.

Пробка, -и, ж. Неисправность бензинопродводной трубки, вызывающая остановку мотора. Закупорка сгустившейся жидкостью, льдом и т. п. 6, 97.

Проваливание, -я, ср. Вертикальное падение машины плашмя, не законченный посадкой плюх (см.). Летчик переводит машину в парашютирование, точнее в начальную форму его — в проваливание. 38.

Проваливаться, -юсь, -ешься, несов. Снизаться вертикально, сохраняя горизонтальное положение самолета. 97.

Провалиться, -юсь, -ишься; сов. к проваливаться.

Провернуть, -ну, нешь, сов. Вращая вал мотора за винт, заставить его пройти несколько тактов. 92.

Проворачивать, -ю, -ешь; несов. к провернуть.

Пройти, -ду, -дешь, сов. 1) Покрыть полетом известное расстояние. От Самарова до Обдорска прошли в 4 часа 10 мин. 2) Миновать, пролететь без спуска. Звено прошло горную местность. 6. Псков из-за темноты прошел. 97.

Пролет, -а, м. Пропуск при полете намеченного для посадки пункта.

Промазать, -зал, -жу, сов. Ошибочно пролететь мимо нужного места (сесть заблудившись). Неправильно рассчитать посадку и либо сесть не там, где следует, либо пойти на повторный заход (см.), не садясь, 97, 31.

Промазывание, -я, ср.; суц. к промазать. 38.

Промазывать, -ю, -ешь, несов. и многокр. к промазать. 97.

Пронос, -а, м. Движение машины вперед, относительно земли или чего-либо, находящегося внизу и близко. Летчик выравнивает... быстрее обычного, так как машина не имеет проноса над землей. 38.

Проскок, -а, м. 1) Прорыв вражеского самолета за линию охраны. 2) То же, что пролет. 79, 96.

Прямить, -лю, -ишь, несов. Срезать излучины пути, лететь напрямиком. Любит Петров прямить. Тут попрямишь, там попрямишь — дальше полетишь. 44.

Пуговка, -и, ж. ирон. Та или иная точка, деталь самолета, служащая неопытному ученику вспомогательным ориентиром, шпалгалкой (см.). 97, 96.

Пузырник, -а, м., пренебр. Тот, кто летает на аэростате, дирижабист, воздухоплаватель с точки зрения энтузиаста механического полета. Да он не летчик, он — пузырник. 97.

Пума, -ы, ж. 1) Марка одного из моторов фирмы Сиддлей. 2) Название самолета с этим мотором. 28.

Пумочка, -и, ж.; ласк. к пума. 28.

Пухнуть, -у, -ешь, несов. (только 3-е л.). Приподниматься вверх плашмя и вертикально под действием воздушного потока (см. вспухать), против проваливаться. 97.

Пчелка, -и, ж. То же, что вибратор. Вибратор в обиходе, по словам автора, называется пчелкой. 101, 102.

Пятачок, ка, м. (посадка на п.), о весьма тесном аэродроме, посадочной площади. Посадка в Сорголе была произведена, как говорится, на пяточке. 33.

Разбалтыванье, -я, ср.; суц. к разбалтывать.

Разбалтывать, -ю, -ешь, несов. Качать из стороны в сторону; поминутно сводить с прямой линии полета, не будучи в состоянии выдержать ее. 97.

Разбег, -а, м. Движение самолета, катящегося по земле перед отрывом от нее (противоп. — пробег).

Разбить старт. Приготовить поле к выпуску самолетов в воздух. 97.

Развернуть, -ну, -нешь, сов. Заставить совершить разворот (см.), развернуться, -сь, -пшись — совершить разворот. 97. Ветер поддул Юнкерса и развернул его на 90°. Выйдя к морю, звено развернулось... и пошло на юг. 12.

Разворот, -а, м. Полет по дуге очень малого радиуса. Перемена направления полета на 45—90—180°. Вначале не было виражей. Ограничивались разворотами.

Разложить, -о-жу, -ожишь, сов. Разбить. То же, что угробить. 63.

Разложить старт. То же, что разбить старт. Летчики оспаривают правильность этого термина. 12.

Разложиться, -о-жусь, -ожишься, сов. Упасть, разбиться, угробиться (см.). Михайлов-то вчера разложился на У-2. Классический гроб. 97.

Ракетой, как нареч. о взлете, стар. То же, что свечой. 97.

Расконтриться, -тся, сов., только 3-е л. О скрепленных особыми чеками деталях — утерять эту чеку. 49.

Расчет, -а, м. Совокупность соображений и действий, необходимых для выполнения правильной посадки. Хороший расчет — половина летчика. Нельзя требовать от ученика захода, расчета и самой посадки. 12. Из-за ошибочного расчета Аврушка села в кусты. 96.

Расчетный, -ая, -ое. Теоретически вычисленный и принятый к выполнению. Мы скоро сблизись с расчетного курса и легли на новый 96.

Рвачество, -а, ср. Склонность к резким, грубым движениям рычагами управления. 29.

Редан, -а, м. (гидро). Уступ в днище лодки или поплавка. Для облегчения отрыва самолета от воды, на дне лодки и поплавков делается уступ, носящий название редана. 96.

Режим, -а, м. Совокупность всех особенностей данного рода полета или данного темпа работы мотора. Режим виража. Высотный режим. Режим горизонтального полета. 96.

Резать, -жу, жешь (курс), несов. Пересекать курс другого самолета впереди него или сади. 13.

Резка (тонкая), ж. Излишняя деликатность в управлении самолетом. Большинство угроблений происходит от излишне тонкой резки. 49.

Рему, нескл., ср. То же, что болтовня, болтанка — качка, обусловленная температурными потоками в атмосфере. 49.

Ротатуй, -я, м., разговорн., ротативный мотор. 97.

Рука, -и, ж. Действие рычагом руля высоты и элеронов, гоша — ручкой. Мягкая, жесткая ручка — характеристика движений этим рычагом с точки зрения их плавности или резкости. 92.

Ручка, -и, ж. 1) Рукоять управления рулем высоты и кренами. 2) Движение этим рычагом. Передать ручки, слишком сильно двинуть рулем. У него ручка хороша — хорошо управление. 3) Совокупность приемов и особенности манеры управления. Инструктор судит о состоянии ученика по тому, как он управляет самолетом, по ручке. 4) Летное дело, авиация вообще. Отставили от ручки. 73.

Ручка (осталась), о катастрофе, связанной с полным уничтожением машины и летчика. Осталась ручка, да дерьма кучка.

Рыть, -рою, -роешь, несов. Периодически нырять, клевать носом. 97.

Рычаг, -а, м., устар. То же, что ручка.

Рябой, -ая, -ое. О воде, подернутой рябью. Рябая вода вызывает колебание при плавании. 33.

Самовар, -а, м. Перегретый до кипения радиатор. 97.

Самоварить, -ю, -ишь. Перегреть радиатор (см. чай заваривать). 97.

Сапог, -а, м. То же, что нога (см.). 97.

Сапун, -а, м. См. сопун, грибок, суфлер.

Саф, -а, м. 1) Спидометр, указатель скорости с фабр. маркой SAF. 2) Всякий указатель скорости. 97 и др.

Сваливание, -я, ср. Сущ. к глаголу сваливать и сваливаться. Во II отд. были сваливания самолета в обратный штопор. 73.

Сваливать, -ю, -ешь, несов. Заставлять самолет переходить от горизонтального полета в полет со снижением разного рода: сваливать в штопор; сваливать с виража. 97.

Сваливаться, -юсь, -ешься; несов. к свалиться.

Свалиться, -юсь, -ишься, сов. 1) Спуститься камнем, как бы падая. Лучше всего свалиться перекрещенным штопором, изображая падение. 79. 2) Непроизвольно уклониться от горизонта с переходом к скольжению, штопору и т. п. 73.

Свернуться, -сь, -ёшься. То же, что сорваться. У самолета всегда есть тенденция свернуться на крыло (см. также перейти). 27.

Свечой, нареч. То же, что горкой. О крутом подъеме. Подъем свечой или горкой. 36. Нырнуть под брюхо немца и подняться к нему свечой. 79.

Сдавать, сдает (только в 3-м л.), о частях машины. Портиться, переставать работать. 29, 6, 96, 97.

Сдача, -и, ж. О моторе. Сущ. к сдавать; порча, остановка. Обязательно четко распределить, кто управляет при сдаче мотора. 38.

Сдохнуть, -нет, только 3-е л., о моторе. Окончательно остановиться, испортившись (см. скиснуть). Вдруг мотор сдох, пришлось садиться. 80. У планеристов также о ветре: внезапно прекратиться.

Семафорить, -ю, -ишь, несов. Сигнализировать. Самолеты кружат над аэродромом, зло и нервно семафорят ходовыми огнями — просят посадку. 6.

Сердце, -а, ср. Летный темперамент. Мелкие летчики слабого сердца... Стали выдвигаться

люди с большим сердцем. Молодые офицеры, летающие с сердцем. 96.

Сестра, -ы, ж. (милосердия). Санитарный самолет, в частности, напр., советский К-3—.

Сидение, -я, ср. Место летчика на самолете, кабина. Летчик не сумеет выполнить полет с заднего сидения. 38.

Скабировать, -ую, -уешь, устар. 1) Неожиданно опустить хвост в полета. 2) То же, что плюхнуться, спарашютировать. 101.

Скапотировать, -ую, -уешь; сов. к капотировать. См. «зарыть картошку». 76.

Сквозняк, -а, м. Ветер местного происхождения, в закрытом пункте местности. Подходили к берегу. Машину бросает. Во всех направлениях дуют сквозняки. 6.

Скольжение, -я, ср. См. подскользывание. 1) Движение машины вбок и вниз параллельно плоскости крена. 2) Одна из фигур высшего пилотажа. 6, 38.

Скоростенка, -и, ж. То же, что скорость, безотносительно к ее величине. Скоростенка более чем приличная, под 350. 76.

Скоростной, -ая, -ое. 1) Предназначенный для весьма быстрого полета: скоростной мотор, скоростной самолет. 2) Связанный с наличием некоторой скорости: скоростной козел (см.). 38.

Скрестись, -буть, -беешь. Подниматься, постепенно набирать высоту. Машина, задрав капот... напористо скреблась ввысь. 28.

Скула, -ы, ж. Бок; борт лодки гидросамолета. 55.

Слезть, -у, ешь, сов. Спуститься на землю. Почему вы не слезли своевременно? Барограмму не хотелось портить. 28.

Слепой, -ая, -ое. Проводимый без зрительной ориентировки: ночью, в облаках, тумане и т. п. 68.

Слетанность, -и, ж., должная выучка в совместном полете, умение держаться в строю, согласованность действий экипажа и машин.

Слетаться, -юсь, -еешься, сов. Приобрести навык в совместной летной работе || о полете в строю — научиться правильному и дружному полету.

Словчиться, -усь, -ишься. Сов. к довиться. Очень кстати словчиться в облако и против солнца. 79.

Смесь, -и, ж. Горючее топливо для мотора, бензин с примесями. 72. См. также авиоконьяк, коньяк.

Смотаться, -юсь, -еешься. сов. Улететь прочь. Скрыться из глаз. Пока я делал разворот, Упар куда-то смотался под облака. 45.

Снижает, -снизит, сов., безл., о потере высоты под влиянием внешних атмосферных причин. Над темными частями гор планер снижался. Так снизило Тельмана и Упар. 10, 45.

Снижаться, -юсь, -еешься, несов. 1) Спускаться перед посадкой. 2) Переходить к полету на меньшей высоте. 6.

Снижение, -я, ср.; суц. к снижаться. 6.

Сниматься, -юсь, -еешься; несов. к взлетать, отправляясь в путь, стартовать. 55.

Совать, -ую, -уешь, несов. (ручку, ногу, газ и т. п.). Делать резкое движение рычагом от себя, вперед. Не суй газ — портится мотор. Суешь ногу — машина забрасывает хвост. 76.

Сопун, -а, м. См. суфлер.

Сорваться, -усь, -еешься, сов. Начать падать, не выдержав правильного положения в полете. Посылая учеников на спирали..., ограничивались указанием (на случай), если сорвется штопор. 73.

Сосет, сосало, безл. у планеристов. Увлекает воздушным восходящим током (против. снижает). Видно, что в облаках сильно «сосет» и, чтобы не попасть в их гущу, приходится сильно жать машину. 45.

Соска, -и, ж. У парашютистов. Предохранительная резиновая тесьма к руке летчика обеспечивающая автоматическое открытие парашюта у новичка. Предохранительная резинка (или соска), как ее в шутку называют парашютисты, прикреплена к вытяжному кольцу и надевается на руку. 97.

Спина, -ы, ж. Верхняя сторона физиоляжа. 97.

Спинка, -и, ж. Только в выраж. на спинке — колесами вверх. 97.

Спиральить, -ю, -ишь, несов. Выполнять фигуру спирали. Ученик спиралит не над заданным пунктом. 73.

Спираль, -и, ж. Спуск по винтообразной кривой. 6.

Спросить старт. Запросить разрешение на взлет. См. старт.

Срывать, -юсь, -еешься; несов. к сорваться. 92, 49. Встречается производное — срыв. При слабой тенденции к срыву в штопор самолет быстро выходит из него сам. 45.

Стаб. -а, м. Стабилизатор, горизонтальная и неподвижная плоскость оперения. 96.

Стабилизатор видеть. Быть внимательным к происходящему за спиной сзади во время воздушного боя. Надо... не ориентировать глаз на своей жертве, но и видеть свой стабилизатор. 79.

Становиться на редан. См. Редан; на редан выходить. 58.

Старт, -а, м. 1) Начало полета. 2) Разрешение на вылет. В 3 часа 40 мин. летчику был дан старт. Он запросил старта. 3) Пункт аэродрома, откуда машины взлетают. При работе на двух, а иногда и на трех стартах... 45.

Стартовать, -ую, -уешь. нес. Отправляться в путь, вылетать. 19—IX звено советских машин стартовало на Центр. аэродроме. 6.

Статистика, -и, м. (Только в статистику попасть.) Быть убитым, разбиться. 81.

Столб (стоячий). О тихоходном самолете. А он ходит вокруг меня, как вокруг столба стоячего. 81.

Столб (телеграфный, отдельно стоящий). Об очень тесном аэродроме, площадке или об очень точной посадке. Он может на отдельно стоящий телеграфный столб сесть. 96.

Столбушок, -ка, м. (только: столбушка ставить). То же, что пикировать, гвоздить см. 96.

Стрелка. (Только: в стрелку, как нар.), о старте — система растягивания резинового амортизатора планера в одну линию (против. — вилкой). Более удобный и простой старт — это «в стрелку», когда имеется один шнур... направление... которого совпадает с... направлением полета. 45.

Стрельба, -ы, ж. Излишне шумный выхлоп (см.) газов мотором. 49.

Стрингер, -а, м. 1) В гидроавиации балка, образующая продольное крепление лодки. 2) В сухопутной авиации то же, что ланжерон фюзеляжа — продольная балка в корпусе самолета (реже). 58.

Строгий, -ая, -ое (о машине). Требующий особой точности и осторожности в управлении. 13.

Строй, -я, м. Взаиморасположение нескольких самолетов в совместном полете. См. гусиный, журавлиный, клина, круга, пеленга строй. Строй ежом. 79.

Сундук, -а, м., пренебр. Ученик-вывозник (см.) в языке инструкторов, пассажир не летчик (см. мешок). Считается предосудительным бур-

жузным словом. Сундук, закройся — замолчи (в обращении к ученикам). 76.

Сурик метать. Бояться, трусить. 97.

Суфлер, -а, м. Закрытое грибообразным колпачком отверстие в картере мотора. То же, что со(а)пун, грибок. 97.

Сухой, -ая, -ое (в гидроав.). Без брызгания. Пять требований, коим гидросамолет должен удовлетворять: 1) короткий и сухой разбег, 2)... и т. д. 32.

Сучок, -ка, м. Прозвище гидросамолета Кертис во время войны. Кертисы получили за открытое место для размещения летчиков название «сучков». 58.

Сферик, -а, м. Сферический аэростат. Воздушный шар. 42.

Сходить, -жу, -дишь, сов. Слетать, совершить полет. Третью неделю ученик летчик Зуев не может сходить на высоту. 28.

Сыпаться, -люсь, -ешься, несом. Падать стремглав, терять высоту, спускаться камнем вниз. 79, 97.

Сыпануться, -усь, -ешься; однокр. к сыпаться. 97.

Табуретка, -и, ж. См. этажерка. 97.

Термик, -а, м. Тепловой поток воздуха, поднимающегося вверх (противоп. динамический поток, поток рельефа). Вырваться в термики (термические потоки), обычно удавалось так... вырвавшись в термик... планер как бы застывает в воздухе. Снижение в термике спокойно. 45.

Терять, -ю, -ешь. 1) Уменьшать. Спираль, скольжение... теряю высоту и мчусь. 6. 2) Лишаться чего-либо. На пегле самолет теряет скорость и может свалиться в штопор. 97.

Тонкий, -ая, -ое. Осторожный, требующий мягких движений. Работа рулями в начале разбега довольно грубая, становится все тоньше и тоньше, приближаясь к тонкости управления в полете. 101. Тонкая резка — высокое мастерство полета.

Тренировочник, -а, м. Одна из степеней ученичества; летающий самостоятельно ученик. Когда облачный покров поднимало, летали и тренировочники. 28.

Трехточечный, -ая, -ое. Сопряженный с прикосновением к земле колесами и костылем одновременно. 73.

Триплас, -а, м., устар. Трехместный самолет. 79.

Три точки. Пара колес шасси (иногда четыре колеса) и костыль (или заднее колесо). Правильной посадкой считается посадка на три точки. 96 и др.

Труба, -ы, ж. Сильный небольшого сечения поток нагретого воздуха, увлекающий планер вверх. Ходишь на первом потолке, пока не попадешь в трубу, которая характерна своими мягко пульсирующими порывами, направленными снизу вверх. Сюда стекались все, ищущие трубу. 45.

Трубой (хвост). Излишне задранный при взлете и посадке. Передир хвоста... по наблюдению с земли хвост трубой. 38.]

Тупой, -ая, -ое (машина, самолет), слабо реагирующий на рули (против. — строгий). 38.

Тябз, нескл., м., сокр. Тяжелый бомбардировщик. 76 и др.

Тянуть, -у, -ешь, несов. Держаться в воздухе из последних сил, стремясь долететь. Опытный летчик (если мотор сдал), не торопясь, станет тянуть к станции либо к пристани. 49.

Убирать, -ю, -ешь, несов. 1) Прекращать действие, доступ. Когда я стал убирать газ, то дернул сектор. 96. Ножку убирай ровненько, плавненько. 97. 2) Ликвидировать, уменьшать. Убери угол. Пора садиться. 97.

Убранный, -ая, -ое; прич. к убирать. 73.

Убрать, -рал, -беру; сов. к убирать. 6, 42.

Угробить, -лю, -ишь, сов. Разбить вдребезги. 97.

Угробиться, -лось, -ишься, сов. Разбиться на смерть. См. в гроб сыграть. 97.

Угробление, -я, ср. Сущ. к угробить и угробиться. 49.

Удирание, -я, ср. редк. Выход из боя, отступление. Избегать правильных прямых удираний. 79.

Углом. (с) О неправильном методе расчета посадки, ведущем к парашютированию (см.) машины. 38.

Уйти, -йду, -дешь, сов. Улететь. Звено ушло в воздух на стрельбища. 96.

Ус, -а, м. гидр., струи, буруны под носом лодки или поплавков самолета, идущего по воде. 97.

Ус, -а. Отрезок всасывающего патрубка, торчащий поверх обшивки. 79.

Утка, -и, ж. Самолет, движущийся хвостом вперед, напоминая летящую с вытянутой шеей утку. Самолет, Утка Фокке-Вульф. Таким образом стартовали модели, когда он про-

изводил работы по исследованию типа «Утка». 45.

Утюг, -а, м. Тяжелый самолет, проваливающийся при посадке (имеющий тенденцию к плюху), см. 97.

Утюгом сесть. (См. с плюхом, с парашют.) 97.

Утюжить, -у, -ишь, несов. (горизонт, небо, землю). 1) Летать только горизонтально из-за плохого качества машины или летчика. 2) Редко то же, что брить (см.). 97.

Уходить, -жу, -одишь, несов. 1) Удаляться летом, улетать. Ложимся на курс и уходим с аэродрома. 72. 2) (о земле, воде и пр.) отдаляться, оставаясь внизу. Самолет идет вверх... земля уходит сразу. 42. 3) Сдвигаться со своего места помимо воли летчика. Теперь... надо объяснять, куда и почему уходит ручка (ВВФ. 1921 г.).

Учлет -а, м., сокр. Летчик-ученик, ученик летной школы. 96.

Уши ослиные. Добавочные плоскости (надкрылки) на крыльях, совершающие в работе определенное «хлопающее», машущее движение. См. пока-пока. 97.

Фигурный, -ая, -ое. Связанный с выполнением акробатического полета. Фигурный полет. Фигурный самолет. Ж. «Красноарм. и краснофл.», 1931, № 14.

Фигуряние, -я, ср. Выполнение номеров высшего пилотажа. Истребители строятся в расчете на выполнение всей программы фигуряния. 7. В ответ на фигуряние нашего истребителя... (поляки) решили съечь наши аппараты. 76.

Фигурять, -ю, -ешь, несов. Выполнять номера, фигуры высшего пилотажа. 97.

Форштвень, -ня, м. гидр. носовая часть лодки самолета. 58.

Фронта строй. Расположение машины в полете по горизонтальной прямой, перпендикулярной направлению полета. 37.

Фуки-буки, сущ. нескл., прозвище одной из систем гидросамолетов эпохи империалистической войны. Из летающих лодок... наилучшей считалась F. V. (Фуки-буки)... 58.

Фюзеляж, -а, м. Корпус самолета. 90, 86, 97.

Харкать, -ет, несов., только в 3-м л., о моторе. Издавать при неправильной работе особый звук. 97.

Хватка, -и, ж. Манера действовать рычагами управления. 36.

Хвост, -а, м. Задний конец фюзеляжа вместе с расположенными на нем органами устойчивости и управления. 97. В хвост (стать) — в кильватер, сзади за самолетом на продолженные оси его фюзеляжа; под хвостом (сидеть, держать) — ниже и сзади самолета. 97.

Хлопок, -а, м. Один клуб выпущенного мотором дыма. 36.

Ходить, -жу, -дишь, несов. Летать, крейсировать в воздухе. 96.

Царица (мира). Очень распространенный в империалистическую войну биплан Ваузена. 97.

Цельнотянутый, -ая, -ое, ирон. Краденый, сплагатированный. Далее в таблицах силуэтов «цельнотянутых» из альбома М. А. Владимирова... полностью сохранилась ошибка в названии истребителя Хейнкель. 45. Откуда у него табак? Цельнотянутый, от начштаба? 97.

Чай, -я (ю), м. Перегрев радиатора до кипения. Чай варить — допускать кипение (см. самоварить). 96, 97.

Чердак, -а, м. Пространство над потолком (см.) машины: недоступная высота. 97.

Чесануться, -усь, -ешься, сов., одн. Упасть. 97.

Чижик, -а, м. В Москве и на юге то же, что в Ленинграде воробей (см.). 97.

Чистота, -ы, ж. Мастерство, грамотность, безукоризненность. В выполнении учета нельзя требовать чистоты. 73.

Чистый, -ая, -ое. Безукоризненно-правильный. 92.

Чихать, -ет, несов., только 3-е л. (о моторе). См. харкать. 49.

Чувство, -а, ср. (аппарата, машины). Способность инстинктивно судить о работе и положении самолета. Он должен научиться различать стенины скорости, пользуясь исключительно своими ощущениями, или же он не выработает в себе «чувства аппарата». 29.

Чувствуется (самолет), только в 3-м л. Допускать возможность управления по внутреннему ощущению высоты, скорости, крена — без приборов и зрительной ориентации. 33.

Чуткий, -ая, -ое (о машине). Быстро реагирующий даже на слабое движение рычагов управления. Планер С-3 позволяет выявлять летные качества аппарата, будучи чутким на управление. 45. Прот. вялый.

Чутье, -я, ср. То же, что чувство. 32. Отсутствие чутья к самолету — причина для отчисления из школы. 73.

Шарманка, -и, ж. Инерционный стартер. Инерционный стартер в обиходе, по словам автора, называется шарманкой. 45. «Самолет», 8—9, 1933 г., стр. 64. См. также Папчинский, А. Авиомотор. 1932 г. Авио- и автотр. изд-во.

Шасси, нескл. (часто шасси). 1) Колеса и поддерживающая их конструкция. Ноги: «подогнулись шасси (у пьяного) и носом ударился в грязь» 73. 2) Женские ножки в частности: «Разинув рот, по ветру нос, осматривал шасси с примерным упоением». 73.

Шикарный, -ая, -ое (дореволюционные войны). Технически самый лучший. 79.

Шпангоут, -а, м. Ребро лодки гидросамолета. 58.

Шпиргалка, -и, ж. Побочный, вспомогательный зрительный ориентир летчика, не выработавшего еще «чувства полета» (см. ВВФ, 1921 г.).

Шпилить, -лю, -лишь, несов. Быстро лететь, мчаться стремглав. Забрал меня под хвост и шпилит мимо Речицы. 76. Летчик теряет голову и шпилит гвоздем в землю. 49.

Штопор, -а, м. Намеренное или аварийное падение самолета вращающегося вокруг своего центра тяжести. Одна из фигур высшего пилотажа. 76, 92, 49 и др.

Штопорить, -ю, -ишь, несов. 1) выполнять фигуру штопора. 2) Переходить в катастрофический штопор. 97.

Штопорнуть, -ну, -нешь, одн. к штопорить. Штопорну раза два и баста. 97. У самолета всегда есть тенденция штопорнуть. 29.

Штурвал, -а, м. Колесообразный рычаг управления кренами, укрепляемый на ручке (см.) в тяжелых самолетах. Водопьянов сел за штурвал и полетел на Сахалин. 6.

Шуровать, -ую, -уешь, несов. необобр. Непрерывно и без надобности перемещать взад и вперед рычаги управления. 16 пункт поводов к отчислению гласит: «Шурует ногами». 96.

Щека, -и, ж. Парная откидная крышка на капоте мотора (см. щечка. 97). Задувание в щеку — о струе встречного воздуха при негоризонтальном положении плоскостей. 49.

Щечка, -и, ж. То же, что и щека.

Щупать, -ю, -ешь (землю), несов. Совершить посадку неуверенно, в несколько приемов, по волнообразной линии. Летчик, сделав ручкой на себя, дает снова от себя и так все время «щупает» землю. 29.

Этаж, -а, м. Только в выражении «на третьем этаже» — о слишком высоком выравнивании машины при спуске (см. лестница). 96.

Этажерка, -и, ж., пренебр. То же, что табуретка, первобытный биплан, преимущественно Фарман-4. 97.

Юзом, как наречие, о полете бочком, с заносом хвоста в сторону.

Юбка, -и, ж. Матерчатый чехол, закрывающий мотор при его прогревании. 6.

Яма, -ы (воздушная), ж. 1) Столб воздуха с нисходящим движением, в котором самолет резко проваливается. 2) Резкий бросок машины вниз в таком столбе. 49 и др.

Р. ШАУМЯН

Следы грамматических классов (родов) в агульском языке

Как известно, большинство яфетических языков Кавказа обладает особой грамматической категорией классов (родов). Количество классов в различных языках Кавказа колеблется от двух до шести. Явление это весьма характерно и для яфетических языков Дагестана. Классными показателями особенно изобилуют языки лезгинской группы, но среди них есть такие, как агульский, лезгинский и удиинский, которые, несмотря на общность структуры с остальными языками названной группы, не обнаруживают грамматических классов. Однако эти, по выражению П. К. Услара, «безродные» (т. е. лишенные классных показателей) языки в окаменелой форме сохранили некоторые следы грамматических классов.

Прежде чем приступить к выяснению следов грамматических классов в агульском и отчасти в лезгинском, следует дать общую характеристику окружающих языков, сохранивших категорию классов (родов).

В табассаранском языке всего два класса: разумных и неразумных существ. Показателем для класса разумных существ является плавный г, для неразумных губной β. Во множ. числе оба класса имеют общий показатель гаг. Классные показатели в табассаранском языке обыкновенно появляются в числительных, прилагательных и глаголах.¹

Примеры:

	CL ¹ г	}	множ. ч. гаг
	CL ² β		
CL ¹ sag arm			‘один человек’
CL ² saβ qm			‘одна корова’
CL ¹ leður		}	} мн. ч. leðurгаг
CL ² leđuβ			
CL ¹ dağoz			‘бежать’
CL ² daβğoz			»

¹ А. Дирр. Грамматический очерк табассаранского языка, СМОМПК, т. XXXV, Тифлис, 1905, стр. 9, 31, 47. Примеры, извлеченные мною из работ А. Дирра и П. Услара, всюду передаю в аналитической транскрипции.

Арчинский язык располагает четырьмя классами, из коих 1-й класс имеет показателем полугласный w и вмещает в себя все разумные и зрелые в половом отношении существа мужского пола, 2-й класс отличается от первого показателем d и указывает на все разумные и зрелые в половом отношении существа женского пола, 3-й класс имеет показателем губной b и указывает на всех зрелых в половом отношении животных без различия пола, а также известные предметы, естественные и искусственные, наконец, 4-й класс имеет нулевой показатель, реже зубной ʒ и указывает на все незрелые в половом отношении существа, разумные и неразумные, а также на все предметы, не входящие в другие классы. Во множ. числе все четыре класса имеют общий показатель b.¹

	Ед. ч.			Мн. ч.
	в начале	в середине	в конце	
CL ¹	w, u	w, u	w	} b
CL ²	d	r	r	
CL ³	b	b	b	
CL ⁴	нуль	ʔ ¹	ʒ	

В арчинских глаголах классные элементы появляются в начале, середине и в конце корня. Есть также глаголы, которые классных показателей не принимают. В прилагательных классные показатели появляются разно или в конце, или одновременно в начале и в конце. Прилагательные с одним классным элементом имеют один общий показатель множественности для всех четырех классов. Прилагательные же, принимающие несколько классных элементов, имеют две формы множественности — для первых двух классов одну форму, а для последних двух — другую.

CL ¹ w	} мн. ч. b.
CL ² d, r	
CL ³ b	
CL ⁴ нуль, редко ʒ	

Примеры:

CL ¹ t iʔw	‘маленький’	} мн. ч. t iʔb
CL ² t iʔr	»	
CL ³ t iʔb	»	
CL ⁴ t iʔʒ	»	

¹ А. Дирр. Арчинский язык. СМОМПК, т. XXXIX, Тифлис, 1908, стр. 3—6.

Примеры:

CL ¹ wiğduw	‘тяжелый’	} мн. ч. biğdib
CL ² diğdur	»	
CL ³ biğdub	»	} мн. ч. iğdib ¹
CL ⁴ iğduθ	»	

Рутульский язык имеет также четыре класса. 1-й класс имеет показателем плавный г или нуль, сюда относятся все разумные существа мужского пола, 2-й класс имеет показателем г и указывает на все разумные существа женского пола, 3-й класс имеет показателем w, b, сюда входят почти все животные, 4-й класс имеет показателем d или нуль и указывает на все остальные предметы, не входящие в первые три класса

CL ¹ г или нуль	} мн. ч. d
CL ² г	
CL ³ w, b	} мн. ч. d или нуль.
CL ⁴ d или нуль	

Показатели числительных: CL^{1,2} г, CL³ b, CL⁴ d.

- » глаголов: CL^{1,4} нуль, CL² г, CL³ w(b), мн. ч. CL^{1,2} d, CL^{3,4} нуль.
- » прилагательных: CL^{1,2} г, CL³ b, CL⁴ d, мн. ч. CL^{1,2,3,4} d.*

Примеры:

CL ¹ a-r-qəd	‘высокий’	} мн. ч. a-d-qəd
CL ² a-r-qəd	»	
CL ³ a-b-qəd	»	
CL ⁴ a-d-qəd	»	

В цахурском языке всего четыре класса, показатели коих встречаются почти во всех частях речи. Значения классов цахурского языка следующие:

- CL¹ — все разумные существа мужского пола,
- CL² — » » » женского пола,
- CL³ — почти все животные и большинство неодушевленных предметов,
- CL⁴ — сюда входит все остальное.

¹ А. Дирр. Арчинский язык, СМОМПК, т. XXXIX, Тифлис, 1908, стр. 21—24.

* А. Дирр. Рутульский язык, СМОМПК, т. XLII, Тифлис, 1912, стр. 4—5.

Все числительные кроме единицы принимают классные показатели в виде инфиксов:

CL^{1,2} r, CL³ b, CL⁴ d (y, l).

Примеры:

CL^{1,2} köyrä (← *körlä), CL³ köblä,

CL⁴ ködlä (köylä, köllä) 'два'¹

Классные показатели в глаголах:²

CL ¹ нуль, r	} мн. ч. w, b,
CL ² y, r	
CL ³ b, w	} мн. ч. нуль или d.
CL ⁴ нуль, d	

Прилагательные имеют следующие показатели:³

а)	CL ^{1,2,3} na, в некоторых da	} мн. ч. (ə) n
	CL ⁴ (ə) n	
б)	CL ^{1,2} r	} мн. ч. b
	CL ³ b	
	CL ⁴ d	} мн. ч. d
	CL ⁴ d	

Примеры:

мн. ч.

CL ¹ qärna adamı	'большой человек'	} qäbın adamär
CL ² qärna hıneñe	'большая женщина'	

мн. ч.

CL ³ qäbna balqan	'большая лошадь'	} qädın balqanar
CL ⁴ qädın qaw	'большой дом'	

Лакский язык различает четыре класса:

CL¹ все разумные существа мужского пола,

CL² » » » женского пола,

CL³ все неразумные одушевленные существа,

CL⁴ все неодушевленные.

¹ А. Дирр. Цахурский язык, СМОМПК, т. XLIII, Тифлис, 1913, стр. 5—6, 51.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 27—28.

Показатели этих классов появляются в различных частях речи, числительных, прилагательных, местоимениях, глаголах и тесно связаны с грамматическими классами арчинского языка.¹

	Ед. ч.	Мн. ч.
CL ¹	v, u	} b, u
CL ²	d, r	
CL ³	b, u	
CL ⁴	d, r	d, r.

В даргинском языке всего три класса:

CL¹ все разумные существа мужского пола,

CL² » » » женского пола,

CL³ все неразумные одушевленные и неодушевленные.²

Ед. ч.	Мн. ч.
CL ¹ w (в начале и в конце слова) кроме слов, начинающихся с г и и, которые в ед. ч. классовых показателей не принимают	} для 1-го и 2-го лица d (в начале слога) и г (в конце); для 3-го лица v как в начале, так и в конце слога, d (в начале слога) и г (в конце слога).
CL ² d (в начале слога) и г (в конце), кроме некоторых существит., которые принимают г также в начале слога	
CL ³ v (в начале и в конце слога)	

Из рассмотренных нами классов видно, что показателями их в большинстве случаев являются губные w, b, и β, зубной d, редко ʒ, и плавный г, причем г и d часто появляются в виде перебойных эквивалентов.

Агульский язык, как я говорил выше, не различает классов, но частицы прилагательных и отчасти конечные согласные числительных в своих различных диалектических вариациях, записанных мною летом 1933 г. в качестве участника Дагестанской лингвистической экспедиции, организованной Всесоюзным Центральным комитетом нового алфавита и Институтом языка и мышления Академии Наук СССР, дают повод рассматривать их как остатки классовых показателей.³

¹ П. К. Услар. Лакский язык, Тифлис, 1890, стр. 9—10, 15.

² П. К. Услар. Хюркилийский язык, Тифлис, 1892, стр. 12—13.

³ А. Дирр еще в 1907 г. в предисловии к своей агульской грамматике (стр. III) указывал на вероятное соответствие агульской формы прилагательных на -f табассаранской на -иβ, но он тогда не располагал достаточными фактами, чтобы обосновать действительную связь между существующими формами определенных грамматических категорий.

Тенденция различных языков лезгинской группы сокращать число классов, а с другой стороны — распад системы этих же классов дают повод искать в так называемых «безродных» языках следы классов.

Рассмотрим различные части речи агульского языка, сохранившие, по нашему мнению, в окаменелой форме элементы грамматических классов.

Прилагательные в агульском языке в различных диалектах имеют свои специфические показатели: в собственно агульском и керенском диалектах — *f*, в буршагском говоре кошанского диалекта — *g*, в арсугском и худигском говорах того же диалекта — *d* и в говоре аула Фита — *ʒ*. В агульском языке изменение прилагательных по падежам почти ничем не отличается от склонения существительных, если они появляются самостоятельно. Если же прилагательное имеет значение определения, то никаким изменениям не подвергается и обычно появляется без характерного элемента. При образовании множественного числа агульский и керенский диалекты в прилагательных отбрасывают характерный звук — *f* и принимают *-taŋ* после гласных и *-taŋ* после согласных, причем в косвенных падежах ед. числа гласным элементам падежных приставок всегда предшествует зубной *t̃*. В кошанском диалекте прилагательные во множественном числе сохраняют свои характерные частицы — *g*, — *d*, — *ʒ* и принимают показатель множественности — *ag*.

Примеры: Аг.-кер. диал.; *haŋ*, род. п. *hañin*, мн. ч. *haŋar* 'большой', *bitif*, род. п. *bitiñin*, мн. ч. *bitiŋar* 'маленький', *batarf*, род. п. *batartın*, мн. ч. *batartar* 'красивый'; кош. диал. (бурш. г.): *aŋar*, род. п. *aŋadın*, мн. ч. *aŋarar* 'большой', *utir*, род. п. *utidin*, мн. ч. *utiŋar* 'маленький'; кош. д. (арсуг. г.): *utid*, род. п. *utidin*, мн. ч. *utiŋar* 'маленький'; кош. д. (Фит. г.): *bitiʒ* 'маленький', *ɟagarʒ* 'белый' и т. д.

Такого же типа как по своему значению, так и по употреблению прилагательные лезгинского языка, характерная частица которых по своему фонетическому облику (*d*) вероятно примыкает к соответствующим показателям упомянутых выше говоров кошанского диалекта агульского языка (*d* и *ʒ*): лезг. *q̣sandı* 'хороший', *q̣san ayal* 'хороший ребенок'.

Для нашей темы не меньший интерес представляют также исходные согласные в числительных лезгинского и агульского языков, представленных в своих диалектических разновидностях звуками *d* и *g* (см. табл.).

Указанные выше звуки формально являются как бы перебойными эквивалентами, но при историческом подходе они обнаруживают генетическую связь с классными показателями родственных языков. Что эти соглас-

Копч. числит.	Агульский язык		Лезг. язык
	Агульск. д.	Копч. д. (бурш. г.)	
1	sad	sar	sad
2	ɣud	kur	kɛd
3	χɪbud	ɲɪbur	puɖ
4	yakud	yakur	kud
5	ɣufud	yɪʃur	wad

ные не являются коренными в числительных агульского и лезгинского языков, а окаменелыми формами грамматических классов, очевидно из следующих примеров рутульского и табассаранского языков:

Рут. kwe-r hədəldə 'две женщины'
 kwe-r edemɪ 'два человека'
 kwe-b yaʃ 'два быка'
 kwe-d qal 'две комнаты'¹

Таб. sa-r armɪ 'один человек'
 sa-β qɪnɪ 'одна корова'²

Не предрешая вопроса о следах грамматических классов в глаголах агульского языка, я позволю себе привести конкретный факт, который пока не имеет удовлетворительного объяснения. Дело в том, что некоторые агульские глаголы (в соб. агульском и гекхунском диалектах) инфигируют плавный г, который в большинстве случаев появляется перед последним, а иногда предпоследним согласным корня. Этот инфикс главным образом фигурирует в деепричастии настоящего времени, в настоящем 1-м и 2-м, в аористе, в причастиях 1-м и 4-м, а также в запретительной форме повелительного наклонения. Более явственные следы грамматических классов сохранились в агульских глаголах, именно в формантах прошедшего времени (4-м) и причастиях, выраженных согласным — f в собственно агульском, керенском и гекхунском диалектах и — г, — d, — ʒ в соответствующих говорах кошанского диалекта. Последние как отглагольные прилагательные склоняются так же, как и прилагательные.

¹ А. Дирр. Рутульский язык, СМОМПК, т. XLII, Тифлис, 1912, стр. 4, 49.

² А. Дирр. Грамматический очерк табассаранского языка, СМОМПК, т. XXXV, Тифлис, 1905, стр. 9.

Образец спряжения глагола с инфиксом «г».

Неопред. наклонен.	akas 'делать'		
Деепртч. наст. вр.	arkayı	Условное	akası
» прош. вр.	akuna	Желательное	akuray
Настоящее 1	arkaya	Повел. накл.	ake
» 2	arkay aya	» мн. ч.	akeway
Прошедшее 1	akune	Причастие 1	arkaf
» 2	akunay	» 2	akuf
» 3	akuna a	» 3	akunayef
» 4	akufe	» 4	arkayef
Будущее	akase	» 5	akubanf
Аорист	arkayı	Деепртч. (stı)	akastı
Сослагат. 1	akuđın	» (guna)	arkaguna
» 2	akunıđın.		

На основании приведенных фактов можно заключить, что элементы прилагательных в агульском языке некогда имели значение классных показателей и что число всех грамматических классов (до трансформации их в элементы прилагательных) не превышало четырех. Предполагаемые нами классные показатели (f, r, d и đ), современем утерав свое значение в различных диалектах и говорах агульского языка, были соответственно использованы в качестве характерных частиц прилагательных.

Исходя из фактов арчинского, рутульского и цахурского языков, представленных четырьмя классами и соответствующими показателями, близкими показателям агульских прилагательных, можно также приблизительно наметить значение классов, имевших в прошлом место в агульской речи. Состояние классов агульского языка до превращения их в элементы (категию) прилагательных можно было бы по аналогии с соседними языками представить себе приблизительно в следующей схеме:

- CL¹ = r — все разумные существа мужского пола,
 CL² = d — » » » женского »
 CL³ = f — » неразумные одушевленные существа,
 CL⁴ = đ — » неодушевленное.

Так как указанные нами согласные не являются коренными в родственных языках, сохранивших категорию классов, а морфологическими элементами, мы в праве рассматривать конечные согласные в числительных агульского и лезгинского языков окаменелыми формами грамматических классов, а соответствующие элементы в прилагательных функциональной сменой грамматических категорий.

Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ

О категории грамматических классов в кабардинском языке

(Предварительное сообщение)

Поездка летом 1934 г. на Северный Кавказ, в Кабардино-Балкарскую автономную область с целью изучения кабардинского языка, имела своим результатом обнаружение двух новых особенностей в его грамматической структуре.

Одна из них, касающаяся вопроса о наличии в кабардинском языке категории грамматических классов, указывает на типологическое сходство кабардинского языка с территориально близким к нему яфетическим языком — абхазским; другая — определяет категорию страдательного залога в глаголе, явление в северо-кавказских яфетических языках неизвестное и обнаруженное пока только в кабардинском языке.

В данной статье из этих особенностей мною освещается одна, а именно: категория грамматических классов.

А. Dirr в своем «Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen» (Leipzig, 1928), подводя итоги в изучении кавказских языков по литературе, вышедшей до 1928 г., в отношении категории грамматических классов для северо-западной группы кавказских яфетических языков пишет: «... nur das Abchasische... Klassen kennt. Dem Ubychischen und dem Kabardinschen sind diese fremd» (73). Литература, вышедшая после 1928 г., как «Грамматика кабардино-черкесского языка» Т. М. Борукаева (Нальчик, 1932) и «Краткое пособие по грамматике и стилистике кабардино-черкесского языка» Абубекира Гукемух (Баталпашинск, 1932, на черкесском языке), также не констатирует в кабардинском языке категории грамматических классов, несмотря на то, что от авторов грамматик, как кабардинцев по национальности, ожидалось бы большее понимание структуры своего родного языка. «Краткая грамматика адигейского (кяхского) языка»

проф. Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамаф (Краснодар, 1930), освещающая структуру одного из черкесских языков, тоже обходит этот вопрос молчанием. Наконец, вышедшая в 1933 г. (Paris) работа Georges Dumézil «Introduction à la Grammaire comparée des langues caucasiennes du nord» в этом отношении также не приносит ничего нового, ибо на странице 1 автор говорит: «Parmi les langues CNO¹ l'ubəx et le čerkes ignorent absolument les classes; il est impossible, dans l'une comme dans l'autre langue, d'en déceler même des traces».² Таким образом, существующая научная и учебно-практическая литература о кабардинском языке на вопрос наличия в нем категории грамматических классов отвечает отрицательно.

После этих замечаний перехожу к конкретному изложению вопроса о категории грамматических классов в кабардинском языке. По классификационной схеме грамматические классы кабардинского языка стоят ближе всего, как и следовало ожидать, к классам в абхазском языке, отличаясь от них тем не менее некоторым своеобразием.

Своеобразие это заключается в том, что, сохраняя свойственное абхазскому языку деление объективного мира на классы существ социально-пассивных и существ социально-активных, кабардинский язык не обнаруживает в грамматической структуре речи привычных для исследователя морфологических показателей этих классов.

Категория грамматических классов в кабардинском языке прослеживается пока что только в связи с определенным синтаксическим оборотом речи, именно таким, в котором субъект предложения выступает в орудивной форме с послелогом *tä*.

Кроме Л. Лопатинского, который в «Грамматических заметках» (Сборн. материал. по опис. местн. и племен Кавказа, т. XXI, 1896, Тифлис, стр. 305) относит предложение с субъектом, оформленным орудивным послелогом *tä*, к позднейшим и считает, что при страдательном значении переходного глагола этот тип предложения по смыслу ничем не отличается от предложения, в котором субъект оформлен показателем «*m*», — исследователи кабардинского языка ничего не сказали о предложении с субъектом в орудивном значении.

Между тем особенности, связанные с орудивностью субъекта предложения, в кабардинском языке настолько существенны, что обойти их молчанием или оставить совершенно незатронутыми невозможно.

¹ CNO — langues caucasiennes du Nord-Ouest.

² См. там же на стр. 34 прим. 1.

Первое, что должно быть отмечено, это такое различие в употреблении предложений, в коих субъект оформлен послелогом *т̄а*, которое ясно указывает на оригинальность в разграничении в кабардинском языке категорий одушевленности и неодушевленности.

Приведу примеры.

Для категории предметов одушевленных можно считать обычным такое употребление предложений:

а) *anäm̄t̄a f̄q̄əḡ k̄aɪ̄n*¹ — ‘матерью дочь избита’ (была) или б) *anäm̄t̄a f̄q̄əḡ uək̄aɪ̄n* — ‘матерью дочь избит[ва]ла[сь]’², но как только мы попытаемся употребить подобные конструкции с неодушевленным субъектом предложения, то окажется, что для имен неодушевленных возможна только первая конструкция. Иначе, можно, напр., сказать:

а) *həm̄t̄a ɪ̄naɪ̄ḡ h̄aɪ̄n* — ‘кровью³ мальчик умер’, но нельзя совершенно допустить оборота *həm̄t̄a ɪ̄naɪ̄ḡ uəḡəh̄aɪ̄n*, хотя форма *həm̄ ɪ̄naɪ̄ḡ uəḡəh̄aɪ̄n* — ‘кровь мальчик его заставила умер[еть]’⁴ так же была бы обычна, как и форма *anäm̄ f̄q̄əḡ uək̄aɪ̄n* — ‘мать дочь избитла’.

Оборот ‘*həm̄t̄a ɪ̄naɪ̄ḡ uəḡəh̄aɪ̄n*’ может быть допустим, но только при одном условии. Необходимо, чтобы неодушевленный субъект предложения, выступающий в орудивной форме, был поставлен логически и грамматически в положение косвенного дополнения, т. е. оказался в роли имени, через которое, или посредством которого совершается действие, в роли же действующего субъекта выступил другой, т. е. новый и при этом одушевленный субъект.

Напр. *həm̄ həm̄t̄a ɪ̄naɪ̄ḡ uəḡəh̄aɪ̄n* — ‘мужчина кровью мальчик [а] заставил умер[еть]’.⁵ Однако, это безусловно интересное явление кабардинской речи должно быть дополнено еще одним исключительно важным моментом.

Оказывается, что не все одушевленные имена склонны сохранять конструкцию, подобную *anäm̄t̄a f̄q̄əḡ uək̄aɪ̄n*.

Так, имена одушевленных существ, которые могут быть названы неразумными (Услар), точнее социально-пассивными, как то животные,

¹ О формах *k̄aɪ̄n*, *h̄aɪ̄n*, *ət̄aɪ̄n* и т. п., являющихся страдательным залогом глагола, речь будет в особой статье.

² В скобках [] заключены те элементы слова, которые приведены как поясняющие. Устранив эти элементы, но сохраняя целиком остальной остов предложения, можно получить приблизительно адекватное кабардинскому мышлению понимание всего оборота речи.

³ Т. е. через кровь, посредством крови.

⁴ Оборот явно отражает тотемистический (первобытно синтетический) строй мышления, и поэтому перевести его адекватно нашему мышлению весьма затруднительно.

⁵ О переводе см. прим. 2. на этой странице.

а также такое как Əħă 'бог', могут выступать только в предложениях типа :

	bļām	ɬaɫār	yə ^o ətaiɬ
	змея	мальчик[a]	убила
	Əħām	fəzəg	yəğǎ ^o ənǎq ^o aɬ
	бог	женщин[y]a	обездолил
либо	bļātǎ	ɬaɫar	^o ətaiɬ
	змеей	мальчик	убит [был]
	Əħām ^{tǎ}	fəzəg	^o ənǎq ^o aɬ
	богом	женщина	обездолена [была]

что касается типа предложения:

1. bļātǎ ɬaɫār yə^oətaiɬ, 2. Əħām^{tǎ} fəzəg yəğǎ^oənǎq^oaɬ.

то так сказать возможно лишь в том случае, если субъект предложения является не только одушевленным, но и социально-активным (см. anām^{tǎ} fɟer yəkǎɬ), если же субъект предложения является одушевленным, но социально пассивным (blā 'змея', Əħă 'бог', məɬǎ 'медведь' и т. п.), то данная конструкция предложения должна быть дополнена так, чтобы в роли субъекта предложения выступило одушевленное и притом социально-активное существо, т. е. предложение должно быть построено по типу, как это было уже указано для существ неодушевленных (следовательно, социально-пассивных); напр., hə — 'кровь', məvǎ — 'камень' и т. п. (ср. выше: həm hətǎ ɬaɫār yəğǎɬaɬ).

Из только что сказанного и представленного соответствующими примерами можно заключить, что кабардинский язык на ряду с категориями одушевленности и неодушевленности различает категории существ социально-активных и социально-пассивных, т. е. различает грамматические классы.

Сохраненные в языке в необычной для исследователя форме, а также подвергнувшиеся в сознании говорящего кабардинца частичному разрушению, под влиянием новых форм мысли, грамматические классы здесь уже по этим самым причинам могли остаться незамеченными со стороны всех немногочисленных исследователей кабардинского языка.

Это, однако, не давало и не дает еще никаких прав заключать, что грамматических классов в кабардинском языке нет, или что те или иные морфологические показатели этих классов не будут в нем обнаружены. Есть данные предполагать, что в описанном в данной статье или подобном ему виде категория грамматических классов должна быть сохраняема и в других северо-западной группы кавказских яфетических языках, напр., адигском (кахском) и убыхском.

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

Звуковой состав цезского (дидойского) языка¹

1. Цезский (дидойский)² язык по своему звуковому составу сравнительно с другими многочисленными дагестанскими языками не особенно сложен. Он проще аварского с его геминированными звуками, андийского и ботлихского с их назализированными гласными и некоторых других соседних языков. Но он сложнее, чем южно-кавказские языки и тем более, благодаря своим аффрикатам, чем любой язык протоеидской (индоевропейской) системы.

¹ Доложено на заседании Кавказского кабинета ИЯМ 25 VI 1934 г.

² Цезы, которые больше известны под наименованием дидойцев, живут в нагорной части Дагестанской АССР; они занимают весь Шаурский район (по-цезски Ешаа) и отчасти Цумадинский. Местность расположена на северном склоне Кавказского хребта. Шаурский район, занимающий 77 790 га площади, состоит из 8 сельсоветов (42 аула), в которых живет 6690 человек (1482 дыма). Кроме того, в Цумадинском районе в ауле Хушате (по-цезски Қишаḡ) живет еще 507 человек (117 дымов). Таким образом число говорящих на цезском языке 7197 человек (1599 дымов). Все статистические данные в печатной литературе приводят меньшую цифру и они не точны (см. И. Мегрелидзе. *ლილოურ — ქართულ ენობრივ ურთიერთობებს* Из цезско (дидойского)-грузинских языковых взаимоотношений. — Юбилейный сборник, посвященный акад. Н. Я. Марру, «За Марксистское языкознание», изд. Тифлиского гос. университета, Тифлис, 1934, стр. 165). Письменности цезы не имеют, они обучаются на аварском языке. Мы работали над этим языком на месте только в августе 1933 г. совместно с сотрудниками Дагестанского Научно-исследовательского института — Ш. Микаиловым и Е. Бокаревым. Эта лингвистическая экспедиция, состоявшая из нескольких отрядов и имевшая задачей изучение вопроса разработки алфавитов для бесписьменных языков Дагестана, была осуществлена совместно с Всесоюзным Центральным комитетом нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР (ВЦК НА), Институтом языка и мышления Академии Наук СССР (ИЯМ АН) и Дагестанским Научно-исследовательским институтом (см. Отчет о деятельности Акад. Наук СССР в 1933 г., Ленинград, 1934, стр. 216). Несмотря на ряд неблагоприятных условий на месте, более или менее плодотворная работа была осуществлена только благодаря особому старанию нашего лучшего осведомителя Хаджи-Мурада Магама Алиу (Нал-Мурад Мағама Алиу, род. в 1890 г.; житель с. Шайтли). С ним нам удалось работать всего 8 дней. Настоящая работа представляет собой первый опыт систематизации звуков цезского языка. Автору пришлось преодолеть немало трудностей при отсутствии звукозаписывающих аппаратов.

Вся сложность звукового состава цезского языка заключается в согласных рядах звуков. Гласными звуками он не особенно богат, будучи проще сванского языка, в котором мы имеем два ряда гласных: обыкновенные и соответствующие им перегласовки (умлаутные гласные). Вся трудность для исследователей звукового состава цезского языка заключается в его сложных согласных, которые представляют особые затруднения для незнакомых с кавказскими языками.

Над цезским языком работали Р. Эркерт, А. Старчевский, А. Дирр, А. Сержпутовский и акад. Н. Я. Марр. Существующая литература немногочисленна, и работы заключают в себе преимущественно лексический материал. Р. Эркертом и А. М. Дирром записаны отдельные слова и целые фразы, но тексты этого языка еще никем не изданы.

А. Материалы Р. Эркерта по цезскому языку представлены в его объемистом труде: «Die Sprachen des kaukasischen Stammes» с предисловием Ф. Мюллера (Wien, 1895), на стр. 203—221, вместе с капучинскими и хваршинскими материалами, а также кое-что и на других страницах этой же книги. Эти же материалы Р. Эркерта входят в его рукописную работу, хранящуюся в Рукописном отделе Библиотеки бывш. Азиатского музея, ныне Института востоковедения Академии Наук СССР, под шифром «III, 179 пова». Рукопись в двух томах весьма разборчиво написана по-русски. Материалы Р. Эркерта после материалов, собранных Старчевским, по своей ценности и точности стоят ниже всех остальных материалов. В его работе затронуты почти все кавказские языки, и это не могло не идти в ущерб каждому из них в отдельности, даже в том случае, если бы сложный звуковой состав кавказских языков оказался бы им полностью преодоленным. Цезский язык представлен у него всего 169 коротенькими фразами, стандартными предложениями, которыми он пользуется для всех приведенных языков, причем взяты неудачные для цезского языка стандарты, напр.: «Die Zaun des Gartens (часть II, пример 1, стр. 203), «Der Vater sitzt im Garten» (пример 44, стр. 207), «Die Mutter sitzt im Garten» (пример 45, стр. 207), «Der Gemüsegarten gross ist» (sic!) (пример 58, стр. 207) и т. п., причем даны неточные переводы. Он пользуется этими искусственными примерами, не понятными для цезов; поскольку цезы занимаются скотоводством, эти примеры для них мало понятны, так как понятия «сад», «забор» для них не реальны. В настоящее время цезы мало-помалу переходят к земледелию, но еще не имеют ни садов, ни огородов. Также искусственны примеры «Ich gehe in die Stadt» (пример 40, стр. 206), «Wir in die Stadt gehen» (sic!) (пример 42, стр. 206) и т. п., так как цезы мало

знают город, и редко кто из них бывал в городах. Но дело не в том, что у Р. Эркерта неудачные примеры, — это не так существенно для нашей темы, — нам важнее, как записаны им эти примеры, насколько удалось ему уловить звуки цезского языка. К сожалению, у него эта сторона тоже слаба. Он плохо разбирается в звуках: d и ɖ, t̥ и ṭ, t̃ и t̂, k и q, p и φ, q̃ и q̂, вместо одного употребляет другой. Не совсем выдержана также и передача гласных.

В. А. В. Старчевский представил всего 222 слова,¹ и его работа стоит ниже всякой критики. Лексические материалы, переданные русскими буквами, настолько искажены, что некоторые слова изменены до неузнаваемости, и, конечно, такой материал для установления звукового состава данного языка не может быть научно использован.

С. Интересны материалы, собранные А. М. Дирром.² У него представлены как отдельные слова в общем словаре,³ так и некоторые фразы, а также перечень числительных и примеры склонения и спряжения. Качественно этот небольшой материал много лучше, чем материалы первых двух авторов. В нем уловлены почти все звуки. У него имеются, однако, свои недостатки, так, напр., он не всегда различает h и ħ, ħ и ʁ, иногда k и ḳ, а также d и ɖ.

Д. Из опубликованных материалов ценнее всего «Краткий словарь дидойского языка», переданный русскими буквами, составленный А. Сержпутовским, изданный под редакцией и с исправлениями акад. Н. Я. Марра, с русским указателем к словарю.⁴ Сам Сержпутовский плохо разобрался в цезских звуках, о чем свидетельствует акад. Н. Я. Марр: «достаточно показать, что спирант h передается через задне-язычный звонкий g, не различаются средние ɖ, ɖ̃, ɖ̂ от глухих t̃, t̂, t̄, а также средний q, равно аспирированные k̃, q̃ от k и q, не говоря о специфических звуках этой группы ʁ̃ и t̃ и т. п.»⁵ Недостатки А. Сержпутовского в большинстве случаев

¹ «Кавказский толмач», заключающий в себе 27 языков, сост. А. В. Старчевским, СПб., 1891 г.

² А. М. Дирр. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXX, Тифлис, 1909.

³ Ibid., стр. 86—114. Еще раньше этот словарь в другом виде был напечатан им в его же труде: «Краткий грамматический очерк андийского языка», Тифлис, 1906, стр. 170—179.

⁴ См. Живая старина (основанное В. И. Ламанским периодическое издание Отд. этнографии Русского географического общ.), год XXV, вып. IV, Петроград, 1916, стр. 295—302. Между прочим, отмечу, что Сержпутовский в своих этнографических суждениях (см. там же, стр. 273—294) сильно преувеличивает, говоря, что цезы очень отсталый народ по своим нравам и обычаям.

⁵ Ibid., стр. 274, примеч. 1.

исправлены редактором, вследствие чего этот проверенный материал представляет большую ценность по сравнению с другими.

Е. Кроме того, что акад. Н. Я. Марр опубликовал материалы, собранные А. Сержпутовским, и разъяснил несколько слов в своих различных трудах, он располагает еще и неопубликованными материалами.¹ Правда, надо заметить, что как изданные, так и неизданные материалы слишком однообразны и в основном взяты из одного кидирийского² говора цезского языка. По фонетике языков северного Кавказа имеется также работа Н. Трубецкого «*Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen, I. Die «kurzen» und «geminierten» Konsonanten der awaroandischen Sprachen*» (Caucasica, Fasc. 3, Leipzig, 1926, SS. 7—36), но в ней нет примеров цезского языка; она в основном построена на материалах аварского и андийского языка, а потому мы на ней и не останавливаемся.

2. Для передачи звуков мы пользуемся яфетидологическим аналитическим письмом и все наши материалы записаны им.

Звуки цезского языка расположены нами в порядке азбуки аналитического (яфетидологического) письма,³ а именно:

гласные: а, е, і, о, и (ä, ö, ü);

полугласные у, w;

простые согласные: v, m, p, b, φ, n, l, r, s, z, ш, j, h, h, ç, t, t̄, d, ʒ, k, g, q.

и аффрикаты: t̄, t̄, š, ʒ, h̄, t̄, ʒ̄, k̄, k̄, ğ, q̄, q̄ и q̄.

Звук а⁴ в цезском близок к грузинскому а (s) и армянскому а (ա). Но по акустическому впечатлению он чуть уже грузинского а (s). По своему

¹ Акад. Н. Я. Марром все слова из материалов Дирра перенесены на карточки и вновь проверены, уточнены и отчасти дополнены материалами: по андийскому, по ботлихскому, по цезскому и по другим языкам с добавлением материалов по андо-дидойской грамматике. Акад. Н. Я. Марр любезно предоставил нам возможность использовать все его неизданные по цезскому языку материалы, за что мы ему весьма благодарны.

² По-цезски: Qidiro resp. Qidiri.

³ См. Н. Я. Марр. Материалы к унификации библиотечной транскрипции письмен восточных народов. — Восточн. сборник, т. I, 1926, стр. 193—200; его же: Абхазский аналитический алфавит. К вопросу о реформах письма. — Тр. Яфетического семинария, I, Л., 1926. И. И. Мещанинов. Пособие к пользованию яфетидологическими работами, Л., 1931; и Ю. Н. Марр. Персидский аналитический алфавит. — Л., 1931, ИОН, стр. 755—758.

⁴ Как при словообразовании, так и в глаголах в разных временах часто наблюдаются встречи гласных: аа, ее, оо, по ассимиляции: ае → аа, еа → ее и т. п., что и оставляет впечатление длинной гласной. Однако, мы считаем, что каждый из них состоит из двух простых гласных, а потому не даем отдельного особого знака для так наз. длинных гласных (ср. Maurice Grammont. Traité de phonétique. Paris, 1933, p. 227).

характеру этот звук остается неизменным как перед согласными, так и после них, как в закрытом слоге, так и в открытом.

Примеры: aq¹ 'живот', 'брюхо', ʃazaɣ 'тысяча', as 'облако', ʃaɣan 'сталь', maɪla 'двор', bula 'копыто', ǰaɣ¹ 'молоко' и т. п.

Звук е в цезском акустически более «острый» звук, чем груз. е (j), чем русское е; он ближе к русскому э (в слове «это») и к французскому е в словах la mère 'мать', le frère 'брат'. Акустически цезское е больше вначале и после гласных равняется русскому э. Между согласными и в конце слова — более широкое е в этих случаях ближе к груз. е (j). Тем не менее правы были те из пользующихся русской транскрипцией, которые передавали этот звук через русское э.²

Примеры: eɲu 'мать', eɲi 'брат', 'сестра', neǰa (ɢesɢ. neǰi, с. Шапих) 'ворон', ʒeɢeθ 'пепел', 'зола', meǰa 'крапива' и т. п.

Звук ɪ как в грузинском и армянском ɪ (o, /ɪ) и, пожалуй, как русск. и.

Примеры: im 'столб', 'колонна' мн. ч. iɲuabɪ, kɪkɪl 'дикая слива', kuɪ 'виноград', ʃaɲa 'коза' и т. п.

Звук o, как o в тех же языках.

Примеры: opoɲi 'курица', ʃomou 'осел', ʃedo 'мир',³ 'земля', moɲi 'поле'⁴ obɲu 'отец', goki 'сердце' и т. п.

Звук u, как груз. u (ɟ), арм. u (u) и русск. «у». Звуку u в диалектах соответствует w, даже v—i и наоборот.

Для исследователя это обстоятельство имеет принципиальное значение, так как этим решается в некоторых словах установление и определение лингвистических элементов.

¹ Все слова, записанные мною, отмечены в двух формах: ед. ч. и его множ. ч. с указанием класса. Здесь передаем только первую из них, так как для нашей темы вторая не так важна.

² Старчевский и отчасти Сержпутовский е записывали через э, но они не выдерживают этого. Сержпутовский наравне с э употребляет е. Старчевский в нескольких случаях пишет через е, напр. редукица 'дерево' (463), четло 'одежда' (464), чекви 'человек' (465 вместо jekvi ɢesɢ. jekw), меч 'шея' (465, вместо met) и т. д. То же самое говорит Р. Эркерт: «Е произносится, приблизительно, как русское «э» (рукопись б. Азиатского музея, ныне Институт востоковедения Академии Наук СССР, III, 179, пова), но у него описаны звуки не отдельных языков, а кавказских языков вообще».

³ У Сержпутовского — чедо (см. цит. «Живую старину», стр. 296 и 297, слова 6 и 153); редактором не исправлено.

⁴ Мера земли, которую возможно обработать в течение дня парой волов (по-груз. dǰɪɲi ʃɛɲɪbɔ); о слове moɲi в связи с груз. miɲa (ʒoɲɔ) 'земля', см. И. Мегрелидзе. Из цезско (дидойско)-грузинских языковых взаимоотношений.—Цит. За марксистское языковедение, стр. 173, 176 и 178. К сожалению, статья печаталась без просмотра мною корректуры, вследствие чего в ней имеется много досадных опечаток.

Для примеров приведем факты, наблюдаемые у жителей двух аулов Шаурского района, слова одного и того же значения:

Шайтль (Шауṭ ¹)	Киметль (Qimet)	
aḡur	aḡwt resp. aḡvir	'мельница'
jeku	fekw resp. jekvi	'человек'
ḡuḡqu	ḡwḡqu „ ḡviḡqu	'дом'
qun	qwn „ qvin	'коровник, хлеб'

и т. д. В приведенных примерах мы видим колебания: u → w, ш | у → w → v и наоборот. То же самое явление мы имеем и в грузинском, примером чего являются:

Древн.-лит. груз.	Совр. груз. лит.	Гурийские
ḡwno	ḡvino	ḡvino 'вино'
ṭvma	ṭvma	ṭvma 'дождь'
twrḡ ²	twrḡ ¹	twrḡ ¹ resp. twrḡ ¹ 'бремя'.

Это явление, повторяем, для рассмотрения этих слов по элементам имеет очень большое значение. Встает вопрос: существуют ли в цезском звукосоответствия по формуле $w \leftarrow v \sim u$ и составляет ли огласовка вместе с согласным один элемент, или здесь два элемента, т. е. цезск. qwn 'коровник', 'хлеб' одноэлементное слово qwn ~ qun или двухэлементное q-vn. В грузинском это явление объяснено, где мы имеем как первый, так и второй случай. Такое же объяснение находят себе эти факты и в цезском.

Очевидно, А. Дирр потому и замечает, что u — беглый звук после согласных и гортанных.³

Звуки ä и ï. Прежде чем говорить о полугласных и согласных, следует отметить одно диалектическое явление в цезском; в некоторых случаях встречаются в ауле Мокок (Mokok¹) и близко к нему расположенных аулах ä и ï. Это явление не упущено из вида А. Дирром, когда он отмечает, что местоимение d¹ 'я', в дат. п. dār (der), ср. удал., dāḡay⁴ и во фразах eḡkār-īḡin — 'стоит'; то же самое dār наблюдается мною, кроме аула Мокок, также в ауле Ретло (reṭo, асахского сельсовета) и Шапихе (Шапихского сельсовета).

Примеры: raḡadio-ḡiy 'морская вода', qud 'большая корзина для уборки мусора' (ср. груз. godon¹ გოდონი) и отсюда — qudrār 'в корзине' (qudrār biḡḡaḡiḡ 'в корзину положил'), мешḡā raḡiḡ 'веником подметен' (досл. 'веник подметал'), меḡḡār 'деньги', qürda 'мелочь' (серебро), qürda

¹ Также сел. Хупри.

² Ср. Gerhard Deeters. Armenisch und Südkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung. — Caucasicca, Fasc. 3, Leipzig, 1926, S. 55.

³ А. М. Дирр. Краткий грамматический очерк андийского языка. Тифлис, 1906, стр. 1.

⁴ А. М. Дирр. Материалы для изучения языков и наречий андоидийской группы, стр. 70; также стр. 74, фраза 7; стр. 76, фразы 28 и 33.

bodo шеḡqāg 'дай мелочь' (серебро); *ü* остается с обычной длительностью, но *ä* оставляет впечатление долгой гласной, и поэтому мы обозначаем ее *ǟ*. В говорах, где это явление не встречается, там вместо *ǟ* слышится ее: deeg шеḡqeer (также встречается biḡqir) и qidreer; кроме *ǟ* и *ü* наблюдается еще акад. Н. Я. Марром *ö*. В материалах Сержпутовского мы имеем амой¹, 'осел'; акад. Н. Я. Марр исправляет *ḡomöu* 'осел'; также имеем в его рукописных материалах это слово в трех формах: *ḡömoу*, мн. ч. *ḡomöibi* и *ḡomoу*; у Дирра «*ömöj*».²

Звук *y* — полугласный спирант, среднеязычный. Акустически звучит как грузинский *y* (ә), сохранившийся еще в некоторых его диалектах, приблизительно, как русская буква «й».³

Примеры: *zeu* 'медведь', *ḡau* 'молоко', *qedyu* 'муж', *ḡau* 'клоп', *ḡayatu* 'ласточка' и т. д.

Звук *w* — полугласный губогубной звук (ср. выше *u*, стр. 235).

Примеры: *waba* 'холера', *waqar* 'грецкий орех', *ḡeḡw* 'щепка', *wagan* 'верблюд', *Wlee* 'Грузия' (в Асахе, Шапихе и Хупри говорят *Ulee*).

Звук *v* — губогубной согласный; такой *v*, как мы имеем в русском (*v*), в цезском нет. Цезский *v* произносится с сужением и с продвижением губ вперед; иногда акустически звучит как неэнергично (очень слабо) произносимое *b* (русс. «б»), и может быть этим объясняется, что Сержпутовский путал *v* и *b*, благодаря чему вместо *v* у него стоит *b* (русс. б), напр.: ахяви 'ухо' должно быть в его транскрипции ахяби 'уши' (*aḡya* 'ухо', *aḡyabi* 'уши')⁴, вместо *ozigabi* герср. *oziguabi* 'глаза' (*ozigi* 'глаз') у него *ozyрови*,⁵ *кончуви* 'колени' (исправлением акад. Н. Я. Марра — *komḡu* мн. ч. *komḡubi*,⁶ в Шапихе говорят *komḡu*, мн. ч. *komḡubi*), *ретливи* 'кисть руки' — по его же транскрипции должно быть — *ретла*, *ретлиби* (*reḡa* мн. ч. *reḡibi*)⁷ и т. д. Этот *v* легче отличить от *u*, чем *w*. Звук *w* содержит в себе больше элемента гласного, чем *v*, а последний, наоборот, согласный звук (см. выше *u*). В именах существительных труднее уловить *w*, отличающийся от *v*; *v* как будто более самостоятельный звук, отличающийся от *w*, имеем в глаголах инфинитивной формы, как напр., *гоква* 'ударять', 'бить', *гоḡва*

¹ См. «Живая старина», стр. 295, слово 44.

² См. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы, стр. 104.

³ Н. Я. Марр. Грамматика древне-литературного грузинского языка, стр. 4, § 7; также N. Marr et M. Brière. La langue géorgienne. Paris, 1931, p. 21.

⁴ Сержпутовский. «Живая старина», стр. 293, примеч. 1; ср. также 295, слово 21.

⁵ Ibid., стр. 295/22. По Н. Я. Марру: *ozog*, *ozogabi* (там же).

⁶ Ibid., стр. 295/26.

⁷ Ibid., стр. 295/25.

‘отнимать’, *beṭva* ‘резать’ и т. д. Но в этом и подобных примерах этот *v* настолько близок с *w*, что если будет создано цезское письмо, то не следует загромождать его обоими этими знаками, а лучше оставить только один из них, что облегчит трудящимся цезам изучение письма родной речи, т. е. в практической грамматике можно вовсе опустить *w* и оставить только *v*, или, наоборот, только *w*.

Примеры: кроме упомянутых (см. выше стр. 236) — добавляем *Vali* ‘собственное имя мужчины’; — *Vaku* ‘клюка’, ‘крюк’; и т. д.

Звуки *m*, *p* и *b* так же, как грузинские билабиальные *m* (მ), *p* (პ) и *b* (ბ), как арм. *m* (մ), *p* (բ), *b* (բ). Приблизительно, как русск. *m* (м), *p* (п), *b* (б); в цезском *m* и *p* более смычные, чем русские «м» и «п».

Примеры: *m*, *magalu* resp. *magalo* ‘хлеб’, *maḥ* ‘вершина горы’, ‘нос’, *kim* ‘голова’, *meu* ‘береза’; *p*, *piḥil* ‘перец’ (ср. груз. *pirili* პირილი), *rez* ‘язычек свирели’, *ṭaran* ‘веревка’; *b* (см. выше *v*) *buq* ‘солнце’, *baḡu* ‘жена’, *beṭ* ‘баран’, *buḡni* ‘бурка’ и т. д.

Звук *φ* как груз. *φ* (ფ) и арм. *φ* (փ); это — билабиальный смычный звук средней звонкости.

В цезском языке мы имеем именно этот *φ*, а не русск. *ф*; русск. *ф* нет даже в заимствованных из русского словах: — ‘фабрика’ по-цезски *fabriqa*, ‘фаэтон’ — *fauton*, ‘фигура’ — *figura*, даже ‘автомобиль’ — *aftomob* (не все знают); или передача русск. «п» через *φ*; прим. ‘партия’ — *φarḡi*, ‘беспартийный’ — *φarḡianu*, ‘печка’ — *φeḡ*, ‘лампа’ — *lamφa* (resp. *ḡiraḡ*), ‘пальто’ — *φalḡo*, ‘кооператив’ — *qaφeḡat*, ‘спичка’ — *φiḡ* и т. п.

Ни Старчевский, ни Сержпутовский не замечают этого звука в цезском языке, и вместо *φ* пишут *p* (русск. *п*).¹

Звук *n* как груз. *n* (ნ) и арм. *n* (ն); не далек от русск. «н».

Примеры: *neṣṭi* ‘вечер’, *nakiḷa* ‘мизинец’ (ср. груз. *neki* ნეკი ‘мизинец’), *naḥu* ‘дуб’, *poḡi* ‘бук’, *qolbon* ‘лапти’ (ср. груз. *qalaban* resp. *qalamani* ჭალახანი, ჭალამანი) и т. д.

Звук *l* в цезском, как грузинск. *l* (ლ); русск. *л* (л) более твердый, чем в этих языках, и нельзя считать поэтому ошибкой, когда этот звук Старчевский и иногда Сержпутовский передавали через русск. «ль».

Примеры: *lam* ‘деревянная стена’ (‘каменная’ будет — *qido*; ср. груз. *kedeli* კედელი), *laḡuḡi* ‘летучая мышь’, *keṭoli* ‘жеребенок’, *aluka* ‘белый’ и т. д.

¹ У Сержпутовского исправляет эту ошибку Н. Я. Марр в вышеупомянутых изданных материалах. Старчевский: *тупи* — ‘ружье’, вместо *ḡiḡi* (ср. груз. *ḡofi* ḡოფი ‘ружье’); (см. «Кавказский толмач», стр. 464 и т. д.).

О звуках *г, s, z, ш¹, j, t, h* и *d* не будем распространяться. Они не представляют трудностей для восприятия. Произносятся они так же, как грузинские и армянские соответствующие звуки и приблизительно как соответствующие звуки русского языка (*р, с, з, ш, ж, т* и *д*), за исключением спиранта *h*, который совсем отсутствует в последнем. Можно сказать, что цезский *t* произносится с большей энергией, чем грузинский и армянский. Это больше чувствуется тогда, когда цез говорит по-грузински; в грузинских словах у него слышен более сильный *t*, чем обычный грузинский *t* (т³).

Примеры: *г, гоку* 'сердце', *гиду* 'одеяло, гогі 'пята'; *s, sigo* 'кобыла', *si¹y¹s* 'один', *esiga* 'просить', *birus* 'соха'; *z, zegu* 'напиток', *zeu* (resp. *ze*) 'медведь', *zag* 'песок', 'камушек', *bizo* 'кирка'; *ш, Шаміл* 'собств. имя', *шаһарау* 'город', *вшоп* 'сто', *шша* 'бутылка' (ср. груз. *шша* ჭუჭუ 'стекло', 'бутылка'), *qша* 'разрушать'; *j, jeku* 'человек', *jша* 'чорт', *majid* 'мечеть'; *t, taq* 'нож',² *tağur* 'шапка', *qwerta* 'молоток', *tetrad* 'читать' (ср. русск. «тетрадь»); *h, heпеш* 'яблоко', *heku* 'картофель', *hibo* 'палка', *hаша* 'зевать', *halmağ* 'товарищ'; *d, daru* 'лекарство', *dadaru* 'жидкий', *roda* 'делать', 'строить', *esada* 'стирать' и т. п.

Кроме упомянутой *t³* в цезском следует отметить еще другой *t*, дебелий звук, место произношения которого то же самое, что и при *t*. Этот звук встречается слишком спорадически. Для его произношения передняя часть языка крепче и шире прижимается к зубам, чем при *t*, поэтому он слышится как более энергичный звук. Кроме акад. Н. Я. Марра этот звук в цезском языке другими не подмечен. Подобный же звук, по словам Р. М. Шаумяна, свойственен агульскому языку и отмечен в некоторых других яфетических языках. Передача не совсем соответствует принципу яфетического алфавита; это начертание хотя и условно, но понятно для знающего яфетидологическое письмо. То же самое можно сказать о нижеприведенных звуках *k̄* и *q̄* (и *ğ̄*). Разница между *t* и *t̄* не настолько резкая, чтобы стоило вводить для него отдельный знак, кроме только научных текстов.

Примеры: *hut* 'губа', 'горло бурдюка', *tu¹t* 'муха', 'пчела', *qoto* 'нога', *ketu* 'кошка' и т. д.

¹ Из этих и нижеприведенных простых звуков: *s, ш, к, ѓ* и *ѓ*, А. Дирр различает еще их двойники *s̄, ш̄, k̄, ѓ̄* и *ѓ̄*, но как мы убедились, в словах, которые переданы через эти буквы, они не самостоятельные звуки, а те же самые *s, ш, к, ѓ* и *ѓ*; для них мы особых знаков не вводим.

² У Н. Я. Марра *taq*; см. «Живая старина», стр. 297, слово 220.

³ Н. Я. Марр. Непечатый источник истории кавказского мира. — ИАН, 1917. Ниже несколько отклоняемся от вышепредставленного расположения звуков (см. стр. 234)

Звук *ʒ* нет в русском языке; в цезском он звучит как груз. *ʒ* (ʒ) и арм. *ʒ* (ʒ) (переднеязычный средней звонкости).

Примеры: *ʒaʒaʒu* 'теплый', *ʒalɪh* 'судьба', 'счастье', *ʒaʒ* 'кровать', *ʒɪʒan* 'туман' (деньги, 10 р.), *ʒalaʒ* 'среда' и т. д.

Звук *k* — заднеязычный глухой звук, как в груз. *k* (k), но с более энергичной артикуляцией. От русского «к» отличается и грузинское *k* (k), как это можно наблюдать в произношении грузина, с сильным акцентом говорящего по-русски, в словах: «как», «который», «кем», «когда» и т. д.; думаю, что поэтому акад. Н. Я. Марр передавал этот звук знаком *k*,¹ чтобы отличить его от русск. «к».

Примеры: *kɪkɪlɪ* 'дикая слива', *kɪʒu* 'зуб', *kenat* 'яйцо', *ʒek* 'козленок' и т. д.

G — заднеязычный звонкий звук, сходный с груз. *g* (g) и приближающийся к русск. «г».

Примеры: *gegmu* 'мука', *gedo* 'вид шерстяной обуви', *gedmo* 'подмышка', *gugu* 'спина' и т. п.

Q — специфический звук яфетических языков Кавказа; заднеязычный, средней звонкости. Он отличается от *k* своим придыхательным характером. Глухой придумной звук по ряду *k* → *g* (→ *q*). Точное соответствие для него груз. и армянск. *q* (q, q).

Примеры: *qid* 'женщина', *qid* 'большая корзина', *qodɪ* 'волос', *biqot* 'змея' и т. п.

Звук *ʃ* следовало бы привести после *h*, но так удобнее для передачи того ряда, к которому он относится. Звук *ʃ* от *ʒ* в цезском не различается.² В аварском имеется соответствующий *ʃ*, передаваемый через *h*. Звук *ʃ* есть глухой слабый звук.

Примеры: *ʃotoʒu* 'осел' (см. выше, стр. 237), *ʃam* 'уголь', *ʃo* 'топор' (у Н. Я. Марра *ʃow*, см. «Живая старина», стр. 299, слово 275), *ʃalam* 'перо', *ʃadlu* 'суд', *ʃaʒɪʒ* 'пояс', 'радуга', *ʃoloʒan* 'молодой' и т. д.

Звук *h* — верхне-фарингальный спирантный звук; акустически оставляет впечатление сильно выдувного *h*. Этого звука (*h*) южно-кавказские

¹ См. «Живая старина» *ketu* 'кошка' (стр. 296, слово 52), *ʒoʒɪ* 'ложка' (стр. 298, слово 227), или же Н. Я. Марр. Непочатый источник истории кавказского мира. — ИАН, 1917, стр. 320, 328 и 329.

² В самом арабском и особенно в персидском неразличение *ʃ* и *ʒ* есть обычное явление. В Персии только говорящие на литературном языке различают эти звуки, и то определенный слог; см. Ю. Н. Марр. Выражение фонетики стиха в персидском письме. — ИОН, 1934, № 2, стр. 169, примеч. 1.

яфетические языки не имеют; такой звук имеется в аварском, передаваемый через *h*.¹

Примеры: цезск. *h*; *h*no 'плечо', *heko* 'блюда' (род пельменей), *hon* 'гора', *paŋu* 'дуб', *meŋu* 'хвост', 'курдюк', *h*ŋu 'межа' и т. п.

Аффрикаты: звуки *ṭ* и *ṭʰ* точно так же, как груз. *ṭ* (ṭ) и *ṭʰ* (ṭʰ) и арм. *ṭ* (ծ) и *ṭʰ* (ճ). Первый (*ṭ*) дентальный звук, характеризующий свистящую группу яфетических языков, и второй дентальный по шипящей группе той же сибилантной ветви.²

Примеры: *ṭ*, *ṭ*ʰ *u* 'огонь', *ṭuda* 'красный', *otino* 'десять'; *teŋuro* 'перепелка', *ṭiŋu* 'быстрый', *teŋa* 'сажа', *otino* 'девять' и т. п.

Звуки *ɟ* и *ɟʰ* имеются в цезском и являются теми же самыми переднеязычными глухими аффрикатами, что и в южно-кавказских яфетических языках. Приблизительное соответствие имеем в русск.: *ц* и *ч*.

Примеры: *ɟe*ʰ *u* 'орел', *ɟezi* 'цеца' (дидой), *ɟino* 'соль', *ɟuŋu* 'отруби', *qaŋu* 'земляника', *kiŋu* 'зуб' и т. п.; *ɟiba* 'самка' (собака), *ɟan* (resp. *ɟanua*) 'коза', *meɟa* 'крапива' и т. п.

Звуки *k*, *g*, *q* сложные, веларные аффрикаты, такие же, какие мы имеем в южно-кавказских яфетических языках; напр. груз. *k* (ɣ), *g* (g), *q* (b). Цезский *q* ничуть не отличается от аварского *q* (x).³

Примеры: *keno* resp. *kanu* 'два', *Kirban* 'мужское имя', *kutu* 'кувшин', *g̃uɟidi* 'цепь', *g̃eɟw* 'щепка', *g̃anabi* 'женщина', *g̃uro* 'телица', *g̃ul* 'камень', *g̃ez* 'грязь', *g̃a*ʰ *u* 'молоко',⁴ *qizno* 'назад', *qu* 'двадцать', *doɟtur* 'доктор, врач', *biɟqir* 'серебро', 'деньги' и т. п.

¹ Об аварском *h* и его соответствии см. Н. Я. Марр. Непечатный источник истории кавказского мира, стр. 328.

² После этих звуков по порядку следуют *ɟ̣* и *ɟ̣ʰ*. Эти звонкие аффрикаты в цезском отсутствуют так же, как и в аварском и казикумукском языках (см. Н. Я. Марр. Непечатный источник истории кавказского мира, стр. 325). Эти звуки цезы не произносят даже в заимствованных словах грузинского и заменяют звуками *z* и *j* (см. И. Мегрелидзе. Цезско (дидойско)-грузинские языковые взаимоотношения. — «За Марксистское языкознание», стр. 166). Напр.: *ɟ̣* → *z* груз. *ɟ̣ala* 'сила', произносят цезы: *zala*, груз. *ɟ̣oɟa* 'корова', произносят цезы: *zotoɟa*, *ziɟoɟa*. грузинск. *ɟ̣aɟl*-1 'собака', цезск. *zaɟal*; *q̣* → *j*, груз. *q̣og*-1 'мул, лошак', цезск. *joɟ*-1, груз. *faɟara* 'окно', цезск. *faɟara*, груз. *ɟ̣aɟ*-1 'войско', цезск. *jaɟ* и т. д. Однако следует заметить, что собств. имя Хаджи-Мурад иногда действительно некоторыми произносится *Haɟi-Muraɟ*, а не *Haɟi-Muraɟ*; также груз. *q̣aɟ* 'леший', 'бес' и т. д. Старчевский передает через *q̣* следующие слова: джэкуль — 'день' (см. «Кавказский толмач», стр. 463), джука — 'дурной' (там же, стр. 463) и дальше это слово повторяется несколько раз 'плохой', 'злой', 'сердитый' (стр. 464), 'худой' (стр. 465), джэкуль — 'сегодня' (стр. 464) и т. п. Это неверно, так как эти слова записаны мной, и в них вместо *q̣* (дж) имеем *j*. Также стоит *j* и в материалах акад. Н. Я. Марра.

³ См. Б. Услар. Аварский язык. — Этнография Кавказа, III, Тифлис, 1889, стр. 12.

⁴ В слове *g̃au* (кидирск. *g̃a*) 'молоко', *g̃* оставляет впечатление «удвоенного» звука *g̃*, вроде *ж* и *q̣*; также в слове: *g̃anabi* женщина, *g̃aloh̃* 'селение в Мокосском сельсовете', *ag̃a* 'сытый'

При внимательном прослеживании звукового состава цезского языка в нем наблюдаются еще некоторые звуки, которые не отмечены в аварском письме и не имеются в южно-кавказских яфетических языках.

Кроме *k* в цезском наблюдается еще дебелий звук *ķ*. Акустически он оставляет такое впечатление, как будто этот звук состоит из вместе слитых *k* + *k*. Этот *ķ* является глухим звуком.

Приведем все примеры, имеющиеся пока в нашем распоряжении: *ķim* 'голова', *akeķɔ* 'ребенок 2 или 3 лет' (букв. 'росток'; ср. груз. *pazard-1* *ბარძვინი* 'подсвинок' 'боров'); *akeķɔ* принимает классные элементы: 1) *akeķɔ*, 2) *yaķeķɔ*, 3) *baķeķɔ*, 4) *raķeķɔ*, *aķi* 'большой', 'много' (*yaķi*, *baķi*, *raķi*), *ķig* 'доска', *ķiɖula* 'селение в Шапихском сельсовете между Хупри и Шапиха'. (Это селение на аварском яз. называется *Kiɖarta*; его официальное название); *ķiɖi* значит 'распутье' и 'место соединения двух речек'. Поэтому слово *ķiɖula* значит и 'палочка с двумя разветвлениями' ('веяло'); *koķaɖi* 'пастбище (выгон) Шапихского сельсовета'; *ķimqo* 'уголок в Кебатлинском (Кебаɖу) селе' (букв. *ķim* 'голова' + *qo* 'на', 'на голове'). *koķi* — 'собственное имя' (*koķi* Маџата житель с. Зехида, Кидирского сельсовета); *koqolaɥ* 'вдова', *koqola*¹ 'вдовец'; *naķiɖ* resp. *naķiɖ* значит 'перила балкона с фигурами' и *kaqo* resp. *kaqo* 'два'.

q — велярный звук. Точное соответствие имеет в аварском, где его передают знаком *ж*. Этот же *q* имелся в древне-грузинском литературном языке и ныне остался в некоторых говорах современного грузинского языка (хевсурский, мохевский и т. д.).² Он есть аспирантный придыхательный звук, в составе которого акад. Н. Я. Марр находит *q* органически слившимся с *ɣ*, звуком гортанного придыхания.³

Примеры: *maq* 'древко флага', *qiqiga* 'сушить', *qoqo* 'журавль' (ср. груз. *qoqovi* *ბაზობი* 'фазан'), *qido* 'стена'⁴ и т. п.

Кроме *q* и *q* в цезском имеется звук *q̄*. Он сперва оставляет впечатление, как будто слышишь не один *q̄*, а два звука *q̄q̄*, но на самом деле это один самостоятельный звук. Приведем все примеры, которые пока мы могли уловить и которые не являются для нас сомнительными.

и т. д., но разница настолько малочувствительна, что эти случаи мы не передаем особым *q̄*, отличающимся от *q̄*.

¹ Это слово интересно тем, что классный элемент *u* появляется в нем в конце слова, что в цезском обычно ставится в начале его (напр. цезск. *koqolaɥ* 'вдова').

² См. Н. Марр et M. Brière. *La langue géorgienne*, Paris, 1931, § 17, p. 20; также с. *ზნობი ქანთული გრამატიკა* I. *მონოლოგია, ფონოლოგია*, 1930, стр. 7—8.

³ См. Н. Я. Марр. *Грамматика древне-литературного грузинского языка*, стр. 10.

⁴ В связи с груз. *kedel-1* (*კედელი*) 'стена', см. И. Мегрелидзе. Из цезско (дидойско)-грузинских языковых взаимоотношений. — «За Марксистское языкознание», стр. 175—176.

Примеры: qau (resp. кидирск. qa) мн. ч. qauabi 'заяц', qaba 'черный', aqeesi (меняется по классам) 'длинноволосый', Aq 'Тушия', 'тушин' (ср. aq 'живот'), di ikan Aquehgor 'я еду в Туш^гет^лию', qiu , мн. ч. qurbi 'соха', iaqih 'сегодня', taq 'нож', мн. ч. taqva (sic), aqui 'моча' и qirri 'ножницы'.¹

Звуки: h , t , d — латеральные аффрикаты, специфические для цезского и для некоторых северо-кавказских языков; полное соответствие имеют в аварском; знак c , употребляемый в значении t у П. Услара; современный аварский q соответствует цезскому t ; аварский h , современный l , цезск. h и h , совр. аварск. z — цезскому d . П. Услар затрудняется дать им удовлетворительное определение.² Описательным путем передать эти звуки слишком трудно, и мы не даем их окончательного определения, так как кратковременные занятия над цезским языком этого нам не позволяют.

П. Услар пишет: «При первом ознакомлении с ними (с этими звуками. И. М.) как бы слышится в них присутствие буквы l ; ... но это только обман слуха».³ Это отчасти верно; мы не можем сказать, что они состоят из l плюс какой-то звук. Но условно, как аффрикаты, можно расщеплять на составные звуки, и тогда придется отметить, что в них имеем один элемент l . Далее, он продолжает: «Для произнесения h [h] челюсти раздвигаются, язык отбрасывается вбок на нижние зубы, воздух скользит вдоль внутренней щеки»; это действительно так и есть, но нужно отметить, что в это время средняя часть языка приподымается вверх и затрагивает верхнее небо полости рта, что способствует произношению звука h . Этот звук оставляет более слабое акустическое впечатление, чем t или d . В аварском П. Услар приводит по этому ряду еще и h , которого в цезском мы не находим, и продолжает: «при произнесении c примешивается резкий гортанный звук».⁴ При произношении t и d язык не лежит на нижних зубах. Звук t образуется не с помощью зубов, а с помощью переднего неба; кончик языка упирается в переднее небо близ зубов, немного сбоку слева (некоторые произносят и справа), и воздух проходит почти сбоку полости рта (начиная от левого клыка назад). Этот звук, сравнительно с h и d , является более твердым звуком; при его произношении более энергично

¹ На последние два слова мое внимание обратили в 1935 г. цезы Магама Магумду (житель с. Шапиха) и Гамзат Гамзатов (житель с. Шаур), за что приношу им благодарность.

² См. П. Услар. Аварский язык, стр. 13.

³ См. Ibid.

⁴ См. Ibid.

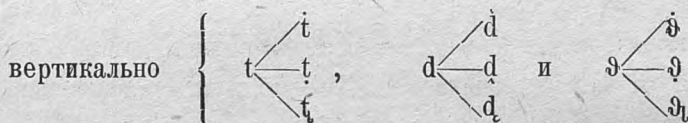
упирается язык в небо, вследствие чего происходит резкий взрыв. В этом звуке как будто наличен глухой гортанный звук вроде к.

Звук ɬ (аварск. ɬ) произносится так, что кончик языка сильно упирается на передние верхние зубы. Средняя часть языка приподымается и затрагивает верхнее небо; между средней частью языка и его кончиком образуется изгиб, мимо которого с боков проходит воздух.

Звук t представляет собой глухой, взрывный звук, находясь в ряду t , как дессибилованный от ряда t и t ; ɬ как ɬ от ряда ɬ и ɬ ; и как последние условно можно расщеплять t на $t+s$, t на $t+\text{ш}$, ɬ на $\text{ɬ}+s$, ɬ на $\text{ɬ}+\text{ш}$, так и t и ɬ на $t+l$, и $\text{ɬ}+l$, т. е. условно $\text{t}=\text{t}+l$, $\text{ɬ}=\text{ɬ}+l$.

Акад. Н. Я. Марром t обозначено t и также t ; мы принимаем t , так как это обозначение более соответствует принципу яфетидологического алфавита, ибо t аффрикат, в который не входят ни s и ни ш и обозначать его через t будет неправильно. Звук ɬ у акад. Н. Я. Марра передается этим же знаком. Третий латеральный аффрикат ɬ мы в течение всей своей экспедиционной работы обозначали знаком d . Этим записаны все нами собранные материалы. Теперь мы оставляем для него то начертание (ɬ), которым пользуется акад. Н. Я. Марр. В этом обозначении (ɬ) невидно наглядно состава этого звука, но тем не менее оно известно по печатной яфетидологической литературе.

Вопрос о том, не находится ли звук ɬ по своему происхождению в ряду звонкого d , еще не выяснен. Дело в том, что этот звук в данный момент не имеет такой звонкости, которой мы ожидали бы от аффриката ряда звонкого d . Правда, ɬ заключает в себе больше элемент звонкости, чем ɬ , но разница между ними не такая, как между d и ɬ . Если будет установлено, что по происхождению ɬ есть $\text{d}+l$, тогда обнаруживается интересное явление, а именно: $t \rightarrow d \rightarrow \text{ɬ}$ представляет, как известно, горизонтальный ряд трех звуков, который даст нам связанные с ними вертикальные три ряда; горизонтально: $t \rightarrow d \rightarrow \text{ɬ} \swarrow \text{t} \rightarrow \text{d} \rightarrow \text{ɬ}$ и $\text{t} \rightarrow \text{d} \rightarrow \text{ɬ}$;

вместе взятые они дадут нам квадрат аффрикатов:

t	t	t
d	d	d
ɬ	ɬ	ɬ

Конкретно в цезском, где мы не имеем \dot{d} и \dot{d}_l , останутся.

	\dot{t}	\dot{t}	\dot{t}_l						
			\dot{d}_l						
	$\dot{\vartheta}$	$\dot{\vartheta}$	$\dot{\vartheta}_l$						
Учтя ряд	{	t	d	ϑ	Конкретно	{	t	d	ϑ
простых		\dot{t}	\dot{d}	$\dot{\vartheta}$			в цезском	\dot{t}	$\dot{\vartheta}$
$t \rightarrow d \rightarrow \vartheta$,		\dot{t}	\dot{d}	$\dot{\vartheta}$				\dot{t}	$\dot{\vartheta}$
мы получаем		\dot{t}_l	\dot{d}_l	$\dot{\vartheta}_l$				\dot{t}_l	\dot{d}_l

Примеры: на \dot{t} : $\dot{t}\vartheta aw$ 'горький', $\dot{t}u$ 'крыша', $\dot{t}\dot{t}\vartheta$ 'на крыше', $\dot{t}\dot{a}\dot{t}\dot{a}\dot{q}u$ 'вор', $re\dot{t}a$ 'кисть руки', \dot{h} : $\dot{h}ly$ 'вода', $\dot{h}\dot{a}\dot{h}ar\dot{u}$ 'узкий', $\dot{h}e\dot{p}o$ 'пять', $\dot{h}u\dot{h}$ 'ночь', $\dot{m}\dot{o}\dot{h}u$ 'сон', $\dot{h}:\dot{h}i\dot{g}o$ 'мельничий шлюз'; $\dot{\vartheta}$: $\dot{\vartheta}o\dot{p}o$ 'три', $\dot{\vartheta}eb$ 'год', 'лист дерева', $e\dot{\vartheta}u$ 'зима', $\dot{\vartheta}a\dot{q}o$ 'котел', $e\dot{\vartheta}uk$ 'сумка', $\dot{h}\dot{a}\dot{\vartheta}o\dot{a}$ 'пить' и т. д.

Все цезские звуки (без обозначения особенностей некоторых диалектов) составляют: гласных 5, полугласных 2, простых согласных 22 и аффрикатов 13; всего 42 (см. выше стр. 234).

* * *

Здесь же прилагаем две таблицы. Первая из них составлена по указаниям проф. Л. В. Щербы и М. П. Чхаидзе. В ней не представлены гласные (а, е, и, о, у) и полугласные (y, w).

Вторая таблица представляет собою передачу цезских (дидойских) звуков у разных авторов.

Для примера живой речи цезского языка приводим тексты, которые важны и тем, что они еще никем не издааны, как и вообще ни один текст на этом языке. Местами тексты не поддаются дословному переводу без искажения смысла, однако мы не даем подстрочного перевода, так как тексты приводятся для целей фонетики.

Текст I — «Сказка об одном царе», записан со слов Хаджи-Мурада Магама Алиу (2 VIII 1933 г.), житель с. Шайтли, рожд. 1890 г.; текст этот есть отрывок из сказки, состоящей из трех глав; здесь помещается третья глава.

Текст II — «Ворона и лиса», записан со слов Исае Магомеда (18 VIII 1933 г.), житель с. Ретло, 23 лет.

Текст III — «Мужчина хвалит женщину», записан со слов того же Хаджи-Мурада Алиу (9 VIII 1933 г.).

Текст IV — «Стих о мужчине и женщине», записан со слов того же Х.-М. Магама Алиу (9 VIII 1933 г.).

Текст V — «Маленькая девочка, ты ко мне приходи», со слов Рамазана Курбана (16 VIII 1933 г.), житель с. Мокок (Мококи), 25 лет.

Текст VI — частушка «Шуточное заклинание», записана со слов Фатиматы Кады (21 VIII 1933 г.), житель с. Ретло, 43 лет.

Таблица 1

			Слабые		Сильные		
			Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Средней звонкости
Аффрикаты	Сибиланты	Свистящий Шипящий			ç t		ç t
	Спиранты				k k ç	ç	ç ç ç ç
	Латеральные		h		t		ç
Простые	Сибиланты	Свистящие Шипящие	s ш	z j	t t	d	ç
	Спиранты		ç h h		k	g	ç
Плавные						n l r	
Губные					p	b v m	ç

Таблица II

№№ по порядку	Аналисьмо (эстетологи- ческое)	Дирр, А. М.	Эркерт, Р.	Аварское (современное)	Грузинское (современное)	№№ по порядку	Аналисьмо (эстетологи- ческое)	Дирр, А. М.	Эркерт, Р.	Аварское (современное)	Грузинское (современное)
1	a	a	a	a	ɤ	22	ɸ	ʻ		h,	[ɸ]
2	e	e	e	e	ɟ	23	t	т	t	ʈ	ʈ
3	i	i	i	i	o	24	t	т́			
4	o	o	o	o	ɔ	25	d	д	d	d	ɖ
5	u	y	u	u	ɥ	26	θ	т	th	t	ɓ
6	y	j	y	j	[e]	27	k	к	k	k	ɔ
7	w	w			[ɣ]	28	g	г	g	g	ɔ
8	v	v	v	v	ɖ	29	q	k	kh	k	ʈ
9	m	m	m	m	ɗ	30	t	т́	tc(č)	z	ʈ
10	p	п	p		ɛ	31	t	ч́	dč	ɸ	ʈ
11	b	б	b	b	ɔ	32	ɟ	ц	c	s	ʈ
12	φ	п̣	ph	p	ɟ	33	θ	ч	č	c	ʈ
13	n	н	n	n	ɸ	34	h	η	thl	l	
14	l	л	l	l	ɖ	35	t	α	tkl	q	
15	r	p	r	r	ɔ	36	θ	ʀ		ʈ	
16	s	c	s	s	ɸ	37	k	q	q	q	ɟ
17	z	з	z	z	ɖ	38	k	q̄			
18	ш	ш	š	ʂ	ɟ	39	g̃	ɸ	gh	ɟ	ɖ
19	j	ж	ž	z	ɟ	40	q	x	x	x	ɸ
20	h	h	h	h	ɟ	41	q̄				
21	h	ɸ	xh	ħ		42	q	k	ɣ(xx)	æ	[ɟ]

I. Sɪs qan

Zeun sɪs qan todorav. Qaner iqvaaɪn sɪs budun mɪnarar ɪzɪzət qoqoθɪn
 ɪzɪq zeun; weher neqzət ɣɪaq zeun. Qanee gotɪs budun; budunqor eθɪs qanee:
 «mɪ mɪnarar ɪzɪzət qoqoθɪq ɪzɪq; weher neqzət ɣɪaq neqo. Ja meɸ ɣalamaθ

deeq eso». Budunee eđis «qan tagu ðequđ; dı sıda quđ sasaqosi aqbar roğwa isis minaraar. Aqbar roğno hızatı bayn sıda ðeyee.

Iqırno ıjis dı meqı međođor; dı egırsı neħoo sıda tak tuharaw ađtor. Elo ađıt yesus deer tak berđınaw ğanabı. Ja deder yais. Neħoo deeqor eđis: «đırba mı ıgadı. Dı deber hono ğudi đırbađı rodoyoh.

hono ğudi retunosı debqor dı qabarıada iođ. ħora ğudeđ — mı deeqor kadaraw rođı eedımdıın»-rıyrsı. Dı neħoz berđınħee řadal on.

Dı neħođ tođsı. Neħooeđis «mı qıanađaw jeku zeundıın». Neħoo amru bos ðeyeqor: «ıada jeku yohzaar ıjodıın». Öeye iqırno ıjın minarađor egırsı dı. Minaraay weđer neqzet řıah neqo dı. Weder ayın tırığor ezuzatı deer ıqwaad ja ğanabı minaratı; dı qoqodıın ızıđ minarar ja eqıra. Tırır ayzatı ja elo řesuđoonu.— Qan taguđequđı mı deer ħaltız řalamađ hoboydu yoh. Qan tak řajalıb oqsı. Nesır mıđıırno tedıno jan qızor egırsı.

II. Sis ğvadı, sis zıru

Sis zevno zıru ađodı bıđaaasını. Ađođrı bayno eqno ğvadı. Haqodı řısno ređno. Zıra eđın: — debzotıay berđınaw lelatkodođıqosi ađı aanu; debzotıay berđınaw haratıno aanu. — Daar beđın sis haratı debı ðeqva. Neħaan boyno haratı kvaadıın eđın. Neħzo haqay ređno ratıın.

Zıraa jen ratno; barkalla eđın, bıkıs.

III. Jeku ıđıđ ğanabı

Jo dey ıgunı beetrını buđı
 İħıqo kokonı, amunođ ħadı;
 Wıleesi đaqar, bodıoqeesi nuđı...
 Mıano dıano rıđno nuđıno,
 Eluđe tırno buqno buđıno;
 Mı jekuđ eetıno dıno qeđıno.

IV. Baħarđısno ğanazasno ođı

Baħarđı: — Jo dey ıgunı ızın tuđore,

Jaya yodıqzato nosın mutere.

Ğanabı: — Jo dey ıgunı ıđın aqıđe,

Wadıerno ezuno đelzaz boqodıe.

V. Yeğvenı qıdbeyu mı deeqqın horo!

1. — Yeğvenı qıdbeyu mı deeqqın horo!
2. — Dıdur dı neqıvane řadalaw jekuq!
1. — Dıdur mı neqıvařın ıqrno ıowan!
2. — Dıdur mı ıqırın alaħor yoqan!
1. — Uqrus řer ħađırno elayno ıoğvan!

VI

Elin mejn hovto dandı;
 Buđnı qabanı dınře andı;
 Sası deber ıřam gvandı!

I. СКАЗКА ОБ ОДНОМ ЦАРЕ¹

Был один хитрый царь. (Однажды) царь увидел, (как) один муэдзин² несколько раз восходил на минарет, причем поднимался, смеясь, а опускался, плача. Царь позвал муэдзина (к себе) и сказал ему: «Ты поднимался на минарет, смеясь, и опускался, плача, скажи мне, что это за игра (твоя)?» Муэдзин ответил: — Да будет жив царь! в один день я поднялся на минарет, чтобы совершить призыв на молитву³ (с минарета). К окончанию молитвенной службы прилетел (букв. пришел) орел; взял меня (и унес) в далекое место и пустил он меня в одном красивом саду. Там в саду я нашел очень красивую женщину. Она пришла ко мне и сказала: «Здравствуй (тебе) гость! Я тебя приму в гости на три дня; я решила в эти три дня рассказывать тебе кое-что (букв. весть), а ты мне (за это время) ничего не говори».

Я был восхищен ее красотой. Я ее поймал (букв. сделал налет на нее). Она сказала: «Ты, оказывается, ненадежный человек» и приказала орлу: «увези этого человека на старое (букв. где раньше был) место». Схватив, унес меня орел и опустил на минарет. (И вот, с тех пор) спускаюсь с минарета, залаканный; спустившись вниз я смотрю наверх и вижу эту женщину на минарете. Я со смехом поднимаюсь на минарет, чтобы поймать женщину, но поднявшись наверх, ее там не нахожу. Да будешь ты царь жив! Вот в этом и заключается моя игра (отвечал муэдзин). Царь удивился, подарил ему деньги и отпустил его.

¹ Букв. — один царь.

² Муэдзин по-цезски и аварски звучит: budınc; точнее — это помощник муллы (ср. Услар. Аварский язык, ч. II, стр. 56).

³ Призыв на молитву: букв. — переклик.

II. ВОРОНА И ЛИСА

Одна лиса сидела под деревом. Прилетела ворона и села на (это) дерево, держа во рту мясо.¹ Лиса, оказывається, сказала: «Птицы, летающей крыльями, красивее тебя не существует. Красивее твоего голоса не существует. Хочу услышать твой голос.» Услышав это, ворона каркнула (букв. сказала карр), из ее рта мясо вывалилось, а лиса съела его, поклонилась (вороне), сказала спасибо (и) ушла.

III. МУЖЧИНА ХВАЛИТ ЖЕНЩИНУ

Эта моя лунноликая.²
 В ущельях ветерок, на склонах ветер,
 Грузинский сахар, ботлихский мед;
 Мы с тобою сливки и мед,
 Над нами солнце и луна . . .
 Ты за другого (за человека) не выходи (замуж),
 Не покидай меня!

IV. СТИХ О МУЖЧИНЕ И ЖЕНЩИНЕ

Мужчина: Когда моя (возлюбленная) поднимается на крышу,
 И покажется она (тогда), я забываю про всех (остальных).
 Женщина: (Когда) мой желанный (букв. хороший) садится на подоконник
 (Я) на него посматриваю сквозь каракулевую кожу (одежду
 свою).

V. МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА, ТЫ КО МНЕ ПРИДИ!

1. Маленькая девочка, ты ко мне приди!
2. Как я приду к тебе, ты (ведь) человек глупый!
1. Я, коли ты не придешь, похитив, увезу (тебя)!
2. Я, коли ты изловишь, на пашню³ убегу, спрячусь!
1. Золотую лестницу воздвигну и оттуда сниму (тебя)!

VI. ЧАСТУШКА

Мы встретимся с тобой:
 Черная андийская бурка мне,
 Себе же конай черную яму!

— . —

¹ Эта сказка распространена у русских, грузин и ряда других народностей, в сказках которых на месте мяса выступает сыр.

² Эпитет «луннолика я» как в цезском, так и в других яфетических языках передается термином «полнолуный» (о луне ср. груз. badri mdvare ბრლი მდვარე 'полнолуный', rigbadri ბრბადრლი — 'луннолика!').

³ Склоны гор, на которых сеют пшеницу или оставляют для сена.

С. Е. МАЛОВ

Новые памятники с турецкими рунами

Материал этой статьи частично собирался мной, как увидит читатель ниже, с 1908 г. Прошло уже 25 лет, а нижеиздаваемые памятники (из Монголии и бассейна р. Енисея) так и остаются до сих пор в некоторых местах, иногда целыми строчками, неразобранными. Я решаюсь издать памятники в данной стадии их прочтения, сам первый зная недостатки своих переводов.

Настоящей статьей я выполняю свое обещание «дать чтение и перевод некоторых памятников бассейна р. Енисея»¹ и ускорю возможность, особенно путем издания здесь снимков памятников, истолковать их общими силами.

I

КАМЕННАЯ БАБА С ТУРЕЦКИМИ РУНАМИ ИЗ МОНГОЛИИ

В середине октября 1929 г. я получил от акад. А. Н. Самойловича для разбора и опубликования четыре фотографических снимка каменной бабы с турецкими рунами.

Фотографии надписей я считаю для расшифровки недостаточными и неудачными: буквы плохо заметны и малы; в лупу по фотографическому снимку видны и еще кое-где полустертые буквы, но их я не решился здесь выставлять. В мае 1933 г. я получил с благодарностью от Ц. Ж. Жамцарано записи «от руки» этих же турецких рун на каменной бабе.

Фотографические снимки были присланы в Академию Наук СССР из Фототеки Ученого комитета Монгольской Народной Республики (№№ 157—160). Один снимок представляет общий вид с SE на курган с каменной бабой в районе Чойрина на южном склоне Сансар-Ула, по тракту Улан-

¹ С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИОГН, 1929, стр. 799.

батор — Удэ (фиг. 1). Остальные три рисунка изображали самую бабу, снятую с разных позиций фотографом Эрдэм Баира в сентябре 1928 г.

В указанных географических пунктах упоминались и раньше еще могилы и кучи камней с торчком стоящими плитами из черного порфира; см. в «Списке древних могил, замеченных на пути из Кяхты в Ургу и Калган» В. А. Обручева.¹

Я называю данный памятник каменной бабой, пользуясь уже готовым термином и, занимаясь здесь расшифровкой рун, совершенно не касаюсь вопроса о происхождении каменных баб, их отношения к балбалам древних турков и пр.²

Эта каменная баба на редкость сохранилась: у ней не отбита голова, что случается очень часто с каменными бабами, так как некоторые монголы, боясь, «как бы каменные бабы не причинили вреда скоту», сбивали с них головы;³ см., напр., каменные бабы без голов в «Атласе древностей Монголии», изданном В. В. Радловым, на табл. IX, X, XIII, XIV, CV, CVIII, и в атласе «Inscriptions de l'Orkhon» (Helsingfors, 1892), см. табл. 17, 41—43.

Судя по надписи на одном из снимков, присланных из Монголии, высота каменной бабы с рунами — 130 см, ширина лица — 50 см, объем шеи — 82 см, объем в плечах — 102 см, размер головы по вертикали — 35 см. Привожу еще данные об этом памятнике из записной книжки Ц. Ж. Жамцарано, полученные мной от него весной 1933 г.: высота — 1 м, в поясе кругом — 1 м, длина лица — 35 см, ширина от края уха до края — 42 см. Местонахождение каменной бабы Ц. Ж. Жамцарано указывается так: «от ст. Чойра 15 км на северо-восток, к востоку от Ургинско-калганского тележного тракта на склоне горы Бага Сансар, на мысу, на насыпном кургане без обычной ограды, на куче камней стоял каменный человек лицом на юго-запад».

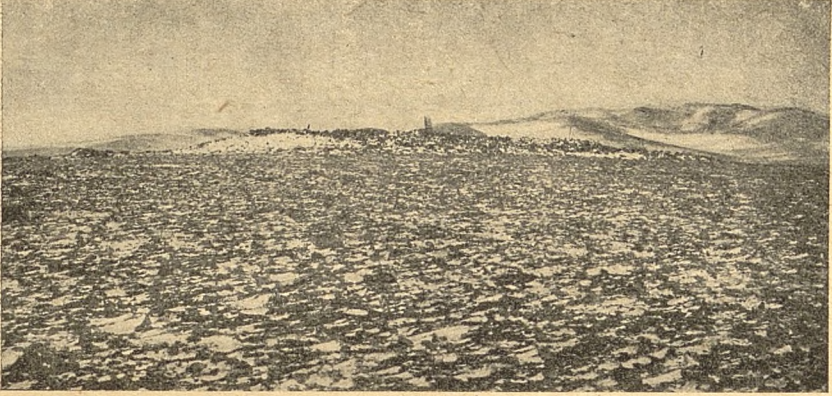
Если мой перевод рунической надписи на каменной бабе, хотя бы в общем своем характере, окажется правильным, и надпись эта не будет могильной эпитафией,⁴ то этот рунический памятник окажется довольно

¹ Сборник Трудов Орхонской экспедиции, II, СПб., 1895, стр. 76.

² О всем этом см., напр., В. А. Казакевич. I. Намогильные статуи в Дариганге. II. Поездка в Даригангу (Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, в. 5). Ленинград, 1930; здесь и соответствующая литература в сносках, особенно сочинения проф. В. Л. Котвича.

³ Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования..., стр. 41, отклик из сборника «Северная Монголия», Ленинград, II, 1927 г.

⁴ Dr. W. Radloff. Die Alttürkische Inschriften d. Mongolei. St.-Petersburg, 1894—1895, p. 343—344, 336.

Фиг. 1. Курган с каменной бабой в районе Чойрина.

Фиг. 2. Каменная баба с рунами на левой передней стороне.

редким и единственным. Надпись я отношу приблизительно к VIII в. н. э. Голова каменной бабы сделана очень хорошо и гладко, а ниже шея в обделке туловища заметен уже другой характер. Не исключена возможность, что неровности туловища были несколько (грубо) сглажены для нанесения позднейшей рунической надписи и, таким образом, вместо прежнего туловища каменной бабы теперь имеется просто каменный столб с человеческой головой вверху.¹

Надпись на левой передней стороне каменной бабы такова (фиг. 2):

Все это я транскрибировал бы так: I ¹ t⁵ymnz ¹¹ rmm(?) II č¹¹tqa
 III (bi)¹⁵t²⁰d²⁶m yr^aq ^ač^u j^aγ^uq qd... IV ^adr³²l³⁵m^az t^at⁴⁰ b^arda

Перевод

I ... мое (?) и мое... II при разветвлении пути III написал, определяя близкое и далекое. Телега... IV (Дорога) не разделяется (далее?) на всем видимом пространстве.

Примечания

I 1—10. Вся первая строчка разбору у меня не поддалась.

II 11—14. 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 č^atqa 'разветвлению дороги' (дат. п. от čat). Раньше я читал 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 č^tqa. Слово čyt 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 имеется на «Селенгинском камне» и переводилось G. J. Ramstedt'ом сначала как Grenzzeichen,² а затем им же в русском «Переводе надписи Селенгинского камня»³ как «какое-то здание, казначейство». В живых турецких диалектах (анат.-турецк., узбекск., таранч., вост.-туркест.) близкое к 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 слово фоне-

¹ Ср. М. Грязнов (и) Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. IV, в. 2, 1929, стр. 71, 75, 77 и др.

² G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Helsingfors, 1913, p. 22, 23, 27, 53, 57 (в цитатах дальше: ZUR).

³ Труды Троицкосавско-яхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества, т. XV, в. I, 1912, СПб., 1914, стр. 43.

Фиг. 3. Каменная баба с рунами на правой передней стороне.

(JRAS, January, 1912, p. 222), то тогда группу букв (V 47—50) **кҗҗи** (не только särt, но и säbirt) можно бы сопоставить с лебединск. säbirt- (RW IV 501) 'делать жирным, питать', и всю фразу перевести: вола выкорми и отправляйтесь!

Я предпочитаю все же свой первый перевод о реке,¹ а не о воле. Если читать с другой огласовкой, то к слову **кҗҗи** s^äbr^{ät} ср. МК II 267:

* *
 * *
 * *

т. е. 'он освободил дом свой от пожитков; он совершил (сделал, закончил) свое дело и освободился от него'. Для меня затруднительно это значение глагола säbrät- связать с словом ügüz 'река'. Лучше я предпочитаю читать здесь (V, 47—50) särt 'настороженно, строго, крепко' (ср. RW IV, 488 анат.-турецк., крымск., телеутск.); särt baruң ('через реку осторожно иди (же)!'. Принимая во внимание в древнеуйгурских памятниках ügüz ärt-,² т. е. 'переходить, переправляться через реку', я группу букв **кҗҗи** разлагаю еще ^{äs} (или: ^{äs̄}) ärt 'большими шагами (поспешно, скоро) иди, переправляйся и отправляйся (далее)'. Но все же такая фраза (три повелительных формы) довольно сложна.

II

ПАМЯТНИК МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ

Я видел древних писмена
 На древних счалах Енисея.
 Таинственная старина,
 Потомков поздних не жалея,
 Проводит хитрые черты
 Для их гадательной мечты.
 И ты не можешь быть нам вестник,
 И ты, сам Енисей — река,
 — Давно минувшему ровесник —
 Чья непонятная руза
 Чертила нам сии загадки,
 От едой древности остатки.³

Нижеиздаваемым памятником я заинтересовался 26—27 июля 1908 г., будучи проездом в г. Минусинске и осматривая, при содействии Е. Ф. Гущина, Мартьяновский музей.

¹ У горы Сансар-Ула теперь протекает ручей Угомур, см. Сборник Трудов Орхонской экспедиции, II, СПб., 1895, стр. 76.

² W. Bang und A. von Gabain. Türkische Turfan-Texte. Berlin, 1929 (1), p. 8, 35. Ср. Analytischer Index... von W. Bang und A. von Gabain, 1931, p. 12, 31.

³ Стихи А. Кузмина из редкого «Енисейского Альманаха на 1828 год» (Красноярск, 1828); см. Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии... летом 1899 года. Казань, 1900, стр. 56—57 (Отд. отд. из Ученых записок Казанского университета).

Тогда же памятник мной был сфотографирован (неудачно), и, кроме того, надпись списана «от руки». В 1926 г. с этого памятника по моей просьбе были изготовлены еще фотографические снимки, которые я и получил через директора музея В. Д. Кожанчикова. А в 1927 г. фотографический снимок (довольно удачный), с надписи одной стороны памятника я получил от Н. П. Дыренковой. Слепки (№№ 2524-32 и 2524-46) по эстампажам с этого памятника оказались в Институте востоковедения (в б. Азиатском музее) АН СССР, где я их осмотрел при содействии С. А. Козина в 1930 г. Предварительный перевод с этого памятника

Фиг. 4. Памятник Минусинского Музея (а).

мной был сообщен в заседании Радловского кружка (при Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР) 10 мая 1928 г. по случаю десятилетия со дня смерти акад. В. В. Радлова (ум. 1918 г.) и года со дня смерти проф. V. Thomsen'a (ум. 1927 г.).

Снимка с этого памятника в Атласах (русском и финляндском) не имеется; он издан (только в тексте, набором, без перевода) еще до прочтения турецких рун в Указателе (Wörterverzeichnis, p. 66) Donner'a. Как там написано, памятник этот с Кемчик-Джиргак. По Н. Ф. Катанову: Şurgayqu — правый приток Бом-Кемчика.¹ Надо думать, в распоряжении Donner'a был очень плохой снимок, так как теперь многие буквы памятника читаются по фотографическим (имеющимся у меня) снимкам с несомненностью по-иному, всего у Donner'a 248 букв, а в моем, теперь, издании здесь 293 буквы.

V. Thomsen называл этот памятник (Turcica, p. 68) загадочным и трудным для дешифровки.

¹ [В. В. Радлов и Н. Ф. Катанов]. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX, СПб., стр. 141 (текста) и стр. 119 (перевода).

III Мое геройское имя — Йола (т. е. светильник, светоч), моя доблесть... вы мои, (с)путники и родственники мои, вы мои,

IV я ездил на опережающих конях. Я муж высокого чина («бага»); шестьсот клейменных лошадей,

V добытое оружие и (защитная) одежда, мое блестящее(?) золото, ковры... казна, мои одежды — снаряжения (в отношении всего этого я отделился, т. е. — умер).

Примечания

I 2—4. rd^am 'доблесть, сила, хорошее качество' (в памятниках рунической и уйгурской письменностей), у Рабгузия — *idem* (изд. Н. И. Ильминского 4, 23). У Константина Порфирородного упоминается (в соч. «De administrando imperio») печенежский род $\text{I}\alpha\beta\delta\iota$ — $\epsilon\rho\tau\mu$, см. J. Nemeth, Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós, Budapest—Leipzig, 1932, p. 50.

I 7—12. $anlg^r asim$ 'мои товарищи совещаний (единомышленники)' или: 'товарищи по охоте'. Ср. в надписи Тоньюкука (строка 7): $bilig as\dot{i} \check{c}ab as\dot{i} b\ddot{a}n k\ddot{o}rt\ddot{u}m$ 'я был его товарищем по знанию и его товарищем по славе'. Буква \downarrow (η) в слове $a\eta$ вырезана на памятнике, можно предполагать (см. фиг. 4), по-енисейски,¹ ср. здесь \downarrow \times $b^1\eta$ 'тысяча', где буква \downarrow вырезана по «орхонски». Енисейскую букву можно здесь читать и за k (см. фиг. 4), причем k знак для звука t переднего ряда. Нельзя ли это k , в виду следующих $\downarrow\downarrow$ (l^ar), читать за перевернутое \downarrow , т. е. q , а все $\downarrow\downarrow k$ не за t^ar , а за q^ar 'родственники', qa 'товарищ, близкий, родственник' (см. W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler... mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben, Leningrad, 1928, p. 277; при цитатах дальше = USP).

I 21—26. $basuq$ t^aym я перевозжу «челядинцы»; $basuq$ (осм.) 'сдавленный, низкий, затоптанный' (RW IV 1526). Осм. $taqu\ddot{m}$ 'количество людей в каком-либо отношении между собой', $al\check{c}aq taqu\ddot{m}$ (осм.) 'чернь' (RW III 788).

II 31—35. $t^nl^r^m$ 'мои лагеря, города'. К интересному сопоставлению этого слова $\exists\wedge$ $to\dot{n}$, $to\dot{i}$, w и v , v , v , v $balyq$ 'глина ~ вал, ограждение, крепость, лагерь, город', — сделанному W. Bang и A. von Gabain (Türkische Turfan-Texte, II, p. 13; дальше при цита-

¹ V. Thomson. Inscr. de l'Orkhon, 1896, p. 9.

тах = ТТ), могу добавить, что у желтых уйгуров: р'аѣуq üй 'глинобитное здание, дом' в противоположность q'ar(a)үй 'палатка, шатер'. Ср. USP, р. 297, где ошибочно, для фрагмента № 97, слову той дается у меня значение 'пиршество'.

II 37—38. 𐰽𐰺 ^atʰn я мог бы читать и за 𐰽𐰺 ^atu; можно считать здесь скорее букву 𐰽 (u) за недописание буквы 𐰽 (m), т. е. все было бы ^ar ^atʰm 'мое геройское имя'.

II 39—42. На некоторых других памятниках бассейна р. Енисея вырезано тоже 𐰽𐰺 (čn), т. е. как здесь, а на других: 𐰽𐰺𐰺 üčün (см. *Altürk. Inschrift.*, 3 Lief., р. 360).

II 43—45. 𐰽𐰺 j^ati 'семь' вырезано правильно по-енисейски, т. е. с буквой 𐰽, а не с 𐰽 (j), как было бы по орхонски.

II 50. Об енисейской букве 𐰽 O. Donner пишет, что тождество (identité) ее с орхонск. 𐰽 (s) не доказано (incertaine).¹ Я разбираю эту букву за s; в данном месте эта буква стоит среди знаков для звуков переднего ряда. Если сравнивать эту букву графически с 𐰽, то 𐰽 тоже должна бы выражать звук заднего ряда, как и 𐰽 s: К слову 𐰽𐰽 ^asⁱm ср. äs по МК (I, 39): 𐰽 — جزر السباع, т. е. добыча (хищных зверей). Раньше я читал äšⁱm 'мои друзья', а 𐰽𐰽 (ätilti) читал за 𐰽𐰽 ölti (умерли), а все это место по первой, оставленной теперь, редакции перевода было: так как не было (сначала у меня) геройского имени, то семь передовых моих друзей (?) умерли (за меня) вне (государства). Ср. еще слова с буквой 𐰽 в V строчке.

III 76—77. 𐰽𐰽 мною не понято; возможно, что следует читать 𐰽𐰽 sⁱz, т. е. вы.

III 81—83. 𐰽𐰽 ^algⁱn, см. МК I, 31 и III, 28 𐰽 — مسافر, MTW, р. 20: älkin 'путник'.

III 84—88. 𐰽𐰽𐰽 q^aγ^ad^as^ym 'родственники, близкие'. Radloff — Malov, USP р. 277; F. W. K. Müller, Uig. III, 6, 33, 16 qaγadaš — idem; его же *Zwei Pfahlinschriften*... Berlin, 1915, р. 34.

III 100—103. Äšintim, ср. осм. äš- итти иноходью, делать большие шаги (RWI 905).

III 104—106. 𐰽𐰽 b^aγa '(важный) титул, достоинство'. В памятнике Тоньюкука встречается: boīda baγa tarqan (Dr. W. Radloff. *Die Altürk.*

¹ *Inscriptions de l'Orkhon.* Helsingfors, 1892, р. XLVIII.

Inschriften. 2-te Folge, 1899, p. 161). См. еще Ligeti. Die Ahnentafel Attilas. Asia Major, 1925, II, 2, p. 294 (индо-кит. заимствование по Рамстедту). Haneda. Turufuan — shutsudo Uiguru — bun Manikyōto kiganbunno dankan (из сборн. в честь проф. Кувахара), стр. 8.

IV 114—117. К выражению $t^amq^a^at$ 'клеименая лошадь' ср. рунич.-енис. 𐰇𐰏𐰚 𐰇𐰏𐰚 𐰇𐰏𐰚 $t^amq^a^ay j^yqy$ (Altürk. Inschriften, 3 Lief., p. 368—369).

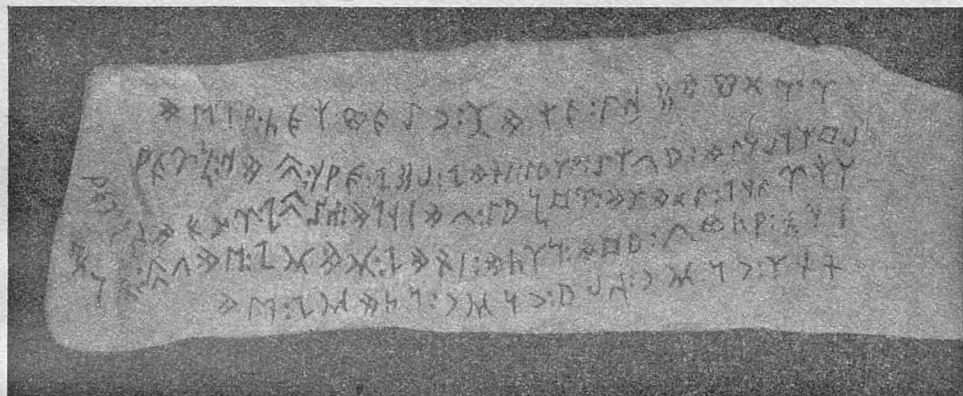
V 118—144. Пятая строчка содержит перечисление благ жизни, которыми пользовался и с которыми расстаётся теперь умерший. Начало пятой строки представляет для меня большие трудности. Не выясненными являются здесь три буквы: 118 (и 122), 128 и 131. Мои соображения дают только материал и попытку к истолкованию этого текста.

V 118—121. 𐰇𐰏𐰚 в этой группе боковые буквы выражают звуки переднего ряда, а средние — заднего ряда (с оговоркой относительно редкой буквы 𐰇); таким образом, транскрибировать можно эту группу так, как сделано у меня выше: $^as j^at ^ag$; as 'добыча (хищных зверей)' по МК; jat (осм. RW III 190) 'оружие, средства для защиты'; $k ag$ ср. осм. ak (RW I 674), 'воротник, ошейник'.

V 122—124. 𐰇𐰏𐰚 srg — в этой группе каждую букву я считаю за целое слово и читаю: as 'добыча', ag , 'красный' (МК, МТW); едва ли здесь можно видеть какое-либо иранское (согдийское) влияние и сопоставлять это слово ag со словом aga (чагатайск.) 'украшение' (RW I 248, от перс. آراستن 'украшать'); ag 'воротник, ошейник' (см. выше). Все можно бы перевести: 'добытый красный воротник (т. е. какая-либо одежда)'. Это одно толкование. Во втором толковании я следую отчасти за V. Thomsen'ом, который считал srg за одно слово и предполагал читать это как sry, т. е. s^ay^y 'желтый' (здесь: желтое, блестящее золото, см. его Turcica, p. 68). Мое предположение таково. В QB 103, 20 (т. е. в факсимильном издании Qutadγu bilig В. В. Радлова) имеется редкое слово 'särag', как глосса к слову 𐰇𐰏𐰚 (saγy). В. В. Радлов весьма удачно придал этим словам значение 'искра', см. Dr. W. Radloff. Das Kudatku Bilik II, p. 311 (в цитатах далее: KB II), ср. RW IV 459, QB 57, 31 и 154, 10. У МК имеется saγy 'мираж' (p. 171), таким образом и särag будет 'мираж' ~ *блеск, *сверкание, а как определение к $altun$ — 'блестящий, сверкающий'. Вот это второе свое объяснение, включая сюда и «saγy» V. Thomsen'a, я и дал выше в своем переводе этой строки: 'блестящее золото'. Но к этому есть препятствие. Если у Томсена здесь в слове saγy оказывалась на конце буква переднего ряда 𐰇

(т. е. *saryg*, не *saryu*), так и у меня здесь **ЕЧ** вместо ожидавшегося бы **ЕУ**.

V 128—131. Слово **КТЕГ** [?] *ägrit* с двумя редкими буквами (см. рисунок)—весьма сомнительное. Donner вместо моего чтения дает в *Wörterverzeichnis*'е, стр. 66, № XXVII): **ЛТЕН**, что я считаю ошибочным. Слово *ägrit* весьма приблизительно я бы сопоставил со словом **ЛХКТЕ**:

Фиг. 5. Памятник Минусинского музея (b).

на камне на Бегре по фотографическому снимку Адрианова (через проф. С. А. Теплоухова) и на неизданном памятнике (с Улу-кема, *Ichim*) у M. Gräno (см. *Turcica*, p. 69) со словом **ЛХКТЕ**.

У В. В. Радлова это слово по памятнику на Бегре (см. *Alttürk. Inschriften*, 3. Lieferung, p. 316—317) воспроизведено неверно как **ЛКТЕ**: *ägritim* (прошедшее вр.).

V. Thomsen *ägritāb* или *ägritābi* толкует как 'какая-либо ткань, попона с вышивками' (*Turcica*, p. 69).

Если мое сопоставление слова *ägrit* со словом *ägritābi* оказалось бы правильным, тогда не лишне вспомнить, что G. J. Ramstedt как раз делил это слово так: ^äg^är it+äbi (*Jagdhunde, ihre Häuser, ZUR*, p. 50).

Хотя всецело и не принимая, как и V. Thomsen, перевода и этимологии этого слова G. J. Ramstedt'а, я только хотел показать этим и на другие возможности толкования слова *ägrit* (*äbi*).

V 139—141. *jädär* 'приготовленный, снаряженный (?)', ср. *jidmäk* (*MTW*, p. 89). Скорее, кажется, вм. P (j) надо читать **▷** (*uq*), тогда *jädär* будет 'седло'.

b)

Текст

¹⁶⁵ ¹⁶⁰ ¹⁵⁵ ¹⁵⁰ ¹⁴⁵
 *MTP: kEYCEJ): J*YE: ΓHΞ*OXTT VI
¹⁹⁵ ¹⁹⁰ ¹⁸⁵ ¹⁸⁰ ¹⁷⁵ ¹⁷⁰
 :H*^: *PE: JΣJ: J*SI: ΓDYP: JY^D: *ΓYJLY□J VII
²⁰⁰
 PEYH
²³⁰ ²²⁵ ²²⁰ ²¹⁵ ²¹⁰ ²⁰⁵
 :H*EY: T: J^H: *YH*^: ΓDHY□T: *Y*XE: JYETYY VIII
²³⁵
 PEYH
²⁶⁵ ²⁶⁰ ²⁵⁵ ²⁵⁰ ²⁴⁵ ²⁴⁰
 KH^: ^*M: J*Y*: J*SI: *KYH: *□D: ^EKP: *YI IX
²⁸⁵ ²⁸⁰ ²⁷⁵ ²⁷⁰
 *M: J*YH:)YH: DSN:)YH: TΣX X
²⁹⁰
 1: *^: J*□Y XI

Транскрипция

VI ¹⁴⁵ ¹⁵⁰ ¹⁵⁵ ¹⁶⁰ ¹⁶⁵
 r̄ rd̄m̄m̄ ad̄qȳ ḡ^ācm̄ä^ā na^ā ḡm̄^āč̄^ā ḡ^āt̄ j̄^ār̄^ālt̄m̄
 VII ¹⁷⁰ ¹⁷⁵ ¹⁸⁰ ¹⁸⁵ ¹⁹⁰ ¹⁹⁵ ²⁰⁰
 b̄^āš̄^ā č̄a^ārym̄ jaš̄^ā č̄a^ā j̄^āl̄^ā qȳ s̄i^āz̄^ām̄ä^ā b̄da^ā ḡj̄n̄ tm̄q̄ nr̄ḡj̄
 VIII ²⁰⁵ ²¹⁰ ²¹⁵ ²²⁰ ²²⁵ ²³⁰ ²³⁵
 a^āl̄ č̄^ār̄^āḡ^ān̄ä^ā ḡd̄^ām̄^ā s̄^ām̄^ā (?) rs̄n̄ji^ā š̄m̄ sn̄r̄m̄ q̄nta^ā r̄s̄ūmq̄^ā ur̄ḡj̄
 IX ²⁴⁰ ²⁴⁵ ²⁵⁰ ²⁵⁵ ²⁶⁰ ²⁶⁵
 sn̄z̄ j̄^ātm̄^ā s̄^ā j̄^āsȳm̄ ölt̄^ām̄ s̄i^āz̄^ām̄ä^ā a^āγ̄m̄γ̄a^ā a^ālt̄m̄^ā s̄^āt̄ b̄^ānt̄^ām̄
 X ²⁷⁰ ²⁷⁵ ²⁸⁰ ²⁸⁵
 dzr̄ or̄^āγ̄^ān̄ q̄^āb̄^āj̄ or̄^āγ̄^ān̄ r̄ t̄ m̄γ̄a^ā a^ālt̄^ām̄
 XI ²⁹⁰
 a^āγ̄š̄γ̄a^ā t̄^ān̄^ām̄

Перевод

VI Моя доблесть, батюшка (мой), от моей тётки, мать, супруга, служанки (от всех вас) я разлучился (т. е. умер);

VII старшие родственники, младшая родня, белизна грив (?), вам на охоте (или: с охоты)... стрелять...

VIII Государственному (народному) войску, мои поля сражений и моя добыча...

IX ...в мои семьдесят лет я умер; вам, казне моей; я ездил верхом на шестидесяти лошадях...

X Подстилки и пеленки колыбели я взял...

XI Для восхождения(?) одежда моя.

¹ XI строчка вырезана на памятнике отдельно, вверху.

Примечания

VI 150—152. **𐰇𐰏** ^ad^aqu ‘бабушка (мой)’; ср. МК I 122 **اتاقى** ‘отец мой, бабушка’ (обращение, MTW 15).

VI 153—156. **𐰇𐰏𐰚** ^ag^ačⁱmä ‘по отношению к моей тетке; ägäčⁱ (чагатайск. **ايكاچی**, команск., RW I 697) ‘старшая сестра, тетка’. Буква **𐰇** ¹⁵⁶вырезана здесь по-енисейски (см. Фиг. 5), в других местах этого памятника везде обычное **𐰇**.

VI 159—161. **𐰇𐰚** ^agm^ačⁱ я сопоставляю со словом äp^amägän (алтайск.) 1) ‘старая бабушка’, 2) ‘супруга’ (в разговоре с ее мужем) см. RW I, 720, ср. 948—949.

VI 162—163. **𐰇𐰚** ^ag^at (‘g^at), ср. МК I 52 **اكت** ‘служанка (невесты)’.

VI 164—167. **𐰇𐰏𐰚𐰚** j^arⁱltⁱm ‘отколося, разлучился’ (т. е. умер). Ср. МК I 41: **بوتقى ال تىجى برلكان** ‘эта ветка вовсе отсечена’; **شق — يرمك** (ibid., p. 44, ср. 67).

VII 180—183. **𐰇𐰚𐰚** j^al^aqu (?) ‘белизна грив’ (?).

VII 191 и до конца строки — мною не разгадано. Обращает на себя внимание последняя группа слов, повторяющаяся и в конце VIII строки: **ngj** с предшествующим словом на **𐰇𐰚** — **maq**.

VIII 202—206. Здесь употреблено сравнительно редкое слово čärig ‘войско’, в рунической письменности обычно употребляется слово **𐰇𐰚** sⁱ; см., напр., čärig: ZUR, p. 18—19; Roczn. Orjent. IV, p. 97.

VIII 207—209. **𐰇𐰚** ^agdⁱm; ср. МК I, 112 **الذبيح — اكدى**, т. е. место сражения; MTW 20 «äkdⁱ» Следуя рунической графике, лучше и у МК **اكدى** передавать через ägdⁱ.

IX 246—249. **𐰇𐰚𐰚** öltⁱm; в этом слове буква **𐰚** изображает, думаю, не г, а перевернутое ö, т. е. **𐰚**.

X 269—272. **𐰇𐰚𐰚** o^aγⁿ; ср. шорск. (RW I 1050) **ogaγ** ‘обертка пленка’.

X 273—275. **𐰇𐰚𐰚** q^ab^aj, ср. алт., телеутск., урянхайск. **qabaı** ‘колыбель’.

III

ВТОРОЙ ПАМЯТНИК МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ

Нижеиздаваемый памятник публикуется впервые, — он тоже из Минусинского музея. Сначала я получил копию с рунической надписи, сделанную от руки М. П. Грязновым, а затем и фотографические

снимки из музея. С одной, четвертой, стороны памятника я получил еще фотографический снимок Адрианова через проф. С. А. Теплоухова.

1

Первая сторона памятника

³⁰ 1 2 3 4 : ²⁵ 5 6 7 8 9 10 : ²⁰ 11 12 13 14 : ¹⁵ 15 16 17 18 : ¹⁰ 19 20 21 22 : ⁵ 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Транскрипция

а) ¹ Öz ⁵ j^ärⁱm ¹⁰ ydūq̄ ¹⁵ j^ärⁱm ²⁰ sⁱzä ²⁵ öz ³⁰ äⁱm ³⁵ q^än^ym ⁴⁰ kün, jtzχ narsgür ?^ärⁱm qbr?
 б) ⁴⁴ jüz ⁵⁰ r̄ q^äd^äy^m ⁵⁵ sⁱz^mä ⁶⁰ bⁱn̄ ⁶⁵ r̄ b^üdⁿma ⁷⁰ sⁱzⁱm ⁷⁵ qat^än̄ ⁸⁰ b^üdⁿm̄ ⁸⁵ ä^ädgü ⁹⁰ q^än̄

Перевод

а) Моя родная земля, моя благословенная земля, вам, родной мой народ, мой правитель (хан), рабыни, служанки (?), мужи мои, бел. (?).

б) Сто мужей, мои родственники, вам, тысяча мужей, моему народу, вы мои, мужайтесь (терпите), народ мой, добрый отец.

Примечания

а) 1—5. Öz j^ärⁱm я просто перевожу: моя родная земля; öz ‘сам, сердцевина, сущность, лучшая часть, собственный’... (RW I 1298—1299), но можно, думаю, **TT** ^{TT}öz -j^är считать двойным словом, ср. древнеуйг. öz ‘долина’ (W. Bang und A. von Gabain TT, V, Berlin, 1931, p. 28, 36), у Махмуда Кашгарского (МК I, 76; у С. Brockelmann’a в MTW 248 опечатка: вм. 376 сл. 76) имеется географическое название Qyzyl öz — قزل از مشناتة في جبال كا شغرا (‘зимовка в кашгарских горах’).

а) 17—19. В слове первую букву **Q** я читаю за «ä», эта же буква может иметь значение «b».

б) 48—51. Интересный и редкий пример, что в слове qadašum первая буква **Ḥ** отделена от следующих «знаком препинания» (·).

б) 68—72. К слову qat^än ср. Alttürk. Inschriften, 3 Lief., p. 313.

Handwritten runic script in a single line, enclosed in a hand-drawn rectangular border. The characters are stylized and appear to be a form of Old Norse or Old English runic alphabet.

Handwritten runic script in two lines, enclosed in a hand-drawn rectangular border. The script is consistent with the first block.

Handwritten runic script in two lines, enclosed in a hand-drawn rectangular border. The script is consistent with the first block.

Handwritten runic script in two lines, enclosed in a hand-drawn rectangular border. The script is consistent with the first block.

Фиг. 6. Руническая надпись второго памятника из Минусинска по копии М. П. Грязнова.

2

Вторая сторона памятника такова:

³⁰ ²⁵ ²⁰ ¹⁵ ¹⁰ ⁵ ¹
 ^ ? Г К Л ? ? X X Y Y K : Y ^ X K Q X K H H K J X ^ D ^ X K Q (a)
⁶⁰ ⁵⁵ ⁵⁰ ⁴⁵ ⁴⁰ ³⁵ ³¹
 ? ? D X ^ X Y J) : X X X B X Z X ^ Y X J X X I : X ^ Y D Y X H X K (b)

Транскрипция

- а) j^ätm^{iš} j^äy^uma öntⁱm j^ätm^{iš} ä^r ö^lrdⁱm...
 б) üč^ün γoj^ar^äsⁱm s^zi^mä drt ma b^ökm^ädⁱm načmšzj ??

Перевод

- а) До моих семидесяти лет я достиг; я убил семьдесят мужей...
 б) Ради..., любезные друзья (или: жены) мои, по отношению к вам я не удовлетворился.

Примечания

а) 1—4. Jätmiš ‘семьдесят’ было, повидимому, обычным литературным шаблоном в смысле ‘старый, преклонных лет’, ср. это же число и в предшествующем памятнике (гл. II), строч. IX.

б) 35—37. ЧД> oj^ar (‘любезный, дорогой’), см. С. Е. Малов, Таласские эпиграфические памятники, Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, гл. I.

б) 49—53: X X X B X bökm^ädⁱm ‘не удовлетворился, не насытился’ (= умер), см. С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас (Известия Академии Наук СССР, 1929, Отд. гуманитар. наук, стр. 804).

Несколько букв на этой стороне памятника мною разобраны по рисунку, любезно предоставленному мне С. Н. Киселевым (Москва).

3

Третья сторона памятника

³⁰ ²⁵ ²⁰ ¹⁵ ¹⁰ ⁵ ¹
 D : N Y X : X X N X G Y : ^ I Y E X Y X X J Y D : N Q Y Y : H Y X ^ X H (a)
⁷⁰ ⁶⁵ ⁶⁰ ⁵⁵ ⁵⁰ ⁴⁵ ⁴⁰
 : T X Y K : J X ^ Y S : X X Y S : Y G J : H X X I : Y X : X X X X : Y Y Y Y (b)
⁷⁵
 X X X B X

Транскрипция

а) Q¹a⁵d¹⁰sg¹⁵ym²⁰ ä²⁵r³⁰än³⁵ äš³⁹(n)k⁴⁰ä⁴⁵jü⁵⁰ jo⁵⁵ɣ⁶⁰l⁶⁵a⁷⁰d⁷⁵ɣ⁷⁵yz gššš ä⁶⁰ki mü⁶⁵g⁷⁰z b⁷⁵ä⁷⁵ñü j⁷⁵?n⁷⁵dmakt

б) So⁴⁰ɣ⁴⁵r⁵⁰ b⁵⁵t⁶⁰id⁶⁵im b⁷⁰i⁷⁵ñ s⁴⁰ä⁴⁵k⁵⁰iz ä⁵⁵d⁶⁰a⁶⁵q⁷⁰ɣy⁷⁵ b⁴⁰r⁴⁵ɣ⁵⁰ym⁵⁵ b⁶⁰ä⁶⁵ɣ ä⁷⁰š⁷⁵i⁷⁵mä t⁴⁰ä⁴⁵r⁵⁰di bö⁵⁵km⁶⁰ä⁶⁵d⁷⁰im

Перевод

а) Мои сподвижники, мужи, покрывая (меня) парчевыми материями вы погребли (меня)... и двурогий вечный (памятник)...

б)... я написал, тысяча восьминожного рогатого скота (моего), союзным (?) друзьям моим... (в отношении всего этого) я не наслаждался.

Примечания

а) 7—10. **𐰆𐰇𐰏𐰐** äšk^äjü ‘покрывая парчевыми материями’; ср. МК I 69 (MTW 26) **اشوك** äšük ‘парчевая материя, как покров на могиле важного человека (впоследствии материя разделяется между бедными)’. В словаре Ибн-Муханны есть **اسولجي** (чит. äšükci) ‘делатель покрывал’ (С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком яз., Зап. Колл. востоковедов, т. III, в. 2, Ленинград, 1928, стр. 228 и 233). Я предполагаю здесь: äšük+ä- ‘покрывать’; деесп. наст. вр.: äš(ü)käjü (Ср. Dr. W. Radloff. Die Altürk. Inschrift. 3 Lief., p. 418—419).

а) 11—17. **𐰆𐰇𐰏𐰐𐰑𐰒𐰓𐰔** joɣ^la^dɣ^{yz} ‘вы погребли’; joɣ^la- ‘выполнять погребальные церемонии’ (рунич. и уйгурск. письменн.) МК III 228 и MTW 92: ‘устроить поминки’.

а) 29—30. **𐰆𐰇𐰏𐰐** b^äñü ср. еще **𐰆𐰇𐰏𐰐** b^ängü; bängü taš ‘памятник’ (Altürk. Inschr.; 2 Lief., p. 138; 3 Lief., p. 375—376).

б) 50—61. Sä^kiz ada^qɣy^u bar^yum^u я перевожу: ‘восьминожный (восьмикопытный) рогатый скот’. К bar^yum(um) см., напр., jylqysyn bar^yum, что G. J. Ramstedt переводил (ZUR, p. 18—19): ‘Ihre Pferde, ihre Vieh’. В свое время В. В. Радлов выражение: tört adaq jylqy säkiz adaqɣy bar^yum исправляя (последнее слово) bar^yum на barmadum (Altürk. Inschriften, 3, Lief., p. 313—314), ср. ibid., 2 Lief., p. 136, переводил: ‘die vierfüssigen Pferde achtfüssig (machend) bin Ich nicht gedangen’. Но в «Атласе древностей Монголии» (табл. LXXIII и LXXIV) ясно стоит на снимке не barmadum, а, как и здесь, **𐰆𐰇𐰏𐰐** (bar^yum). Ср. об этом слове еще: С. Е. Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф.

Ольденбурга, см. Записки Института востоковедения, I (1932), стр. 140. P. Pelliot переводит аҫу барум через 'richesse' (Toung Pao, XV, 1914, p. 233) fortune, avoir (ibid., p. 265). Ф. А. Фиельструп (ум. в дек. 1933 г.) указал мне в киргизском фольклоре: аҫту аҫаqtū аҫа at, džeti аҫаqtū džerān at см. В. В. Радлов, Образцы нар. литературы северн. тюркских племен, ч. V, СПб, 1885, стр. 531 и Dr. W. Radloff, Proben d. Volkslitteratur d. nördl. türkisch. Stämme, V, p. 535.

b) 62—66. К выражению баҫ аšim ср. аҫту баҫ budun шесть частей народа (Alttürk. Inschriften, 3 Lief., p. 374, ср. p. 277).

4

Текст четвертой стороны памятника таков:

³⁰ :Г^D²⁵ϕϕxγ :EΓЭBΓ :²⁰ΓϑIΓ :¹⁵ϕN¹⁰HN⁵HT¹⊙Γ)⊙H³⁹YH³⁵ϕxγ (a)
⁶⁵ ϑϕ^J⁶⁰Yϑ :⁵⁵ϕA⁵⁰ϑ :⁴⁵ΓϑIϕ)Jγ :⁴⁰ΓϑY>HϑH :ϕ^γ (b)

Транскрипция

a) ^ard^am üčⁿ nnaç inünüm [a]s'zä äkü^{nig} ^ard^am¹m j^ay üč^ana[?] lrd
 b) ^ar ^aty^m üz^t yγdy oγ¹aⁿy^m s'zä äč^m ^adr^YIt^ym^z

Перевод

a) Ради доблести... вам... моя доблесть... ради...

b) Мое имя героя «С душой умершего человека он справился» (или: «Нечистого смял»). С вами, мой (мой?) сын(овья), мой старший брат, мы разлучились (т. е. я умер).

Примечания

b) 43—49. Фразу: ΓϑY>HϑH : я раньше разбирал: öz toγdy 'сам родил(ся)', в слове toγdy тогда оказалась бы буква H вместо ϑ, ср. это же недоразумение в Alttürk. Inschr., p. 311, 335 и 370; Атлас древн. Монголии, табл. LXXXI.

b) 46—49. ΓϑY> uγdy, ср. ^لوغمق (чагатайск.) 'мять, растирать' (RW I 1617), МК ^чнмақ 'крошить' (MTW 233).

Перевод

- I В отношении народа моего, сыновей моих, дочерей (жен?) моих
 II я отделился (т. е. умер)... отделяясь (?), скорбя.
 III Ради моего геройства я войско окруж... отделился (т. е. умер).
 IV...V...

Примечания

II 23—26. Близкая к этой группе букв имеется в *Alttürk. Inschrift.*, р. 332 : **𐰇𐰆𐰣𐰚𐰚𐰚**: *ič älin mü*, что В. В. Радлов с большой смелостью переводит '... beim inneren Volke' (?).

II 29—36. Весьма часто встречающиеся в енисейских эпитафиях два слова *jyta buça* (*Alttürk. Inschr.*, р. 368; *Thomsen. Turcica*, р. 49—73) до сих пор остаются невыясненными. Привлечение сюда уйгурск. слова *jytta* (*jittä?*) в значении «*san profit, en vain, vainement*» является мало обоснованным.¹ Я совершенно произвольно, выдерживая только стиль енисейских эпитафий, перевел 'отделяясь, скорбя'.

III 44—47: МК ägir- 'окружать, осаждать'.

IV—V Эти две строчки в переводе я опускаю, как не понятые мною.

V

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

Памятник из «Кая-бажи»

На LXXI,⁶ таблице «Атласа древностей Монголии» имеется рисунок памятника с тамгой-крестом и с надписью:

¹³ 𐰇 ¹⁰ 𐰚 ⁵ 𐰇 𐰆 𐰣 𐰚 𐰚 𐰚 ¹ 𐰇

ḵnjtübüüṇṇuyb

По финляндскому атласу эта надпись имеет несколько иной вид:

¹³ 𐰇 ¹⁰ 𐰚 ⁵ 𐰇 𐰆 𐰣 𐰚 𐰚 𐰚 ¹ 𐰇

unjtqpbüüṇṇuyb

¹ P. Pelliot. La version Ouigoure de l'Histoire des Princes... T'oung Pao, 1914, XV, р. 253, 272.

Расшифровка памятника не удастся. Припоминаю, от проф. Н. Ф. Катанова (в Казани) я слышал, что буквы этого памятника высечены кем-то из его знакомых гимназистов. К сожалению, я не имел механического воспроизведения с этого камня, а все рисунки букв с него различаются в разных изданиях (ср. буквы: 8, 9, 11 и 13). Думаю, возможно, что этот гимназист, если не написал всю эту руническую группу букв, списывая их с окружающих (тогда) камней, то, можно предположить, что он мог изменить несколько букв (ср. особенно буквы 11—13) в конце строки, придав им вид латинского начертания одного неприличного русского слова (см. по Атласу древностей Монголии, табл. LXXI, 6). У Н. М. Ядринцева на табл. «Древние надписи на скалах Сибири», — приложение к его статье «Древние памятники и письмена в Сибири»¹ тоже имеется воспроизведение этой надписи памятника, причем, вместо ⁸ и ⁶ по изд. В. В. Радлова у Ядринцева в обоих случаях по букве а: ⁸ и ⁶.

2

Памятники с рунами из Прибайкалья

В 1922 г. вышло соч. проф. Б. Э. Петри: «Далекое прошлое Бурятского края» (Иркутск). На титульном листе этой книжки были изображены два памятника с турецкими рунами — два камня-ролика от веретена. Книжка эта как-то прошла мимо меня, другие туркологи СССР тоже, повидимому, не обратили внимания на эту новую руническую находку из новой местности — из западного Прибайкалья. И проф. Б. Э. Петри был прав, когда писал проф. К. Donner'у, отправляя ему, по его просьбе, снимки с этих роликов, что — sein alter Freund, der Akademiker W. Radloff, gestorben sei und sie nicht mehr verwerten könne.² В 1931 г. эти рунические надписи на камнях были расшифрованы в труде: К. Donner und M. Räsänen, Zwei neue türk. Runeninschriften. На эту статью была написана рецензия: Г. Ксенофонов, Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья М. Рэзененом.³ Статья чрезвычайно любопытная, и я здесь на ней остановлюсь. На одном камне (по рис. II в статье Donner'а и Räsänen'а) имеется только 8 букв

¹ Литературный сборник, изд. редакции «Восточное обозрение», СПб., 1885 г.

² К. Donner und M. Räsänen. Zwei neue türkische Runeninschriften. Helsingfors, 1931, p. 2 (Journ. de la Soc. F. Ougr., LXV, 2).

³ Язык и мышление, I, Ленинград, 1933, стр. 170—173.

⁸ ⁵ ¹ **НЛЧРДЧХН**, что по Räsänen'у будет q^ad^rg^yq^q ^aγ^rt^ča^q 'ролик веретена'. Я принимаю это чтение и перевод. Г. Ксенофонов пишет (стр. 171), что в указанных надписях нужно искать якутские слова и грамматические формы, так как кроме якутов в западном Прибайкалье не могло быть иного народа, говорящего по-турецки. Вышеприведенную группу рунических букв Г. Ксенофонов читает и разбирает: qadaḡ quḡḡčaq 'прядильный волчок'. С первого же слова Г. Ксенофонову приходится поступиться своим якутским принципом при чтении этих букв. Г. Ксенофонов первое слово qadaḡ считает причастием от глагола qat- 'сучить, прять'. Но qadaḡ не якутская форма, и приходится Г. Ксенофонову обратиться в данном случае к урянхайскому (танну-тувинскому) наречию, «которое по сравнению с якутским хранит более древние языковые свойства и формы».¹ Таким образом, первое слово — урянхайское qadaḡ причастие наст.-будущ. вр. от глагола qat- 'сучить, крутить'; озвончение t (qatar || qadaḡ) между гласными до сих пор я в рунической письменности не встречал и поэтому я скорее принимаю толкование этого места Donner'a и Räsänen'a, а не Г. Ксенофопова. Второе слово Г. Ксенофонов читает: quḡḡčaq и толкует через якутск. qḡčaq 'волчок, юла' (в Верхоянск. окр., отчасти и по Вилюю). Таким образом, и в этом втором слове ничего якутского не получается. Г. Ксенофонов только исходит от якутского языка при толковании надписи. Долгое -ḡ-, вообще говоря, может получиться из -yḡ-. Но в данном случае как раз этого по-моему нет.

Принимая во внимание семантику этого якутского глагола (*qḡt-), в рунической письменности можно было бы ждать вместо quḡčq чего-либо вроде qjḡčq, ср. qajuš- 'обращаться' (MTW 142), якутск. qujaḡ- 'неизвестная даль, окраина'; kuja 'боковая сторона скалы, край' (Словарь Э. К. Пекарского, ст. 1371), qajuḡ 'песок (|| нечто крутящееся)', qajuḡ jaḡ (по С. Brockelmann'у) 'von der Hauptstrasse abseits liegendes Land' (MTW 142). Одним словом, я не могу видеть в слове quḡčq соответствие якутскому слову qḡčaq (? < *qajučaq, *qujuḡčaq?). Как я уже сказал, я принимаю расшифровку этих двух слов Donner'a и Räsänen'a, а не Ксенофопова.

Перехожу к надписи из 23 букв на другом камне (рис. 1) по изд. Donner'a и Räsänen'a. По Г. Ксенофонову эта надпись выглядит совсем по-якутски. Правда, для этого пришлось Г. Ксенофонову исключить 2—3 буквы вначале и вычеркнуть одну букву X (d) в середине, считая ее за «знак препинания», подобный: ∴ или J.

¹ Г. Ксенофонов. Расшифровка..., стр. 172.

Г. Ксенофонтос прямо отбрасывает как нечто лишнее первые четыре буквы, а именно $\overset{4}{\Upsilon}\overset{3}{\times}\overset{2}{D}\overset{1}{\wedge}$, и берет только полбуквы от последней буквы $\overset{4}{\Upsilon}$, читая эту часть ее за | (s), как первую букву к слову $\epsilon\Upsilon\iota$ s^al^hg 'чахоточный'; толкуя его так, исходя из якутск. sällik (Словарь Пекарского, стлб. 2158), т. е. с небольшой натяжкой. Я читаю в согласии с финляндскими учеными: taï ädärilig, но только они почему-то оставляли первое слово $D\wedge$ (taï) без перевода. Я склоняюсь перевести его как 'жеребенок', а все место: 'молодой оседланный олень (горный козел)', ср. казакск. taï ögüz (RW III 765) годовой бычок (ср. MTW 192).

Далее идет у меня разбор только отдельных слов, как и у Räsänen'a, но общего же смысла не получается. Г. Ксенофонтос весьма остроумно при помощи якутского языка переводит все в связи с одним общим смыслом. Но с его переводом трудно согласиться, и едва ли кем из туркологов будет принято его толкование. $D\Upsilon\Upsilon\Upsilon$ Г. Ксенофонтос считает за собственное имя Atqarai. $\kappa\lambda\iota\chi$ bäsçit по Г. Ксенофонтосу 'занимающийся в виде промысла заготовлением сосновой заболони', т. е. bäs 'сосна, сосновая заболонь, мезга' (см. Словарь Э. К. Пекарского, стлб. 444)+sit (частица для выражения имени действующего лица). Но в этих случаях в якутском языке, когда основное слово оканчивается на s, то это s, а также и начальное s приставки заменяются через č: bäs+sit > bäsçit (ss > čč). Здесь же на камне вырезано не bäsçit, а bäsçit, т. е. какая-то «полуякутская» форма, которую, можно предположить, Г. Ксенофонтос считает более древней формой, чем якутск. bäsçit (см. Словарь Э. К. Пекарского, стлб. 451).

Таким образом, здесь тоже у Г. Ксенофонтоса не без натяжки. Слово κ написано довольно неясно, скорее ожидал бы я это слово qys (quš) 'зима', написанным в виде $\Upsilon\Gamma\Delta$ (RW II 834).

Следующую группу букв я читаю $\overset{23}{\Upsilon}\overset{20}{\Gamma}\overset{17}{\epsilon}\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Upsilon$, т. е. ^adgül^g aγ(?) 'добрый, святой'; aγ(?). Г. Ксенофонтос пропускает букву \times (d), считая ее знаком препинания, последнюю букву Υ он читает за Υ ; букве ϵ он придает значение Υ (k) и читает все слово kölüger, т. е., допустивши несколько поправок, замен и переделок, у Г. Ксенофонтоса получается что-то близкое к якутскому kölüger 'у его озера'.

Во всяком случае толкование этой надписи Г. Ксенофонтосым неубедительно. Я думаю, что можно, пользуясь различными диалектами турецкого языка, выпустить одну-две буквы, или, заменив их другими, прочесть

и по-другому этот текст с не меньшими основаниями. Пока же приходится ждать другого объяснения этой надписи, не останавливаясь на смелой попытке Г. Ксенофонтова.

3

К руническим памятникам уйгуров

В уйгурском небольшом руническом памятнике¹ имеются слова 𐰽𐰺𐰸:𐰽𐰺𐰸𐰸𐰸 : $j^a\gamma^a q^a r q^a n^a ta$, которое понимается как собственное имя. К тем справкам, какие даны к этим словам Р. Pelliot² и F. W. K. Müller'ом,³ мне хочется добавить, что как раз среди желтых уйгуров в Ганьсу мною записано родовое деление $j a \gamma \lambda a^x q u r \| j a \gamma \lambda a^x q a r$ с подразделениями на $a q$ и $q a r a$.⁴

На другом⁵ уйгурском же руническом памятнике остается до сих пор неясной одна фраза, которая повторена там несколько раз: $\dot{c}y t \text{ anda } t o q y t - d u m, j a \dot{c} \text{ anda } j a \dot{c} \dot{a} d u m, j a q a \text{ anda } j a q a \dot{c} \dot{a} d u m$ 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰸:𐰽𐰺𐰸:𐰽𐰺𐰸 .

Я имею в виду последнюю фразу. К объяснению, исходящему от основного значения слова $j a q a$ ('край, окрестность, граница'; RW III, 25—26), я могу еще добавить, что у желтых уйгуров слово $j a q a \| j a^x q a \| j a \chi q a$ употребляется в смысле: 1) 'названия вообще всех гор на юг от уйгурской степи'; 2) 'высота, высокий, высоко, передняя сторона, почетное место для гостя'; $j a \chi q a \text{ te-}$ 'говорить высоким стилем, говорить торжественно'; 3) 'хлеб, приготовляемый на пару (от высокого положения его над огнем, котлом и водой?)' и 4) 'особый шаманский обряд моления высшим божествам': $j a \chi q a \text{ r} \dot{u} t i r$ 'совершать шаманское моление «яка»'; $j a q a \text{ t} \dot{e} i$ (< $t a \dot{c}$ -) (idem); $j a^x q a$ 'древко с ленточками, употребляемое при шаманском молении «яка»'. Моление я(х)ка мною уже было описано, см. Остатки шаманства у желтых уйгуров.⁶

4

О слове «tat»

К слову $\text{𐰽𐰺𐰸} t^t$ могу сообщить, что желтые уйгуры называют $t^t a t^t$ ами поселившихся среди них и частью обуйгурившихся кумирнеслужащих — тангутов. Некоторые уйгуры даже и осмысливают это слово $t^t a t$

¹ G. J. Ramstedt. ZUR, 1913, p. 4—6.

² P. Pelliot. À propos des Comans. Journ. Asiatique, 1920, p. 142.

³ Festschrift f. Hirth, Berlin, 1920, p. 310—311.

⁴ Cp. C. G. E. Mannerheim. A visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsingfors, 1911, p. 33.

⁵ ZUR, p. 23, 8; 27, 53—54.

⁶ Живая старина, XXI (1912) стр. 65—72.

как *t'anūt*, ср. сильно уступающую этой народной этимологии догадку В. И. Филоненко: *tat* < арабск. مرتد *вероотступник, ренегат*.¹ О значении слова *tat* по Махмуду Кашгарскому, см. статью проф. П. К. Жузе: К выяснению значения слова «тат».² Лучшая сводная работа — V. Minor-sky: *Tāt* (Enc. of Islam, p. 733—736).

5

Новая литература

Не могу удержаться, чтобы не перечислить здесь несколько новых статей, посвященных так или иначе турецкой рунической письменности:

1. А. Н. Бернштам. О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса (О завоеваниях ту'гю VI—VIII в.), см. Проблемы истории материальной культуры, № 3—4, 1933, стр. 46—51, Ленинград, изд. ГАИМК.

2. А. Н. Бернштам. Родовая структура ту'гю VIII в., см. Известия ГАИМК, вып. 100 (Сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра), М.—Л., 1933, стр. 560—576.

3. С. В. Киселев. Семантика орнамента карасукских стел. Там же, стр. 280—292.

4. П. П. Иванов. К вопросу о древностях в верховьях Таласа, см. Сергею Федоровичу Ольденбург. Сборник статей, Ленинград, 1934, стр. 241—251.

5. Н. Н. Козьмин. Классовое лицо «атысы» йоллыг-тегина, автора орхонских памятников. Там же, стр. 259—277.

6. Mahmut Mes'ut. Konya Halkevi Dil, Edebiyat ve Tarih Komitesi reisi. Orhon Alifbesinin Anadoludaki izleri, Konya, 1933.

7. С. Е. Малов. Таласские эпитафические памятники. Изд. Уз.-комстари'а, 1936.

8. А. Н. Самойлович. Новые тюркские руны из Монголии (I). ИОН, 1934; II, там же, 1935.

Март 1934.
ИЯМ

¹ В. И. Филоненко. К вопросу о происхождении и значении слова «тат». Изв. Таврич. о-ва ист. археол. и этногр., т. II, ср. Східній світ, Харків, № 3 (9), 1929, стр. 218.

² Известия АЗГНИ, т. I, в. 3, Баку, 1930.

В. И. БОРКОВСКИЙ

К вопросу о применении аналитического афетического письма для научной записи русских текстов

За долготное существование русского языкознания языковеды не смогли установить единого алфавитного научно-фонетического письма.

Не решен, во-первых, вопрос о том, какой алфавит — русский или латинский — положить в основу этой транскрипции.

И русский шрифт, и латинский мирно уживались друг с другом, один и тот же исследователь употребляет оба алфавита.

Однако и в пределах одной транскрипции — на основе русского или на основе латинского алфавита — нет полного единообразия у различных языковедов.

Можно говорить о том, что каждый из исследователей — акад. Шахматов, проф. Богородицкий, проф. Ушаков, проф. Петерсон и др. — употребляет свою научно-фонетическую транскрипцию. И при знакомстве с работами отдельных лингвистов приходится считаться с тем, что у одного полуглухой гласный звук обозначается знаками — ъ, ь, у другого э, что один исследователь для долгого согласного предпочитает двойное написание одной и той же буквы, а другой — пишет одну букву со значком долготы и т. д.

Очевидно, со всей остротой стоит вопрос об установлении единого алфавитного научного письма для передачи русских текстов.

Попытки договориться по этому вопросу, попытки создать единый научный алфавит имели место (см., напр., «Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения» Н. Дурново и Д. Ушакова, отлитографированный в 1910 г. в Москве, а затем в 1926 г. напечатанный в журнале «Slavia». Ročník V. Sešit 2. Praha), однако, не приводили ни к каким результатам.

Итак, повторяем, единой алфавитной научно-фонетической транскрипции русское языкознание не имеет.

Этот факт, казалось бы, должен был привлечь внимание к детально разработанному, передающему малейшие оттенки произношения — аналитическому яфетическому алфавиту. К сожалению, этот алфавит, имеющий огромные преимущества перед научно-фонетическими транскрипциями Богородицкого, Ушакова, Дурново и др., не встретил должного внимания со стороны лингвистов, работающих в области русского языка.

Индоевропейцы, встречавшие в штыки все то, что шло от яфетидологов, или замалчивали огромное значение аналитического алфавита или утверждали, что этот алфавит годится только для яфетических языков, так как имеет много обозначений для согласных звуков и игнорирует гласные звуки.

Эту «традицию» индоевропейцев продолжали и те языковеды, которые принимали яфетическую теорию («факты — упрямая вещь») с «оговорочками», «поправочками» и т. д.

В своей заметке я считаю необходимым подчеркнуть, что яфетический аналитический алфавит — не только для яфетических языков; несомненным достижением русского языкознания было бы введение этого алфавита и для научной записи русских текстов.

Преимущества аналитического алфавита перед другими системами научной транскрипции уже отмечались (см., в частности, работу И. И. Мещанинова «Пособие к пользованию яфетидологическими работами», Л., 1931).

Эти преимущества: (1) каждая простая фонема обозначается одной буквой, 2) для аффрикатов не вводится новых обозначений, а употребляются надстрочные и подстрочные значки и др.

То или иное начертание аналитического алфавита дает полный анализ данного звука, что вытекает из самого принципа аналитического письма.

Так, написание ξ говорит о том, что мы имеем глухой взрывной аффрикат свистящего ряда, палатализованный и лабиализованный (белорусское — цётка).

Написание ζ обозначает глухой взрывной аффрикат шипящего ряда, палатализованный и лабиализованный (русское — ключом).

Преимущества аналитического яфетического алфавита, необходимость установления единого научно-фонетического письма для русского языка со всей решительностью требуют постановки вопроса об употреблении аналитического яфетического алфавита и в русском языкознании.

Как применить аналитический алфавит для записи русских текстов?

В аналитическом алфавите для гласных звуков мы имеем обозначения: а, е, і, (без точки), о, ѳ, э (иррациональный гласный). Эти обозначения охватывают всю систему гласных русского языка.

Представляется необходимым лишь разграничить полуглухой гласный звук переднего ряда от полуглухого гласного звука заднего ряда.

В этих целях можно использовать греческую букву α для обозначения полуглухого гласного звука заднего ряда (в аналитическом алфавите яфетидологов, как принцип, латинский алфавит пополняется греческими и русскими буквами).

Неслоговое и¹ и неслоговое у¹, в соответствии с аналитическим алфавитом, передается звуками у, w.

Для согласных взяты следующие обозначения в аналитическом алфавите:

б — b	м — m
в — v	н — n
г — g	п — p
г (h) — γ	р — r
д — d	с — s
ж — j	т — t
з — z	ф — f
к — k	х — χ
л — l	ш — ш
аффрикат	ц — ṭ
аффрикат	ч — ṭ̣
аффрикат	дз — ḍz
аффрикат	дж — ḍʃ

Палатализация обозначается так же, как в аналитическом алфавите, — постановкой значка, с правой стороны буквы: t (мягкое т).

ЛабIALIZация — значком °: t° (лабиализованное т).²

Как видим из приведенной таблицы, для согласных звуков использована только небольшая часть яфетического аналитического алфавита.

Аналитический алфавит предоставляет возможности для обозначения целого ряда особенностей согласных звуков — обозначения средней звонкости согласных, гортанных согласных и т. д.

¹ Русский шрифт.

² В записях можно и не ставить значка лабиализации, поскольку следующий знак о и ѳ для гласных указывает на лабиализацию предыдущего согласного.

Для обозначения напряженности гласного и для ударения сохраняем общепринятые обозначения \wedge над буквой и ' над буквой.

Следует отметить, что для записи русских текстов нужно ввести букву, обозначающую йот.

Мне кажется возможным использовать написание аналитического алфавита для звука ж — j, поставив над ним точку — j̇.

Это написание сохраняем условно. Хотя оно имеет то достоинство, что показывает на близость звуков ж и йота по месту образования, но зато является отступлением от принятого принципа — точка над буквой в аналитическом алфавите обозначает аффрикат.

Приведу пример записи выдержки из речи т. Сталина на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.

ОБЩЕПРИНЯТОЕ ПИСЬМО

Что дала пятилетка в четыре года беднякам и низшим слоям середняков? Она подорвала и разбила кулачество как класс, освободив бедняков и добрую половину середняков от кулацкой кабалы. Она вовлекла их в колхозы и создала для них прочное положение. Она уничтожила тем самым возможность расслоения крестьянства на эксплуататоров — кулаков и эксплуатируемых — бедняков. Она подняла бедноту и низшие слои середняков в колхозах на положение людей обеспеченных, уничтожив тем самым процесс разорения и обнищания крестьянства. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы миллионы крестьян срывались ежегодно со своих мест и уходили на заработки в далекие края. Для того, чтобы вытянуть крестьянина на работу куда-нибудь вне его собственного колхоза, теперь надо подписывать договор с колхозом, да еще обеспечить колхознику даровой проезд по железной дороге. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы сотни тысяч и миллионы крестьян разорялись и обивали пороги фабрик и заводов. Это дело было, но оно давно уже сплыло. Теперь крестьянин — обеспеченный хозяин, член колхоза, имеющий в своем распоряжении тракторы, сельхозмашины, семфонды, запфонды и т. д., и т. п. (Сталин).

ЗАПИСЬ АНАЛИТИЧЕСКИМ ПИСЬМОМ^{1 2}

Štó dalá pětiletka f čtyřet góda bēdníkám i nižšým slajám šerēdníkóv? Aná pōdarválα i razbílα kuláťastvα kak klás, osvobodív bēdníkóv, dóbruju pōlavínu šerēdníkóv at kuláťkαy kabalý. Aná vavlíklá iχ

¹ Сохраняем раздельное написание слов.

² Передается литературное произношение.

f kalχózy i sazdalá dla níχ prótroye pələjéneye. Aná unıttóyılα tēm sámyım vazmójnıst, rəsslajéneyα krıst,jánstvα na eksplətatəraf — kulakóf i eksplə-atıruyemyıχ — bədnıkóf. Aná pədnala bədnatú i níshıııyē slai sərədnıkof f kalχózıx na pələjéneye lıdėy əbısrétnıyı, unıttóyıf tēm sámyım prates rəzaréneyα i əbnıttánıyα krıst,jánstvα. Tıper uje net u nás takıx slútxıyəf, sıtoby məllıónı krıst,ján srıvələs eıyıgódna sα svayı mıst i uχadılə na zərəbətıkə v dızłkəyē krajá. Dla tavó, sıtoby vıtənıt, krıst,jánəna na rabótu kudá-nıbud, vıdē ıvó sopstvənəvα kalχózı, tıper náda patrı-sıvət, dəgavór s kalχózım, da sıtó əbısrétyıt, kalχóznəku dəravóy prajést pə ıyléznıy darógə. Tıper uje net u nás takıx slútxıyəf, sıtoby sótnə tısət i məllıónı krıst,ján rəzarələs i əbıvələ parógə fábrək i zavódəf. Etə dēlıx bıılα, na anó davnó uje splıılα. Tıper krıst,jánən — əbısrétnıyı χazáən, tıén kalχózı, mıéııshıtyı f svajóm rəsprəıajéneyə tráktıyı, řelχoz-mashıny, řémfóndı, zapfóndı itd itp.

Выше мы говорим только о русском языкознании. Несомненно, что вопрос следует ставить шире — о введении аналитической транскрипции и для записи белорусских и украинских текстов.¹

Приведем пример нашей записи белорусского текста (отрывка из стихотворения Я. Коласа «Краіна саветаў»).

ОБЩЕПРИНЯТОЕ БЕЛОРУССКОЕ ПИСЬМО

Дык дазволь-жа і мне ты, Краіна, прывітаць малады твой разгон-казку-быль, песню-сон, а ваякам тваім, хто загінуў за свабоду, працоўных айчыну, мой журботны і нізкі паклон. Якуб Колас.

ЗАПИСЬ АНАЛИТИЧЕСКИМ ПИСЬМОМ²

Дык dazvól ja i mne ty, Kraína, prıvıtátı mładıy tvóy razgón-kasku-byıl, pėsnı-són, a vajákım tvaım, χto saıııuw sα svabódu, pratównıy aıtyınu, móy jurbótny, nískı paklón. Yakúp Kóləs.

Не приходится говорить о том, что все условные знаки, употребляемые в яфетических работах для обозначения чередования звуков, перебоев и т. д.

¹ Для украинских текстов потребуется ввести ряд добавочных обозначений, в частности, для звука среднего между «ы» и «и».

² Передается литературное произношение.

(см. указанную выше работу И. И. Мещанинова), в полной мере применимы к языку любой системы.

В заключение считаю необходимым отметить, что в своей небольшой заметке я не претендую дать исчерпывающее решение вопроса о том, как применять аналитический алфавит.

Моей задачей было показать, что введение аналитического алфавита для записи русских, а также белорусских и украинских текстов возможно и нужно. И чем скорее это будет сделано, тем больше выиграет русское, белорусское и украинское языкознание.

26 I 1933 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проблемы истории немецкого языка в освещении немецкой диалектографии

По поводу книги Бреттшнейдер «Die Heliand Heimat und ihre Sprachgeschichtliche Entwicklung», 1934.

Работа Бреттшнейдер о «Heliand'е», вышедшая в 1934 г. в серии Deutsche Dialektographie. Berichte und Studien über G. Wenkers Sprachatlas des deutschen Reiches, является одним из звеньев той новой истории немецкого языка, которая за последние десятилетия создается немецкой школой диалектографов. Вклад немецкой диалектографии в германистику отнюдь не сводится к научному изданию, на базе диалектографического атласа Венкера, материалов по немецким диалектам: новые материалы, добытые на основе новых приемов, приемов диалектической географии, показали с исключительной наглядностью, ибо здесь говорили сами факты, схематичность, поверхностность, наконец, просто ошибочность традиционной истории немецкого языка, созданной еще классиками младограмматической школы.

Во всех работах этого направления история немецкого языка строилась исключительно на основании литературных памятников, язык которых подвергался еще в руках «добросовестных» издателей тщательному очищению, при этом реальная история языка подменялась (особенно это относится к истории языка ранних периодов) историей спонтанного саморазвития форм, вернее, спонтанного саморазвития звуков, прослеживаемую от некогда единого постулируемого прагерманского, через готский, древневерхне- и средне-верхне-немецкий и т. д., вплоть до наших дней. Подобная трактовка истории немецкого языка, как и истории прочих германских языков, является фактически по сей день господствующей в германистике: большинство грамматик по древне-немецким диалектам продолжает строиться на основании старой истории языка; более того, совершенно в этом же духе выдержаны и такие солидные труды по германистике, каковыми, несомненно, считаются: Hirt, «Geschichte der deutschen Sprache», 1925; Sütterlin, «Die deutsche Grammatik»; работы Behagel'я и целый ряд других основных исследований.

В противовес этой традиционной истории немецкого языка немецкая школа диалектографов, и в первую очередь ее глава — Ф. Вреде, в процессе проработки новых материалов пришла к полному пересмотру как тех общелингвистических принципов, на которых покоилась подобная трактовка истории немецкого языка, так и самой данной исторической концепции. Тем самым шаг за шагом создавалась фактически новая история немецкого языка, противопоставляемая старой, господствующей в буржуазной лингвистике.

Уже в 1902 г., т. е. еще на начальном этапе своих работ над атласом Венкера, Вреде выступил в статье «Этнография и диалектология»¹ с первой резкой критикой некоторых основ младограмматической истории немецкого языка. Статья, задуманная как критика большой работы Отто Бремера «Этнография германских племен», вышедшей в *Grundriss der germanischen Philologie* Пауля, этой младограмматической энциклопедии по германистике, была вместе с тем одним из первых выступлений на общелингвистические темы на базе атласа Венкера. Показав всю ошибочность бремеровской трактовки современных немецких диалектов как непосредственных наследников языков древне-германских племен, причем эти диалекты возникли по Бремеру на основе спонтанного развития, присущих племенным языкам свойств, Вреде резко обрушивается на отрыв лингвистики от реальной истории, на подмену истории языка историей саморазвития звуков, «ибо, — пишет он, — благодаря тому, что звуковые законы, применяясь как математические формулы, должны были открывать исследователю язык прошлого, без того, чтобы ставился вопрос, в какой мере их действия перекрещиваются или приостанавливаются местными и социальными отношениями, благодаря этому языкознание оказалось оттесненным к естественным наукам и одновременно отошло от всякого исторического исследования».² В связи с этим Вреде ставил вопрос о создании новой, подлинной истории немецкого языка на базе реальной истории. Восстановить эту связь между историей и лингвистикой должна была, по его мнению, работа над атласом Венкера. 17 лет спустя, кратко излагая историю немецкой диалектографии и давая периодизацию этой истории, Вреде следующим образом характеризует последний этап, отмеченный его работами и работами его учеников: «Третья эпоха — диалектографическая, XX века; она пытается построить историческое и политически-географическое понимание. Тем самым диалектология избегает опасности индивидуально-лингвистической односторонности, она становится по преимуществу социально-лингвистической наукой и осуществляет слова Якова Гримма: „язык наш должен быть нашей историей“».³ Таким образом, основным в созданном им направлении Вреде считает тот факт, что диалектография становится

¹ *Historische Zeitschrift*, Bd. 88.

² Там же.

³ *Zeitschr. f. deutsche Mundarten*, 1919.

«по преимуществу социально-лингвистической». Конечно, в рассуждении о социальной природе языка Вреде и его ученики стоят, примерно, на общем уровне буржуазной лингвистики XX в., но если «социальное» рассмотрение языка и для него по преимуществу сводится либо к политической истории и истории культуры, либо к вульгарному экономизму, то преимуществом этого направления, несомненным шагом вперед, была попытка перейти от общей фразеологии Мейе и Фосслера к прослеживанию реальной обусловленности отдельных языковых фактов, к рассмотрению борьбы языковых норм как результата политической, культурной, а подчас и экономической борьбы отдельных крупных центров. В этой конкретности заслуга Вреде и его школы и эту конкретность, при всей ограниченности и вульгарности применяемой социологии, дала Вреде несомненно работа над диалектографическим атласом.

Как известно, немецкая диалектическая география создавалась и развивалась на работах по языковому атласу, составление которого было начато Венкером в 1876 г., и вот по какому поводу. 70-е годы — эпоха наибольшего обострения борьбы вокруг непреложности звуковых законов. С целью дать сторонникам теории непреложности этих звуковых законов новое оружие и была разослана Венкером своеобразная анкета в 40 тысяч пунктов Германии с просьбой перевести имеющиеся в анкете фразы на диалект данной местности. Предполагалось, что звуковые законы в данном конкретном диалекте, за определенный исторический отрезок времени, не должны знать исключений, что, следовательно, диалект, в котором, в результате верхне-немецкого перебоя *water* дает *wasser*, неизменно должен иметь тот же перебой и в словах *besser*, *beissen*, *füsse* и т. д., или, что диалект, в котором древнее *hus* дало новое *haus*, имеет неизменно дифтонг на место старого монофтонга и в таких словах, как *aus*, *braun*, *laut*, *baue* и т. д. Результат анкеты получился совершенно неожиданный: оказалось, что множество диалектов на ряду с *haus* имели *us*, на ряду с перебойным *s* в *besser* имели неперебойное *t* в *water*. Тем самым предполагаемая пограничная линия звукового закона оказалась разбитой на ряд линий уже по отдельным группам слов. Еще труднее было связать эти отдельные линии в одну диалектическую границу, отделяющую данный диалект со всей совокупностью свойственных ему звуковых явлений от другого диалекта. «Венкер, — пишет Вреде, — впервые внес реальный момент диалектографического рассмотрения в дебаты об идеальной звуковой закономерности», и это, надо сказать, не в пользу непреложности звуковых законов. Оказалось, что чистых диалектов, в которых звуковые законы действовали бы со всей непреложностью, не существовало, да и само понятие диалект распалось на ряд звуковых явлений, которые, как *hus/haus*, *ik/ich* и т. д., самостоятельно исследовались и заносились на карту. Тем самым было, казалось, дано новое подтверждение теории воля Иоганна Шмидта, ставшего на ряду с Шухардтом патроном не только французской, но и немецкой диалектологии. Отныне тезис о несуществовании чи-

стных, несмешанных диалектов в немецком языке становится одним из основных положений немецкой диалектографии, определяющим в значительной степени и проблематику истории немецкого языка, которая строится диалектологами. Причину этого явления современных диалектов видели в двух основных факторах:

1. В том, что большинство диалектических линий современных диалектов совпадает с культурно-политическими и территориальными границами, сложившимися в эпоху позднего средневековья, т. е. после того, как оформились те звуковые изменения, о которых идет речь; следовательно, диалекты эти складываются на базе большой языковой пестроты.

2. В смешении, постоянно происходящем в результате культурных течений из центров, занимающих господствующее положение, в центры, зависимые культурно от первых.

Тезис о совпадении диалектических границ только с поздними территориальными и политическими границами бил по теории, которая видела в современных диалектах неизменное закономерное развитие племенных языков древних германцев, развитие, происходившее в результате спонтанного изменения языковых форм. Вместе с тем, однако, и это имело общее значение, самый факт совпадения границы диалектов с политическими и культурными территориальными границами устанавливал производность тех моментов, которые так или иначе характеризуют язык данной местности как некое, пусть противоречивое, единство от внеязыковых культурно-политических факторов. Внутри этого территориально-политико-культурно-языкового единства происходит процесс нивелирования разнообразия, процесс образования языкового единства на базе политически-культурного целого. Процесс этого нивелирования, однако, может нарушаться, и постоянно нарушается, притоком извне, смешением, происходящим благодаря торговым и культурным связям, выражающимся в гегемонии некоего иного политически-культурно-языкового центра, посылающего свои лучи — *Strahlungen* — в рассматриваемую местность. Языковые изменения, наступающие в результате этих обоих видов смешения, порождающих новые языковые компромиссные формы, так смешение *haus* и *hus* дает *hous*, *hoos*; *he* и *er* — *her* и т. д., должны быть объяснены на фоне широкого политико-культурного развития; история языка становится частью истории, правда, преимущественно истории культуры и политической истории. Культурные круги и культурные течения делают основную базой исследования истории языка; борьба языковых форм, наглядно выступающая на диалектографической карте как наступление одних и отступление других форм, рассматривается как результат борьбы культурных кругов и течений, как результат политической и экономической борьбы. И не случайно, конечно, Вреде, устанавливая эти формы звуковых изменений в новейшей истории немецких диалектов, ставит вопрос: «кто знает, не все ли звуковые процессы должны быть объяснены именно таким образом, процессы, которые

до сих пор объединялись ничего не говорящим понятием спонтанного звукового изменения и фактически не были никогда поняты».¹

Итак, современные звуковые процессы внутри диалектов сводятся к смешению гетерогенных частей и происходящей в результате этого смешения, нивелировке. Но процесс этот исходным пунктом имеет образование тех территориальных и культурных единиц, которые относятся к эпохе зрелого средневековья. Возникает вопрос, что представляет собой развитие немецкого языка до этого периода? Имеются ли там однотипные процессы, происходившие только на основе иных политико-культурных объединений, обнаруживается ли и там та же тенденция к развитию от множества к единству, к распаденню этого единства на множество и появлению нового единства? В этом вопросе немецкая диалектография стоит некоторым образом на распутьи. Что в эпоху, предшествующую непосредственно современной истории немецких диалектов, т. е. в эпоху древне- и средне-немецкого, мы имеем аналогичные процессы, подлежащие, однако, еще более детальному изучению; это показала на колоссальном лексическом материале книга Фринкса «*Germania-Romana*», 1935 г. Бах в своей обзорной работе «Немецкая диалектография, ее пути, открытия и задачи» считает, что не только «до образования территориальных единиц в Германии существовали другие общественные единицы *Verkehrsgemeinschaften*, например, герцогства, графства, еще ранее племенные союзы», но и что «язык, который мы можем считать языком немецких племен, сложился из различных немецких и инородных элементов, причем образовал некоторое единство на основе первоначального многообразия только в результате длительного развития внутриплеменного союза».² Положение это, несомненно вытекающее из всей суммы фактов, которыми владеет немецкая диалектография, коренным образом противоречит трафаретной младограмматической трактовке развития языка от единого праязыка к множеству диалектов. Впервые это противоречие было осознано Вреде. Все в той же ранней статье «Этнография и диалектология» он пишет: «Источники обнаруживают чем далее, тем большее разнообразие (древне-верхне-немецкая грамматика так же, как и германская и индогерманская), но вопреки им языкознание стремится к единству, основание для этого лежит в истории самой дисциплины, в идеале, который она себе давно начертала: изучение мнимого индогерманского праязыка. Поэтому отбрасывались все моменты, которые могли нарушить по возможности закономерную реконструкцию»,³ и в другом месте: «Имеем ли мы вообще право говорить об этническом единстве старых племен и герцогств? Разве не дают древне-германские языковые отношения, если мы остаемся в пределах реальных фактов, картину величайшего разнообразия? Такая первоначальная пестрота и разнообразие есть то, что дают нам мате-

¹ *Zeitschr. f. deutsche Mundarten*, 1919.

² *Bach. Deutsche Mundartenforschung, ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben*, S. 35.

³ *Hist. Zeitschr.*, Bd. 88, S. 41.

риалы; некогда существовавшее „пранемецкое“ или „прагерманское“ единство есть теория». ¹ Повторяем, нельзя было выступить более прямо и резко против индоевропейской схемы развития языка, чем это делает здесь Вреде. Данное положение непосредственно вытекало из всей совокупности его теоретических взглядов, из учения о смещении и нивелировании, из рассмотрения языкового единства как результата существования единства культурно-политического, наконец, из понимания того, что представление древне-германского общества как единого культурно-политического целого, а не конгломерата племен, внутри которого только на определенной стадии начинают формироваться племенные объединения, — такой же миф, как и пресловутый праязык. Здесь, в этом учении о германском обществе и развитии германских языков, в его противопоставлении господствующей буржуазной точке зрения, Вреде максимально приближается к тем обще-лингвистическим и историческим положениям, которые были даны Н. Я. Марром в ряде его работ и которые в основном являются применением марксистского учения о развитии человеческого общества (а следовательно, и языка) от раздробленных мелких производственных коллективов, на базе роста производительных сил, к единствам все более широких охватов, а именно от рода к племени, —> союзу племен, —> народности, —> нации, и в будущем — единству бесклассового общества; от бесчисленного множества языков раздробленных общественных образований к единому языку будущего. Здесь не приходится говорить о том, что Вреде, конечно, чужды сами основы марксистского учения о развитии человеческого общества, но интересен тот факт, что сам материал толкает исследователей к принятию положений, близких к историческому материализму, и что положения эти, подкрепляемые огромным материалом, даются в работах отнюдь немарксистских.

Тем более характерно для буржуазного исследователя, что Вреде в дальнейшем приходит фактически к пересмотру этой наиболее революционной части своего учения и идет в известной мере на компромисс с господствующей лингвистикой. Так складывается его теория о готизации древне-западно-немецкого под влиянием культурных течений с юго-востока, в частности под влиянием деятельности арианской миссии. Согласно этой теории восстанавливается на основании близости единичных языковых фактов следующая картина развития немецких диалектов: вначале существовал единый западный германский язык, древне-западно-германский или ингвеонский, реликтом которого являются англо-саксонский, фризский, нижне-немецкий и на юго-западе — аллеманский; общим для этих диалектов в настоящее время являются: 1) метатеза *r*, отсюда *mi*, *di*, *he*; 2) выпадение *n* перед глухими спирантами, так *us* и *fif* вместо *uns* и *fünf*; 3) одно окончание для всех лиц во множественном числе настоящего времени, *et* или *en*;

¹ Hist. Zeitschr., Bd. 88, S. 40.

4) формы — haben с umlaut'ом, т. е. hebben. Это единство было взорвано наплывом новых форм с юго-востока, из Баварии, появившихся там в результате языковой революции, происшедшей в юго-восточной части древне-западно-германского благодаря смешению последнего с готским в эпоху великого переселения народов. Тем самым немецкий, по Вреде, является готизированным западно-германским. В баварском словаре сохранился до сих пор ряд слов, которые рассматриваются как готский вклад в этот диалект; отсюда идет волна новых форм, дифференциация по лицам в окончании множественного числа настоящего времени, типичные для готского и немецкого формы *uns, er, mir, dir* и т. д. Эти новые формы все более оттесняют древне-западно-германские на северо- и юго-запад в результате политической и культурной гегемонии юго-востока эпохи готского господства в Италии; проводниками этих новых форм были торговые пути по Дунаю, на запад. Отдельные немецкие диалекты в этой связи дают различные степени смешения готского с древне-западно-германским. Продвижение южных готизированных форм продолжается в настоящее время, однако, теперь оно является следствием того, что на базе этого готизированного западно-германского сложился немецкий национальный язык, и процесс этот в настоящее время является результатом вытеснения диалектов литературным языком. Эта новая теория Вреде была впервые изложена в статье «К истории немецкой диалектологии»,¹ 1919 г., и развита впоследствии в работе «Ингвеонский и западно-германский»,² 1924 г. Теория эта несомненно является своего рода компромиссом между основными теоретическими предпосылками немецкой диалектографии, в частности самого Вреде, и обычной концепцией индоевропеистики. В самом деле, согласно последней вест-германское единство должно быть разделено на ингвеонский и немецкий языки, развитие которых с самого начала протекает совершенно независимо друг от друга. Далее, в процессе развития, немецкое единство в свою очередь было расколото, в результате верхне-немецкого перебоя, на верхне- и нижне-немецкий. Таким образом, для последних в качестве искомого единства постулировался пранемецкий. Весь процесс протекает, согласно индоевропейской догме, от единства к множественности, по основным языковым законам спонтанного развития, в пределах, в основном, чистых, не смешанных диалектов. Что нового дает в этом отношении Вреде? Согласно его теории, немецкие диалекты являются результатом смешения, но это смешение начинается только после эпохи великого переселения народов, до этого принимается наличие языкового единства, древне-западно-германского, единства при этом колоссального территориального захвата. Как совмещает Вреде это языковое единство эпохи чрезвычайной территориальной политической и культурной раздробленности со своим же положением о совпадении языковых границ с границами более общего порядка, а именно границами политическими и культурными? Наконец, где нашел

¹ Zeitschr. f. deutsche Mundarten, 1919.

² Ibid., 1924.

он то общественное единство, которое могло быть носителем этого единого языка? С другой стороны, несомненно постулирование единого западно-германского языка противоречит универсальности применения языкового смешения и нивелирования для всех эпох языкотворческого процесса, и невольно напрашивается вопрос, не проявилась ли здесь у Вреде та же общая для буржуазной науки антиисторическая тенденция, которую он так осуждал в своей более ранней статье? Ибо, конечно, совершенно ясно, что нет принципиальной разницы между принятием прагерманского языкового единства и древне-западно-германского. Между тем, сам же он писал по этому поводу: «ни чем иным как только техническим средством должно служить объединение мекленбургского, прусского в восточнонижне-немецкий, фризского и английского в западно-германский и западно-германского, скандинавского и готского в обще-германский; ибо мы ничего не знаем об этническом или политическом единстве западных германцев, ничего о германском единстве».¹ Все это не помешало Вреде 17 лет спустя обойти все принципиальные возражения, не коснувшись их ни единым словом, не помешало дать новую, но построенную на беспринципном смешении старого и нового, концепцию основных этапов развития немецкого языка.

Однако, если в этом вопросе, являющемся одним из основных для истории немецкого языка и имеющем общее принципиальное значение для определения путей развития языка вообще, Вреде пошел на компромисс и по его пути ученики его либо избегали ставить точку над «и» по этому вопросу, либо повторяли своего учителя, то основными принципами в построении новой истории немецкого языка сохраняются:

1. Конкретная обусловленность языковых явлений политико-культурными факторами; прослеживание борьбы определенных языковых форм как результата политической и культурной борьбы; в связи с этим рассмотрение образования языкового единства как результата, с одной стороны, оформления политического и культурного целого, с другой, — торгово-политически-культурных связей.

2. Учение о смешении, т. е. отрицание существования чистых диалектов. Отсюда вытекало рассмотрение раннего средневековья как той темной эпохи в истории немецкого языка, из которой постепенно выкристаллизовались, на базе определенных общественных единиц, путем смешения условные языковые единства, именуемые диалектами; тем самым фактически игнорировалось, хотя бы в порядке умолчания, прагерманское единство. С другой стороны, это учение о смешении приводило к полной переоценке конкретной истории немецких диалектов, в частности к пересмотру диалектической принадлежности таких памятников, как, например, *Heliand*; наконец, отсюда же вытекало утверждение постоянно происходящего процесса движения в виде наступления одних языковых норм (в настоящее время литературного языка) и отступления других.

¹ Hist. Zeitschr., Bd. 88, 41, прим. 3.

Все эти стороны отнюдь не одинаково представлены в работах учеников Вреде, но они определяют как проблематику последних диалектографических работ, так в основном и само направление.

Из этого же круга идей вышла и новая работа Бреттшнейдер о *Heliand*'е, однако с некоторыми оговорками. Проблема языковой родины *Heliand*'а интересовала многих исследователей с точки зрения неясности диалектической принадлежности памятника, объяснявшейся пестротой его диалектических норм. Любопытно, что исследователи старой школы не могли окончательно разрешить вопроса, какой же диалект лежит в основе этого памятника. По существу имелись три точки зрения:

1. Язык памятника, т. е. древне-саксонский, примыкает к древне-верхне-немецкому и образует вместе с ним юго-западно-германский, противостоящий северо-западно-германскому единству англо-саксонского и фризского. Главный представитель этой точки зрения Вильгельм Брауне.

2. Древне-саксонский рассматривался вместе с нидерландским, англо-саксонским и фризским как нижне-немецкая группа западно-германских диалектов, противостоящая верхне-немецкой группе, причем, однако, древне-саксонский рассматривался как промежуточный тип. Такова была точка зрения Гольдгаузена.

3. Наконец, более осторожные исследователи ограничивались выяснением отношений древне-саксонского к другим диалектам, не пытаясь отнести его к той или иной группе.

Между тем, тезис об исконной чистоте диалектов в связи с положением о необходимом тождестве языка и этнической группировки приводил старых исследователей к попытке объяснить языковую пестроту изучаемого памятника как результат определенных этнических перегруппировок и смешений, так наличие англо-фризских элементов в *Heliand*'е истолковывалось как следствие появления на территории распространения древне-саксонского колонии либо англов (Бреммер), либо фризов (Зибс). Не удовлетворяясь этим объяснением, Бреммер высказал затем в *Grundriss*'е предположение, что говорящий по англо-фризски высший социальный слой саксонско-дингвеонских завоевателей господствовал над говорящим на нижне-немецком населением и наложил на молодой литературный язык свою печать. Таковы были попытки объяснить непонятные элементы древне-саксонского.

В противовес этим работам Бреттшнейдер дает свое исследование на базе новых принципов, которые, являясь результатом исследовательской работы над языковым атласом, вместе с тем «были выводом из современного учения об изменяемости самого языка и двигательных силах этих изменений».¹ Бреттшнейдер работает на основе вредевской теории и дает свое исследование на фоне больших полотен культурно-политических взаимосвязей. Отмечая особенность своего исследования по сравнению со всем

¹ Brettschneider, *Heliand*, S. 159.

тем, что было дано старой школой, она подчеркивает, что ее работа в противовес всему, что было сделано до сих пор, является историческим исследованием; «это значит язык *Heliand*'а должен быть показан как результат прошлого и начало будущего развития; с этим необходимо увязать действующие факторы точно так же, как данные в географическом пространстве факты». ¹ Первая половина исследования посвящается отысканию языка подлинника *Heliand*'а путем тщательного детального изучения дошедших до нас рукописных вариантов. Эта описательная часть должна показать, что диалектическая пестрота *Heliand*'а является не результатом произвола переписчиков, вносящих особенности своего диалекта в чуждый им язык памятника, но свойством того диалекта, на котором написан эпос. Основной же задачей работы сам автор, как уже отмечалось, считает не только отыскание языковой родины *Heliand*'а, но и разъяснение его как начального звена процесса преобразования языка этой родины *Heliand*'а, которой Бреттшнейдер считает Остфалию; процесс этот происходил в результате смешения древне-западно-германского диалекта с идущими с юга чуждыми элементами, ² следствием чего и явилось образование впоследствии на данной территории средне-немецкого диалекта.

Два положения Бреттшнейдер считает руководящими при своем исследовании и оба они, согласно ее собственным словам, являются вкладом немецкой диалектографии.

1. Только явления духовной и культурной жизни могут объяснить языковое развитие; так отражается в понимании Бреттшнейдер тезис Вреде о политически-территориальной обусловленности диалектов. Не случайно автор подчеркивает здесь свою близость к идеалистическому направлению Фосслера. Об этом подробнее дальше.

2. Прошедшие языковые периоды могут быть объяснены только в случае наличия полного знания современного языкового материала, оформленного в виде языковых карт.

История языкового развития Остфалии, родины *Heliand*'а, дается Бреттшнейдер как часть обще-языкового развития западно-германских языков в результате наплыва культурно-языковых волн с юга. Потому первый очерк этой части посвящен первому этапу проникновения новых форм — готизации древне-западно-германских диалектов. Полностью присоединяясь к вредевской теории, Бреттшнейдер пытается дать картину готской гегемонии V—VI веков. Язык Улфилы как язык арианства, являвшегося тогда господствующей формой христианства у германских племен, занимает в этот период преобладающее положение в результате политики Теодорика, пытавшегося объединить германские племена в одно политическое целое. Как язык арианской миссии он предшествует у многих германских племен появлению англо-саксонской и франкской миссии, особенно же сильно было влияние готского у придунайских германцев. Влияние готского языка

¹ Brettschneider, *Heliand*, S. 158.

² Вредевский процесс готизации.

улфиловского перевода библии автор сравнивает с влиянием в более позднюю эпоху языка Лютера. Бреттшнейдер полагает, что готский был среди южно-германских племен не только языком церкви, но и языком междуплеменных сношений, по существу говоря, своеобразной *Lingua Franca* (*Umgangssprache*) готско-византийского торгового мира. Отсюда готские элементы просачивались в диалекты, так что, когда на смену готско-арианской пришла франкская миссия, она нашла уже оформившийся смешанный диалект, готизированный древне-западно-германский, легший в основу древне-южно-немецких христианских памятников. Тот факт, что экспансия этого языка не ограничивается одной лишь Баварией, нуждается в объяснении, но автор полагает, что исследование Безеке, показавшего происхождение немецкой письменности из лонгобардских монастырей, бросает свет и на этот вопрос.

История готизации южно-немецких диалектов является лишь частью борьбы между западно-германскими и немецкими языковыми формами; при этом все виды общения, как торговые, политические, являются проводниками культурных течений и играют ведущую роль. Исследуя развитие местности с точки зрения тех факторов, которые способствуют или, наоборот, мешают проникновению тех или иных течений, Бреттшнейдер приходит, на материале гессенско-тюрингенской реликтовой области, к убеждению, что языковые волны разбиваются там, где им противостоит другое столь же сильное культурно-языковое явление; в данном случае таковым оказывается англо-саксонская миссия Бонифация, ибо здесь, в Гессене и Тюрингии, образовалась на базе англо-саксонской церковной провинции культурная провинция, в значительной мере даже независимая от Франкского государства. С другой стороны, реликтовый характер такого диалекта, как аллеманский, объясняется тем, что Аллемания лежала в стороне от старых торговых путей, ведущих от Дуная к Майну и Рейну. Таким образом, клин языковых форм, идущий с юго-востока на запад в рейнские провинции, оставляет по обе стороны две реликтовых области: Аллеманию и Гессен-Тюрингию. Образование же тех или иных языковых областей, суммирует Бреттшнейдер результаты, добытые на материале этой главы, в период, последующий за великим переселением народов, отражает взаимодействие «между стремлением к новым государственным образованиям и христианско-культурной тенденцией образования новых культурных, а вместе с тем и языковых областей». Эти новые культурные языковые течения, выходящие из крупных политических центров данных областей, распространяются скачкообразно в соответствующие центры той области, куда идет культурное течение, и лишь оттуда распространяются вширь; особенно ясно показано это на примере Берлина и Лейпцига, сильно притягивавших южные формы и лучеобразно испускающих их как политически-культурные центры первостепенной важности в другие местности данного района. Намечается в дальнейшем попытка «социального» осмысления этого процесса в духе фашистской социологии Наумана. «Факт, — пишет Бреттшнейдер, — что жители деревни никогда не заимствуют у соседней

деревни, но тот же язык заимствуется, как только он исходит из уст вышестоящего лица», т. е. деревня заимствует только из города у высших слоев; здесь несомненная реминисценция из Наумана.

Борьбе все тех же двух культурно-языковых течений в Саксонии посвящается специальный раздел. Проникновение новых южных языковых форм в Саксонию является результатом победы франков над саксами, включением Саксонии в единую систему франкского государства, при этом Остфалия вступает под влияние этих франкских элементов позже, нежели Вестфалия. Центрами, распространяющими эти новые не только языковые, но и культурные формы (франки были несравненно более романизированы, нежели саксы), были стратегические пункты по преимуществу при переправе через Везер и Эльбу. В 805 г. эти пункты превращаются в торговые центры и центры культуры, носительницей которой была церковь. Ту роль, которую впоследствии для образования границы диалектов играет политически территориальное деление, сохраняется в рассматриваемый период, по мнению автора, за диоцедами. От истории Саксонии Бреттшнейдер переходит к Остфалии, предполагаемой родине *Heliand*'а; исследование ведется от описания современного диалектического состояния данной области через XVI и XVII века, средневековье, к IX веку. Диалектографические карты современной Вестфалии рисуют ее как типичную переходную область от южных к северным формам. Язык Остфалии смешан, границы отдельных языковых линий не совпадают, и фраза *ich dir schon gut* дает на этой территории 7 разных вариантов, начиная от чисто-южного *ich dir schon guet* до северного *ik di all god*.

Налицо постепенный, ступенчатый переход от ниже-немецких к верхне-немецким формам, причем южные верхне-немецкие формы вытесняют северные. Направление их, как это ни кажется странным, идет с юго-востока на северо-запад. Центр, посылающий эти языковые лучи, Лейпциг, действительный центр Средней Германии — торговый и культурный — XVII и XVIII веков (Бреттшнейдер дает красочный очерк торговых связей Лейпцига наряду с обоснованием его экономической и политической гегемонии), Лейпциг с его ярмаркой, университетом, Лейпциг Готтшеда и Геллерга. Для эпохи реформации сохраняется то же направление культурных течений. Относительно XVI века мы имеем прямые свидетельства о двуязычии данной языковой области, о наличии наряду с «варварским грубым языком западных и северных районов более изысканного мейсенского как языка канцелярии и двора». Однако весьма неожиданно после анализа экономического могущества Лейпцига, после того как дан ряд карт, рисующих торговые пути в центры, с которыми был связан Лейпциг, Бреттшнейдер объясняет дальнейший ход процесса следующим образом:

- 1) Лютер — творящий индивид в области духовного мира и языка;
- 2) скачкообразное распространение культурных и языковых новшеств от центра к центру;

- 3) опускание новых языковых форм в широкие народные массы и
4) регулирование появившегося двуязычия в народе.¹

Таким образом, исходным пунктом проникновения новых языковых форм на северо-запад, главным фактором языкового развития оказывается «гениальная личность».

Переходя к исследованию языковой области Остфалии в эпоху средне- и ниже-немецкого, Бреттшнейдер констатирует то же смешение и для этого более раннего периода, когда волнам мейсенского диалекта, диалекта Лютера эпохи реформации предшествует иной импорт южных форм. Язык документов средне-ниже-немецкого, документов магдебургской, брауншвейгской, ганноверской канцелярии обнаруживает необычайную пестроту проникновения южных форм. Известно далее, что судейские в той местности знали два языка: старый местный и новый импортированный. Канцелярия епископа была именно тем местом, откуда эти новшества проникли в местный диалект. С другой стороны, местная церковь и городское самоуправление упорно держались старых языковых норм. Бреттшнейдер считает, что наряду с этим двуязычием канцелярии имелся смешанный диалект *Umgangssprache*. В эпоху Оттонов, XI и XII века, Магдебург — один из крупнейших культурных центров Саксонии. Политика Оттонов — самоутверждение Саксонии, выдвижение ее на первый план в системе германской империи. Давняя вражда с франками привела, по мнению Бреттшнейдера, к нежеланию использовать их язык как основу языка создававшейся тогда литературы. Отсюда, при отсутствии своего местного литературного языка, обращение к латыни и расцвет литературы на латинском языке в эпоху так называемого оттоновского ренессанса. Но наряду с этим в *Umgangssprache* проникли франкско-южные формы, ибо в эту эпоху носителями южной тенденции здесь были франки, из монастырей, рынков, от поселенцев и т. д. Скучные полунемецкие, полулатинские памятники этой эпохи, в первую очередь *De Henrico*, обнаруживают то же смешение местных монофтонгических и импортных дифтонгических форм, местоимения с окончанием *r* — *thir* чередуются с *mi* и т. д.

То же смешение форм обнаруживает, наконец, наиболее древний саксонский памятник *Heliand* и другие прозаические памятники этого периода. Двойственность *ā|ē* из западно-германского *ae*; *uo|ō* из *ō*, *ie|ē* из *ē*, перебойные консонанты среди в общем неперебойного консонантизма, спорадическое появление назальных форм и т. д. — все это говорит о том, что *Heliand* должен быть отнесен к началу процесса проникновения южных форм в саксонский. Язык какого же центра Остфалии мог уже в тот период обнаруживать это смешение? Автор считает таким центром Магдебург, опору каролингской политики в Саксонии. Язык *Heliand*'а является не литературным языком верхов, но широким народным языком; противное мешало бы целям его автора, а именно популяризации христианства среди народа.

¹ Brettschneider, *Heliand*, S. 264.

Подводя итоги своего исследования истории языковой области Остфалии как процесса смешения саксонских, т. е. западно-германских норм с южными, «готскими», Бреттшнейдер подчеркивает выдвигаемое ею положение об изменении и развитии языка в результате скрещивающихся влияний различных культурных центров, противопоставляя его обычному рассмотрению современных диалектов как чего-то раз навсегда данного, развившегося на основании звуковых законов из старых племенных языков. В этом заключается сущность той исторической постановки вопроса, которую автор считает своим вкладом в литературу о *Heliland'e*; и действительно, факты языка, их движение, борьба двух языковых норм на территории Остфалии, показанная на ряде детально разработанных лингвистических карт, дана Бреттшнейдер на фоне широко развернутой исторической перспективы.

Значительный материал из истории отдельных областей Германии, не только политической, но и экономической, особенно в отношении развития торговли, торговых путей, служит фоном, на котором дается история языка изучаемой области. Однако уже по поводу работ Вреде нами отмечалась вся недостаточность той «социальной» истории языка, которую пытается дать немецкая диалектография, увязывая языковые изменения с политической историей и историей культуры. Поскольку эта политическая история и история культуры не получают дальнейшего осмысления путем привлечения реальных двигателей, обуславливающих развитие изучаемых ими фактов, постольку и конкретное общество, социальные сдвиги как результаты классовой борьбы, т. е. вся сложная, но единая система реальных факторов, отсутствует в работах немецких диалектографов, как и в прочих работах буржуазных лингвистов. Но Бреттшнейдер не смогла удержаться даже на этом уровне. В ее работу врывается резко дисгармонический момент, выпирание роли гениальной личности, своеобразный «вождизм», типичное отражение фашистской идеологии современной Германии. Не случайно в начале лингвистического процесса XVI—XVII веков ставит она Лютера, творящего индивида в области духовного мира и языка: «полное переоформление языковой картины может быть результатом только великих духовных эпох, которые в конце концов в последнем счете зависят от отдельных великих личностей». Воистину начато за здравие, кончено за упокой; от требования социальной обусловленности лингвистического развития к утверждению гегемонии великих личностей в истории; Улфила, Бонифаций, Лютер оказываются истинными творцами языковых изменений, которые затем пассивно воспринимаются широкими массами. Впрочем такое понимание «социальной» обусловленности языкового развития, на показ которого в своей работе претендует Бреттшнейдер, резко противоречит тем детальным очеркам экономической, политической и, по возможности, социальной жизни отдельных центров Германии, которыми Бреттшнейдер старательно снабжает свою работу, верная диалектографической традиции своего учителя Вреде.

Итак, перед нами фашизация немецкой диалектографии, фашизация робкая и явно неумелая, несмотря даже на попытки подражания Науману, этому фашистскому идеологу в германистике.

Тем самым, если в прошлом, капитулируя перед младограмматиками, немецкая диалектография, в лице Вреде, создала компромиссную теорию готизации «единого» древне-западно-германского, то в настоящее время процесс приспособления доходит среди ее последователей до явной, хотя и поверхностной и неумелой фашизации. Однако даже здесь, даже в работе Бреттшнейдер, несомненно отнюдь не наиболее сильной из того, что дало это направление, сохраняется то положительное, что делает немецкую диалектографию и в настоящее время одним из значительных факторов в борьбе с гегемонией младограмматиков в германистике — новый материал, позволяющий им показать новые, совершенно до сих пор неосвещенные моменты истории немецкого языка, отсюда постановка новой историко-языковедной проблематики, учение о смешении диалектов как результата внеязыковых факторов, а в связи с этим производность языкового развития от последних с очевидностью вскрывает рутинность, отсталость и убогость того направления, которое и поныне господствует в буржуазной лингвистической науке.

М. Гухман

Karjalan kielen näytteitä, julkaissut Eino Leskinen Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. I. Tverin ja Novgorodin Karjalaa, 1932 (SS. XI—165). II. Aunuksen ja Raja-Karjalan murteita, 1934 (SS. XIV—145). [= Образцы карельского языка, опубликовал Эйно Лескинен, Гельсингфорс, Финское литературное общество. I. Карельский язык Тверской и Новгородской г., 1932 (стр. XI—165). II. Олонецкие и пригранично-карельские говоры, 1934 (стр. XIV—145)].

Содержание издания следующее:

Первая книга. — Карельский язык Тверской губ.: Заручье Бежецк. у. (К. Ф. Карьялайнен 1895), Тресна Бежецк. у. (К. Ф. Карьялайнен 1895, В. Алава 1895), Толмачи Бежецк. у. (К. Ф. Карьялайнен 1895, В. Алава 1895), Чамерово Весьегонск. у. (К. Ф. Карьялайнен 1895, И. Куйола 1913), Мартыново Весьегонск. у. (И. Куйола 1913), Козлово Вышневолоцк. у. (В. Алава 1895), Заборово Вышневолоцк. у. (В. Алава 1895). Карельский язык Новгородской г.: Тарантаево Тихвинск. у. (И. Куйола 1911), Ивантаево Валдайск. у. (В. Р. Петрелиус 1892). Материал собран, как видно, главным образом в девяностых годах XIX в., а частично в начале второго десятилетия XX в. до империалистической войны. Материал этот содержит сказки, пословицы и поговорки, загадки, заговоры, песни и т. д.

Вторая книга. — Олонецкие говоры Советской Карелии: г. Олонец (Х. Оянсуу 1921, И. Х. Сутинен 1885), Неккула-Рыпушкалица (Х. Оянсуу 1921), Коткозеро (Х. Оянсуу 1921), Видлица (Х. Оянсуу 1921, Я. Калима 1921), Тулозеро (Э. Лескинен 1925, Х. Оянсуу 1921, А. Генетц 1871), Ведлозеро (А. Генетц 1871), Сязозеро (Э. В. Ахтия 1925, 1926, 1928, 1932, Э. Лескинен 1931, А. Генетц 1871), Мундозеро (Оянсуу 1921). Олонецкие говоры Финляндии: Салми (М. Пелконен 1931, 1932), Импилахти (Э. Лескинен 1932). Смешанные говоры Финляндии: Суйстамо (Р. Э. Нирви 1928—1930, 1932), Суоярви (Э. В. Ахтия 1900—1912), Корписельке (В. Кольенен 1932), Иломанси (А. Турунен 1932, 1933). Материал собран, как видно, частично в конце XIX в., частично также в начале XX в., до империалистической войны, но главным образом в двадцатых и тридцатых годах XX в., после Революции. Материал по олонецким говорам Советской Карелии после Революции собран от людей, перешедших, в связи с белофинскими авантюрами, из Советской Карелии в Финляндию. Материал содержит рассказы о производствах, обычаях, верованиях, сказки, пословицы и поговорки, загадки, заговоры и т. д.

Задача издания определяется следующими словами предисловия к первой книге: «Около года тому назад (т. е. в 1931 г. Д. Б.) Финское литературное общество постановило для облегчения работы по собиранию материалов для составляемого ныне словаря карельского языка опубликовать серию образцов карельского языка, серию, которая представила бы возможно большее число различных говоров и охватила бы весь находящийся в архиве Финского литературного общества пригодный к делу материал, а также добавления, которые, возможно, будут получены от исследователей».

Нам интересно обсудить издание с двух точек зрения: с точки зрения той методологии, которая положена в основу собирания представленного в издании материала, и с точки зрения точности этого материала.

Методология, которая положена в основу собирания представленного в издании материала, может быть охарактеризована следующим образом. Речь в издании трактуется исключительно как явление произносительно-слуховое: для издания речь звучит, более или менее удачно апперципируется слухом исследователя (обычно непосредственно, очень редко при посредстве фонографа — фонограф в издании указан лишь для 4 страниц второй книги), а затем фиксируется буквенными знаками на бумаге — и только. На речь как явление социального порядка в издании — ни намека. Издание совершенно не отражает знакомства даже с понятием фонемы — понятием, которое вводит фонетическую сторону речи в социальный план. Разумеется, нельзя требовать от финляндских лингвистов знакомства с понятием фонемы, как оно поставлено у нас в результате работ акад. Н. Я. Марра. Но от них, по крайней мере от младших из них, можно было бы ожидать знакомства с понятием фонемы, как оно поставлено в буржуазной науке со

времен франко-швейцарского лингвиста де-Соссюра и польско-русского лингвиста Бодуэн-де-Куртена. По изданию нет никакой возможности составить представление о составе фонем в различных карельских говорах. Эта возможность тем более затруднена, что представленный в издании материал отличается неточностью.

Вопросу о точности или неточности представленного в издании материала следует посвятить особое внимание. Дело в том, что финляндская лингвистика стремится импонировать своею точностью. Методология финляндской лингвистики слаба даже с точки зрения буржуазных требований, зато точность в ней сделана предметом культа. На первый взгляд кажется, что в смысле точности тут дело обстоит изумительно: перед нами не столько латиница, сколько нагромождение бесконечных диакритических знаков, предусматривающих чуть ли не все оттенки звучания. Но это впечатление обманчиво. Диакритических знаков множество, но точности нет. Нередко не схватываются, как следует, даже основные различия. Особенности трудности представляет различие непалатализованных (твердых) и палатализованных (мягких) согласных, — а ведь в данном случае перед нами не просто крупные различия, а различия фонематического порядка.

Насколько неточны представленные в издании материалы, нетрудно убедиться из нескольких проб. Возьмем тексты, относящиеся к двум говорам: к говору с. Толмачей Московской обл. и к говору с. Видлиц Авт. Карельской республики. Первые собраны старыми исследователями в 1895 г. и соответственно отпечатаны обычным шрифтом (обычный шрифт в финляндских лингвистических изданиях указывает на так наз. грубую транскрипцию). Вторые собраны новыми исследователями в 1921 г. и соответственно отпечатаны курсивом (курсив в финляндских лингвистических изданиях указывает на так наз. тонкую транскрипцию, существующую с 1901 г.).

Книга I, стр. 28 (неполная): 24 грубых ошибки в различении непалатализованных и палатализованных согласных, 1 грубая ошибка в различении звонких и глухих согласных. Собиратель — К. Ф. Карьялайнен.

Книга I, стр. 37 (неполная): 32 грубых ошибки в различении непалатализованных и палатализованных согласных, 9 грубых ошибок в различении свистящих и шипящих, 5 грубых ошибок в различении кратких и долгих согласных, ряд других грубых ошибок. К этому прибавляется некарельское построение целого ряда фраз. Собиратель — В. Алава.

Таковы все тексты по с. Толмачам.

Дальше о текстах по с. Видлице.

Книга 2, конец стр. 18, стр. 19 и неполная стр. 20: неверно оценены явления в области *l*-овых звуков (в Видлице нет велярного *l*, а есть финского типа *l* и мягкое *l*_r, которое перед *i* обязательно, что в данных

текстах не отмечено), неверно оценены явления в области звонких взрывных переднеязычных и среднеязычных согласных (в Видлице, кроме d и d_1 , есть еще согласный, артикуляционно колеблющийся между d_1 и соответствующим среднеязычным, каковой согласный представляет собою отдельную фонему, выступающую в соответствии с финским неслоговым i в определенных случаях), без грубых ошибок. Собиратель — Х. Оянсуу.

Книга 2, конец стр. 24, стр. 25 и начало стр. 26: та же неверная оценка явлений и, сверх того, 3 грубых ошибки в различении непалатализованных и палатализованных согласных (написано *pani, tuli, rodi* — говорят только с мягкими n, l, d_1 перед i), ряд ошибок на почве нерасслышания в конце слова h , ряд других крупных и мелких ошибок. Собиратель — Я. Калима.

Таковы все тексты по с. Видлице.

Думается, что из рассмотрения обсуждаемого издания нам следует извлечь некоторые выводы.

1. Мы должны знать, что финляндская лингвистика находится на весьма низком методологическом уровне. Ей чуждо даже такое понятие, как понятие фонемы.

2. Мы должны знать, что финляндская лингвистика находится далеко не на высоком техническом уровне. Технические приемы, вроде многоэтажного транскрибирования, не могут затемнить истинного положения вещей. Если до недавнего времени финляндская лингвистика и импонировала нам с технической стороны, то потому, что у нас не было собственного достаточно высоко поставленного изучения соответствующих языков, и в области изучения этих языков финляндская лингвистика пользовалась своеобразной монополией.

3. Мы должны признать, что при всех своих недостатках финляндская лингвистика по так наз. финно-угорским языкам дает пока ббльшую печатную продукцию, чем наша лингвистика. Это положение вещей ненормально. Мы знаем такие языки, как карельский, лучше. Материалов по этим языкам у нас собрано больше. Техническая база работы у нас обеспечена более высокая, чем в Финляндии. А главное, мы работаем в путях новой методологии. Нам настоятельно нужно начать по-настоящему издаваться, не боясь таких вещей, как издание материалов (текстовых, словарных и т. д.), разумеется, в путях новой методологии и с новой техникой. К вопросу о технике: в издаваемых нами материалах мы должны держаться фонематического письма, давая отдельно (в предисловии или в другом месте) достаточно полные указания об оттенках звучания фонем в зависимости от тех или иных условий.

Д. Бубрих.

Библиографический обзор румынских журналов по филологии (1921—1930)

За годы империалистической войны 1914—1919 гг. в Румынии научная деятельность свелась почти на-нет, и даже после заключения мира (7/V 1918 г.) она не сразу могла возобновиться. Pascu в своем обзоре работ по румынской филологии за 1916—1920 гг.¹ отмечает, что «à part donc quelques ouvrages parus avant la date précitée, les publications de philologie roumaine due aux Roumains ne reparaissent qu'avec l'année 1920». Но тем более оживленная работа начинается с этого времени, когда в Румынии, увеличившей свою территорию более чем вдвое, вместе с тем появляются и два новых университета, входившие ранее в состав других государств. Именно к прежним университетам в Бухаресте и Яссах присоединяются новые: в Черновцах в Буковине и в Клуже (Клаузенбурге) в Трансильвании. Эти новые университеты принимают и за усиленную разработку румынской филологии. В Клуже ранее всего образуется специальный институт «Muzeul limbii române», во главе которого становится известный профессор-романист С. Пушкарю. В Черновцах образуется «Institutul de istorie și limbă, директором которого является историк И. Нистор, в Бухаресте также создается «Institutul de filologie și folklor» во главе с крупнейшим историком румынского языка О. Денсусиану, наконец, в Яссах возрождается прекратившее было временно свою деятельность Societate istorico-filologică. Каждое из этих научных учреждений начинает выпускать и свои печатные органы, группирующие вокруг себя наличные ученые силы. Таким образом, возникают новые румынские филологические журналы, обзорные которых за первое десятилетие составляет цель настоящей статьи.

Ранее всего начал выходить вновь «Arhiva. Organul societății istoricofilologice din Iași»² с 1 июля 1921 г. после пятилетнего перерыва, сохранив старую нумерацию томов. В декабре 1921 г. появился I том Клужского музея: «Dacoromania»³ под ред. Пушкарю. В 1923 г. вышел 1 выпуск I тома «Grai și Suflet» в Бухаресте⁴ под ред.

¹ Bibliographie roumaine 1916—1920. In: Archivum Romanicum, v. VI (1922), p. 212 сл.

² Arhiva. Organul societății istorico-filologice din Iași. Director: Ilie Barbulescu. Anul 28, 1921, № 1 и 2, pp. 1—160; 161—312+VI; Anul 29, 1922, №№ 1, 2, 3, 4, pp. 560+8; Anul 30, 1923, №№ 1, 2, 3—4, pp. 418; Anul 31, 1924, №№ 1, 2, 3—4, pp. 320; Anul 32, 1925, №№ 1, 2, 3—4, pp. 312; Anul 33, 1926, №№ 1, 2, 3—4, pp. 312+IV; Anul 34, 1927, № 1, pp. 80, № 2, pp. 80, № 3—4, pp. 81—96 и далее 197—238+IV; Anul 35, 1928, №№ 1, 2, 3—4, pp. 316+IV.

³ Dacoromania. Buletinul «Muzeului limbii române» condus de Sextil Pușcariu. Cluj: Institutul de arte grafice «Ardealul». Anul I (1920—1921) 1921, pp. 608; Anul II (1921—1922) 1922, pp. VIII+940; Anul III (1923) 1924, pp. X+1158; Anul IV (1924—1926) 1927, Partea 1—2 pp. 4 n/p 640 и pp. XVI+641—1642, Anul V (1927—1928) 1929, pp. 944.

⁴ Grai și suflet. Revista «Institutului de filologie și folklor» publicată de Ovid Densusianu București: Soces și C^o: vol. I, fasc. I, 1923, pp. 168; vol. I, fasc. 2, 1924, pp. 169—373+3 n/n; vol. II, fasc. I, 1925, pp. 186; vol. II, fasc. 2, 1926, pp. 187—424; vol. III, fasc. 2, 1928, pp. 285—478; vol. IV, fasc. 1, 1929, pp. 1—194, fasc. 2, 1930, p. 195—424.

Densusianu. В 1925 г. в Черновицах I том «Codrul Cosminului»¹ за 1924 г. Наконец, в 1928 г. в Черновицах *Revista filologica* под ред. Прокоповича.² Таким образом, каждый университет в Румынии имеет теперь свой орган по филологии, в котором главное участие принимают местные профессора.

Переходя к обозрению самих журналов, можно сделать общее замечание. Все они отводят самое значительное место вопросам языка, менее фольклору и всем остальным соприкасающимся областям науки. При этом «Daco-omania» особенно много отводит места этимологии и лексике, *Arhiva* проблемам истории языка, *Grai și Suflet* дает одинаково материалы и диалектологический и фольклористический и также привлекает статьи по проблемам общего характера. *Codrul Cosminului* включает в свой состав и лингвистические, и исторические работы, и даже некоторые по истории искусства и классической филологии. Во всех журналах сравнительно мало места отводится истории литературы, принимая во внимание существование специальных органов, как старый журнал *Convorbiri literare*, затем *Junimea Literara*, *Adevărul literar și artistic* и др. Основная масса исследований посвящена румынскому языку, очень немного встречается статей по романской филологии и языкознанию вообще. Впрочем, *Codrul Cosminului* отводит определенное место славистике. Везде мы находим отдел рецензий и заметок о книгах. Особенно «Daco-omania» уделяет чрезвычайно большое место обзорам и рецензиям, привлекая не только румынскую, но и западноевропейскую ученую литературу по вопросам языковедения и романской филологии. Кроме того, *Daco-omania* дает отзывы и систематическую библиографию всех журнальных статей, выходящих в Румынии по определенным вопросам и по румыноведению в других странах.³ Надо заметить, что *Arhiva* держится несколько особняком, благодаря известному антагонизму, с прочими румынскими учеными. Один из видных представителей этого журнала, *George Pascu*, выступал уже с резкими брошюрами-памфлетами,⁴

¹ *Codrul Cosminului*. Buletinul «Institutului de Istorie și Limbă. Director Ion I. Nistor. Secretar V. Grecu. Cernăuți «Glasul Bucovinei», Anul I (1924) 1925, pp. XVI+654; Anul II-III (1925-1926) 1927, pp. XVI+688, Anul IV-V, Partea 1, 1929, pp. 654, Partea 2, 1929, pp. 340 (1927-1928).

² *Revista filologica*. Organ al cercului de studii filologice de pe lângă Facultatea de filozofie și litere din Cernăuți. Dir. Al. Procopovici, Anul I, 1927; Anul II, 1928.

³ Отделу рецензии посвящены след. страницы *Arhiva*: 1921, 119-160; 288-312; 1922, 133-159; 279-320; 436-456; 543-560; 1923, 117-128; 226-240; 399-415; 1924, 64-80; 151-161; 290-317; 1925, 74-80; 151-160; 286-309; 1926, 66-80; 148-160; 281-312; 1927, 71-80; 78-80 (№ 2); 223-237; 1928, 66-80; 147-160; 263-316; то же в *Daco-omania*: I, 363-518; II, 686-852; III, 817-985; IV, 969-1302; V, 623-743 и отдельно обзоры: IV, 1303-1410, V, 744-800, а также библиографии журнальных статей: I, 518-532; II, 853-881; III, 986-1075; IV, 1413-1529; V, 801-979; в *Codrul Cosminului*: I, 580-612; II/III, 621-662; в *Graiși suflet*: I, 150-168; 335-360; II, 161-186; 363-415; III, 253-283; IV, 171-194; 393-423; в *Revista Filologica* II, 119-214.

Сюда же можно отнести и некрологи частью с библиографическими перечнями (см. RF II, 215-245; I, 329-351; D I, 533-551; II, 887-898; III, 1077-1086; V, 889-893; CC I, 613-618; П/III, 663-666).

⁴ *G. Pascu*. La philologie romane dans les pays germaniques et en France, 1774-1922. Leipzig: Harrassowitz, 1923, 8°, p. 72; резкая критика-памфлет против Густава Вейганда, Секстия Пушкарю и Марио Рока. Особенно резкий характер носят нападки на Пушкарю,

отличающимися наряду с многими справедливыми упреками и критикой чрезвычайно личным характером, в чем нельзя не видеть просто результата какого-то оскорбленного самолюбия. Поэтому все, что выходит не в пределах круга ученых яского «*Arhiva*», подвергается особенной критике со стороны Pascu, и этим же настроением отличаются его обзоры румынской библиографии, помещенные на страницах итальянского *Archivum Romanicum*.¹ Неудивительно, что на страницах других румынских журналов, главным образом «*Dacogetania*», труды самого Pascu и его ближайших сотрудников не пользуются особым вниманием. Для характеристики нравов румынских ученых можно указать на статью Bogrea (D. II 668—677), посвященную разбору обвинений, предъявленных ему Pascu в плагиате (в А. 1922, 245), где Bogrea показывает, как сам Pascu позволяет перепечатки из чужих работ, выдавая за свое, сделанное другими.

Давая общую характеристику румынской научной продукции минувшего десятилетия, приходится отметить прежде всего чрезвычайно националистический характер этой продукции. Особенно ярко сказывается это в работах по этимологии румынских слов, а также в трудах, посвященных вопросам о взаимоотношении румынского языка с языками соседних народов. Достаточно указать, что известный Вейганд на страницах своего органа² отвел место для серьезной и обоснованной критики направления «*Dacogetania*», руководимой упомянутым С. Пушкарю, который в свое время немало проработал в Лейпциге у того же Вейганда. В этой критике³ Вейганд справедливо указывал на латиноманию сотрудников *Dacogetania*, на нелепые попытки доказывать латинское происхождение таких румынских слов, которые имеют бесспорные славянские источники, и главное на чрезвычайную претенциозность считать румынскую нацию наиболее культурной и совершенной из входящих ныне в состав «*Великой Румынии*» (*România mare*).

Вейганд указывал, что мадьярское население в теперешней румынской Трансильвании, которое на деле культурнее господствующей нации, испытывает под эгидой «славного» прошлого Румынии притеснение со стороны господствующей нации.

В отношении методологии у румынских ученых нового мало что можно найти. В основном это обычная методология языкознания, перенесенная или из Франции (социологическая школа Мейе, лингвистическая география Жилерона), или из Германии (школа Мейер-Любке). Но надо

которого Паску старается всячески развенчать и доказать его некомпетентность и недобросовестность.

George Pascu. Beiträge zur Geschichte der rumänischen Philologie. Leipzig: G. Fock, 1920, 8°, p. 80: собрание рецензий на ряд работ по румынскому языку, помещенных в свое время в румынском журнале *Viața Românească* в немецком переводе и характеристика на 6 последних страницах собственных работ автора, частью печатных, частью имеющихся в рукописях.

¹ *Archivum Romanicum*. Nuova Rivista di filologia romanza diretta da Giulio Bertoni. Genève: Leo Olschki.

² *Balkan-Archiv* hgg. v. G. Weigand, Bd. 1—V, Leipzig, 1925—1929. Ныне журнал прекратился за смертью Вейганда.

³ *Balkan-Archiv*, Bd. II (1926), S. 257—287 и. Bd. III (1927), S. 312—316.

отдать справедливость румынским ученым: они внимательно следят за тем, что выходит в Западной Европе, и своевременно знакомят читателей своих журналов с новыми течениями и направлениями. Библиографические обзоры составляют, несомненно, ценную часть рассматриваемых журналов. Сделано много ценного по изучению истории языка и отдельных проблем, особенно там, где шовинистическая концепция не овладевает исследователем в такой степени, что от этого утрачивается сознание правильной исторической перспективы.

Свое обозрение я располагаю по основным рубрикам, причем не включаю массы мелких заметок, рассеянных во всех пересмотренных изданиях. Некоторые из этих заметок имеют известный интерес, но они не добавляют чего-либо существенно нового для общей оценки рассматриваемой продукции. Точно так же я суммарно привожу всю громадную работу по этимологии и лексикологии, проделанную в особенности в связи с изданием Академического словаря румынского языка, главным образом на страницах *Daco-mania*. Вся эта работа насквозь пропитана шовинизмом и латиноманией, пользуясь удачным выражением Вейганда. Это обстоятельство лишает очень значительной части всех вновь открытых этимологий их доказательности и действительно научной ценности.

За недостатком места я не касаюсь вовсе статей по истории, литературе, истории искусства, классической филологии и т. п., которые не составляют основного материала рассматриваемых филологических журналов, хотя и представляют определенный интерес, особенно в *Codrul Cosminului*.

А. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ФИЛОЛОГИИ.

Candrea. *Constatări în domeniul dialectologiei* (Результаты в области диалектологии), G. S. I, 169—200.

Автор формулирует некоторые выводы, добытые на основании его диалектологических изысканий в Банате, касающиеся жизни слов, сопровождаемые примерами и картами. Основные его положения сводятся к следующему: 1) борьба местных форм с пришлыми; 2) фонетические законы не непременно касаются всех случаев; особый вид имеют часто слова из сферы детского языка, редко употребительные или обозначающие мало известные предметы; в терминологии флоры и фауны часто являются совсем разные слова или очень разнообразные формы; 3) слишком краткие и невыразительные слова часто по этой причине вымирают или 4) изменяют свой вид путем присоединения нового суффикса; 5) омонимия хотя и играет значительную роль в истории слов, но влияние не должно преувеличивать; 6) слова переходят с места на место. Самые процессы распространения слов протекают четырьмя путями: лучеобразное из одного центра (*iradiațiune*), проникновение иногда очень окольными дорогами (*infiltrațiune*), волнообразное (*revărsare*), принесение извне (*suprarupere*), что бывает в результате влияния языка мощных колоний на окрестную речь.

Densusianu. Orientări nouă în cercetările filologice (Новые направления в языковедении), GS I, 1—22.

Автор дает краткую характеристику достижений лингвистической науки последнего времени в области общей фонетики (понимание фонетических законов), диалектологии, лексикологии и семантики; указывает на важность привлечения к изучению языковых явлений не только психологии, но и социологии (школа Мейе), а также на связь лингвистики с историей культуры (школа Wörter und Sachen), отмечает роль лингвистической географии и с своей стороны обращает внимание на важность эстетического момента в истолковании фактов языка и роль индивидуального начала, для чего особенно важно изучение материала, представляемого нам родной поэзией. Субъективно-идеалистическая концепция автора самоочевидна.

Jordan I. Teoriile lingvistice ale lui Karl Vossler (Лингвистические теории Карла Фосслера), A. 1924, 27—35, 101—109.

В статье дается характеристика работ К. Фосслера, начиная с его первых брошюр 1904 и 1905 гг. и кончая последними статьями 1923 г. (Gesamte Aufsätze zur Sprachphilosophie). Отмечая важное значение работ немецкого лингвиста, автор принимает его концепцию языка и изыскание причин языковых изменений в психике говорящего субъекта, а также превращение истории языка в историю духа народа, тесно связанную с историей культуры. С другой стороны, отмечается слишком большой субъективизм и односторонность, которая особенно сказывается у учеников Фосслера вроде Лерха.

Procopovici A. Principiul sonorității în economia limbii (Принцип звучности в экономии речи), D. IV, 12—38.

Автор пытается выяснить и определить точно понятие «слога», подвергая критике известную теорию де-Соссюра, и через это подойти к разъяснению ряда звуковых явлений, как стяжение, дифтонгизация и т. п. Сам Прокопович принимает в основу данное Есперсеном понятие звучности и определяет на основе построений последнего слог как «фонетическое единство, образованное из одного звука или группы звуков, звучность которого развивается сначала восходя, затем нисходя, и границы которого есть те два пункта наибольшего ослабления звучности по сравнению с находящимся меж ними кульминационным ее пунктом» (р. 22). С этой точки зрения Прокопович рассматривает качество и судьбу конечных звуков слова, процесс дифтонгизации (которая зависит не от открытости или закрытости слога в романских языках, а от степени звучности завершающего слог элемента) и стяжения.

Pușcariu S. Din perspectiva dictionarului III. Despre legile fonologice (О фонетических законах), D. II, 19—84.

Хорошая статья, подводящая итоги спорам последнего времени по данному вопросу и пытающаяся внести ясность в самое понятие проблемы. Пушкарю исходит из индивидуального возникновения изменения в соотношении звуков речи в отдельных случаях, которые потом путем обобщения

ния распространяются на все аналогичные явления. Воздействие социологических моментов — в первую очередь подражания — делает индивидуально возникающий фонетический закон общим для всего данного языкового коллектива, который принимает только то, что так или иначе находит себе определенное соответствие. Пущкарю особенно выдвигает социальный момент в усвоении фонетических изменений и дает при этом ряд интересных наблюдений и примеров в развитии своих положений.

Б. ТРУДЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУМЫНСКОМУ ЯЗЫКУ

1. История румынского языка

Эпоха образования румынского языка

Bocănețu. Terminologia agrară în limba română. Studiu filologie-istoric-cultural (Земледельческая терминология в румынском языке). С.С. II—III, 119—274.

Обширное исследование, дающее сводку всего известного материала по терминологии сельскохозяйственных орудий с соответствующими описаниями и рисунками и перечисление областей распространения тех или иных терминов (по отдельным селениям) с соответствующими этимологиями; приведены затем в таком же виде термины обработанной и необработанной земли. На основании этих данных автор приходит к выводам об исконности земледелия у румын и земледельческом характере народа, для которого скотоводство явилось уже вторичным занятием. Автор поддерживает точку зрения об автохтонности румын Дакии, поскольку земледельческое романизованное население не могло уйти за Дунай во времена эвакуации страны при Аврелиане. При этом он полагает, что земледельческое население в последующие эпохи никуда не уходило со своих мест и сохранило свою старую романскую терминологию и даже самые орудия и лишь частично усвоило некоторые новые термины от славян.

Не имея возможности отрицать славянское происхождение очень многих терминов, Боконцеу отвергает их значение таким путем, что все они обозначают второстепенные элементы или части орудий и имеют меньшее распространение. Эта часть его аргументации весьма слаба.

Capidan. Româniî nomazii. Studiul din viața Românilor din sudul Peninsulei Balcanice (Румыны-кочевники. Исследование из области быта румын на юге Балканского полуострова), D. IV, 183—352.

Чрезвычайно обстоятельное исследование, посвященное освещению и изучению жизни и быта аромуннов: кочевников и пастухов-скотоводов. Автор сопровождает свое изложение фотографическими снимками, дает описание материальной культуры (особенно костюма) и условий жизни аромуннов, прилагает подробную этнографическую карту распространения румынской национальности на Балканском полуострове, дает тщательный подбор и этимологический анализ терминологии. Основные выводы автора

(стр. 351—352) сводятся к следующим 4 положениям: 1) как самый язык, так и культура аромунов представляются наиболее архаичными по сравнению с прочими ветвями румынского народа, и можно предполагать некогда общий характер пастушеского быта в форме кочевья, который поддерживал единство народа как к северу, так и к югу от Дуная; 2) специфические элементы языка аромунов и некоторых черт их пастушеского быта, неизвестные на севере, но сходные с албанскими, вынуждают признать и образование на юге от Дуная самих балканских румын, избежавших ассимиляции с греческим населением благодаря своему кочевому быту, который в отдаленное время связывал их с романским населением по берегам Дуная, позже составившим единый дако-румынский народ; 3) последующие связи аромунов более приводили их в соприкосновение с болгарами, откуда и болгарские элементы в их языке; 4) особо тесная связь аромунов с албанцами позволяет оба народа, в отличие от прочих балканских, связывать с древними автохтонами.

Capidan. *Românismul Balcanic*, RF I, 155—165.

Развивает мысль, высказанную ранее самим автором и С. Пушкарю, об исконной принадлежности аромунов, мегленитов и истро-румын к балканским румынам, а не к ветви дакийских романцев. Автор считает, что разделение балканских румын от северных сородичей совершилось не позднее IX в., причем мегленитов надо считать ближайшими к аромунам по данным языка.

Densusianu. *Semantism anterior despărțirii dialectelor române* (Семантизм эпохи до разделения румынских диалектов), GS II, 1—21, 310—327.

Автор, рассматривая ряд значений, специфически свойственных румынским наречиям, в отличие от прочих романских народов, приходит к выводу, что их сходство может быть объяснено только общим происхождением всего румынского народа, но никак не отдельным возникновением румынской национальности к северу и югу от Дуная. Эту мысль автор защищал еще в своей известной *Histoire de la langue roumaine*, t. I, 1902 г. в противоположность взглядам Йорги (Iorga). Некоторые другие данные семантики позволяют, по мнению автора, установить такие же древние связи румынского с албанским и славянским. Но надо признать, что славянское воздействие в румынском языке обнаруживается в гораздо больших размерах, чем он это допускает: не только *jusa*, *lume* и *tare*, но и *suflet*, *omenie*, *nebu*, *săruta* свое новое значение могли получить под славянским влиянием.

Papanagi. *Din epoca de formațiune a limbii române* (Из эпохи возникновения румынского языка), GS I, 201—234.

Автор исходит из положения, что румынский язык сформировался на обоих берегах Дуная, начиная с V в., когда он подвергся уже известным воздействиям со стороны автохтонного элемента. Всем этим обстоятельствам обязан румынский язык своими специфическими особенностями; некоторые из них он истолковывает в своей статье. Так: 1. *î* из *a* перед носовыми —

черта родственная с албанским переходом а в ε и возникла именно на юге от Дуная, причем сначала а в данных условиях дало ѣ (так оно сохраняется у албанских аромун-фаршеритов), а позже под воздействием славянской артикуляции ы перешло в і. Автор считает, что это изменение исконно иллирийского происхождения было усвоено румынами в Мезии, где и был центр формирования румынского народа до прихода славян. 2. Различную судьбу к, g перед е, і в дако- и македоно-румынском автор считает изначально присущей обоим диалектам и опровергает возможность объяснять аром. ts, dz как результат позднейшего развития из исконных tš dž. Самое развитие могло идти разными путями на обоих берегах Дуная, притом его приблизительно время — VII в. — совпадает с занятием славянами именно этих старых мест румынского населения. 3. Отсутствие падежных форм в именах женского рода в нечленной форме (в противоположность членной) автор объясняет исконным отсутствием таковых в вульгарной латыни Балканского полуострова. 4. Аромунская форма причастия на — ѣ в сложных временах (am lucrată и т. п.) встречается в северной Трансильвании, в области Марамуреша и так наз. Țara Oașului. Это странное совпадение автор думает объяснить появлением здесь аромунских элементов в XIII в., когда в 1285 г. Владислав поселил в указанных пределах валахов, присланных ему Андроником в помощь против татар. Самая черта несомненно иллирийская, как видно из аналогичного явления в албанском языке, где причастия в этих положениях имеют окончание — ε.

Parahagi. Dispariții și suprapunerii lexicale (Лексические утраты и замены), GS III, 82—100; IV 84—96.

Рассмотрение с этно-психологической точки зрения явления утраты нескольких латинских слов в Балканской латыни (amare, bellum, spectare, loqui, vivere и др.) и замены их иноязычными терминами.

Parahagi. O probleme de romanitate sud-ilirica (Проблема южно-иллирийского романского населения), GS I, 72—99. Автор считает, что обычное донныне решение македоно-румынской проблемы, объяснявшее передвижение предков аромунгов из Мезии под давлением славян в эпоху VII—IX вв., должно быть пересмотрено. Он допускает изначальное наличие романского элемента на Балканском полуострове от Верхней Мезии до юга Иллирика, т. е. до горного массива Пинда и южной Албании, и ставит на разрешение вопрос об этнографии этого юга в начале нашей эры. Немногие данные, коими мы располагаем, указывают, что здесь было негреческое население, но (фрако)-иллирийское и что сюда романизация пришла с эпохи завоевательных действий римлян против Иллирии; топонимия области также подтверждает эту романизацию. Папахаджи считает невозможным принять простое передвижение на юг аромунгов из Мезии прежде всего по причинам резкого отличия аромунского населения от дако-румын в отношении таких элементов культуры, как музыка, танцы и костюм, которые он рассматривает, а затем и по тем соображениям, что славянский нажим, шедший с востока, не мог бы вызвать отлива населения к югу, если бы между

Мезией и Пиндом не было постоянной связи, которая в то же время объясняет и близость обоих румынских диалектов.

Procopovici A. Din istoria raporturilor noastre interdialectale (По поводу книги Capidan. Meglenoromânii. I. Istoria și graiul lor. București: Acad. Româna: 1925), D. IV, 38—66.

Из результатов ценной и обстоятельной работы Капидана следует, что мегленский диалект надлежит рассматривать как самостоятельный диалект, наравне с дако,-македоно-и истро-румынским; что диалект этот сформировался к югу от Дуная, имея близкие черты с аромунским, и что он испытал сильное влияние болгарского языка Родопской области. Прокопович возражает против мнения, будто черты сходства между мегленским и дако-румынским объясняются более поздней утратой связи между обоими диалектами, чем между дако-румынским и аромунским. Рассматривая эти черты и особенно подробно развитие а перед носовыми, Прокопович приходит к выводу, что они не являются общими только для двух диалектов, они частью возникли независимо в разных случаях, частью составляют старое наследие. Особенно в отношении а перед п он считает исконной формой дако-румынское *î* (или *ii*), которое в мегленитском позже перешло в *o* под влиянием может быть печенегов, и от мегленитов усвоено было родопскими болгарскими. Процесс разделения диалектов румынского языка Капидан представляет так, что под давлением славян и болгар ранее всех двинулись на юг к Пинду аромунны. Албанцы в это время были восточнее, в современной Болгарии, и после их ухода места их заняли меглениты где-либо на востоке Болгарии, откуда они около XIII в. начали продвигаться на запад. Прокопович думает, что для этого нет надлежащих данных. Предки румын занимали часть Балканского полуострова между Дунаем и Балканами, захватывая Черногорию и гористые области Баната и Трансильвании. Нажим славян привел к движению с севера на юг и с востока на запад. Дунай не составлял тогда границы меж диалектами, но сдвинутые к югу и западу предки румын разделились на группу восточную (аромунны и меглениты) и северо-западную (дако-румыны и истро-румыны). Первые сохранили больше старого славянского элемента, вторые сильнее соприкоснулись с албанцами, которые тогда занимали территорию более северную, чем теперь. Потом дако-румыны двинулись за Дунай, а албанцы сами ушли на юг. Таким образом, сходство дако-румын с мегленитами объясняется их крайним положением, хотя связь держалась через румын, оставшихся в Сербии, которые позже тоже ушли на север и запад до Истрии и Вельи.

Румынский язык в его взаимоотношениях с другими

Barbulescu I. Nașterea individualității limbii române și elementul slav. A. 1922, 321—339, 457—474; 1923, 1—24, 124—147; 241—256; 1924, 81—101; 161—176; 1925, 81—89; 161—178; 1926, 1—8; 81—92; 161—177; 1927, 1—20; 21—11; 81—87; 1928, 81—85; 161—164.

Автор хочет доказать, что формирование румынской народности и, следовательно, языка не сложилось на основе славянского элемента, но протекало вне территории, занятой славянами в эпоху этого формирования. Исконной территорией была Траянова Дакия, притом никак не включавшая в себя область позднейшей Молдавии. Пересматривая теории о происхождении румын (теорию автохтонную и миграционную), а также все мнения о роли славянского субстрата в образовании румынского языка, Барбулеску становится на защиту мнения Хыждеу о более позднем воздействии славянского элемента, чем эпоха формирования румынского языка, и сам считает, что в ту эпоху славян в Дакии, особенно по Олту, еще не было. Анализ славянских элементов приводит Барбулеску к выводу, что эти последние были усвоены румынами уже позднее, именно из старо-славянского, т. е. древне-болгарского языка. Доказательству этого положения и посвящена большая часть его статей (начиная с 1924 г.). Предварительно еще Барбулеску выясняет самое понятие о старо-славянском языке памятников, возражая против мнения, что под ним надо разумеать только древне-болгарский диалект Солунской области, и полагая, что он является лишь той стадией развития болгарского языка, какую переживал в IX в. болгарский язык вообще, еще не дифференцированный в достаточной степени; в защиту этого мнения Барбулеску приводит ряд аргументов (А. 1923, 1—24). Он отвергает совершенно возможность допускать участие восточно-славянского элемента в деле формирования румынской национальности и языка, поскольку в румынской топонимике, в заимствованных из восточно-славянских языков словах нет данных, указывающих на ранние соприкосновения с последними. Наоборот, все говорит за то, что с восточными славянами румыны столкнулись позднее и главным образом с русскими с XVIII в. (А. ib. № 2, 1—19). Таким образом, только болгарский язык дал румынскому древнейшие славянские элементы, но уже после того, как он сам сформировался, именно с X в. Доказательством тому являются следующие положения: фонетика древнейших славянских заимствований в румынском принадлежит болгарскому языку, X в.; она не дает права утверждать, что румыны соприкоснулись со славянами в V—VI вв., как думали многие; самые славянские элементы не могут считаться как бы органическими частями румынского языка. Отсюда очевидно, что в эпоху формирования румынского языка его носители находились на территории, не занятой славянами, т. е. были в той части Дакии, по течению Ольта, где Йордан упоминает «*Slavinum rumunense*» (ib. 241—256). Статьи в А. 1924, 1925, 1926 и 1927 (1—20) рассматривают вопрос о рефлексах славянских *ъ* и *ь* в румынских словах, устанавливая сначала физиологию праславянских *ъ* и *ь* и доказывая, что румынские рефлексы восходят к стадии собственно болгарской (древне- и средне-болгарского языка). Остальные статьи А. 1927 и 1928 гг. посвящены рассмотрению вопроса о рефлексах славянских носовых гласных, причем и здесь доказывается, что румынский язык усваивал более позднюю стадию произношения *ъ* как *in*, т. е. не ранее IX в.

Barbulescu I. Originea celor mai vechi cuvinte și instituții slave ale Românilor (Происхождение древнейших славянских слов и институтов у румын). А. 1922, 1—11.

Автор возражает против утверждения Йорги, высказанного им в 1914 г. под влиянием чисто политических мотивов, о сербском происхождении наиболее древних славянских языковых элементов и социальных институтов в румынском языке и культуре. Все лингвистические аргументы говорят за болгарское происхождение этих заимствований, и лишь незнакомство со славистикой может давать повод к таким необоснованным утверждениям, которые сделал Йорга.

Capidan. Raporturile albano-române (Албано-румынские отношения), D. II, 444—554.

Автор выясняет взаимоотношения албанского языка с румынским, причем рассматривает отдельно старый период от нового. Анализ сходных черт в обоих языках, далее албанских элементов в аромунском и обратно аромунских в албанском древнего периода позволяет сделать вывод, что в римскую эпоху оба народа жили по соседству и, мало того, развились на основе общего этнического субстрата. При этом древнейшие отношения обнаруживаются более между современным дако-румынским и албанским языками, чем между последним и аромунским: ряд слов албанского происхождения от того времени отсутствует у аромунов, равно явления ротацизма и назализации. Очевидно, предки аромунов отделились от остальных румын, раньше уйдя в Македонию (по данным болгарских элементов), связь же албанцев с дако-румынами еще продолжалась некоторое время. Уже в новом периоде вновь аромуны соприкоснулись с албанцами, откуда у них и общие черты в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексические заимствования, которые особенно подробно рассматривает автор (стр. 514—554).

Capidan T. Raporturile lingvistice slavo-române (Славяно-румынские лингвистические отношения). D. III, 129—238.

Большая работа Капидана посвящена вопросу о влиянии румынского языка на болгарский. Автор исходит из положения, что изучение балканизмов и взаимоотношений между языками дает возможность установить тот общий романский фонд, который унаследовал в первую очередь румынский язык и из которого черпали в эпоху VII—IX вв. еще другие языки балканских народов. Поэтому он устанавливает заимствования до-румынской эпохи (коледа, комка, кум и др.), затем древнейшего румынского языка (алтар, крачун, русалия, паун, самар, сапун и т. п.), вошедшие в оборот старославянской речи, и, наконец, периода румынской экспансии на Балканском полуострове и на север в Закарпатье, примерно с XIII в., который оставил в болгарском (и других балканских и славянских языках) преимущественно термины пастушеского быта. Рассмотрение фактов воздействия румынской фонетики на болгарскую (изменение а в ъ в неударном слове в вост.-болг., переход неударных е, і в о, и, перехода еа (ѣ) в е перед гласными е, і следующего слога) приводит к выводу, что румынское

влияние на болгарский язык было сильнее, чем обратное, причем местом соприкосновения была восточная Болгария, где надлежит полагать достаточно компактное румынское население для раннего периода и откуда шло и обратное влияние вплоть до усвоения кирилловской письменности румынами. Доказательствам румынского происхождения целого ряда лексических элементов, многие из которых доселе, наоборот, считали болгаризмами в румынском языке, посвящена главная часть работы. Предвзятая точка зрения лишает доказательности большинство аргументов автора.

Capidan T. *Termini pastorali de origine româna în limbile balcanice* (Пастушеские термины румынского происхождения в балканских языках), D. II, 677—679.

О румынском происхождении серб. грушевина (из рум. глагола *îngroștà*) и серб.-болг. барзав барзаст (рум. *barz*).

Capidan T. *Sărăcăciani*. D. IV, 923—959.

Статья написана по поводу работы К. Нбег, *Les saracatsans, une tribu nomade grecque*, 2 vol., 1925 для доказательства румынского (аромунского) происхождения одного кочевого греческого эпирского пастушеского племени, известного под именем саракачанов. Эти пастухи встречаются и в южной Албании и в Македонии, и Капидан настаивает на их румынском происхождении на основании самого названия, этнографии и языка.

Densusianu. *Trano-romanica I—II*, G. I, 39—71, 235—250.

Денсушяну пытается доказать иранское происхождение некоторого количества терминов, известных в романских языках и относящихся к пастушескому быту, полагая возможным их проникновение в вульгарную латынь от скифо-сарматских народов, занимавших восток Европы. Некоторые из этих так наз. «пре-романских» или «альпийских» слов оставались до сих пор вне всяких этимологий. Пастушеский характер этих терминов позволяет связать их с номадами-пастухами иранцами, которые в своих миграциях заходили далеко на запад. Так Денсушяну объясняет рето-ром. *betsch* 'теленок', ср. перс. ве́ (č)е, рядом с другими рефлексами в иран. яз., р.-ром. ит. фр. пров. алб. *berg* — баран (ср. перс. *bar(г)а* и т. д.), рум. *brînză* (ср. белудж. *prinçag*, пер. *birèzan* и т. д.), р.-ром. *malğa*, ит. *malga* (ср. перс. *marje* и т. д.), рум. *stîna*, рум. *șar*, ит. (диал. *tsar*, *tsappo*, алб. *tsar*, рум. *șarc*, алб. *dark*).

Diculescu C. *Elementele vechi grecești din limba română* (Древнегреческие элементы в румынском языке). D. IV, 593—516.

Автор подбирает те греческие заимствования, которые вошли в румынский язык в древнейшую эпоху колонизации Дакии, исходя из данных о значительном количестве греков, бывших здесь во II—III вв., по свидетельству надписей и топонимики. Давая ряд новых этимологий, особенно из области пастушеского быта, земледелия и домашней обстановки, Дикулеску допускает наличие различных диалектических источников греческого языка (ионич., дорич., эол.), которые помогают ему объяснить часто неполные соответствия. Работа мало доказательная.

Giuglea G. Cuvinte și lucruri. Elemente vechi germane în orientul romanic (Слова и предметы. Древне-германск. элементы на римском востоке), D. II, 327—402.

Автор рассматривает историю нескольких терминов в связи с историей обозначаемых ими предметов, попутно желая доказать германское происхождение некоторых из них вместо общепринятого славянского. Таковы у него *strungă*, источником которого является днв. *stanga* в контаминации с лат. *ruga*, *stână* из лат. *saepiana*, а *bagă* из герм. корня *baug*; а *zgribuli* от свн. корня *griuwel*, *nastur* от гот. *pastilo*, *bumb* из лат. *bombus*, *gudura* от герм. *gud* и еще некоторые другие. Аргументы слабы и неубедительны.

Giuglea G. Crâmpeie de limbă și viață străveche românească. Elemente autohtone (preromane), greco-latine v. germane. (Из области языка и древне-румынской жизни), D. III, 561—628.

Продолжая работу в направлении, которое указано в предыдущей статье, автор дает ряд этимологий: 1) до-романских (*rână*, *brândușă*, *brânză*), 2) лат. и греческих (*urdă*, *fluier*, *broască* и др.), среди которых находится ряд слов, доселе считавшихся славянскими, как, напр., *jurân*, *stăpân*, или неизвестного происхождения и 3) несколько новых германских (*fulg*, *scruntar*).

(К этой работе дает свои критические замечания Pușcariu в том же выпуске на стр. 774—781 (Note la pag. 561 și u.))

Jordan I. Dialectele italiene de sud și limba română (Южно-итальянские диалекты и румынский язык). А. 1923, 35—50, 148—165; 327—367; 1924, 207—226; 1926, 9—20; 177—192; 1927, 20—34; № 2, 11—22; 1928, 13—30; 81—204.

Большая работа, имеющая цель обосновать ближайшие черты сходства румынского языка с южно-итальянскими диалектами как результат исконной близости балканской и итальянской латыни. Уже О. Денсушяну высказывал подобные мысли, но больше указывал на сходство северо-итальянских диалектов с румынским языком. Пушкарю вслед за Бартоли, наоборот, склоняется к мысли относить итальянский язык к западной ветви романской семьи, основываясь главным образом на исторических условиях, разобщивших запад и восток Римской империи. Йордан со своей стороны отмечает ряд общих черт в фонетике (протетическое а, переход е в а —, развитие неударного е в і и частичное его выпадение, развитие е в і, о в и перед п, сохранение ѱ и дифтонга ау, развитие переходного j в зиянии, отсутствие соноризации интервокальных глухих, специфическая судьба gn, развитие начального v в h, палатализация губных, развитие сочетаний взрывных с l, период l в g и некоторые другие), в морфологии (сохранение окончания *Neutri* — oга, чередование гласных корня в формах sg. и pl. под влиянием і и т. д.), в словообразовании (однородные префиксы и суффиксы в ряде слов), в стилистике (целый ряд одинаковых выражений и специальных идиоматизмов в пословицах и поговорках). Последние автор приводит в алфавитном порядке слов в статьях за 1924, 1926, 1927 и 1928 гг. Заканчивается элементами синтаксиса.

2. Фонетика

Barbulescu I. Falsificări culturale în transcrierea lui ь, și, ь prin ä, śi, ÿ latine. A. 1923, 51—59.

Статья направлена против приемов Драгану передачи ь и ь через ÿ и ä безразлично, благодаря чему исчезает различие между знаками, меж тем как на основании их употребления установлены Цоневым пять различных школ письма в средне-болгарском, которые находят полное отражение и в слав.-рум. памятниках.

Giuglea. O problema de fonetică: soartă lui e deschis accentuat după r (Судьба ударного e после r). D. IV, 371—382.

Автор рассматривает несоответствие в развитии e после r (cireașe) из ceresia и îndărăt (из inderetro) и объясняет разницу различными гласными исхода слов: перед -a -e e давало a (ст. рум. cegașe), перед другими гласными ä; отсюда же țeș țea являются, как țau ța (последняя только молд., в вал. țea новообразование по Plur. rele, как и cireașe); отсюда же pradă (из praeda) и präd (из praedo), crăp (из crēpo). На основании этого автор предлагает новые этимологии arătă от *ad + rētare, răbdă от *rēgidare, аром. arăpu от rēpes.

Meyer-Lübke W. Palatalizarea labialelor (Палатализация губных), D. II, 1—19.

Статья дает сводку всех явлений палатализации губных в румынских диалектах, выясняет все промежуточные стадии этого процесса и их географическое распределение и устанавливает физиологическую сторону явления.

Автор не решается дать окончательные хронологические рамки наступления и развития явления, ограничиваясь признанием, что первые его следы встречаются в памятниках XVI в. и что процесс, очевидно, начался ранее.

Meyer-Lübke W. Die betonten labialen Vokale im Rumänischen. R. F. I, 29—34.

Автор обращает внимание на противоречие в развитии гласных: с одной стороны, i e e ie, с другой — u o o o. Отсюда он делает вывод, что первые ранее в своем развитии; во второй серии — более поздней — Восточная Романия не участвовала. Почему — остается пока без объяснения.

Negrescu I. Cantitatea devenită accent in limba română (Количество, ставшее ударением в румынском языке), A. 1921, 229—237.

Автор доказывает, что румынский язык, не различающий количества гласных звуков, при усвоении заимствованных слов из языков, знающих различие долгих и кратких гласных, преобразовал долготы этих заимствований в ударение. Статья представляется очень мало обоснованной и обнаруживает явно недостаточную компетентность ее автора.

Procopovici A. Probleme vechi și nouă (Старые и новые проблемы), D. II, 174—215.

Основная тема статьи — развитие гласного е в *i* перед носовыми в румынском языке, но рядом с этим затрагиваются и другие вопросы исторической фонетики, доселе не получившие своего окончательного разрешения. Пересматривая дававшиеся до него разрешения проблемы развития е перед носовыми вообще, Прокопович считает, что в процессе этого развития выявляется общая тенденция языка видоизменять всякое неударное *e* в *i*, которая является прарумынской, и находит аналогию в развитии неударных *a* и *o* в *ă* и *u*. Иногда под влиянием соседних губных звуков вместо *i* является *u* (ср. *după* из *depost* и многие другие примеры). При этом самая тенденция сильнее действовала после ударения *i*, как показывают диалекты, всего сильнее проявилась в аромунском, затем в дако румынском (молдавском) и прервалась в истро-румынском. Попутно автор дает объяснение и однородному развитию исходов *-es*, *-is* в *i*, которое аналогически жения. перенесено было на место старого *-as* в окончаниях 2 ед. в формах спряжения.

Pușcariu S. Câteva cazuri de asimilare și disimilare în limba româna (Несколько случаев ассимиляции и диссимиляции в румынском языке), D. I, 322 — 330.

Автор дает ряд примеров различного рода диссимиляций.

Pușcariu S. Contribuțiuni fonologice (Фонологические материалы), D. III, 378—397.

Замечания по поводу работы Giuglea об *a* перед *n* (D. II, 360 и сл.), в которых Пушкирью подтверждает выводы об отсутствии перехода *a* в *ă* перед *n* в славянских заимствованиях, и на основании этого ищет для *stânca*, *jurân*, *stăpân*, *stână* и *smântâna* латинские источники: *stânca* из *stinca*, а не от слав., *jurân* исконное согласно Giuglea, *stăpân* из *hospitanus* (поспутно с чем даются примеры всевозможных перестановок согласных в рум. яз.), *stâna* из и.-е. *stañ* (*a*) и *smântana* из *submantana*. На стр. 394—397 Пушкирью дает дополнения к статье Philipon (In: Rom. XLVIII, I и сл.) о судьбе постгонич. *a* в ром. яз.

Starkey V. Eloluția lui *en* în după labiale, D. I, 340—343.

Автор приводит новые аргументы в пользу мнения Тиктина о более позднем переходе е в *i* перед *n* после губных.

Pușcariu. Schimbarea accentului în 'aud', D. III, 773—774.

Автор объясняет переход ударения е *á* на *ú* по аналогии таких соотношений, как при вопросах с отрицанием: *n' auzi?* *aùd* ср. *n'ascúți?* — *ascúlt*.

3. Морфология

Bogrea V. Inca două specimini di gerundiu în — ure. (Еще два примера герундия), D. II, 661—662.

Автор в заметке приводит два примера необычной формы герундия с постпозитивной частицей *-re* и сопоставляет их с случаями такой же

постпозиции при глагольных формах в народных песнях, объясняя ее из усеченного инфинитива — *auzi-re, intra-re*.

Он же. *In chestia postpunerii articolului* (К вопросу о постпозиции члена) (*ibid.* 662—664).

Против гипотезы Бругмана о происхождении болгарского постпозитивного члена от армян, осевших в Болгарии, и в защиту явления, как иллиро-фрако-фригийского, т. е. автохтонного на Балканах.

Capidan T. Originea vocativului în — le, D. I, 185—209.

Автор высказывается против мнения о болгарском происхождении окончания звательной формы, именно из частицы *-le*, которая в болгарском языке является только при именах жен. р., в каком-то значении она усвоена аромунанами. Окончание восходит к старому членному окончанию собственных имен *-ul*, при которых являлся изначальный *Vocativus* на *-e*; позже это последнее (т. е. *-le*) было перенесено на остальные имена с окончанием на *-ц* или согласный. Образец того, что Вейганд назвал латиноманией.

Lacea. Genitive feminine formate cu articolul prepozitiv. (Genitivi ж. р., образованные с препозитивным членом), D. III, 798—799.

Приводятся случаи сохранения в географических названиях и именах лиц женского рода препозитивного члена для выражения функций родительного падежа, как, напр., *Dâmbu i сіоагă* (где *i* = *ei*) по типу *Dâmbu lui Craiu*.

Morariu L. Morfologia verbului predicativ român. C. C. I. 1—96, II—III, 285—346; IV—V P. 2, 1—96.

Работа представляет диссертацию, в которой рассматриваются формы румынского спряжения. В напечатанных частях сделан сначала обзор утраченных форм латинского спряжения и заменивших их описательных конструкций, затем старо-румынских, или сохранившихся только в диалектах. Далее следуют обозрения новых перифрастических форм спряжения, типы самих спряжений, переход глаголов из одного типа в другой и, наконец, формы *Praesentis Indic.*, *Conjunct.* и *Imperat.* по всем типам спряжения в их истории и диалектическом разнообразии.

Morariu L. Voi laudatu. C. C. IV—V. P. 2. 279—305.

Анализ архаической дако-румынской формы.

Procopovici A. Din istoria pronumelui în limba românească (Из истории местоимения в румынском языке), *RF I, 233—266; 310—324, II, 318—345.*

Историко-морфологический анализ местоименных форм личных и указательных в их диалектическом разнообразии и их употреблении. Рассматриваются несамостоятельные формы личных местоимений в дательном и винительном падежах множественного числа, отражения лат. *ille* и *ipse* и рум. *ăl, ăst*. Работа описательного характера.

Procopovici A. Din morfologia și sintaxa verbului românesc, RF II, 1—48.

Исторический анализ форм аориста в диалектическом разнообразии. Работа имеет описательный характер.

Spitzer L. Die 1. Pers. Imperfecti und $\bar{a}m$ 'habeo'. D. V. 498—502.

О происхождении окончания Imperf. от формы 1 лица глагола *a/avea*.

Pușcariu S. Persoană a doua a singularului aorist, D. I, 330.

Приведены старо-румынские примеры XVI в. в подтверждение мнения Meyer-Lübke о происхождении окончания 2 ед. Perfecti *-și* из стяжения латинск. *sti-tu* (с постпозицией местоимения) в *ș- tu*.

Tagliavini C. Sulla questione della postposizione dell'articolo, D. III, 515—523.

Возражение против теории о кавказских источниках для возникновения постпозитивного члена и доказательства его независимого возникновения на почве Балканского полуострова из древне-фракийского.

4. Словообразование

Bogrea. Contribuții la studiul sufixelor românești, D. III, 803—807.

Приводится случай употребления одного мадьярского суффикса (*-ul*) в тексте Анон. Banat., затем примеры образований с суффиксом *-astru*, и значения суффикса *-ar*.

Draganu N. Verbele derivate cu sufixul *-îmare* (— *îmare-anare*) și postverbalele lor., D. III, 509—514.

Доказательства автохтонного происхождения глагола *legăna* «качать» (откуда поствербальное существ. *leagăn*) из дако-фрак. корня **lig* — с суффиксом *-îmare*, — примеры употребления которого в других случаях (частью весьма мало убедительные) даются автором.

Morariu V. Formarea vorbelor în psaltirea Scheiana, C. C. IV—V, P. 2, 261—278.

Этюд о словообразовании в древнем памятнике рум. яз. Автор выясняет, что композиция была по славянским образцам. Собственное образование, более свободное.

5. Лексикология и семантика

Bogrea. Din nomenclatura calului (Из названий лошади), D. III, 807—812.

Этимологии обозначений лошадиной масти: *abraș* (турец.), аром. *bal'u* (дак.), *rotat*, *șoricu*, *găvan* (тур.).

Он же. Note semantice, *ibid.* 812—813.

Случай перевода с греч. *παράδσζος* в тексте одного физиолога XVIII в. через *preaslăvit*.

Он же. Studii de semantica: I Observatii semantica asupra «Irodot»-ului de la Coșule, D. III, 406—440.

Заметки по поводу употребления отдельных слов упомянутого текста (середина XVII в.), в частности *pildă*, *tvoreț*, *vers*, *a lămuri*, *gros*, *păre-*

tariu, strajnic, har, căsătoresc, a răsa, и т. п.; интересен экскурс о слове troian (420—423).

Он же. Probe de sinonimică românească, *ibid.*, 441—460.

Этюды по синонимике (вместе с этимологией) ряда слов, обозначающих «gravidă», «violonist», «rat», «cascadă» «colină».

Он же. Un ecou al vechii mode franceze la noi: Pulpană. D. I, 291—292.

О происхождении термина от франц. pourpoint в связи с другими названиями костюма как surtuc, jiletcă, mundir, botfort и т. п. Автор хочет возвести эти термины непосредственно к франц. влиянию, тогда как правильно считать их прошедшими через русское посредство.

Он же. O problema semantica, D. II, 664—666.

Заметка о старо-румынском значении genunchiu: «genu» и «genus», причем автор не согласен с воздействием слав. «колѣно», но думает найти корни обоих значений в самом латинском языке.

Он же. Din sinonimica «Dracului», D. IV, 874—876.

Лексикологические и этимологические истолкования четырех названий чорта.

Он же. Din terminologia calului, *ibid.*, 877—882.

То же в отношении кличек лошади (продолжение этюда в D. III).

Он же. Terminologia medicală românească a doctorului I. Piuariu (Molnár), D. IV, 383—393.

Анализ медицинской терминологии одного из трансильванских деятелей румынского национального возрождения конца XVIII в., грамматика и лексикографа; изучение специально медицинских терминов показывает, что Molnár пользовался языком румынского городского населения Брашова и Sibiu.

Borza A. Materialul pentru vocabularul botanic al limbii române, D. I, 359—362.

Перечень названий для овощей, фруктовых и садовых растений, употребительных в области Баната.

Draganu N. Cuvinte și obiceiuri. RF I, 105—116; II, 73—78.

Лексикологические и семантические заметки.

Giuglea G. Elemente străvechi în limba română (Древние элементы в румынском языке), FR II, 49—65.

Семантические и лексикологические этюды, являющиеся продолжением работы под заглавием Cuvinte și lucruri в D II.

Herzog E. Românescul afin, afină, RF I, 99—104.

Лексикологический этюд.

Jordan I. Cioflingar, încoderat, de-a-șteamătu, a se råde, RF II, 272—279.

Лексикологические заметки.

Nandriș Gr. Hăis! cea!, RF I, 184—188.

Развитие и обоснование — мнения Драгану о латинском происхождении обоих междометий, перешедших позднее от румын к украинцам, как отражающих старую латинскую аграрную технику.

Nandriş Gr. Răzes, RF I, 325—328.

Истолкование слова как происшедшего от польского *gusecz*, имевшего значение конного воина.

Paşca. St. Terminologia calului: Părţile corpului, D. V., 272—327.

Работа описательного характера, аналогичная вышеуказанным этюдам Bogrea.

Pop S. Câteva capitole din terminologia calului, D. V., 51—271.

Обширный лингвистико-географический этюд на основе анкетных материалов из 650 пунктов. Разбирается терминология выращивания, извозного промысла и барышничества, особо рассмотрены суффиксы.

Puşcariu S. Căli. Chili, RF I, 269—275.

Лексикологический этюд.

Rosca M. Date referitoare la chestiunea cuvântului 'vlach', D. III, 794—795.

Заметка о существовании у словаков сев. Венгрии слова *vlach* в значении «пастух» (особенно овец), почерпнутая из одного венгерского журнала.

Rosetti A. Lexicul Apostolului lui Coresi comparat cu al codicelui Voroneţean, GS I, 100—106.

Сравнительный анализ некоторого лексического материала древнейших памятников румынской речи, на основании которого следует, что лексические различия объясняются особенностями говоров севера-запада и юга Трансильвании, где созданы были рассматриваемые памятники.

Suţu S. Strigatele animalelor. Studiu lexicografic, D. II, 85—174.

Обстоятельный этюд из лингвистической географии слов, обозначающих крики и звуки, производимые животными и птицами. Автор использовал известный вопросник Хыждеу, хранящийся вместе с ответами в 18 рукописных сборниках в Румынской академии. Вместе с указанием географического распространения каждого термина автор дает и его этимологию и, кроме того, пополняет данные вопросники примерами, взятыми из языка писателей.

Spitzer L. Rum. câte 'je' (distributiv), RF II, 99—101.

Семантическая заметка.

Spitzer L. Rum. a desfăta 'ergötzen, belustigen' a se desfăta 'sich laden, schwelgen'; arom. ancuñare; proor, prăura, RF II, 284—288.

Этимологическая и семантическая заметки.

6. Синтаксис

Barbulescu I. Vechimia acusativului cu «pre», A. 1921, 49—52.

Доказательства более древнего происхождения рассматриваемого типа словосочетания, чем обычно думают, относя его к концу XVI в. на основании старо-румынских памятников. Автор думает видеть употребление *pre* с *Accus.* на основе встречающегося в славянских текстах румынского происхождения XV в. употребления предлога по с винительным падежом.

Bacinschi. Probleme sintactice, GS II, 90—99; 255—262.

I. Termini negativi în funcțiune afirmativă рассматривает употребление отрицательных местоимений и наречий в утвердительном значении в старо-французском и провансальском языках, аналогии чему встречаются у аромун. Автор считает характерной чертой подобных употреблений выражения количественной незначительности.

II. Dela pronume relativ la conjuncție дает примеры перехода относительных местоимений в значение союзов из французского и аромунского.

Draganu N. Conjuncțiile de și dacă, D. III, 251—284.

Draganu N. Jarăsi «de» și «dacă», ibid, IV, 916—923.

Синтактический этюд о значениях двух указанных союзов в их историческом развитии и ответ на рецензию Россетти в GS II, 183.

Morariu V. Sintaxa propozițiunii în «Psaltirea Șcheiana», RF I, 219—231.

Собрание материалов по синтаксису простого и сложного предложения из Шкейской псалтыри: условные предложения, различные придаточные, пропуск связки в простом и т. п.

Pușcariu S. Forma de conjugare «ei face». D. III, 772.

Автор объясняет происхождение этого словосочетания не из совпадения формы 3-го лица Sg. и Plur. Conjunct. Praes., как обычно, но из анаколуфических оборотов речи, вроде «mi doare... picioarele, nu-mi place... vorbe astea и т. п.

Șiadbei I. Prepunerea lui de, di în poesia populară română și italiana de Nord., RF I, 209—218.

Общей чертой автор считает плеонастическое употребление de (di) без определенной синтаксической функции в румынских диалектах и некоторых итальянских. Происхождение этой конструкции независимо в обоих языках.

7. Местные географические названия

Bogrea V. Câteva considerații asupra toponimiei românești, D. I, 210—219.

Несколько замечаний о способах образования местных названий, в частности, мадьярского происхождения.

Bogrea V. Din toponimia românească, D. II, 666—667.

Истолкование нескольких названий (Abrud, Caransebeș, Lăune).

Bogrea V. Contribuție la onomastica romanului lui Alexandru și Romanului Troiei, GS III, 1—11.

Интерпретация некоторых географических названий в румынских версиях обоих романов. В большинстве случаев догадки автора о греческих источниках этих названий остроумны и правдоподобны. Интересны приведенные передачи греческих Μυχήνη, Κυθηρα, Κίρκη румынскими Misena, Sirsa, Sitaria.

Bogrea V. Din onomastica folclorica, D. IV, 873—4.

Bogrea V. Contribuții onomastice, *ibid.*, 857—873.

Заметки об отдельных местных названиях.

Draganu N. Chicera și Minčol, D. I, 117—120 (1).

Сюда же заметка Bihay Árpád. Kičera si Minčol, D. II, 683.

Draganu N. Din vechea noastră toponimie, D. I, 73—146.

Историко-этимологический анализ некоторых названий (Tâmpa, Chicera, Abrud, Bârsa, Aușeu).

Grămadă. Originea numelui «Burcaș», C. C. II—III, 611.

Grămadă. OZOLIMNA, I Asezarea Ozolimnei. II Originea numelui, *ibid.*, 83—97. Упоминаемое у Анны Комнены название является эллинизированным Ezerele Jalomniții, которое доказывает и наличие румынского элемента в Силистрийской области в XII в.

Grămadă. Vicina. Izvoare cartografice, originea numelor, identificarea orașului, *ibid.*, I, 435—459.

Papahagi P. Din toponimia aromânească A. 1923, № 2, 165—176.

Автор рассматривает аром. названия, образованные с предлогом а (= лат. ad), затем несколько отдельных (Lunga, Sărac, Moscopole).

Petrovici E. Suffixul -oiu în onomastica, D. V, 576—578.

Sauciuc Săveanu T. Numele comunii urbane Mangalia, RF, II, 108—118.

Топонимика старого греческого наименования в Добрудже.

Ștefanescu M. 1) Cuvinte Grădiște și Horodiște în toponimia românească, A. 1921, 76—80.

Ștefanescu M. 2) Elemente rusești în toponimia românească, *ibid.*, 1921, 218—228.

Ștefanescu M. Alte cuvinte rusești de nuanța ruteană în toponimia românească, *ibid.*, 1922, 64—75, 372—384.

Ștefanescu M. Toponimiei românești cu terminațiunea -ăuți, *ibid.*, 1922, 499—514.

Ștefanescu M. Rusismele-rutenismele din toponimia românească, *ibid.*, 1924, 199—206.

Во всех приведенных статьях М. Штефанеску разрабатывает одну тему, именно славянские элементы в румынской топонимике. В первой статье она показывает, что два различных типа одного и того же названия свидетельствуют о различных славянских элементах — украинском в Молдавии, болгарском в Валахии, причем первый мог явиться здесь не ранее XI в. Второй очерк посвящен анализу русских (в широком смысле) элементов, характерных своим полногласием (ср. Vorona-Voronet, Storojinet, Soroca — Soroceni, Corova и т. п., Solono и т. п., Bolotina, Voloseni и т. п., Verezana и сродные), находимых в Молдавии, Буковине и Бессарабии. Этим элементам соответствуют в Валахии и Трансильвании аналогичные, но с юго-славянской фонетикой (ср. Vrancea, Straja, Vlașca, Bălți и т. п.). Хронологически начало всех этих населений не могло быть ранее XII в. Те же украинские элементы являются в таких названиях, как Dolhasca

и среднее Brahariul и под., Halița, Hrăniceni, Hulubul, Hora, Hlina, Hli-bosa, Buhaiul, Pohribeni, Olinea, Ozero, Ciorna с сложениями и т. п., опять-таки в указанных выше пределах. Как показывает третий очерк, их хронологическое приурочение приблизительно дает тот же *terminus post quem*. В четвертом очерке к восточным славянам относит автор и имена (очень многочисленные) на -ăuți, встречающиеся исключительно в Буковине, Бессарабии и Молдавии. В последнем очерке подведены итоги сделанного автором просмотра всех географических названий Румынии, зарегистрированных в списках населенных мест, которые сводятся к тому, что 548 названий имеют вост.-слав. фонетику и 321 характеризуются суффиксами вост.-слав. происхождения. Почти все они находятся на территории молдавской речи, древнейшие из них отмечаются по документам с XV в. (в сев. Молдавии). Соответственная номенклатура урочищ, рек, гор и т. п. показывает, что восточные славяне были первыми поселенцами этих мест, к востоку от Карпат до Днестра, и время их установления здесь могло начаться уже после IV в.; позже с приходом румын они денационализировались.

8. Этимологии

Этимологии занимают чрезвычайно большое место в особенности в *Dacogetalia*, очевидно в связи с усиленной работой, проводимой по составлению словаря Румынской академии. Они встречаются и в отдельных заметках, и в виде специального отдела, и в виде экскурсов по истории отдельных слов. Привести или даже перечислить их здесь нет возможности, как видно хотя бы из того объема, который отводит для них в порядке специального отдела журнал *Dacogetania* (т. I, стр. 220—272, 293—322; II, 592—660, III, 643—772, IV, 641—856, V, 328—497). К этому надлежит добавить заметки (*Bogrea*, D. III, 813—817 и IV, 882—86, 892—908, 962—964, он же, D. I, 272—290, 336—338, 338—340), *Bologa*, D. V, 571—75, *Capidan*, D. I, 331—336, он же в RF. II, 102—07 и 280—83, *Draganu*, D. III, 701—803, D. I, 293—312 и 312—320 и в RF II, 291—307; *Iokl N.* в RF II, 246—67; 359—361 (алб.-рум. этюды).

Специальному анализу слов *doagă* и *essim* посвящены статьи *Proso-rovići* в D. III. 629—642 и I. 162—185, а *Pușcariu* излагает судьбу лат. *libet* в рум. яз. (D. III. 397—406), думая видеть отражение его в деиктической частице *-le* в наречиях. На страницах *Arhiva* этимологиям посвящены отдельные этюды *Scriban A.* (именно A. 1921, 69—75 и 238—240, 1922, 49—50; 238—240; 475—478; 1923, 32—34, 182—191; 1924, 36—38; 241—246). Он же дает специальный перечень мадьярских заимствований в румынском языке (A. 1923, 273—286). В журнале *Grai și suflet* этимологиям отводится небольшое место в отделе «*Insemnări și rectificări*» (I, 140—149 и 312—334; II, 148—160 и 346—362; III, 231—252; IV, 146—170 и 381—391), причем здесь

рядом с собственно румынскими являются и латинские и вообще романские. Вовсе нет этимологии в *Codrul Cosminului*. В RF кроме указанных выше дают этимологий *Puşcariu* RF II, 66—72, *Serra* II, 97—98, *Skok*, I 35—44 (румыно-алб. отношения). Общая оценка этимологических изысканий румынских ученых дана выше.

9. Диалектология

Candrea. *Texte meglenite* (Мегленские тексты), GS I, 260—285, II, 100—128.

Записи диалектических текстов в фонетической транскрипции, как-то: рассказов, поговорок, поверий, пословиц, детских песенок и т. п., одинаково ценных для фольклориста и диалектолога.

Candrea. *Viața păstorească la Megleniți* (Пастушеский быт у мегленцев), GS I, 23—38.

Материалы главным образом по пастушеской терминологии мегленских румын (особенно относящейся к овцеводству) с выделением специально мегленских элементов, известных у остальной части румынского народа, и с соответствующими этимологиями.

Candrea. *Glosarul megleno-romîn*, GS III, 175—209.

Меглено-румынский словарь, данный в виде приложения к ранее напечатанному в том же журнале мегленитским текстам.

Dinu T. *Graiul din Țara Oltului*, GS I, 107—139.

Краткое описание фонетики и морфологии говоров трансильванской провинции, ряд текстов и краткий словарик. Тексты даны в обычной румынской (не фонетической) транскрипции.

Herzog și Gherasim. *Glosarul dialectului Mărginean*, C. C. I, 355—404; II—III, 371—428; IV—V, P. 2, 185—260.

Обстоятельный диалектический словарь одного пункта в Буковине, возле Радауд. Предпослано краткое объяснение знаков, употребляемых в транскрипции, которое дает очень поверхностное фонетическое описание говора.

Holban Th. *Fenomene lingvistice din Basarabia*, A. 1928, p. 292.

Заметка о различии наречий *codreni* и *câmpeni* в Бессарабии: первые произносят *hăgam, bălan, mătană lăsat, bătut* и т. п. с *ă*, вторые те же слова с *a*. Вторые сохраняют также архаическую форму местоим. в сочетании с глаголами, именно *lă: l'au ătută-lă, l'am lăsată-lă*.

Jordan I. *Lexicul graiului din sudul Moldovei*, A. 1921, 186—202.

Краткий словарь южно-молдавских особенностей, интересный тем, что с каждым приведенным термином сопоставлен соответствующий термин, употребляемый в Валахии (1-я группа), или указан термин, отличный от обще-молдавского (2-я группа), или даны термины, общие и молдавским и валашским наречиям (3-я группа), или отмечены специфически употребительные на юге, отличные от валашских и северо-молдавских (4-я группа).

Jordan I. Un fenomen fonetic românesc dialectal: ă neaccentuat. (Одна румынская диалектическая фонетическая особенность: неударное ă.), RF. I, 117.

Анализ диалектического явления перехода неударного ă в а. При последующем ударяемом á явление охватывает Буковину, сев. Молдавию, часть южн. Молдавии и Бессарабии, а также известно в отдаленных частях Трансильвании. Без последующего а явление известно в части Буковины и сев. Бессарабии, кое-где в Трансильвании. Мнение, что явления стоят в связи, автор отвергает, рассматривая первое, общераспространенное, как процесс ассимиляции, проявившейся независимо в разных областях. Второе отражает специфическую молдавскую тенденцию к изменению ă в â, которую автор считает чуждой собственно румынскому языку и выводит его из языкового смешения, поскольку оно наблюдается там, где само население смешанное.

Istrătescu A. Texte populare din județul Prahova (Народные записи из Праховского округа), GS III, 153—174; IV, 108—136.

Диалектические записи в фонетической транскрипции с кратким введением о характере диалекта и словарем.

Moroianu E. Din ținutul Săcelelor, GS IV, 310—350.

Фольклорный материал из трансильванского уезда S (область т. наз. Țara Bârsei) с населением, известным под названием мокан; дана небольшая характеристика особенностей диалекта.

Mușlea I. Șcheii de la Cergău și folklorul lor, D. V, 1—50.

Фольклорный материал и характеристика духовной культуры румын-лютеран, известных под названием болгарен, (шкеи) из сел. Чергэу около Блажа.

Papahagi T. Originea muloviștenilor și gopeșenilor în lumina unor texte, GS IV, 195—256.

Фольклорный этюд; из анализа фольклорных материалов, выясняется, что ныне арумунское население двух селений, Muloviște и Gopeși в Болгарии, возле Битоля, в основе своей мегленское.

Papahagi T. Cercetări în Munții Apuseni, GS II, 22—89.

Этнографо-диалектологическое описание населения и диалекта около Abrud, части трансильванских румын в области так наз. Munții Apuseni, известных под именем Мосани и Моți (главным образом последних) с рядом фотографий и фольклорными материалами. Отвергая мысль Денсушяну о возможности видеть в моцах потомков аланов, Папахаджи сам предлагает гипотезу о происхождении этого своеобразного населения из романизованных даков, усиленных притоком колонистов северно-илирийского происхождения. На последнее указывает, по его мнению, наличие ротацизма в диалекте моцов, исходным пунктом которого автор, считает северный Илирик. Надо признать, что гипотеза эта так же мало вероятна, как и аланское происхождение моцов. Ср. Rossetti Étude sur le rhotacisme en roumain, P., 1924.

Rossetti A. Cerecetări asupra graiului românilor din Albania (Изыскание о языке румын в Албании), GS IV, 1—83; 377—380.

Этнографо-лингвистический этюд, посвященный аромунам-фаршеристам, переселившимся в 1925 г. из Албании в Добруджу. Хорошо иллюстрированный и обстоятельный материал с полной библиографией об албанских аромунах и изложением методологических приемов описания диалектов.

Stoian. Texte folklorice din Rîmnicul-Sărat, GS III, 101—132.

Собрание материалов из нескольких селений округа, заселенных так наз. моканами, колонистами из Трансильвании (Treiscaune, Cavaşna, Breten Dawon).

Țenescu. Texte populare din Bistrița — Năsăud, GS II, 328—345.

10. Анализ языка отдельных памятников

Gardaru D. Contribuții privitoare la originea, limba și influența mitropolitului Dosofteiu. A. 1927, № 3—4, 122—149.

Большая часть статьи посвящена языку Досифея: автор находит у него аромунические слова и высказывает соображения о его аромуническом происхождении, далее выясняет архаизмы и неологизмы и показывает влияние его сочинений на позднейших писателей.

Gregorian. Syntagmation nomikón, GS III, 133—152.

Анализ языка печатного сборника законов 1770 г. с греческим и румынским текстом. Автор доказывает — вопреки обычному мнению, — что первоначальный текст был румынский, а с него сделан греческий перевод. Язык памятника чисто валахский, в лексике его интересны иноязычные элементы: греческие, турецкие, славянские, а также французские и итальянские.

11. Палеография и начало румынской письменности

Barbulescu I. Catolicismul iar nu husitismul inițiator al scrierii limbii române, A. 1921, 3—15; 203—217.

В противоположность мнению Йорги, Барбулеску защищает свою точку зрения (высказанную еще в 1902 г. в *Studii privitoare la limba și istoria Românilor*), что первые румынские переводы книг св. писания появились под влиянием католической пропаганды против православия в XIV в., поскольку Венгрия поддерживала из политических соображений основание румынских княжеств. Барбулеску приводит ряд доказательств в защиту того, что католицизм не препятствовал таким переводам, указывая в то же время на отсутствие исторических данных о гуситстве в тех пределах, где его предполагает Йорга (т. е. в Марамуреше). Наконец, те лингвистические особенности первых румынских памятников, на основании которых их приурочивали к сев. Трансильвании, принадлежат, по мнению автора, к собственно румынским типам речи.

Barbulescu I. Inceputurile scrierii cirilice în Dacia Traiana. A. 1922, 161—195.

Автор доказывает, что появление кирилловской письменности у румын относится к периоду времени не ранее XII в., поскольку язык славяно-румынских текстов является средне-болгарским. Начало процесса Барбулеску относит к моменту основания Асенем румыно-болгарского государства. Попутно он рассматривает древнейшие славянские памятники области Дакии (Савина книга, Супрасльская рукопись и Бырладская грамота 1134 г.).

Barbulescu I. Une école littéraire cyrillique inconnue chez les Slaves et les Roumains, A. 1924, 1—14.

В дополнение к установленным Цоневым (История на български език 1) пяти орфографическим школам средне-болгарского периода на основании употребления ъ и ь Барбулеску присоединяет еще шестую, именно не употребляющую конечные ъ и ь как излишние знаки. Эту школу Барбулеску считает католическо-латинского происхождения, возникшей в подражание латинской графике. Памятниками ее он признает богомилские акты, памятники католической миссии, павликианские католические описания в Валахии XVI—XVII вв. и т. д.

Draganu N. Un frâgmet din cel mai vechiu Molitvenic românesc, D. II, 254—326.

Анализ языка и рукописи молитвенника конца XVI века списанного с более раннего оригинала второй половины XVI в.

Draganu N. Manuscrisul liceului graniceresc «G. Coşbuc» din Năsăud și săsisemele celor mai vechi manuscrise româneşti, D. III, 472—509.

Анализ одного рукописного сборника ок. 1640—1650 гг. (копии с оригинала начала XVII в.), доступного для анализа впервые в 1922 г., приводит автора к мысли, что некоторые особенности его языка и графика могут быть отнесены на счет писцов из бистрицких немцев (напр., о вм. oa, е вм. ea, ai вм. а, i вм. i и т. п.), в языке которых наблюдаются сходные явления. Драгану старается подкрепить свои выводы фактами, наблюдаемыми в документах, принадлежащих трансильванским немецким городам. Отсюда Драгану требует пересмотра всего материала в отношении первых памятников румынского языка, учитывая возможность их написания именно немцами-лютеранами в Седмиградьи.

Lacea C. Copiştii Psaltirii Şcheiene, D. III, 461—472.

Аналогичное предыдущей работе заключение о языке копистов Шкейской псалтири, сводящееся в основном к тому, что обльшая часть памятника (лл. 197—530) была скопирована немецким копистом, говорившем на бистрицком диалекте. Лача также настаивает на необходимости ревизии материала с этой точки зрения.

В примечание к этой статье редактор журнала отмечает новые пути, открываемые обеими работами, и высказывает пожелание об издании документов Бистрицкого архива.

Barbulescu I. O metoda de cercetare filologica și pretinsele «săsisme» în vechile texte românești, A. 1925, 1—26.

В противоположность взглядам Драгану и Лача Б. решительно восстает против теории о немецких писцах первых памятников румынского языка. Сам он показывает на текстах, писанных не вполне грамотными современными румынами (письма), что целый ряд ошибок совершенно аналогичного свойства, которые приписывают немцам, встречаются у румын. Вдобавок ряд фактов, приводимых Драгану, находит свое объяснение в графике славянских текстов эпохи, не известных авторам из Дасо-гана, которые в одинаковой степени наблюдаются и в румынских текстах. Его заключение после разбора всех данных, приводимых защитниками «германизмов», таково, что все они до единого являются вполне объяснимыми на румынской почве.

В. РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРОЧИМ РОМАНСКИМ ЯЗЫКАМ

Bogrea V. Span. ninguna 'niciunul' (Испан. ninguno «некто»), D. I, 292—293.

Этимологическая заметка.

Candrea. Quelques noms romans de la prunelle 1. it. prugna, 2. esp. endrina, 3. abr. léčeneč, GS III, 231—235.

Getzler Adele. Note asupra limbii lui Chretien de Troyes (Заметки о языке Кретьена де Труа), RF I, 284—309.

Небольшие заметки, касающиеся употребления *e* и *e* у Кретьена, различия в произношении *-uel* и *-uel'*, форм *Conj. Praes. venir* и *tenir*.

Herzog E. Franç. maintenant, prov. mantenen. RF II, 79—96.

Происхождение и значение слов.

Jordan I. Notiunea «muncă» în limbile romanice (Обозначение «труда» в романских языках), A. 1922, 216—237.

Сравнительный лексикологический этюд.

Leite de Vasconcellos. Alguns topónimos portugueses, RF I, 33—34.

Несколько этимологий

Serra G. Per la storia del cognome italiano. I часть. D. III, 523—550. II часть. D. IV, 517—640.

III часть. RF I, 85—98. Автор исследует собственные и географические имена в северной Италии (Пьемонт).

Spitzer L. «Bestimmter Artikel im Anruf und Ausruf und Verwandtes», RF I, 41—50.

Заметки к соответствующей статье Тоблера в его известных *Vermischte Beiträge zur französischen Grammatik*, Bd. III.

Spitzer L. Frz. «une poile à nulle autre seconde», D. IV, 968—969.

Стилистическая заметка.

Zauner A. Die afrz. Infinitive «querre» und «corre», RF II, 218—227.

Этюд по исторической фонетике.

Г. РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СЛАВИСТИКЕ

Barbulescu I. Din istoricul slavisticii în România. (Из истории славистики в Румынии), А. 1928, 232—244.

Историко-библиографический очерк о работах румынских славистов, начиная с 60-х гг. до настоящего времени. Автор упоминает Хыждеу, Мельхиседека, Одобеску, Чихака, Точилеску, Крепу, Богдана, себя и своих учеников, а также ученых, занимающих ныне кафедры в румынских университетах (Попович в Клуже, Драгомир, Нандриш в Черновцах).

Barbulescu I. La langue slave du Nord et du centre de la Macédoine et celles des documents valakoslaves, А. 1923, 287—326.

Автор защищает свои взгляды, высказанные еще в 1912 г. против критики Младенова (в *Rocznik Slaw.* 1914/15, стр. 132). Автор считает, что критик искажает его данные, и подчеркивает, что он стоит за сербский характер языка Македонии не из политических соображений, а на основании исторических и лингвистических данных.

Barbulescu I. Originea «chestiei ucrainiene» e în Rusia nu în Austria (Происхождение «украинского вопроса» в России, не в Австрии), А. 1922, 50—63.

Dragomir S. Câteva urme ale organizației de stat slavo-român (Несколько следов организации славяно-румынского государства), D. I, 147—161.

Опираясь на сохранение слова жупы в некоторых местных названиях Баната, автор считает это остатками славяно-румынской организации IX в. Местные названия Ohaba, Ohabița в Банате и южной Трансильвании показывают вероятно пределы распространения этой организации, как наличие земляных крепостей и засек в Трансильвании свидетельствуют о западной границе его до прихода сюда мадьяр.

Nandriș Gr. Despre genitivul-acuzativ slav (О славянском род.-винит. падеже), RF I, 346—353.

Автор защищает происхождение формы слав. родительного падежа из древнего отложительного.

Nandriș Gr. Contribuție la morfologia verbului slav: Aspecte verbale în Evangheliar slav de la Putna (S. XIII—XIV), C. C. I, 175—277.

Подробная описательная работа, посвященная анализу видовых глагольных форм в Пугнинском евангелии XIII—XIV в.

Nandriș Gr. Unitatea lingvistica a popoarelor slave, C. C. II/III, 577—604.

М. В. Сергиевский

ХРОНИКА

Первая всесоюзная курдоведческая конференция и проблема литературного языка курдов СССР

С 9 по 14 июля 1984 г. в Эривани состоялась Первая всесоюзная курдоведческая конференция, созванная ЦК НА и правительством ССР Армении по инициативе широких масс трудящихся курдов, культработников и курдоведов.

Участие на конференции значительной части научных работников в области курдоведения, курдской советской интеллигенции и представителей всех районов, населенных советскими курдами, обеспечив исключительного делового характера работ конференции, позволило ей не только подвести итоги проделанной на фронте культстроительства курдов СССР работы, но и вскрыть основные недочеты этой работы, наметить пути ее дальнейшего развития.

Стержневой темой всех работ конференции была без сомнения проблема литературного языка курдов Союза. Этой теме было посвящено большинство докладов, в связи с этой темой разворачивались самые оживленные прения, к этой теме приурочена большая часть резолюций конференции. И это далеко не случайно: проблема литературного языка является наиболее актуальной, наиболее существенной и вместе с тем наименее ясной, наименее разрешенной и в курдоведении и в курдском культстроительстве.

Курдский язык в качестве литературного языка только еще пробивает себе дорогу, только нащупывает пути своего развития, только завоевывает себе право на существование. Курдская литература только пытается встать в общие ряды мировых литератур.

В условиях реальной курдской действительности подчас трудно провести грань между литературным произведением и колоссальной сокровищницей курдского фольклора, памятники которого бытуют не только в курдской среде, но и в среде окружающих народов — армян, персов, турок, сирийцев, арабов.

Это исключительное фольклорное богатство курдов, до некоторой меры объясняемое почти поголовной неграмотностью на родном языке (в некоторых курдских конфессиональных образованиях, напр., в езидстве, неграмотность даже декретирована религиозными установлениями), подчас окончательно поглощает в себе литературное произведение, как оно растворило в себе фольклор отдельных народов. Именно в этом факте гипертрофии фольклора у курдов следует искать объяснения большей классовой окрашенности последнего, большей зависимости фольклорных памятников как по тематике, так и по языку от господствующих классов курдского общества, использовавших фольклор как один из факторов воздействия на широкие массы курдских скотоводов и земледельцев.

Между тем, отдельные памятники курдской литературы имеют больше чем тысячелетнюю давность. Еще в начале XI в. в Шемдинане писал на курдском языке Али Харирский, диван которого, дошедший до наших дней, известен только в рукописях. После него на протяжении XIII—XV вв. следует непрерывающаяся цепь курдских поэтов, из которых крупнейшими и популярнейшими являются Ахмед Мулла Джебзирский — первоклассный лирик и незаурядный стилист, Факи Тейранский, писавший под псевдонимом Мим-Хай, и Мулла Батейский из Хеккари.

Все эти поэты подготовили появление курдского «Фердоуси» — Ахмеда Ханийского, родившегося в 1591 г., в Хеккари и умершего в Баязете в 1652 г. Ахмед Ханийский известен

не только как автор крупнейшей эпической поэмы «Мам и Зин», но и своей великолепной лирикой, местами столь близкой к непревзойденным образцам джеляль-эддиновского дивана Шемса Тавризского. В своей литературной деятельности Ахмед Ханийский, повидимому, совершенно сознательно опирается на такого крупного персидского лирика, как Джеляль-эддин Румийский, творчество которого своими корнями несомненно уходит в народную лирику Малой Азии, т. е. связано с тем субстратом, лучшими образцами которого являются произведения курдского фольклора. До нас дошли обрывки теоретических произведений Ахмеда Ханийского, по поэтике, в частности, — первый и единственный словарь рифм и размеров курдской поэзии.

Неустанная работа над языком, разносторонняя образованность, несомненная поэтическая культурность, наряду с глубокой интимностью и задушевностью его творчества, с близостью языка и поэтических образов его произведений к народной речи создали Ахмеду Ханийскому заслуженную славу излюбленного курдского поэта и вызвали появление значительного числа подражателей, из числа которых можно назвать Измаила Баязетского, Шереф-Хана Джуламеркского и Мурад-Хана Баязетского. Все эти авторы, так же как и значительная часть современных курдских поэтов за рубежом, и по языку и по форме в сущности продолжают традиции школы Ахмеда Ханийского.

Наряду с этим в юго-восточных районах Курдистана, примерно в XVI—XVIII вв., появляется ряд поэтов, пытающихся с большим или меньшим успехом создавать лирические произведения на курдском языке, опираясь, с одной стороны, на речь курдов этого района (Авромани, Гурани и др.), а с другой стороны, пытающихся взять в качестве образца не литературную традицию Джеляль-эддина Румийского, а творчество другого «нарушителя» традиции персидской классической литературы Баба-Тахира, лирика которого пользуется столь большой популярностью в широких слоях той части населения Ирана, которую еще не вполне ассимилировал современный новоперсидский язык и где сохранились еще так называемые «наречия», временами столь близкие к нормам курдской речи.

Лучшими представителями литературы этого направления следует безусловно признать живших в XIX в. поэтов Нали, Курди, Салима и Кадира Койского.

Таким образом, уже в самый момент своего зарождения курдская литература, оттолкнувшись от своей старшей сестры, персидской литературы, утвердила себя как естественную наследницу тех основных течений последней, которые воспринимали себя и воспринимались как нарушители больше чем тысячелетней традиции классической новоперсидской литературы. Подобно этому и язык курдской литературы до последнего времени, опираясь в большей или меньшей степени на живую речь авторов литературных произведений, тяготел к языковым нормам указанных выше ветвей персидской литературы.

Наряду с этим следует учесть также, что курдская литература вплоть до последнего времени, за исключением небольшого числа авторов вроде Ахмеда Ханийского, Муллы Ахмеда Джезирского, Нали и др., произведения которых растворились в курдском фольклоре, была доступна только узкому кругу курдских феодалов и незначительной прослойке национальной интеллигенции.

В массе же, входя в состав иновациональных государственных образований, курды оставались бесписьменной народностью, верхушка которой, срачиваясь с господствующими классами господствующих национальностей, использовала язык этих национальностей (турецкий, персидский, арабский и в некоторых случаях армянский) в качестве литературного языка, в качестве языка культуры и политической жизни.

Только начавшееся в конце прошлого столетия младокурдское движение с самого момента своего возникновения пыталось и пытается, правда не всегда успешно, использовать те или иные формы курдского языка в своих целях. Только в XIX в., а главным образом уже после мировой войны, постепенно складываются два культурных курдских центра: один в Дамаске, где издается и переиздается курдская литература, близкая по своим языковым традициям к школе Ахмеда Ханийского, и второй — в Багдаде, где сосредоточивается издание литературы с баба-тахировской традицией.

Дамасская литература за последние годы перешла на латинский шрифт, выработанный применительно к латинице анатолийско-турецкого языка. Багдадская литература издавав-

шаяся одно время на реформированном арабском алфавите, также переходит с 1933 г. на латинизированный алфавит, составленный применительно к местной полиграфической базе и фонетическим особенностям южно-курдских наречий. Дамасская литература обслуживает, в основном, курдов Сирии и Турции, багдадская — курдов Ирака и Ирана.

В царской России курды принадлежали к числу наиболее отсталых народностей; грамотность на родном языке среди русских курдов равнялась нулю, грамотность на других языках не превышала нескольких процентов.

Только советизация курдских районов, только проводимая советской властью и коммунистической партией ленинская национальная политика поставила на очередь и разрешила проблему массовой курдской письменности. На первом этапе создания курдской письменности, в связи с территориальной разобщенностью отдельных курдских массивов Союза, входящих в состав Армении, Грузии, Аджаристана, Нахкрая, Азербайджана и Туркмении, в связи с различием социально-экономических условий и культурного окружения в них, естественно, что речь шла только о создании грамоты и букварей узко-локального значения, не выходящих в своей языковой базе за пределы говора, диалекта данного массива. Так, в 1928 г. была создана письменность на языке курдов Армении, впоследствии использованная ввиду языковой близости и курдами Нахкрая и Грузии; так появилось в 1931 г. несколько книг на языке курдов Азербайджана и в 1933 г. была сделана попытка к созданию письменности для курдов Туркмении.

Однако, уже с 1932 г., когда в ряде районов расселения советских курдов грамотность на родном языке стала заурыдным явлением, когда в связи с ликвидацией эксплуатирующих классов на базе начавшейся коллективизации скотоводческих и земледельческих форм сельского хозяйства начался экономический, а вслед за ним и культурный подъем, когда на заводах Армении и Грузии появился курдский пролетариат, когда выросла и окрепла прослойка трудовой советской интеллигенции, на очередь естественно встал вопрос о создании более мощной курдской советской литературы, могущей вместить и отобразить сложение новой национальной по форме и социалистической по содержанию курдской культуры. Вместе с тем, естественно встал вопрос и о языке этой литературы на ее новом этапе, о литературном языке курдов СССР.

Обычные теоретические и практические трудности при разрешении этих вопросов усугублялись еще слабой изученностью языков и диалектов Курдистана, а также тем обстоятельством, что в численном отношении курды Союза (около 100 000 чел.) представляют бесспорное меньшинство по сравнению с 3 миллионами зарубежных курдов.

Поэтому-то проблема создания советской курдской литературы и языка этой литературы, проблема взаимоотношения их с языком и литературой зарубежных курдов явилась актуальнейшей проблемой конференции, поэтому-то разрешение этой проблемы воспринималось всеми участниками конференции как своеобразный экзамен на политическую и культурную зрелость советских курдов, поэтому-то любой вопрос, возникавший на конференции, разрешался, с учетом его значения в разрешении этой основной на сегодняшний день проблемы курдской советской культуры.

И, надо сказать, что несмотря на все ставшие на ее пути трудности как методологического, так и практического порядка, конференция, в основном, с честью вышла из всех затруднений, успешно разрешив поставленные перед ней вопросы. Удалась эта конференция потому, что при исключительно деловом подходе к разрешению всех возникавших вопросов частного характера конференция сумела поставить проблему создания литературного языка курдов СССР не как узко-лингвистическую проблему выбора «ведущего», «лучше сохранившегося», «наиболее чистого» и т. д. диалекта в качестве базы для этого языка, не как узко-литературоведческую проблему предпочтения языковых норм, уже нашедших свое отражение в уже созданных литературных произведениях, а как политическую проблему создания языка советской курдской культуры, создания языка, доступного и понятного широким массам трудящихся курдов.

Поэтому, когда конференция указала на язык курдов Армении как на базу вновь создаваемого литературного языка, то она одновременно подчеркнула:

1. значение этого языка как языка нарождающегося курдского пролетариата в Тифлисе, Ленинакане, на Алавердинских заводах;

2. наличие значительной группы курдской советской интеллигенции, принимавшей и принимающей участие в создании и разработке этого языка;

3. возможность использования лучших образцов классической курдской литературы (Ахмед Ханский и его школа) в качестве литературного и языкового фонда в виду типологической близости языка курдов Армении к этим произведениям классической курдской литературы;

4. наличие богатого фольклорного материала на языке курдов Армении;

5. сравнительно значительную (несколько сотен книг, регулярно издающаяся газета) литературу на этом языке, благодаря чему в нем уже начали вырабатываться советские языковые и литературные традиции.

Одновременно, конечно, встал вопрос о взаимоотношениях литературного языка советских курдов с литературными языками курдов зарубежных. Курды СССР, еще недавно наиболее отсталая группа в курдском культурном движении, превратилась в результате правильной ленинской национальной политики, в результате своего активного участия в строительстве новой, невиданной еще культуры — культуры социалистического общества — в передовой отряд курдской культуры, блестящим доказательством чего служит хотя бы настоящая конференция, на которой еще вчера неграмотные курдские пастухи и колхозники обсуждали будущее своего языка, своей культуры, на которой бывший батрак, теперь аспирант ГАИМК, выступал с научным докладом.

С другой стороны, вряд ли можно сейчас говорить серьезно о культурной значимости загнанной в подполье агентами международного империализма курдской зарубежной литературы не только для советских курдов, но и за рубежом.

Поэтому, используя наряду с доставшимися в наследство от феодального периода образцами курдской классической литературы, наряду с памятниками курдского фольклора, и ряд несомненных достижений в области техники и словотворчества, и письма зарубежной курдской литературы, литературный язык курдов СССР не должен, да и не может, слепо подражать остановившимся в своем развитии и деградирующим языкам и литературе зарубежных курдов.

Наоборот, конференция совершенно определенно выставила в качестве очередной задачи языкового строительства курдов СССР превращение литературного языка советских курдов в литературный язык трудящихся всего Курдистана.

Однако, указав на язык курдов Армении как на базу для создания литературного языка курдов СССР, конференция немедленно же указала и на те недочеты, которые мешали до сих пор литературе и языку курдов Армении занять доминирующее положение в качестве литературы и языка курдов всего Союза. Основными недочетами по мнению конференции являются:

1. недостаточная понятность ряда изданных в Армении литературных произведений для широких масс трудящихся курдов, что является результатом низкой квалификации литературных работников и переводчиков и недостаточным знакомством их с курдским языком;

2. как следствие той же причины ряд случаев засорения языка явно неудачной терминологией, созданной вне учета интернационального характера развития языков Советского Союза;

3. неразработанность орфографии, недостаточное богатство и гибкость терминологии и ряд недочетов в алфавите как результат неразработанности грамматики языка курдов СССР;

4. намечившаяся было тенденция некоторых работников на литературном фронте осуществлять в качестве «реформы» давно уже осужденный в советской языковой практике мелкобуржуазный лозунг «пиши, как слышишь», как результат отсутствия достаточной партийной и классовой бдительности на языковедном фронте;

5. столь же вредная и опасная тенденция объявить язык курдов Армении в его теперешнем состоянии уже созданным, готовым литературным языком курдов СССР. Тенденция эта поддерживалась теми же мелкобуржуазными слоями курдской интеллигенции и явно

связана с индо-европейскими концепциями о «наиболее чистых», «лучше сохранившихся» и т. д. языковых формах.

В силу этого конференция одновременно с рядом совершенно конкретных указаний по изживанию и исправлению указанных недочетов приняла следующие весьма существенные решения:

1. о немедленном упорядочении терминологической работы на основе общепринятых для языков Советского Союза принципов, т. е. исходя из интернационализации языка наряду с возможно полным использованием всех заложенных в данном языке возможностей словотворчества;

2. о необходимости, наряду с твердым курсом на обогащение языка терминологией интернационального и советского значения, учета локальных особенностей языка курдов экономически и территориально далеких районов, что должно выражаться в предоставлении большей языковой свободы при составлении начальных учебников и книг массового характера (конечно, только при условии употребления их в пределах данного района);

3. о возможно скорейшем написании научной и практической грамматик литературного языка курдов СССР; доклад выделенной для этой цели бригады конференции постановила заслушать на второй всесоюзной курдоведческой конференции;

4. считать необходимым временно воздержаться от коренной ломки алфавита и системы орфографии, связав обсуждение этих вопросов с обсуждением результатов работ бригады по грамматике на второй всесоюзной курдоведческой конференции.

Те же соображения о значении литературного языка как одного из мощных факторов культурного расцвета обусловили по существу интерес к остальным проблемам неязыкового характера, поставленным на конференции; так, доклад т. А. Шамилова о социально-экономической структуре курдского общества вызвал ожесточенные и бурные прения, смысл которых сводился к желанию показать и обосновать в историческом аспекте наличие курдской национальной культуры в прошлом. Тем же интересом к своему прошлому, как фундаменту для построения будущего, продиктовано обращение конференции к Институту востоковедения АН СССР с просьбой взять на себя издание перевода курдской летописи Шериф-наме и к Институту языка и мышления с просьбой принять на себя руководство по разработке методологических проблем по развитию курдского литературного языка и по изданию серии памятников классического периода курдской литературы.

О. Вильчевский

Ю. Н. Мapp

Ю. Н. Марр

1 декабря в Абастумане скончался после продолжительной болезни известный ученый востоковед проф. Ю. Н. Марр.

Его безвременная смерть — тяжелая утрата для советской иранистики, потерявшей одного из лучших знатоков в области иранского языкознания и литературоведения.

Сын основоположника нового учения о языке и мышлении акад. Н. Я. Марра, Юрий Николаевич уже с детских лет находится в обстановке, максимально способствовавшей развитию его унаследованных от отца лингвистических талантов. Блестящее знание родных с детства языков Закавказья сочетается у Юрия Николаевича в годы учебы с не менее блестящей востоковедной научной подготовкой, полученной им в СПб. университете под непосредственным руководством таких корифеев русской востоковедной школы как его покойный отец, академики В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и проф. В. А. Жуковский.

Талантливый филолог, успешно продолжавший намеченную его отцом сложную работу по выяснению генезиса и характера ирано-грузинских культурных связей средневековья, Юрий Николаевич, изучая произведения персидских поэтов Низами, Хакани и величайшее произведение грузинской литературы «Витязя в барсовой шкуре» Шоты из Руставы, умеет одновременно находить в сокровищнице иранской литературы все новые и новые перлы, новые проблемы, новые факты.

В 1925—1926 г. Академия Наук СССР командирует Ю. Н. Марра в Иран. Эта поездка, познакомившая молодого ученого с культурными кругами и интересами современного Ирана, с иранскими учеными, литераторами, литературоведами, вместе с тем познакомила иранскую общественность с новым типом ираниста — с советским иранистом, лучшим образцом которого несомненно являлся Юрий Николаевич.

Иранская общественность не могла не полюбить этого талантливого знатока и пламенного энтузиаста иранской культуры, не могла не признать его своим, родным, далеко не похожим на обычного европейского «востоковеда», смотрящего на восток с обязательным оттенком презрительного превосходства и колониально-экзотического любопытства.

Вернувшись в СССР Юрий Николаевич с жаром принялся за обработку научных результатов своей поездки, но фамильная черта научного

рода Марров — непомерная работоспособность, на этот раз оказалась для него роковой: и без того слабое здоровье Юрия Николаевича не выдержало этой нагрузки, начался активный процесс туберкулеза и он вынужден был покинуть Ленинград и поселиться в Абастумане.

Несмотря на болезнь, подтачивавшую его организм, научная деятельность Ю. Н. Марра могла быть примером для всякого ученого. За эти годы, помимо ряда работ по вопросам средневековой и современной литературы Ирана, помимо работ по персидскому языку, из числа которых отметим его деятельность по созданию аналитического персидского алфавита, Юрий Николаевич проводит большую подготовительную работу по коллективной разработке научного персидского словаря. В 1934 г. Юрий Николаевич уже выпускает в Тифлисе первый том подготовительного издания этого словаря.

В 1934 же году Юрий Николаевич в составе советской делегации едет в Иран на празднование 1000-летия Фердовси. О роли Ю. Н. Марра на этом мировом конгрессе иранистов лучше всего свидетельствуют ряд восторженных статей в персидской прессе, посвященных его докладу на тему о персидской метрике, и та исключительно теплая встреча, которая была ему оказана иранской общественностью.

Вся жизнь Ю. Н. Марра, вся его кратковременная научная деятельность была подлинным образцом деятельности советского ученого, каждое слово которого является горячим призывом к лучшей жизни, к радостному труду, к труду как делу чести, делу славы.

Юрия Николаевича не стало. Советские иранисты понесли большую утрату. Но как сказал его отец и как любил повторять сам Юрий Николаевич — «коллектив живой воскрешает мертвых». Дружные коллективные усилия его товарищей по работе должны помочь завершить то, что не удалось довести до конца так рано угасшей жизни талантливого ученого.

40-летие научной и общественно-педагогической деятельности проф. Н. М. Каринского

5 декабря 1935 г. состоялось общее собрание сотрудников Института Языка и Мышления им. Н. Я. Марра, посвященное сорокалетию научной и общественно-педагогической деятельности председателя диалектографической Комиссии ИЯМ члена-корреспондента АН СССР проф. Н. М. Каринского. С обширным докладом «К сорокалетию научной и общественно-педагогической деятельности Н. М. Каринского» выступила Е. А. Комшилова. С характеристикой работы Н. М. Каринского выступили акад. Б. М. Ляпунов, проф. С. П. Обнорский, проф. Л. В. Щерба, Ф. П. Филин, Д. Д. Димитров, И. И. Солосин (ИЯМ), К. П. Суханов (Кировский Пед. Институт) и т. Духнов (Барнаульский Пед. Институт). Б. М. Ляпунов и С. П. Обнорский подчеркнули значение палеографических познаний Н. М. Каринского и изданных им пособий по древне-русской и древне-болгарской письменности. Л. В. Щерба и И. И. Солосин подробно остановились на педагогической деятельности юбиляра, Ф. П. Филин и Д. Д. Димитров указали, что Н. М. Каринский — один из немногих руссифов старой школы, за последнее время ставших на новые методологические рельсы, и что представители нового учения о языке и вся советская общественность окажут юбиляру всяческую поддержку в его дальнейшей работе. На собрании были зачитаны приветствия Н. М. Каринскому от различных организаций и отдельных лиц. Собрание послало приветствие юбиляру и приняло постановление просить через Президиум АН Совнарком СССР о присвоении Н. М. Каринскому звания заслуженного деятеля науки.¹

¹ В декабре месяце проф. Н. М. Каринский скончался после продолжительной болезни. Институт Языка и Мышления подготавливает сборник, посвященный памяти покойного ученого.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ, ЗАСЛУШАННЫЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ КАБИНЕТОВ ИЯМ
С 1 СЕНТЯБРЯ 1934 г. ПО 1 ИЮЛЯ 1935 г.

Кабинет общего языкознания

- Г. Ф. Турчанинов. Существует ли склонение в кабардинском языке (10 X 1934)
Д. С. Лихачев. Лексика воровской речи (21 XI)
Н. А. Каганович. О положении языковедческой работы на Украине (26 XII)
Д. В. Бубрих. Спряжение в мордовских языках (17 III 1935)
О. Л. Вильчевский, В. Гумбольдт (совместно с кружком по диамату) (20 IV)
Н. Н. Поппе. Словообразование в монгольском языке (17 V)
Е. С. Истрина. В. Гумбольдт и вопросы грамматики (совместно с кружком по диамату) (22 V)

Кабинет славянских языков и комиссия древне-русского словаря

- Б. М. Ляпунов. Вопросы славянской лингвистики в зарубежной периодической печати (11 IX 1934)
Л. В. Щерба. Основные проблемы изучения словообразования в славянских языках (11 X)
Н. М. Каринский. К вопросу об отношении семантики и звукового оформления в языковом процессе (11 XII)
Л. В. Успенский. Два источника XVII в. по охотничьему языку (29 I 1935)
Ф. П. Филин, Н. Я. Марр и изучение русского языка (23 II)
Е. М. Иссерлин. История значения слова 'двор' в XVI и XVII вв. (23 III)
М. С. Дмитриевский. О кельтском происхождении варягов-русов (25 IV)
Д. Д. Димитров. Вокативные частицы в болгарском языке (29 IV)
С. А. Еремин. Русский лингвистический атлас в части словаря этнографической диалектологии (5 V)
И. К. Зборовский, Н. Я. Марр и изучение украинского языка (II V)

Кабинет кавказских языков

- И. В. Мегрелидзе. Показатели множественности в цезском языке (15 X 1934)
С. Л. Быховская. Именное и местоименное склонение в вайтагском языке (5 XII)
Ш. В. Дзидзигури. Сообщение о юбилейном сборнике Тифлиского университета в честь Н. Я. Марра (5 XII)
Б. Т. Руденко. К вопросу о функциональной природе одного из показателей множественности в грузинском языке (5 I 1935)
В. А. Куприянова. Материалы по понтийскому словарю (15 I)
И. В. Мегрелидзе. Термины виноградарства и виноделия в грузинском языке, инципиющего происхождения (7 II)
И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр — халдовед (15 III)
Р. М. Шаумян, Марр — арменист (28 III)
В. Д. Дондуа, Н. Я. Марр — грузиновед (5 IV)

- Г. Ф. Турчанинов. Н. Я. Марр — абхазовед (15 IV)
 С. Л. Быховская. Н. Я. Марр и северо-кавказские языки (5 V)
 М. Я. Чиковани. Народный тайный язык (9 V)
 Т. Б. Гониашвили. Из исторической фонетики грузинского языка (19 V)
 И. В. Мегрелидзе. Соотношение шипящего и свистящего слоев в южно-кавказских языках (15 V)

Кабинет индо-иранских языков

- О. Л. Вильчевский. Информационные сообщения о I Всесоюзной курдоведческой конференции в г. Эривани (19 XI 1934)
 В. И. Абаев. Н. Я. Марр и осетиноведение (28 I 1935)
 О. Л. Вильчевский. Н. Я. Марр и курдоведение (28 I)
 В. Д. Дондуа. Н. Я. Марр и персидско-грузинские параллели (28 I)
 И. И. Зарубин. Н. Я. Марр и изучение вершицкого языка (28 I)
 О. Л. Вильчевский. Новый вариант езидской молитвы (28 IV)
 С. П. Олферьев. До-исламские культы и религии восточных вилайетов Малой Азии (28 IV)
 С. И. Климчицкий. К диалектологии ягнобского языка (10 V)
 С. И. Климчицкий. О «секретном» языке у ягнобцев (10 V)
 В. И. Абаев. Сообщение о поездке в Осетию (28 V)
 В. И. Абаев. Alanica (28 V)
 И. И. Зарубин. Ваханские тексты (28 VI)
 О. Л. Вильчевский. К истории термина «курд» (28 VI)

Кабинет семито-хамитских языков

- Н. В. Юшманов. Местоимение и классовый показатель в семито-хамитском языке (19 X 1934)
 И. Г. Лившиц. О надписи на цилиндре Джосера
 В. В. Струве. Языковые данные об иудейской колонии в Элефантине (XI)
 И. Г. Лившиц. Хеттские иероглифы (XII)
 Н. В. Юшманов. Сибилянтная аномалия в числительных новоабиссинского языка тигринья (Tigrina) (21 III 1935)

Группа германских языков

- М. М. Гухман. Brettschneider «Heliand» (реп.) (15 XI 1934)
 С. Д. Кацнельсон. Супплетивы местоимений в германских языках и генезис номинативного предложения (21 I и 27 I 1935 г.)
 М. М. Гитлиц. Процесс реализации славянских заимствований в языке «идиш» (3 II)
 С. Д. Кацнельсон. Н. Я. Марр и немецкий язык (7 V)
 М. М. Гухман. Н. Я. Марр и готский язык (7 V)

Группа финно-угорских языков

- Д. В. Бубрих. О происхождении склонения в финно-угорских языках (23 XI 1934)
 Д. В. Бубрих. О гармонизации гласных в мордовских языках (26 XI)
 Д. В. Бубрих. О происхождении склонения в финно-угорских языках (28 XI)
 Беляков. Отчет о диалектологической поездке к карелам Московской области
 Д. В. Бубрих. Глагольные времена в карельском языке (5 XII)
 А. А. Беляков. «Иррациональности» в употреблении числовых категорий в карельском языке (5 XII)

- Т. П. Миронов. Семантика эрзя-мордовских образований на кс (17 XII)
 Учватов. Мордовское урвья — невестка (17 XII)
 Д. В. Бубрих. К вопросу об «арийской» чистоте германцев (11 I 1935)
 В. Н. Ильинский. Советская литература о финно-угорских языках (23 I)
 М. М. Хямяляйнен. Отчет о поездке в весьегонским карелам (17 II)
 Цыганов. О перспективах связи лингвистических научных учреждений Ленинграда и Мордовии (17 II)
 С. П. Жуйков. О словарных работах в Удмуртской АССР (29 III)
 А. И. Попов. Критика работ по восточно-европейской топонимике (17 IV)
 П. Г. Балакин. Из области мордовского синтаксиса (26 IV)
 В. А. Андрюхагин. Категории слов в мордовских языках (13 V)
 Д. В. Бубрих. Происхождение вторичных падежей в финно-угорских языках (15 V)
 М. М. Хямяляйнен. Вопросы унификации вепсского литературного языка (23 V)
 В. И. Юнус. Высказывания Снелльмана (28 IV)

Группа турецких языков

- С. С. Джигия. Языковые особенности рукописи XVII в. «Кануннаме Гюрджистанского вилайета» (31 I 1935)
 С. Е. Малов. Предпринимаемое ИВ и ИЯМ АН издание турецких словарей (31 I)
 А. Н. Кононов. Новое в словотворчестве турок (31 I)

Группа африканских языков

- И. Л. Снегирев. Материалы по современной социально-экономической терминологии в языках Зулу, Коса и Суто (21 IV 1935)
 П. В. Юшманов. Схождения в фонетике африканских и яфетических языков (7 IV)

Сектор устной литературы первобытного общества

- С. С. Советов. «Разлука» как метафора «смерти» в сербской сказке (9 XII)
 В. В. Струве. Миф об Ира (29 I 1935)
 А. Н. Улитин. О работе по фольклору сектора народов севера ДВФ АН
 С. Е. Малов. Фольклор желтых уйгуров (5 V)
 О. Л. Вильчевский. Космогонические воззрения езидов.
 И. Г. Франк-Каменецкий. Адам и Пуруша (27 VI)

Вне кабинетов

- Х. К. Джубанов. О работах по языку в Казахстане и вопросах реформы казахской орфографии (17 II 1935)

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ИМ. Н. Я. МАРРА

- «Язык и Мышление» I (сборник) 1933 (*распродано*). Ц. 4 р. 50 к.
«Язык и Мышление» II „ 1934 (*распродано*). Ц. 8 р.
«Язык и Мышление» III—IV „ 1935. 343 стр. Ц. в пер. 14 р. 50 к.
«Язык и Мышление» V „ 1935. 160 стр. Ц. в пер. 8 р. 50 к.

«ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ»

- Том 1. И. И. Мещанинов. Язык ванских клинописных надписей. 1932 (*распродано*). Ц. 5 р. 50 к.
Том 2. «Тристан и Исольда», сборник. 1932 (*распродано*). Ц. 5 р.
Том 3. Ю. В. Бунаков. Гадательные кости из Хенани. 1935. 107—VII стр. Ц. 6 р.
Том 4. С. Д. Кацнельсон. О генезисе номинативного предложения. 1936. 111 стр. Ц. 4 р.
Том 5. М. В. Сергиевский. Молдавские этюды. 1936. 80 стр. Ц. 3 р.
Том 6. Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров. 1936. 208 стр. Ц. 8 р.
Том 7. Н. А. Белгородский. Современная персидская лексика. 1936. 112 стр. Ц. 5 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- «Язык и Мышление» VIII, сборник, посвященный памяти Н. Я. Марра.
В. И. Абаев. Мировоззрение Авесты и Риг-Веды.
А. Н. Генко. Материалы по лезгинской диалектологии.
И. И. Зарубин. Бартагские и рушанские тексты.
В. И. Абаев. Из осетинского фольклора.
С. Е. Малов. Материалы по языку желтых уйгуров.
И. И. Цукерман. Материалы для курдской грамматики.
«Africaana». Сборник по африканским языкам.

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Подготавливаются к печати: Т. I и II. Буквы А и Б.